

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№12 2022 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

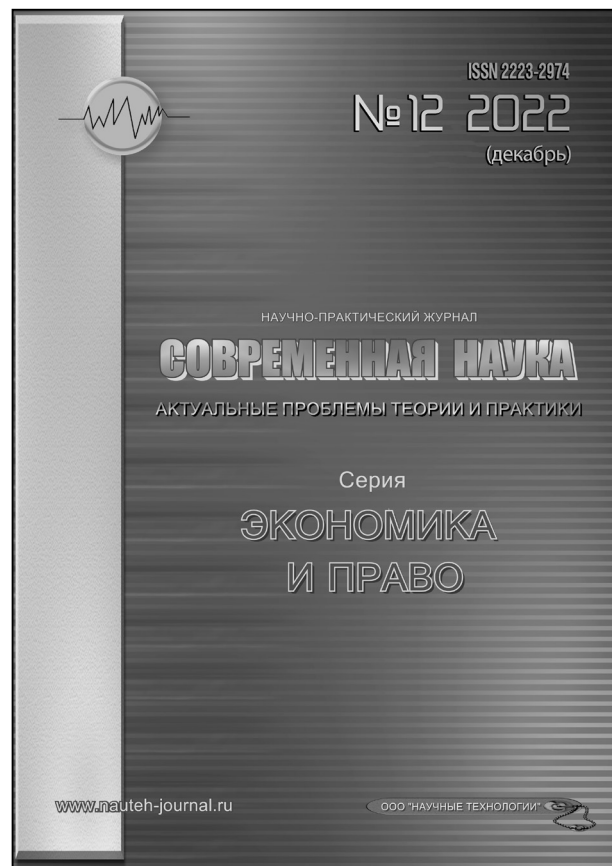
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 21.12.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

От редакции..... 6

Экономика

Акимов А.А., Кисткина Н.Ю. —

Совершенствование бухгалтерского учета операционной аренды в коммерческих организациях

Akimov A., Kistkina N. — Improving the accounting of operating leases 7

Грачев А.В., Литвиненко А.Н., Сикорская Л.В. —

Методика анализа и прогнозирования угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов, связанных с утратой платежеспособности, финансовой устойчивости и банкротством

Grachev A., Litvinenko A., Sikorskaya L. — Methodology of analysis and forecasting of threats to economic security of economic entities associated with loss of solvency, financial stability and bankruptcy 12

Зайнутдинова Е.Д. — Методика управления портфелем дебиторской задолженности

Zaynutdinova E. — Account receivable management methodology 18

Закондырин А.Е. — Концептуальное видение роли стейкхолдеров и модели взаимодействия в эколого-ориентированных проектах

Zakondyrin A. — Conceptual vision of the role of stakeholders and models of interaction in eco-oriented projects 23

Зубкова С.В. — Развитие регулирования систем управления рисками и капиталом в кредитных организациях и банковских группах

Zubkova S. — Development of regulation of risk and capital management systems in credit institutions and banking groups 28

Кирова Е.А., Курченко А.А. — Анализ методик финансового анализа экологических организаций

Kirova E., Kurchenko A. — Analysis of methods of financial analysis in environmental organisations 32

Клековская С.Р. — Особенности «зеленой» трансформации экономики Франции

Klekovskaya S. — Features of the “green” transformation of the French economy 37

Мельникова Е.Н., Воробьев Д.И., Корягина И.А. —

Системы продвижения услуг общественного питания в современных условиях

Melnikova E., Vorobyev D., Koryagina I. — Systems of promotion of public catering services in modern conditions 40

Михайлов М.В. — Развитие инфраструктуры в условиях кризиса и импортозамещения

Mikhailov M. — Development of infrastructure in the conditions of the crisis and import substitution 44

Полежаев П.А. — Совершенствование управления кредитным портфелем в коммерческих банках как фактор развития в период рецессии экономики в России

Polezhaev P. — Improving loan portfolio management in commercial banks as a development factor during the economic recession in Russia. 48

Рутковская В.С. — Интеграционные процессы в азиатско-тихоокеанском регионе: ключевые особенности и вызовы для России

Rutkovskaya V. — Integration processes in the Asia-Pacific region: key features and challenges for Russia 53

Саврин А.Ю. — Влияние визуализации данных в процессе внутреннего аудита и принятия решений

Savrin A. — Data visualization impact on internal audit and decision-making processes. 57

Самигулина Н.А. — Оценка значимости фармацевтической промышленности и приоритетные задачи сферы здравоохранения <i>Samigulina N.</i> — Assessing the importance of pharmaceutical production and the healthcare sphere's foreground goals.63	Право
Турищева Т.Б. — Стратегические ориентиры повышения эффективности внутреннего финансового контроля расходов автономных учреждений в России <i>Turishcheva T.</i> — Strategic guidelines for improving the efficiency of internal financial control of expenditures of autonomous institutions in Russia ... 70	Абед Акил Висам Абед — Гражданский иск как способ возмещения вреда в уголовном законодательстве <i>Abed Akil Visam Abed</i> — Civil action as a way of compensation for harm in criminal law98
Фурсов А.Л., Воробьев Д.И., Березняковский В.С. — Государственная политика в сфере профориентации: отечественный опыт прошлого и перспективы на будущее <i>Fursov A., Vorobyev D., Bereznyakovsky V.</i> — State policy in the field of career guidance: domestic experience of the past and prospects for the future74	Василькова С.В. — Актуальные проблемы законодательного регулирования строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом <i>Vasilkova S.</i> — Actual problems of legislative regulation of construction and operation of Russian energy facilities abroad.....102
Хачатурян А.А., Николаенко А.В. — Атомный энергопромышленный комплекс Российской Федерации в условиях усиления конкуренции и реализации «зелёного курса»: системные условия и перспективы развития <i>Khachatryan A., Nikolayenko A.</i> — Nuclear power industry complex of the Russian Federation in the context of increased competition and the implementation of the «green course»: system conditions and development prospects79	Владимиров В.Ю., Фомина Т.В. — Понятие носителя специальных знаний в Российском уголовном судопроизводстве. Историко-криминалистический аспект <i>Vladimirov V., Fomina T.</i> — The concept of a carrier of special knowledge in Russian criminal proceedings. Historical and forensic aspect110
Чертыковцев В.К., Григорьянц И.А., Акопян Д.А. — Регулирование процессов устойчивости в социально-экономических системах <i>Chertykovtsev V., Grigoryants I., Akopyan D.</i> — Regulation of the process of sustainability in socio-economic systems.87	Гумаров В.Х., Лисковец В.А. — Проблематика валютного контроля в политике деофшоризации <i>Gumarov V., Liskovets V.</i> — The issues of currency exchange regulation in the policy of de-offshorization117
Чертыковцев В.К., Григорьянц И.А., Бобкова Е.Ю., Бабаханов К.И. — Современные подходы к управлению активами в условиях цифровой трансформации <i>Chertykovtsev V., Grigoryants I., Bobkova E., Babakhanov K.</i> — Modern approaches to asset management in the context of digital transformation91	Дворжицкая М.А., Кирикова М.В. — Трансформация статьи 316 Уголовного кодекса Российской Федерации <i>Dvorzhitskaya M., Kirikova M.</i> — Transformation of article 316 of the Criminal Code of the Russian Federation121
	Жуйкова А.А. — Интеллектуальный спор как спор о праве: подходы к пониманию <i>Zhuykova A.</i> — Intellectual dispute as a dispute about law: approaches to understanding126
	Кесаева И.Р. — Криминальный суицид: понятие, признаки, характерные черты и уголовно-правовая характеристика <i>Kesaeva I.</i> — Criminal suicide: concept, signs, characteristic features and criminal law characteristics130
	Климан Ю.А. — Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» <i>Kliman Yu.</i> — Relationship of the concepts “medical service” and “medical care”134

Коноваленко О.Л., Хабуда Е.С. — К вопросу о правовой регламентации генно-инженерной деятельности <i>Konovalenko O., Khabuda E.</i> — On the question of legal regulation of gene-engineering activities139	Олихов Д.В. — Вопрос реституции церковного имущества в развитии государственно-конфессиональных отношений в постсоветский период <i>Olikhov D.</i> — The issue of restitution of church property in the development of state-confessional relations in the post-soviet period174
Краснова В.Ю. — К вопросу получения образцов для сравнительного исследования негласными методами <i>Krasnova V.</i> — On the issue of obtaining samples for comparative research by secret methods142	Палюлин А.Ю. — Регистрация региональных отделений политической партии в условиях режима повышенной готовности <i>Palyulin A.</i> — Registration of regional branches of a political party on high alert mode178
Лиханова И.И., Евстратова Ю.А. — Современные технологии в прогнозировании преступной деятельности <i>Likhanova I., Evstratova J.</i> — Modern technologies in predicting criminal activity148	Поткин А.А. — Невостребованные активы (счета): проблемы регулирования <i>Potkin A.</i> — Unclaimed assets (accounts): regulation issues181
Мазуренко М.А., Отришко Н.С. — Институт судебного примирения: проблемы и перспективы <i>Mazurenko M., Otrishko N.</i> — Institute of judicial conciliation: problems and prospects153	Шония Г.В., Богуславский Д.А. — Исключительная компетенция арбитражных судов, как одно из средств реализации принципа доступа к правосудию <i>Shoniya G., Boguslavsky D.</i> — The exclusive competence of arbitration courts as one of the means of implementing the principle of access to justice186
Мартынова С.В. — Централизация и децентрализация системы кассационных судов общей юрисдикции и их влияние на качество отправления правосудия <i>Martynova S.</i> — Centralization and decentralization of the system of cassation courts of general jurisdiction and their impact on the quality of the administration of justice157	
Марченко А.В., Марченко В.В., Выволокина А.В., Фокина С.И. — Проблемные аспекты отбывания принудительных работ как «нового» вида наказания <i>Marchenko A., Marchenko V., Vyvolokina A., Fokina S.</i> — Problematic aspects of serving forced labor as a «new» type of punishment161	
Мищенко В.И. — К вопросу о роли и значении добросовестности в гражданском праве <i>Mishchenko V.</i> — To the question of the role and significance good faith in civil law165	
Небесная Е.О. — Особенности исполнения судебного решения об усыновлении российских детей иностранными гражданами <i>Nebesnaya E.</i> — Features of the enforcement of the judicial decision on the adoption of Russian children by foreign citizens169	
	СОЦИОЛОГИЯ
	Литовченко О.Г., Литвинова Н.С., Апокина Л.Ю. — Факторы северных регионов и их влияние на здоровье человека (обзор литературы) <i>Litovchenko O., Litvinova N., Apokina L.</i> — Factors of the northern regions and their impact on human health (literature review)191
	Ташлыкова Н.Ю. — Глаголица и кириллица как основы национальной идентичности <i>Tashlykova N.</i> — Glagolica and cyrillic as foundations of national identity197
	Информация
	Наши авторы. Our Authors201
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале204

ПОЗДРАВЛЯЕМ С СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕМ ТАРАНА ВАСИЛИЯ ВИКТОРОВИЧА, ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ГЛАВНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ

Таран Василий Викторович — учёный с серьёзной академической репутацией, активный исследователь, принадлежащий к когорте выдающихся личностей современной России.

Научная биография Василия Викторовича говорит о многогранности его натуры, глубоких научных знаниях и их успешном практическом применении.

Трудовая деятельность Василия Викторовича разнообразна, но чаще всего сопряжена с развитием сельского хозяйства, анализом продуктовых рынков, возобновляемой энергетикой, проблемами природопользования, международными экономическими отношениями.

Василий Викторович родился и работает в городе Москве. Там же окончил среднюю общеобразовательную школу (с химическим уклоном) № 119 и в последствии Географический факультет Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова по специальности «Физическая география зарубежных стран» (физико-географ).

В 1985-м году решением коллегии ВАК СССР Тарану Василию Викторовичу присуждена учёная степень кандидата экономических наук.

В 1990-м году органами государственной аттестации СССР он был утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности «Мировое хозяйство и международные экономические отношения». В современной России данное учёное звание является эквивалентным званию доцента по специальности «Мировая экономика».

В 2001-м году решением президиума ВАК России Василию Викторовичу присуждена учёная степень доктора экономических наук.

В 2002-м году, во время работы в Государственной Думе, ему был присвоен квалификационный разряд государственного советника Российской Федерации 1 класса.

Василий Викторович является ветераном труда. В его послужном списке: работа во Всесоюзном НИИ комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР, во Всероссийском НИИ информации и технико-экономических исследований Российской академии сельскохозяйственных наук, в аппарате Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы Российской Федерации, в Российском Союзе ректоров (РСР) в должности Заместителя Генерального секретаря РСР по экспертно-аналитической работе.

В течение последних пятнадцати лет Василий Викторович успешно решает поставленные перед ним научные задачи в должности главного научного сотрудника Федерального научного центра Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства. Круг его текущей научной деятельности очерчивается вопросами развития инфраструктуры аграрного маркетинга, проблемами энергосбережения и использования возобновляемых источников энергии в России и зарубежных странах, развитием органического сельского хозяйства, влиянием информационно-коммуникационных технологий на развитие аграрной сферы и другими актуальными направлениями, пересекающимися со стратегическими интересами нашего государства.

Научная и общественная деятельность Василия Викторовича отмечена государственными и ведомственными наградами, среди которых: медаль Минобрнауки России «За безупречный труд и отличие», Почётная грамота Министерства сельского хозяйства РФ, Почётная грамота Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, знак отличия «10 лет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», медаль «В память 850-летия Москвы», Почётная грамота директора ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ.

Редакция нашего журнала с глубоким уважением поздравляет юбиляра со столь знаменательной датой и желает здоровья, неугасающего научного огня, всемирного признания!

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА ОПЕРАЦИОННОЙ АРЕНДЫ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

IMPROVING THE ACCOUNTING OF OPERATING LEASES

**A. Akimov
N. Kistkina**

Summary. Purpose: The purpose of the work is to develop recommendations for improving the accounting of operating leases in commercial organizations.

Methods: The following methods were used in the research process: dialectical, comparative law, logical, document study, method of a systematic approach, normative.

Results: Problematic issues arising in the classification of operating leases have been identified. The proposals aimed at clarifying the wording of FSB25/2018 "Lease Accounting" are formulated. The approaches to drawing up the account plans of holding companies in accordance with the FSB and IFRS are proposed.

Conclusions: Based on the results of the study, proposals have been formulated to improve the accounting of operating leases, which will increase efficiency, reduce the complexity of synthetic and analytical accounting, improve the accuracy of the wording of FSB25/2018, reduce the cost of transformation and consolidation of financial statements in accordance with IFRS, and also provide an opportunity to unify the approaches used by various organizations to accounting for operating leases. The results of the study can be used by holding companies in the development of accounting policies, as well as by public authorities to improve the regulatory regulation of accounting for operating leases.

Keywords: IFRS, FSB, operating lease, chart of accounts, mapping.

Акимов Андрей Александрович

Канд. экон. наук, Пензенский государственный университет, г. Пенза
andreiakimow@gmail.com

Кисткина Наталья Юрьевна

Бухгалтер ООО «Водоканал»
Пензенская область, г. Белинский
kistkina1995@mail.ru

Аннотация. Цель: Целью работы является разработка рекомендаций по совершенствованию бухгалтерского учета операционной аренды в коммерческих организациях.

Методы: В процессе исследования использованы следующие методы: диалектический, сравнительного правоведения, логический, изучения документов, метод системного подхода, нормативный.

Результаты: Выявлены проблемные вопросы, возникающие при классификации операционной аренды. Сформулированы предложения, направленные на уточнение формулировок ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды». Предложены подходы к составлению планов счетов холдинговых компаний в соответствии с ФСБУ и МСФО.

Выводы: По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию бухгалтерского учета операционной аренды, что позволит повысить эффективность снизить трудоемкость ведения синтетического и аналитического учета, повысить точность формулировок ФСБУ 25/2018, сократить затраты на трансформацию и консолидацию финансовой отчетности соответствии с МСФО, а также предоставит возможность для унификации подходов, которые применяются различными организациями к учету операционной аренды. Результаты исследования могут быть использованы холдинговыми компаниями при разработке учетной политики, а также органами государственной власти для совершенствования нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета операционной аренды.

Ключевые слова: МСФО, ФСБУ, операционная аренда, план счетов, мэппинг.

Введение

В условиях ужесточения конкуренции для осуществления предпринимательской деятельности коммерческим организациям необходимо современное высокотехнологичное оборудование. Часто коммерческие организации не обладают достаточными финансовыми ресурсами для приобретения необходимого им имущества. В качестве одного из возможных решений указанной проблемы выступает операционная аренда. Операционная аренда позволяет коммерческим организациям получить право пользования на имущество при этом затратив существенно более низкие объемы финансовых ресурсов, чем при приобретении оборудования в собственность.

Операционная аренда представляет значительный интерес как для арендодателя, так и для арендатора. Передача временно неиспользуемого имущества в операционную аренду позволяет арендодателю получить дополнительный доход. Кроме того, для ряда коммерческих организаций сдача имущества в операционную аренду является основным видом экономической деятельности. Для арендатора получение имущества в операционную аренду позволяет оптимизировать затраты, перенаправив финансовые ресурсы на те направления деятельности организации, которые в них наиболее нуждаются. Также операционная аренда позволяет арендатору снизить риски, связанные с владением и приобретением нового имущества.

Реформирование системы бухгалтерского учета в России направлено на конвергенцию федеральных стандартов бухгалтерского учета (далее — ФСБУ) и международных стандартов финансовой отчетности (далее — МСФО), что позволит, помимо прочего, сократить трудоемкость и снизить затраты на проведение трансформации финансовой отчетности. Порядок учета операционной аренды в России регулирует ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», при разработке которого законодатель ориентировался на нормы МСФО (IFRS) 16 «Аренда».

Переход на новый порядок ведения операционной аренды приводит к необходимости совершенствования подходов к организации и осуществлению бухгалтерского учета операционной аренды.

Литературный обзор

Проблемами учета и отражения в отчетности операционной аренды посвящены работы российских и зарубежных ученых: Алборова Р.А., Алексеевой Г.И., Бакуновой Т.В., Белозерцевой И.Б., Кольцовой Т.А., Концевой С.М., Лисовской И.А., Молдобаева Т.Ш., Плотникова В.С., Плотниковой О.В., Трапезниковой Н.Г., Чайка

С.П., Хоружий Л.И., Хоружий В.И., Lin S., Riccardi W.N., Wang C.

Бакуновой Т.В., Кольцовой Т.А., Молдобаевым Т.Ш. по результатам количественного анализа показателей финансовой отчетности определены преимущества применения МСФО (IFRS) 16 при ведении учета операционной аренды [6, с.10]. Белозерцева И.Б. отмечает, что при организации учета операционной аренды необходимо исходить из экономического содержания договора [7, с.17].

По мнению Алборова Р.А., Хоружий Л.И., Концевой С.М., Хоружий В.И. при ведении бухгалтерского учета необходимо четко определить объекты учета аренды, операционную и неоперационную (финансовую) аренду [4, с.116].

По мнению Лисовской И.А. и Трапезниковой Н.Г., с введением в действие ФСБУ 25/2018 бухгалтерский учет операционной аренды у арендодателя претерпит существенные изменения [8, с.30]. Чайка Л.П. выявлены различия операционной и финансовой аренды с целью их правильной классификации [11, с.5]. По мнению Плотникова В.С., Плотниковой О.В., в ФСБУ 25/2018 недостаточно убедительно рассмотрены вопросы идентификации в учете объектов арендных отношений [10, с.49].

По мнению Алексеевой Г.И., в ФСБУ 25/2018 необходимо более подробно описать порядок отражения расходов у арендодателя в случае операционной аренды по аналогии с МСФО [5, с.465].

По мнению Lin S., Riccardi W.N., Wang C., сближение стандартов, регулирующих порядок ведения бухгалтерского учета операционной аренды, обеспечивает повышение сопоставимости финансовой отчетности [12, с.620]. При этом принятие МСФО не обеспечивают значительное постепенное увеличение сопоставимости финансовой отчетности сверх того, что было достигнуто через конвергенцию стандартов бухгалтерского учета.

Тем не менее, многие теоретические и методические вопросы учета операционной аренды, отражения информации о ней в финансовой отчетности, составленной в соответствии с требованиями МСФО и ФСБУ, в современных условиях остаются малоизученными, а ряд положений носит дискуссионный характер.

Материалы и методы

В работе автор исходил из гипотезы о том, что гармонизация требований ФСБУ и МСФО относительно

учета операционной аренды будет способствовать снижению затрат на осуществление трансформации финансовой отчетности.

Основные требования ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», относящиеся к вопросам учета операционной аренды, не противоречат нормам МСФО (IFRS) 16 «Аренда». Тем не менее, наблюдаются некоторые различия между требованиями рассматриваемых стандартов. Для упрощения ведения учета и составления финансовой отчетности организациями в соответствии с ФСБУ и МСФО (как холдинговыми компаниями, так и организациями, которые не образуют группу) необходимо устранить все существенные различия в нормах рассматриваемых стандартов [1].

В МСФО (IFRS) 16 «Аренда» и ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» отсутствует достаточная четкость формулировок по вопросам разграничения операционной и финансовой аренды, что приводит к возможности в возникновении двойного толкования норм стандартов.

Повышению эффективности и снижению затрат на проведение трансформации финансовой отчетности способствует проведение процедуры «мэппинга». Широкое применение информационных систем для ведения учета и составления финансовой отчетности позволяет автоматизировать проведение процедуры «мэппинга».

Для повышения эффективности трансформации финансовой отчетности необходимо установить соответствие между счетами российского плана счетов, которые используются для ведения учета операционной аренды, и счетами плана счетов, составленного в соответствии с требованиями МСФО.

Результаты

Согласно с п. 25 ФСБУ 25/2018 арендодатель определяет договор аренды в качестве операционной аренды, если он несет экономические выгоды и риски, обусловленные правом собственности на предмет аренды [3]. Арендодатель учитывает предмет операционной аренды на своем балансе. Если предмет аренды был изначально приобретен для сдачи в операционную аренду, то его необходимо учитывать на счете 03 «Доходные вложения в материальные ценности». Если предмет операционной аренды ранее использовался арендодателем, то его необходимо продолжать учитывать на счете 01 «Основные средства».

При ведении бухгалтерского учета арендодатель признает доходы от операционной аренды равномер-

но или на основе иного систематического подхода, отражающего характер использования арендатором экономических выгод от предмета операционной аренды:

- ◆ на счете 90 «Продажи», если сдача имущества в операционную аренду является обычным видом экономической деятельности арендодателя;
- ◆ на счете 91 «Прочие доходы и расходы», если сдача имущества в операционную аренду не является обычным видом экономической деятельности арендодателя;

При осуществлении учета операционной аренды в холдинговых компаниях необходимо учитывать не только особенности процесса трансформации, но и составления консолидированной финансовой отчетности в соответствии МСФО. Наиболее целесообразным является унификации учетной политики материнской компании и дочерних компаний, включая планы счетов. В единый план счетов, составленный в соответствии с МСФО, предлагается ввести дополнительные счета, предназначенные для учета операционной аренды»:

- ◆ 2150 «Основные средства, переданные в операционную аренду» предназначен для отражения информации о наличии и движении объектов основных средств, переданных в операционную аренду, и не относящихся к категории инвестиционной недвижимости.
- ◆ 2240 «Инвестиционная недвижимость, переданная операционную аренду» предназначен для отражения информации о наличии и движении объектов инвестиционной недвижимости, которые переданы в операционную аренду;
- ◆ 7310 «Себестоимость услуг, связанных с операционной арендой», который рекомендуется использовать для отражения расходов арендодателя, связанных с оказанием услуг по договору операционной аренды (в случае, если сдача имущества в операционную аренду относится к его обычным видам деятельности).
- ◆ 9510 «Прочие расходы по операционной аренде», который рекомендуется использовать для отражения расходов арендодателя, связанных с оказанием услуг по договору операционной аренды (в случае, если сдача имущества в операционную аренду не относится к его обычным видам деятельности);
- ◆ 6310 «Доходы по операционной аренде», который рекомендуется использовать для учета доходов по операционной аренде в случае, если сдача имущества в операционную аренду относится к обычным видам деятельности арендодателя.
- ◆ 6410 «Прочие доходы по операционной аренде», который рекомендуется использовать для учета

Таблица 1. Соответствие счетов (субсчетов) плана счетов, составленных в соответствии с требованиями МСФО и ФСБУ

Номер счета по плану счетов, составленного в соответствии с МСФО	Номер субсчет (счета) по плану счетов, составленного в соответствии с ФСБУ
2150 «Основные средства, переданные в операционную аренду»	01.4 «Основные средства в аренде»
	03.5 «Доходные вложения в материальные ценности, переданные в операционную аренду»
2240 «Инвестиционная недвижимость, переданная операционную аренду»	03.6 «Инвестиционная недвижимость, переданная в операционную аренду»
7310 «Себестоимость услуг, связанных с операционной арендой»	90.23 «Себестоимость продаж по операционной аренде»
9510 «Прочие расходы по операционной аренде»	91.21 «Прочие расходы по операционной аренде»
6310 «Доходы по операционной аренде»	90.13 «Доходы по операционной аренде»
6410 «Прочие доходы по операционной аренде»	91.11 «Прочие доходы по операционной аренде»

доходов по операционной аренде в случае, если сдача имущества в операционную аренду не относится к обычным видам деятельности арендодателя.

Аналитический учет на счетах 2150, 2240, 7310, 9510, 6310, 6410 предлагается вести отдельно по основным средствам (инвестиционной недвижимости, доходам, расходам), которые связаны с операционной арендой, по группам договоров операционной аренды, заключенных между материнской и дочерними компаниями холдинга.

Процедура «мэппинга» предусматривает установление соответствия счетов из различных планов счетов. В условиях применения информационных технологий для проведения процедур трансформации финансовой отчетности и составления консолидированной финансовой отчетности «мэппинг» позволяет существенно сократить трудоемкость и затраты на их проведение. В таблице 1 представлены предлагаемые соответствия между планами счетов, которые составлены в соответствии с ФСБУ и МСФО. В плана счетов, составлены в соответствии с ФСБУ, также рекомендуется включить субсчета

В планы счетов материнской и дочерних компаний, составленные в соответствии с требованиями ФСБУ, также должны быть внесены субсчета, указанные в таблице 1.

При составлении финансовой отчетности в соответствии МСФО часто возникают проблемные вопросы, связанные с классификацией операционной и финансовой аренды. Нормы МСФО (IFRS) 16 [2] и ФСБУ

25/2018 [3] указывают на необходимость классификации договора аренды в качестве операционной аренды в случае, если срок аренды существенно меньше срока экономического использования предмета аренды.

На практике подобная неточность в формулировках приводит к затруднениям при классификации операционной аренды.

Для решения рассмотренного проблемного вопроса предлагается в ФСБУ 25/2018 ввести новое понятие «значительная часть срока экономического использования базового актива». Значительная часть срока экономического использования предмета аренды — период времени равный 75% или более срока, полезного использования предмета аренды. При этом, если начало срока аренды приходится на последние 25% срока полезного использования предмета аренды, то это понятие не должно использоваться для целей классификации операционной аренды.

Обсуждение

Для решения вопроса правильной классификации операционной аренды интерес представляет мнение экспертной группы КПМГ по МСФО. Она призывает в данном случае обратиться к нормам Общепринятых принципов бухгалтерского учета Соединенных Штатов Америки (далее — ОПБУ США). П. 7(с) стандарта FAS13 «Accounting for Leases» [13] аренда классифицируется в качестве операционной в том случае, если срок аренды приближается к пороговому значению (75% срока экономической службы), но не превышает его (например, составляет 74% расчетного срока экономической службы предмета аренды) при условии не выполнения

остальных критериев классификации договора в качестве финансовой (капитальной) аренды [9, с. 149б].

Заключение

По результатам исследования сформулированы следующие предложения:

- ◆ при формировании единого плана счетов холдинговой компании ввести дополнительные счета (субсчета), представленные в таблице 1, что позволит повысить эффективность ведения

учета, сократит трудоемкость трансформации финансовой отчетности и затраты на составление консолидированной финансовой отчетности в соответствии с МСФО;

- ◆ ввести в ФСБУ 25/2018 новое понятие «значительная часть срока экономического использования предмета аренды» что позволит предотвратить возникновение проблемных вопросов при классификации операционной аренды и унифицировать подходы, применяемые различными организациями к ее учету.

ЛИТЕРАТУРА

1. О консолидированной финансовой отчетности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2010 г. № 208-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 07.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 16 «Аренда» [Электронный ресурс]: приказ Минфина России от 11.06.2016 г. № 111н (ред. от 20.08.2021). Доступ из справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» [Электронный ресурс]: приказ Минфина России от 16.10.2018 N208н (ред. от 29.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Алборов, Р.А. Хоружий, Л.И., Концевая С.М., Хоружий В.И. Бухгалтерский учет аренды основных средств // Бухучет в сельском хозяйстве. — 2022. — № 2. — С. 100–116.
5. Алексеева Г.И. Учет аренды в условиях стандартизации бухгалтерского учета и финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 4 (442). С. 452–465.
6. Бакунова Т.В., Кольцова Т.А., Молдобаев Т.Ш. Особенности учета операционной и финансовой аренды по МСФО // Учет и статистика. 2019. № 1 (53). С. 10–17.
7. Белозерцева И.Б. Особенности учета операций по предоставлению имущества во временное пользование за плату // Финансовая экономика. 2022. № 6. С. 17–18.
8. Лисовская И.А., Трапезникова Н.Г. ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды: учет у арендодателя» // Бухучет в строительных организациях. 2019. № 9. С. 30–40.
9. МСФО: точка зрения КПМГ: Практическое руководство по Международным стандартам финансовой отчетности, подготовленное КПМГ. 2013/2014: в 2 ч. Ч. 2. Пер. с англ. 10-е изд. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014. 1328 с.
10. Плотников В.С. Плотникова О.В. ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» и МСФО (IFRS) 16 «Аренда»: сравнительный анализ основных положений // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6 (6). С. 42–51.
11. Чайка Л.П. Отличия операционной аренды от финансовой // Бухгалтерский учет. 2021. № 9. С. 5–11.
12. Lin S., Riccardi W.N, Wang C. Relative Effects of IFRS Adoption and IFRS Convergence on Financial Statement Comparability // Contemporary Accounting Research. 2019. Volume 36. Issue 2. P. 586–628.
13. Statement of Financial Accounting Standards № . 13 Accounting for Leases [Электронный ресурс]. URL: <https://www.xavierpaper.com/documents/usgaap/n.Fas13.pdf> (дата обращения: 12.11.2022).

© Акимов Андрей Александрович (andreiakimow@gmail.com), Кисткина Наталья Юрьевна (kistkina1995@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С УТРАТОЙ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ, ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И БАНКРОТСТВОМ

METHODOLOGY OF ANALYSIS AND FORECASTING OF THREATS TO ECONOMIC SECURITY OF ECONOMIC ENTITIES ASSOCIATED WITH LOSS OF SOLVENCY, FINANCIAL STABILITY AND BANKRUPTCY

**A. Grachev
A. Litvinenko
L. Sikorskaya**

Summary. In the article, the authors propose a methodology for assessing and predicting threats to the economic security of economic entities. The proposed methodology makes it possible to assess the level and development of threats to economic security associated with loss of solvency, financial stability, and bankruptcy. The algorithm of actions of the subject of assessment and forecasting and its possible alternatives are proposed. The advantage of the proposed methodology is the possibility of its use by many economic entities, as well as adaptability to different assessment goals and conditions of functioning of economic entities.

Keywords: economic security, threats, assessment, forecasting, methodology.

Грачев Александр Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Литвиненко Александр Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России
lanfk@mail.ru

Сикорская Лидия Васильевна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. В статье авторы предлагают методику оценки и прогнозирования угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Предлагаемая методика позволяет оценивать уровень и развитие угроз экономической безопасности, связанных с утратой платежеспособности, финансовой устойчивости и банкротством. Предложен алгоритм действий субъекта оценки и прогнозирования и его возможные альтернативные варианты. Преимуществом предлагаемой методики выступает возможность ее использования большим количеством хозяйствующих субъектов, а также адаптивность под разные цели оценки и условия функционирования хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы, оценка, прогнозирование, методика.

Содержание экономической безопасности хозяйствующего субъекта тесно связано с угрозами, которые препятствуют его развитию [1, 2, 5, 7]. Противодействие угрозам экономической безопасности хозяйствующего субъекта связано с:

1. Определением (идентификацией) угроз, которое включает:

1.1. Решение теоретической задачи по определению понятия «угроза экономической безопасности хозяйствующего субъекта» и перечня возможных угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов;

1.2. Решение практической задачи по определению перечня угроз экономической безопасности конкретного хозяйствующего субъекта; определению актуальных угроз экономической безопасности конкретного хозяйствующего субъекта в конкретный момент вре-

мени в настоящем и будущем (решение данной задачи предполагает анализ, оценку и прогнозирование угроз).

2. Предупреждением угроз, которое включает:

2.1. Решение теоретической задачи по разработке способов предупреждения различных угроз, в том числе на основе анализа и обобщения практического опыта профилактической работы;

2.2. Решение практической задачи по недопущению трансформации угроз экономической безопасности из потенциального состояния в реальное, когда угроза не просто присутствует в перечне возможных угроз, а влечет за собой ущерб для хозяйствующего субъекта (решение данной задачи предполагает прогнозирование угроз).

3. Нейтрализацией угроз, которое включает:

3.1. Решение теоретической задачи по разработке способов прекращения воздействия актуализированных угроз, их блокировки, купирования или элиминирования их источников, минимизации ущерба от их воздействия, в том числе на основе анализа и обобщения практического опыта;

3.2. Решение практической задачи по прекращению воздействия актуализированных угроз, их блокировки, купирования или элиминирования их источников, минимизации ущерба от их воздействия.

4. Ликвидацией последствий угроз, которое включает:

4.1. Решение теоретической задачи по разработке способов восстановления нарушенных или разрушенных от воздействия угрозы объектов, связей, механизмов функционирования хозяйствующего субъекта, оценки и возмещения ущерба, в том числе на основе анализа и обобщения практического опыта;

4.2. Решение практической задачи по восстановлению нарушенных или разрушенных от воздействия угрозы объектов, связей, механизмов функционирования хозяйствующего субъекта, оценки и возмещения ущерба, в том числе на основе анализа и обобщения практического опыта.

Деятельность по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов должна включать не только идентификацию и анализ угроз в конкретные моменты времени, но и прогнозирование их появления и развития. Оценка и прогнозирование угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта (ЭБ ХС) не тождественны друг другу и находятся во взаимосвязи. Так, прогнозирование угроз ЭБ ХС — это вид оценки, где определяются: наличие или отсутствие угроз экономической безопасности в будущем; уровень угроз экономической безопасности в будущем.

При прогнозировании угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта используются: результаты оценки угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта в настоящем и прошлом (то есть статическая оценка выступает информационной базой/основой для прогнозирования); методы расчета показателей угроз экономической безопасности хозяйствующего субъекта (то есть оценка выступает частью методической базы прогнозирования); специальные методы прогнозирования, которые не используются при проведении статической оценки.

Вопросам прогнозирования угроз ЭБ ХС посвящены работы Коробейникова Д.А., Коробейниковой О.М., Дугиной Т.А., Шемета Е.С. [6], Изосимова С.В., Шевченко А.Л., Шевченко В.Л. [4], Митякова Е.С. [8], Полетаева В.С. [9], Ряхина Н.В. [10], Сергеевой И.А. и Володина В.М. [11], а также ряда других авторов.

Методы анализа и прогнозирования угроз ЭБ ХС, в зависимости от потребностей, могут применяться хозяйствующими субъектами в целях оценки своей экономической безопасности. Учитывая многообразие факторов, влияющих на конкретное содержание оценки угроз экономической безопасности у каждого хозяйствующего субъекта, считаем, что в статье более важным вопросом является разработка методики, которая подходила бы не какому-то одному хозяйствующему субъекту, а могло бы быть использовано для целей обеспечения экономической безопасности большого количества субъектов. Исходя из того, что субъектов оценки угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов могут выступать субъекты контроля, полагаем, что разрабатываемая методика анализа и прогнозирования может быть разработана для их нужд.

В настоящее время особенности деятельности хозяйствующих субъектов обусловлены как последствиями пандемии, так и ограничениями, вызванными санкциями западных стран. Данные особенности связаны с дефицитом ликвидности (особенно в иностранной валюте) в банковском секторе, а также со снижением платежеспособности населения. В этой связи одной из актуальных угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов в настоящее время выступает угроза снижения платежеспособности и финансовой устойчивости. В противодействии данной угрозе могут быть задействованы, прежде всего, сам хозяйствующий субъект, оценивающий свою платежеспособность, финансовую устойчивость и риск банкротства; кредитные организации, предоставляющие денежные средства во временное пользование хозяйствующих субъектам в форме кредитов; государственные органы управления экономикой, имеющие возможность предоставлять хозяйствующим субъектам финансовую помощь в виде субсидий из бюджета.

В рамках статьи представим методику оценки угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства. Разрабатываемая методика должна позволять пользователям получать следующую информацию:

1. Хозяйствующему субъекту: при оценке своей платежеспособности, финансовой устойчивости, риска банкротства об уровне данной угрозы относительно себя; при оценке платежеспособности, финансовой устойчивости, риска банкротства контрагентов об уровне данной угрозы относительно контрагента, что будет связано с действиями по снижению риска возникновения угроз, обусловленных низкой платежеспособностью контрагентов, а также риска возникновения угроз, связанных не проведением проверки контрагента;

Таблица 1. Индикаторы для анализа и прогнозирования угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства

Угроза	Индикатор
Угроза снижения финансовой устойчивости	Коэффициент финансовой автономии
	Коэффициент долгосрочной финансовой независимости
	Коэффициент маневренности собственного капитала
	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
Угроза снижения платёжеспособности	Коэффициент текущей ликвидности
	Коэффициент быстрой ликвидности
	Коэффициент абсолютной ликвидности
Угроза банкротства	Z-счет модели Савицкой

- Кредитным организациям: при оценке платежеспособности, финансовой устойчивости, риска банкротства хозяйствующих субъектов об уровне данной угрозы относительно хозяйствующего субъекта при принятии решения о выдаче ему кредита с целью минимизации угроз экономической безопасности кредитной организации, связанной с невозвратом кредита;
- Государственным органам управления экономикой: при оценке платежеспособности, финансовой устойчивости, риска банкротства хозяйствующих субъектов об уровне данной угрозы относительно хозяйствующего субъекта при принятии решения об оказании финансовой помощи и содействия в обеспечении экономической безопасности хозяйствующему субъекту.

Представим содержание предложенной методики. Первым этапом разработки методики является обоснование перечня функциональных составляющих, выделяемых в общей структуре ЭБ ХС. Так как границы применения нашей методики заключается в оценке угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства, то функциональной составляющей будет финансовая составляющая.

На втором этапе формируется перечень конкретных аналитических показателей (индивидуальных индикаторов) в разрезе функциональных составляющих. В рамках статьи для целей оценки угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства хозяйствующего субъекта отобраны основные показатели, характеризующие данную угрозу. В таблице 1 представлены показатели, для анализа и прогнозирования угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства.

Показатели, отобранные нами для оценки угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства, могут быть рассчитаны на основе открытых публикуемых данных бухгалтерской отчетности. Для проведения внутренней оценки данной угрозы, когда у субъекта оценки есть доступ к внутренней учетной документации, показатели могут быть дополнены.

На третьем этапе определяются фактические значения отобранных индикаторов (минимум за отчетный и два предшествующих периода). Данное количество периодов обусловлено тем, что задача прогнозирования может решена простейшими методами на основе минимум трех отправных точек.

На четвертом этапе производится нормирование фактических значений индикаторов экономической безопасности, то есть их приведение к безразмерному виду, что позволит производить в дальнейшем математические действия с показателями, которые до нормирования были несопоставимы в силу разных единиц измерения или разных порядковых значений.

В диссертации Митякова Е.С. предлагается 3 основных варианта нормирования: динамическая модель, предполагающая использование для нормирования значения базисного периода (используется при анализе развития угроз экономической безопасности, в том числе прогнозировании); сравнительная модель, предполагающая использование для нормирования минимальное/максимальное/среднее значение из совокупности сравниваемых хозяйствующих субъектов (используется при проведении рейтинговой оценки хозяйствующих субъектов по уровню экономической безопасности); модель сравнения с пороговым значением, предполагающая использование пороговых значений индикаторов [8].

Применяя различные варианты расчета нормированных значений, отличающихся друг от друга базой нормирования, данная методика приобретает элемент самообучающейся нейронной сети. Так как полученные результаты несколько разнятся между собой по качественной оценке рисков, то появляется возможность отбора того содержания методики, которое более правильно отражает действительность. Например, с одной стороны, следует с осторожностью относиться к индексам угроз, рассчитанным по нормированному значению, которое определено, допустим, по базе среднего значения за 3 года. Выводы, сделанные по таким индексам, могут быть некорректными, так как в данном случае при расчете сравнение показателей идет с показателями самого хозяйствующего субъекта, и, например, «плохие» показатели сравниваются с «плохими», что приводит к увеличению значения нормированного значения.

Однако необходимо сделать определенную оговорку. Допустим, если на протяжении значительного времени показатели исследуемой угрозы у хозяйствующего субъекта негативные относительно показателей других хозяйствующих субъектов или их нормативно установленных значений, однако сама деятельность осуществляется успешно, и результаты деятельности высокие. В таком случае при оценке угрозы можно пренебречь нормированием через сравнение с нормативными и среднеотраслевыми значениями. В данной ситуации исследование угрозы правильнее проводить на основе оценки стабильности показателей хозяйствующего субъекта, то есть через их сравнение со средним или лучшим значением.

На пятом этапе определяются весовые коэффициенты для отобранных индикаторов. Весовые коэффициенты позволяют учесть при анализе угрозы экономической безопасности значимость конкретного индикатора в совокупности индикаторов, характеризующих одну и ту же угрозу. Существуют разнообразные способы определения весовых коэффициентов. Как правило, они рассчитываются на основе мнений экспертов. В статье Григорьева А.В., Козина П.А., Остапчука А.В. отражена методика определения значений весовых коэффициентов с привлечением экспертов [4].

В рамках разрабатываемой методики предложено определять весовые коэффициенты в качестве корректирующих или поправочных с учетом темпов роста индикаторов по следующей схеме:

+/- 1,0 — для индикаторов, которые показывают устойчивые темпы роста отчетном и двух предшествующих периодах (положительные для прямых или отрицательные для обратных показателей);

+/- 0,75 — для индикаторов, которые показывают предпочтительный темп роста только в отчетном пери-

оде (положительный для прямых или отрицательный для обратных показателей);

+/- 0,50 — для индикаторов, которые не изменяют своей величины (либо изменения статистически незначимы);

+/- 0,25 — для индикаторов, которые демонстрируют нежелательный темп роста (отрицательный для прямых или положительный для обратных показателей).

Значения данных коэффициентов могут быть скорректированы на основе сопоставления поведения значений индикаторов конкретного хозяйствующего субъекта со среднеотраслевыми значениями. Например, если в условиях негативной динамики среднеотраслевого значения индикатора его динамика у анализируемого хозяйствующего субъекта положительна, то поправочный коэффициент может быть увеличен. И наоборот, если при благоприятной динамике индикатора в среднем по отрасли его значение у хозяйствующего субъекта снижается, то поправочный коэффициент может быть снижен дополнительно. Такой подход к определению весовых коэффициентов представлен в работе Коробейникова Д.А., Коробейниковой О.М., Дугиной Т.А., Шемета Е.С. [6].

На шестом этапе осуществляется расчет интегральных индексов оценки угроз ЭБ ХС для каждой функциональной составляющей. Расчет значений интегрального индекса I_y для оценки угрозы снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства может быть рассчитан по следующей формуле:

$$I_y = \sum_{i=1}^n W_i \times X_i$$

где X_i — нормированное значение показателя i -го индикатора, W_i — показатель значимости (веса) i -го индикатора.

Далее рассчитанные индексы сравнивают с оценочной шкалой, которая построена с учетом критериев, представленных в таблице 2.

Аналогично, исходя из количества, включаемых в оценку угрозы индикаторов, определяется шкала для качественной оценки угроз. В таблице 3 представлена оценочная шкала для оценки и прогнозирования угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства.

Посредством сопоставления значений индексов угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства с оценочной шкалой дается качественная оценка угрозе.

Таблица 2. Критерии, используемые для оценочной шкалы угроз экономической безопасности

Показатель	Качественная оценка							
	Низкий уровень опасности, прогноз позитивный	Низкий уровень опасности, прогноз стабильный		Нейтральный уровень, прогноз нейтральный, стабильный или позитивный		Высокий уровень опасности, прогноз негативный, нейтральный, стабильный или позитивный		Критический уровень, прогноз негативный
Соответствие пороговому значению в%	100	100	75–100	100	50–100	100	25–50	0
Поправочный коэффициент	1	0,75	1	0,5	0,75	0,25	0,5	0,25
Рост	Стабильный во всех периодах	Положительный только в отчетном периоде		Стабильный во всех периодах	Нулевой	Положительный только в отчетном периоде		Негативный
Агрегированное значение индекса	□	6–8		4–6		2–4		<2

Таблица 3. Оценочная шкала угроз снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства

Показатель	Качественная оценка				
	Низкий уровень опасности, прогноз позитивный	Низкий уровень опасности, прогноз стабильный	Нейтральный уровень, прогноз нейтральный, стабильный или позитивный	Высокий уровень опасности, прогноз негативный, нейтральный, стабильный или позитивный	Критический уровень, прогноз негативный
Индекс комплексной угрозы снижения платежеспособности, финансовой устойчивости и высокого риска вероятности банкротства	≥8	6–7,99	4–5,99	2–3,99	<2
Индекс угрозы снижения финансовой устойчивости	≥4	3–3,99	2–2,99	1–1,99	<0,99
Индекс угрозы снижения платежеспособности	≥3	2,25–2,99	1,5–2,24	0,75–1,49	<0,74
Индекс угрозы банкротства	≥1	0,75–0,99	0,5–0,74	0,25–0,49	<0,24

В заключение отметим, что ключевыми характеристиками методики оценки и прогнозирования угроз ЭБ ХС должны выступать: точность прогноза; возможность использования полученной в ходе использования методики информации для принятия управленческих

решений; экономичность (превышение эффекта от использования метода над затратами по его применению); актуальность результатов, получаемых на основе методики (прогноз возникновения угрозы должен быть получен раньше, чем начало действия угрозы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безденежных Т.И., Шарафанова Е.Е. Финансовая безопасность в системе региональной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 32–38.
2. Головкин М.В., Плотников В.А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 1 (370). С. 35–52.
3. Григорьев А.В., Козин П.А., Остапчук А.В. Методика определения значений весовых коэффициентов // Имущественные отношения в РФ. 2004. № 8.
4. Изосимов С.В., Шевченко А.Л., Шевченко В.Л. Методы прогнозирования и их применение в практике менеджмента // Экономикс. 2014. № 3.
5. Коломыцева О.Ю., Плотников В.А. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5–1 (119). С. 75–83.
6. Коробейников Д.А., Коробейникова О.М., Дугина Т.А., Шемет Е.С. Методика комплексного анализа и оценки уровня экономической безопасности предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. Т. 15. № 3. С. 73–85.
7. Литвиненко А.Н., Грачев А.В. Противодействие криминализации экономической сферы общества в системе обеспечения экономической безопасности страны: монография. СПб., 2009. 133 с.
8. Митяков Е.С. Разработка математических методов анализа и прогнозирования поведения индикаторов экономической безопасности: дисс. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2012.
9. Полетаев В.С. Информационно-аналитическая система прогнозирования угроз и уязвимостей информационной безопасности на основе анализа данных тематических интернет-ресурсов: дисс. ... канд. техн. наук. Ульяновск, 2020.
10. Ряхин Н.В. Подходы к прогнозированию изменений показателей экономической безопасности предприятия // Технично-технологические проблемы сервиса. 2018. № 4 (46). С. 94–101.
11. Сергеева И.А., Володин В.М. Прогнозирование потенциальных угроз — основа превентивных мер финансовой безопасности организации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 1 (41). С. 140–148.

© Грачев Александр Владимирович, Литвиненко Александр Николаевич (lanfk@mail.ru),

Сикорская Лидия Васильевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский университет МВД России

МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Зайнутдинова Елена Даудовна

Главный бухгалтер ИП Магдиев Артур Магомедович
musaeva88@mail.ru

ACCOUNT RECEIVABLE MANAGEMENT METHODOLOGY

E. Zaynutdinova

Summary. The relevance of developing an effective methodology for managing account receivables is to create such a tool that would solve the problem of the optimal balance between adding value from additional sales, the level of debt for shipped products to support these sales, and the controlled risk of debt becoming overdue and unrecoverable. The method of AR portfolio management proposed in this article for solving such a problem is based on the principles of preventive control over debts, integration into the company's existing strategic and business environment, processes of periodic planning, standardization and automation of receivables management processes. The methodology assumes the presence of two objects of management — a portfolio of AR and an element of this portfolio, reflecting the debt of the counterparty. All this makes it possible to achieve more precise anticipatory control over the negative consequences of changes in the size and structure of AR.

Keywords: account receivables, AR, controlling, AR portfolio, preventive control, receivables turnover, DSO.

Аннотация. Актуальность разработки эффективной методики управления дебиторской задолженностью заключается в создании такого инструмента, который позволил бы решить задачу оптимального баланса между увеличением прибыли от дополнительных продаж, уровнем задолженности за отгруженную продукцию для поддержания этих продаж и контролируемым риском перехода задолженности в категорию просроченной и невозвратной. Предлагаемая в настоящей статье методика управления портфелем дебиторской задолженности для решения такой задачи базируется на принципах превентивного контроля над задолженностью, интеграции в существующую стратегическую и бизнес-среду компании, процессы периодического планирования, стандартизации и автоматизации процессов управления дебиторской задолженностью. Методика предполагает наличие двух объектов управления — портфеля дебиторской задолженности и элемента этого портфеля, отражающего задолженность контрагента. Все это позволяет добиться более точного опережающего контроля над негативными последствиями изменения величины и структуры дебиторской задолженности.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, контроллинг, портфель дебиторской задолженности, превентивный контроль, оборачиваемость дебиторской задолженности.

Управление дебиторской задолженностью является одним из важнейших элементов эффективного использования рабочего капитала. Экономический контекст дебиторской задолженности дуалистичен по своей сути — с одной стороны, ее величина должна быть достаточной для обеспечения продаж компании, ведь отсрочка платежа является одним из основных элементов поддержки продаж. С другой стороны, величина, частота обновления и инкассация дебиторской задолженности должны быть под системным контролем, задачей которого является предотвращение роста неплатежей и появления «плохих долгов» и невозвратной дебиторской задолженности. Таким образом, эффективное управление дебиторской задолженностью предполагает поиск оптимального соотношения этих двух разных экономических векторов.

В рамках предлагаемой нами методики управления дебиторской задолженности, мы вводим понятие портфеля дебиторской задолженности — совокупности результирующих индивидуальных задолженностей за отгруженную продукцию, сформированных на основе

транзакций поставщика и его клиентов — операций отгрузки и оплаты. Наряду с индивидуальными задолженностями, портфель дебиторской задолженности является самостоятельным субъектом системы управления, направленной на его оптимизацию.

Проблеме управления дебиторской задолженности посвящено значительное количество исследований. М. Крейнина [1] предлагает единый механизм управления дебиторской и кредиторской задолженностью — продолжительность оборота каждой из видов задолженностей и их средняя величина формируют график движения задолженностей. Управление задолженностями заключается в мероприятиях по устранению кассовых разрывов и использования дополнительного притока денежных средств. И. Василевский [2] ключевым условием эффективного управления дебиторской задолженностью считает имплементацию регламента методики оценки уровня риска клиента, в которой должны быть прописаны процедуры установления и пересмотра кредитного лимита клиента и условий оплаты. Финансовая компонента управления дебитор-

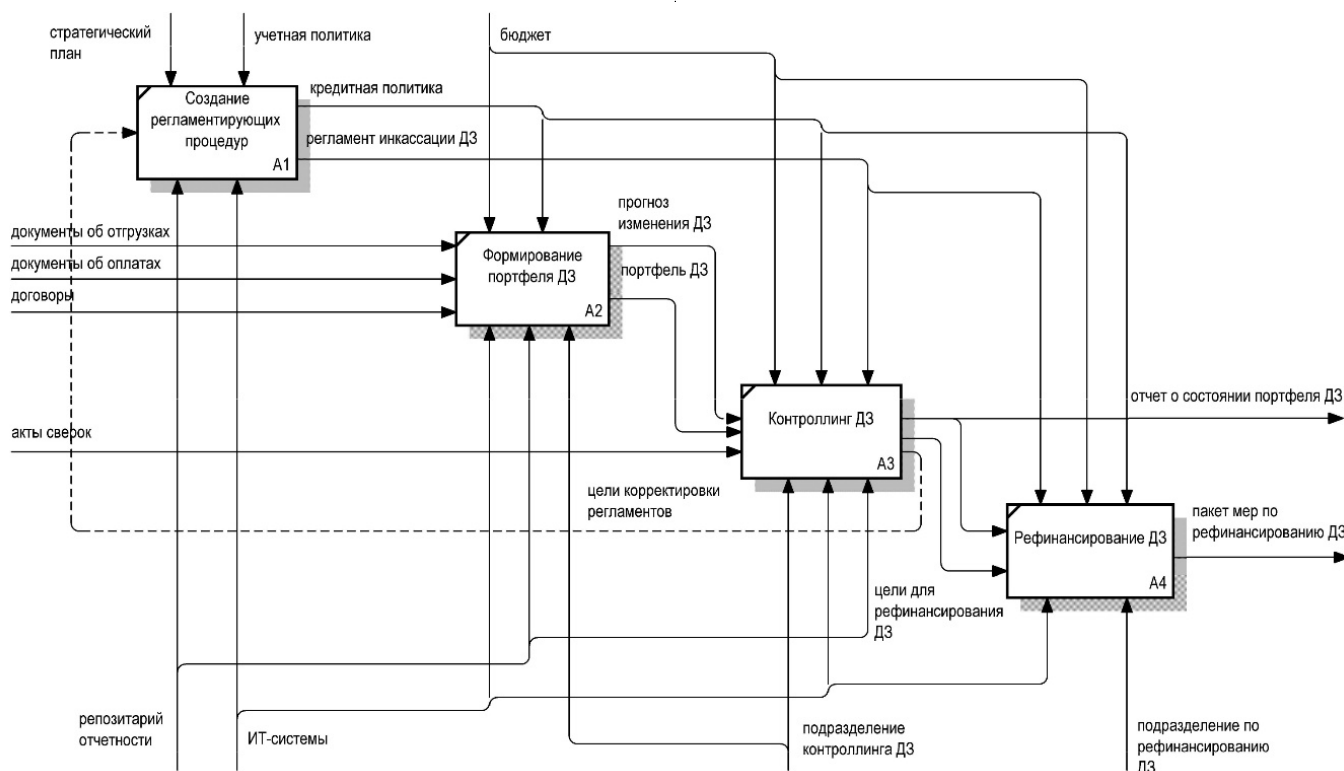

Рис. 1. Процесс управления портфелем дебиторской задолженности в нотации IDEF0. [авторская разработка]

ской задолженностью в его модели направлена на снижение уровня клиентских рисков. И. Долгих [3] предлагает методику, в которой история продаж является основой для оценки уровня платежеспособности и оптимального размера дебиторской задолженности клиента. Модель управления дебиторской задолженностью Грюнинга и Брайовича [4] основана на кредитном ценообразовании при управлении кредитным портфелем. Выбор режима оплаты для каждого из покупателей структурирует последних на тех, кто вносит авансовый платеж (предоплату) и тех, кто приобретает товар (работу, услуги) в кредит — т.е. с предоставлением отсрочки платежа. При этом на конечную цену товара влияет величина наценки или скидки, связанная с выбранным режимом оплаты и скоростью оплаты при отсрочке платежа.

Практические методики и инструменты управления дебиторской задолженностью можно разделить на превентивные и реактивные. К первой группе относятся методики на основе разработки кредитной политики предприятия, предполагающие анализ дебиторской задолженности, определения индивидуальных лимитов и механизма их пересмотра, а также методики, систематизирующие меры по снижению рисков просроченного и безнадежного типа на основе оценки платежеспо-

собности, кредитного рейтинга, оценки кумулятивной выгоды от контрагента. К группе реактивных методик относят методы, основанные на системе мер, направленных на процесс рефинансирования дебиторской задолженности — применение инструментов цессии, страхования, дисконтов, факторинга, форфейтинга, учета векселей и секьюритизации.

Мы предлагаем методику управления портфелем дебиторской задолженности превентивного типа. Основанная на принципах стратегического управления по слабым сигналам, методика диагностического типа позволяет значительно меньшими силами сократить негативные последствия роста дебиторской задолженности — предупреждать всегда менее затратно, чем устранять. Методика превентивного типа является более интегрированной в учетную и управленческую структуру предприятия, в то время как в последнее время усилилась тенденция вывода процессов рефинансирования дебиторской задолженности на аутсорсинг, в состав бизнес-процессов специализированных организаций.

Процесс управления портфелем дебиторской задолженности, согласно предлагаемой нами концепции, можно укрупненно представить в нотации IDEF0 (ри-

Таблица 1. Матрица старения дебиторской задолженности с правилами начисления резерва.

Интервалы задолженности	Резерв —% от ДЗ
долг до 10 дней	не начисляется
долг 11–30 дней	не начисляется
долг 31–45 дней	не начисляется
долг 46–60 дней	5%
долг 61–90 дней	10%
долг 91–120 дней	40%
долг 121–180 дней	60%
более 180 дней	80%
100% невозвратный долг	100%

сунок 1). Для обеспечения системы управления дебиторской задолженностью необходимо создать набор управляющих документов — регламентов и правил, определяющих ход процесса. На основании стратегических установок, существующей учетной политики и системы отчетности разрабатываются два ключевых локальных нормативных документа — кредитная политика и регламент инкассации дебиторской задолженности. В кредитной политике необходимо установить матрицу со сроками предоставления товарного кредита и описать процесс его погашения, систему штрафов и скидок, стандарты кредитоспособной дисциплины. Здесь же необходимо заложить принципы составления рейтинга контрагентов на основе ведения кредитной истории, анализа деловой активности и оценки финансового состояния.

Стандарты, касающиеся группировки дебиторской задолженности по срокам, правил проведения коэффициентного анализа, предельного значения дебиторской задолженности, матрица начисления резерва под сомнительную задолженность в зависимости от сроков погашения задолженности — все эти компоненты будут являться регламентирующими управленческими воздействиями на стадии процессов формирования портфеля дебиторской задолженности.

На основании информации о заключенных договорах, транзакций с клиентами (оплаты и отгрузки) по правилам, закрепленным в стандартах управления дебиторской задолженности, формируется портфель дебиторской задолженности. Одновременно с фактическим срезом портфеля на основе актуальных данных, должен формироваться прогноз изменения дебиторской задолженности, в основу которого заложена информация, основанная как на исторических значениях оборачиваемости задолженности, так и на прогнозах отгрузок/оплат в разрезе контрагентов портфеля.

Прогнозные и фактические значения портфеля дебиторской задолженности являются основой для

процесса контроллинга дебиторской задолженности — на основе стандартизированной матрицы старения задолженности происходит анализ текущего статуса задолженности и прогнозного значения, выявляются проблемные элементы (контрагенты) портфеля дебиторской задолженности. По итогам анализа формируется отчет с целями для рефинансирования дебиторской задолженности.

Важной особенностью предлагаемой методики управления портфелем дебиторской задолженностью является наличие обратной связи на стадии анализа результатов контроллинга дебиторской задолженности, когда могут быть выявлена потребность в корректировке регламентов. Информация, структурированная в цели корректировки регламентов, поступает на вход процесса «Создание регламентных процедур» (см. прерывистую стрелку на рис. 1).

В предлагаемой концепции управления портфелем дебиторской задолженности мы предлагаем рассматривать процесс рефинансирования дебиторской задолженности в качестве условно-обособленного процесса. По сути, процесс рефинансирования задолженности не просто является финальным в процессе управления задолженностью, он завершает аналитический блок, связанные с выявлением и предупреждением появления проблемной задолженности. Эффективное выполнение специфических задач по рефинансированию дебиторской задолженности требует специальных знаний и компетенций, поэтому моделью предусмотрена передача этого функционала другому подразделению или внешнему исполнителю.

Ключевым элементом методики является процесс контроллинга дебиторской задолженности. Рассмотрим реальный пример реализации этого процесса с использованием инструментариев ПО 1С: УПП/1С: Торговля. На момент написания настоящей статьи реализован функционал сбора и анализа фактических данных, сформировано техническое задание на авто-

Таблица 2. Отчет о структуре долга портфеля дебиторской задолженности.

Контрагент	Условие оплаты	Долг Всего на 31.08.22	Долг Всего на 30.09.22	Долг всего	Структура долга									
					долг до 10 дней	долг 11 - 30 дней	долг 31 - 45 дней	долг 46 - 60 дней	долг 61 - 90 дней	долг 91 - 120 дней	долг 121 - 180 дней	более 180 дней	100 % невозвратный долг	
Клиент 1	60	2 895 887	2 809 227	2 980 971	1 619 959	1 361 012								
Клиент 2	150			2 379 606	1 637 321	742 285								
Клиент 3	75	3 193 811	3 367 140	3 681 476	657 711	1 120 590	816 857	1 086 318						
Клиент 4	30	1 077 352	977 722	1 078 163	114 615	187 826	18 641	25 878	279 818	36 523	414 863			

Таблица 3. Отчет о структуре просроченного долга портфеля дебиторской задолженности.

Контрагент	Условие оплаты	Долг Всего на 31.08.22	Долг Всего на 30.09.22	Долг всего	Структура просроченного долга												
					текущий долг	просроченный долг	просрочка до 10 дней	просрочка 11 - 30 дней	просрочка 31 - 45 дней	просрочка 46 - 60 дней	резерв 46 - 60 дней	просрочка 61 - 90 дней	резерв 61 - 90 дней	просрочка 91 - 120 дней	резерв 91 - 120 дней		
Клиент 1	60	2 895 887	2 809 227	2 980 971	2 980 971												
Клиент 2	150			2 379 606	2 379 606												
Клиент 3	75	3 193 811	3 367 140	3 681 476	3 681 476												
Клиент 4	30	1 077 352	977 722	1 078 163	302 441	775 722	18 641	25 878	266 055	13 763	688	36 523	3 652	414 863	165 945		

матрицу прогнозного модуля. На основе анализа исторических данных по дебиторской задолженности крупного поставщика строительных материалов, была сформирована матрица старения дебиторской задолженности и правила начисления резерва в зависимости от дней просроченной задолженности (см таблицу 1).

На интервалах задолженности до 46 дней резерв не начисляется. Это важное правило, зафиксированное в регламентах компании, сформировано на основе исторических данных о взаимодействии с клиентами. Базовым условием отсрочки является 30 дней, дополнительно 15 дней отводится персоналу продаж для первичного урегулирования просрочки платежей. На 46-й день признается существование проблемы и начисляется минимальный резерв в размере 5% от образовавшейся задолженности. Далее, в зависимости от поступления платежей клиента, образовавшийся резерв либо распускается, либо, в связи с переходом задолженности в следующую возрастную категорию, доначисляется. Категория 100% невозвратного долга является юридически подтвержденной, задолженность клиента переводится в данную категорию только после получения соответствующего документа (решения суда, контролирующих органов и т.п.). Для крупных клиентов с длинной историей взаимодействия с компанией-поставщиком, предусмотрены индивидуальные условия отсрочки. Система управления портфелем дебиторской задолженности настроена таким образом, что при наличии индивидуальной отсрочки, часть долга будет классифицироваться как текущая задолженность, и распределение по старению задолженности будет проводится по матрице на сумму просроченной задолженности.

В таблице 2 приведен обезличенный пример выгрузки отчета из системы со структурой долга, а в та-

блице 3 — со структурой просроченного долга и начисленными резервами.

Проанализируем информацию о состоянии выборки портфеля дебиторской задолженности. Клиент № 1 имеет отсрочку платежа 60 дней. Вся его задолженность является текущей и распределена практически поровну в категориях «долг до 10 дней» и «долг 11–30 дней». Оборачиваемость дебиторской задолженности клиента № 1 является высокой, превышающий лимит, установленный договором. В системе управления дебиторской задолженностью для такого клиента по итогам отчетного периода будет улучшен рейтинг. Система может предложить оптимизировать отсрочку в связи с тем, что она не используется в полном объеме. Однако, в отчете есть опция проследить исторические продажи по клиенту — соответствующий анализ покажет, что клиент № 1 активно пользуется 60-ти дневной отсрочкой в сезонный пик продаж. Клиент № 2 — новый клиент, с высокой отсрочкой в 150 дней, реализующий первые закупки. На текущий момент система только начинает выставлять этому клиенту рейтинг — необходимо определенное количество транзакций для понимания развития дальнейшей стратегии взаимодействия с клиентом. Клиент № 3 имеет задолженность, соответствующую отсрочке в днях. Ситуация в целом позитивная, система контроллинга предложит дальнейшее наблюдение за структурой долга и общим историческом соотношении поставок и оплат за отгруженную продукцию. Кейс с клиентом № 4 показывает нам проблемного клиента портфеля дебиторской задолженности. В текущий момент мы наблюдаем уже результаты работы над сокращением задолженности — отсрочка уменьшена до минимальной в 30 дней, долг в абсолютном значении уменьшается. Самый большой объем задолженности приходится на диапазон от 91 до 120 дней. При существенном старении задолженности в этом периоде, система обновила расчет резерва, предстоящий

к начислению и выдала рекомендацию о сокращении предоставления отсрочки до момента выхода на приемлемые для данного клиента операционные значения структуры долга. Ситуация развивается позитивно, отгрузки, пусть в меньшем объеме, но продолжаются, клиент № 4 имеет не только просроченную, но и текущую задолженность.

Примером выше мы продемонстрировали процесс контроллинга отдельных элементов дебиторской задолженности. При переходе к анализу портфеля задолженности в целом, необходимо рассматривать агрегированные показатели, складывающиеся из индивидуальных (общая структура текущего и просроченного долга, ее динамика) и показатели оборачиваемости дебиторской задолженности всего портфеля в целом. Формула определения оборачиваемости дебиторской задолженности достаточно проста — это отношение текущей задолженности к продажам за прошедший период. Для сглаживания сезонности и пиков продаж и отгрузок продукции мы предлагаем проводить расчет оборачиваемости портфеля дебиторской задолженности с учетом следующих правил:

- ◆ при расчете на конец периода (месяца) использовать скользящее среднее дебиторской задолженности за четыре предыдущих периода (включая расчетный) и среднедневные продажи за три предыдущих периода (включая расчетный);
- ◆ использовать чистую дебиторскую задолженность, а не балансовую величину. В состав дебиторской задолженности входит только операционная (торговая) задолженность контрагентов, образующих портфель задолженности, которая корректируется на сумму резерва плохих долгов (Bad Debt) и сумму клиентских авансов за еще не отгруженную продукцию.

Первичным индикативом качества портфеля дебиторской задолженности будут являться:

- ◆ показатели оборачиваемости чистой дебиторской задолженности портфеля (DSO, days sales outstanding), посчитанные по методу скользящей средней;

- ◆ динамика агрегированных показателей структуры просроченного долга, в том числе изменение критических параметров каждой из категорий старения задолженности;
- ◆ изменение состава крупных дебиторов (более 5% от общей суммы портфеля);

В качестве вторичных индикаторов качества портфеля дебиторской задолженности мы рассматриваем показатели задолженности контрагентов, образующих портфель задолженности, включающие соотношение оплат/поставок и динамики резерва, индивидуальные показатели оборачиваемости дебиторской задолженности, динамика кредитного рейтинга и т.п.

Резюмируя описание предлагаемой методики управления портфелем дебиторской задолженности, еще раз отметим следующие ее ключевые особенности, позволяющие эффективно применять ее для управления дебиторской задолженностью:

- ◆ превентивный характер методики, направленный на предотвращение роста просроченной задолженности, базирующийся на концепции управления по слабым сигналам;
- ◆ реализация связи стратегического и операционного уровня функционирования, интеграция в систему бизнес-планирования и прогнозирования основных финансово-экономических показателей;
- ◆ стандартизация основных процедур методики с целью последующей автоматизации, наличие обратной связи результатов процесса контроллинга дебиторской задолженности для корректировки процедур и стандартов;
- ◆ двухуровневый подход к объекту управления дебиторской задолженности на основе разделения индикативных потоков о состоянии портфеля задолженности в целом и отдельных его составляющих.
- ◆ использование метода скользящей средней, учета влияния резервов плохих долгов и авансов клиентов для расчета показателя оборачиваемости чистой дебиторской задолженности портфеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейнина М.Н. Управление движением дебиторской и кредиторской задолженности предприятия // Финансовый менеджмент, 2001 № 3.
2. Василевский И. Как управлять дебиторской задолженностью? // Управление сбытом, 2009, № 3
3. Долгих И.А. Кредитный анализ // Управление корпоративными финансами, 2007, № 3.
4. Грюнинг Х. Ван, Брайович Братанович С. Анализ банковских рисков. Система оценки корпоративного управления и управления финансовым риском / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003.

© Зайнутдинова Елена Даудовна (musaevae88@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ РОЛИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ И МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПРОЕКТАХ

CONCEPTUAL VISION OF THE ROLE OF STAKEHOLDERS AND MODELS OF INTERACTION IN ECO-ORIENTED PROJECTS

A. Zakondyrin

Summary. The purpose of this study is to identify the key stakeholders of environmental projects with the justification of the basic principles of interaction. The main method of research was desk research, as well as general methods of scientific analysis such as abstract-logical and comparative, as well as methods of complex analysis. The role of the main participants of environmentally-oriented projects aimed at implementing the best available technologies is defined. A model of technology for the management of environmental projects with the allocation of the function of partnership of the most important stakeholders is proposed.

Keywords: management, stakeholders, environmental projects, interaction, modernization, programs.

Закондырин Александр Евгеньевич

Кандидат юридических наук, генеральный директор
Ассоциация разработчиков природоохранных
технологий и экологических инициатив; Горный
институт НИТУ «МИСиС»
alexzakondyrin@gmail.com

Аннотация. Целью данного исследования является идентификация ключевых стейкхолдеров эколого-ориентированных проектов с обоснованием базовых принципов взаимодействия. Основным методом исследования выступали кабинетные исследования, а также общие методы научного анализа такие как абстрактно-логический и сравнительный, а также методы комплексного анализа. Определена роль основных участников эколого-ориентированных проектов, направленных на внедрение наилучших доступных технологий. Предложена модель технологии управления проектами экологизации с выделением функции партнерства важнейших стейкхолдеров.

Ключевые слова: управление, стейкхолдеры, эколого-ориентированные проекты, взаимодействие, модернизация, программы.

Введение

Экономически развитые страны в большинстве случаев поддерживают инициативы по использованию различного рода институциональных механизмов для обеспечения устойчивого развития, активно развивая инструменты государственной поддержки, иницируя и внедряя эколого-ориентированные проекты в промышленном секторе. Проекты экологизации направлены на технико-технологическую модернизацию производства, обеспечивающую снижение выбросов вредных веществ и парниковых газов, а также повышают эффективность использования ресурсов и энергии. Зачастую эколого-ориентированные проекты являются сложными с технологической точки зрения и несут значительные риски. Вопросы безопасности и сохранения природных систем играют важную роль при реализации программных мероприятий в рамках модернизации промышленного сектора и вызывают интерес не только компаний, реализующих проект, но также государства и общества [3,4].

Необходимо также отметить, что экологические проекты реализуются зачастую в рамках отдельных

регионов или предприятий, но при этом существует национальный контекст, в ряде случаев появляются международные интересы, например, обязательства по климатическим конвенциям. В этой связи следует констатировать, что эколого-ориентированные способствуют устойчивому развитию и формируют базу «зеленой экономики» и низкоуглеродного развития, поэтому инициативы и их реализация требуют согласования интересов широкого круга заинтересованных сторон [1, 3, 7, 8].

В связи с отмеченными фактами государство, промышленные компании, поставщики, потребители, научное и экспертное сообщество, природоохранные организации выступают важными стейкхолдерами в эколого-ориентированных проектах [6, 9].

Важным элементом в процессе управления и реализации экологически значимых проектов становится обратная связь и формирующиеся коммуникации между ключевыми стейкхолдерами. Процесс формирования целевых экологических проектов должен стать площадкой взаимодействия на различных уровнях. Кроме того необходимо подчеркивать соци-

альный статус экологических проектов, поскольку их реализация улучшает качество окружающей среды тем самым влияя на социальную обстановку в регионе [5].

Комплекс мероприятий по модернизации производства на базе внедрения наилучших доступных технологий (НДТ) относятся к проектам экологизации. Можно предположить, что НДТ выступают инструментом реализации экологических целей компании. Посредством этого инструмента государство в свою очередь может устанавливать технологические нормативы, способные улучшать экологическую обстановку. Считается, что НДТ,— это важный элемент технико-технологического регулирования в сфере охраны окружающей среды и при использовании НДТ формируются инструменты поддержки промышленности [7]

На примере проектов внедрения НДТ целесообразно выделить ключевых участников напрямую или косвенно принимающих участие в управлении процессами экологической модернизации: промышленные компании; федеральные и региональные органы власти; банки, страховые организации, различные фонды и иные финансовые институты, задействованные в активизации соответствующих процессов; общественные и промышленные ассоциации и объединения; экспертные группы; научно-исследовательские центры, участвующие в разработке перспективных технологий, а также осуществляющие техническое сопровождение, мониторинг и контроль уже применяемых НДТ; поставщики технологий и услуг эколого-ориентированного характера.

Каждый из обозначенных выше участников выполняет то или иное условие либо их некую совокупность функций для обеспечения своих интересов и тем самым вносит вклад в управление комплексом мероприятий, направленных на снижение воздействия на окружающую среду. При этом особое внимание должно быть уделено направлениям и условиям взаимодействия ключевых стейкхолдеров.

Рассмотрим ключевые функции и задачи стейкхолдеров экологических программ и проектов.

Промышленные предприятия и организации должны решать следующие задачи:

- ◆ следование устанавливаемым стандартам в сфере НДТ;
- ◆ получение комплексных экологических разрешений;
- ◆ выполнение требований в рамках реализации планов мероприятий по охране окружающей среды;

- ◆ ориентация на практическую реализацию принципов НДТ (внедрение природоохранных, безотходных и малоотходных технологий в производственный цикл, создание «чистых» производств, низкоуглеродной продукции).

Государство инициирует крупномасштабные эколого-ориентированные и климатические программы и развивает институты стимулирующие внедрение природоохранных технологий, включая НДТ.

Задачи поставщиков связаны с формированием их конкурентных преимуществ как экологически-ответственных компаний, нацеленных на внедрение НДТ в производственный цикл.

Страховые компании реализовывают программы страхования инвестиционных рисков проектов НДТ, а также осуществляют страхование экологических рисков предприятий-операторов проектов НДТ.

Финансово-кредитным организациям необходимо формировать специальные программы и разрабатывать особые условия предоставления кредитных займов.

Ассоциации и объединения организуют дискуссии, семинары, круглые столы по вопросам, связанным с пробелами внедрения НДТ. Также роль ассоциации может заключаться в продвижении идей поддержки и развития эколого-ориентированных проектов на законодательном уровне.

Научно-исследовательские центры и институты оказывают содействие разработке и внедрения НДТ и перспективных технологий.

Экспертное сообщество проводят независимый мониторинг и контроль реализации проектов по экологической модернизации производств на основе НДТ.

Взаимодействие стейкхолдеров, должно формировать синергетические эффекты социально-экологического и технико-экономического характеров. При этом действие каждого участника будет многократно усиливать качество и результативность деятельности других ее акторов и в целом оказывать благоприятное влияние на модернизационное развитие нашей страны, повышая ресурсную и энергетическую эффективность промышленности.

Безусловно, экологическая модернизация способствует не только к переходу на принципы устойчивого развития, она также направлена на технологическое обновление, развитие цифровизации и автоматизации

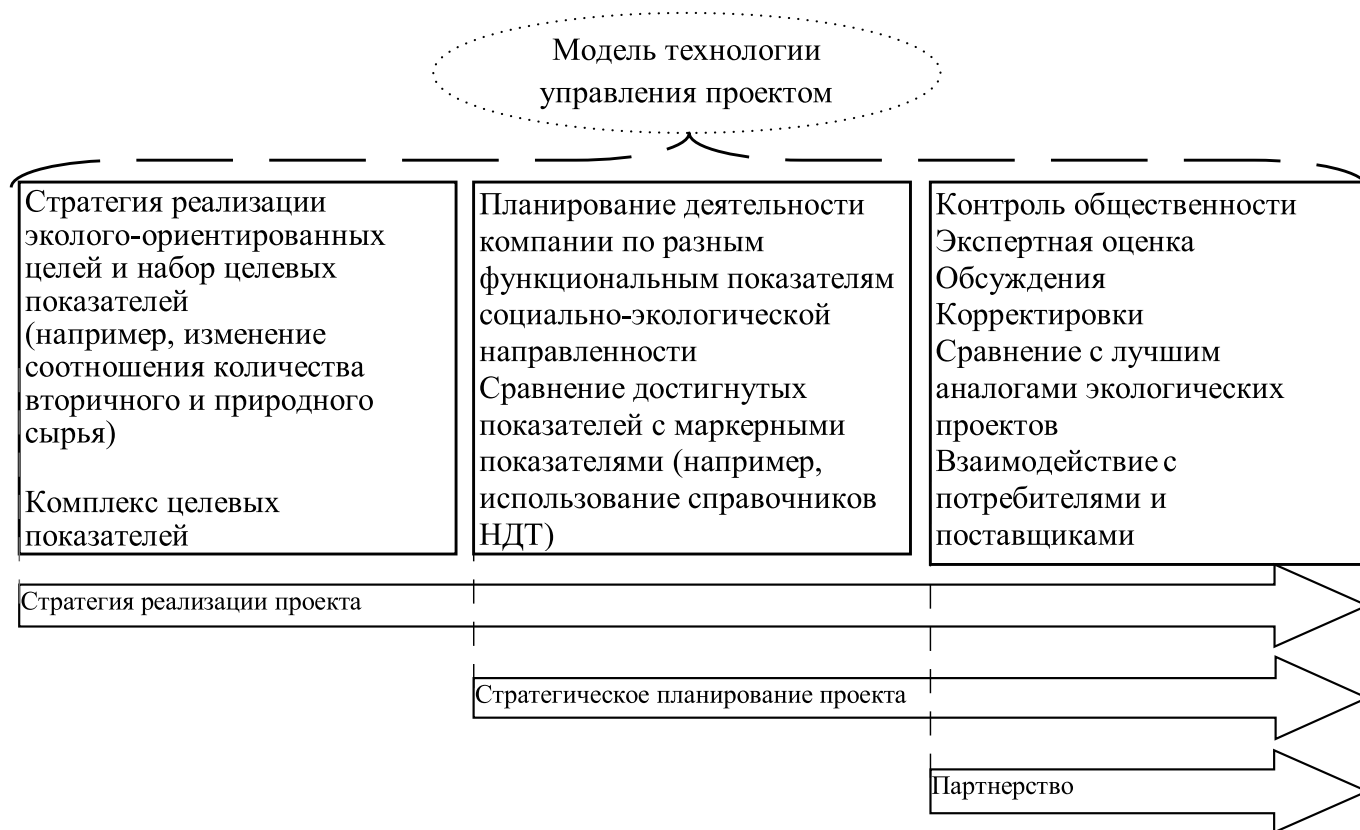

Рис. 1. Модель технологии управления проекта экологизации

производств, стимулирует процессы импортозамещения [2, 10]. При этом высокая значимость технологического обновления связанное с использованием безопасного и ресурсосберегающего оборудования позволят говорить о высокой социальной значимости проектов экологизации.

Стейкхолдеры, задействованные в рамках процесса экологизации и программ повышения безопасности окружающей среды должны иметь возможность обосновать приоритетность своих мнений вносить корректировки в ходе общественных слушаний и дискуссионных мероприятий. В таком виде процесс формирования целевых эколого-ориентированных проектов станет площадкой взаимодействия между компаниями, поставщиками, научными учреждениями, общественностью, государственной властью федерального и регионального уровней.

Исходя из вышесказанного, экологоориентированный проект может иметь следующую дескриптивную модель технологии управления (рисунок 1)

Важным элементом реализации проектов экологизации является бенчмаркинг — сравнение с лучшим производственным опытом в рамках уже реализован-

ных проектов внедрения эколого-ориентированных технологий. Инструмент позволяет сравнивать достижение определенных технико-экономических показателей схожих технологических процессов, в рамках одной отрасли. При внедрении новых технологий, включая НДТ, часто наблюдается либо отсутствие, либо небольшое количество внедренных в производство аналогов, поэтому важно определить эталонные достижения и экспертно установить интервалы технико-технологических маркерных показателей, по которым данную технологию можно отнести к эколого-ориентированной.

Технология управления экологизацией должен основываться на использовании большого пространства информационного обеспечения. Важен сбор данных о деятельности промышленных компаний, влияния их производственно-хозяйственной деятельности на природную среду в части сброса сточных вод, нарушения ландшафтов, управления отходами, использования замкнутых циклов в производстве.

Постоянный мониторинг изменений в нормативной и правовой среде, международные климатические и экологические конвенции. Тщательное изучение мирового опыта в части становления «зеленой экономи-

ки». «зеленой энергетики», экономики замкнутого цикла, практики внедрения НДТ — в этих областях также необходимо аккумулировать информацию, постоянно отслеживать изменения и передовые тренды инноваций природоохранного типа.

Инструмент обратной связи, связан и с организацией конгрессов и симпозиумов по проблемам природоохранной деятельности в МСК, взаимодействию на всех уровнях стратегического управления с привлечением стейкхолдеров. Площадка обмена информацией и знаний с привлечением «лидеров мнений» из академического и сообщества и из производства позволит держать тренд вовлеченности в процессы технологических изменений, которые происходят в сфере экологизации в МСК.

Общественное обсуждение и привлечение экспертов к реализации национальных и региональных экологических проектов не может быть формальностью, а должно стать реально действующим инструментом технологии управления процессом экологизации.

Заключение

Возможности развития и направления развития взаимодействия промышленных компаний связано с формированием спроса на перспективные технологии и привлечение научно-исследовательских организаций к решению задач, связанных с разработкой и внедрением НДТ. Компании могут продвигать свой статус ответственного инвестора, та также активно участвовать в реализуемых региональных программах, нацеленных на экологическую модернизацию промышленных производств.

Государственные органы управления должны повышать эффективность контрольно-надзорных мероприятий за соблюдением регламентов и нормативно-правовых положений. Также целесообразным представляется организация общественных слушаний за ходом реализации экологических проектов.

Поставщики имеют возможности по развитию продуктовых, процессных и организационных инноваций

эколого-ориентированного характера, и тем самым у них появляется выход на новые сегменты рынка.

Страховые компании должны развивать инструменты экологического страхования.

Финансово-кредитные организации формируют систему «зеленого кредитования», разрабатывают экономические критерии отбора проектов для внедрений эколого-ориентированных технологий.

Ассоциации развивают направления связанные с обмен опытом и обучением, осуществляют трансфер знаний в области экологизации производства и внедрения наилучших доступных технологий.

Научно-исследовательские центры и институты активизируют участие в научно-производственных консорциумах. У данных организаций увеличивается сегмент промышленных заказчиков; а также развивается научно-практический потенциал сотрудников путем активизации участия в высокотехнологичных проектах реального сектора экономики.

Важно формировать высококвалифицированные экспертные группы для мониторинга экологических программ. Роль экспертного сообщества заключается в подготовке независимых заключений для органов власти и инвесторов.

В условиях необходимости следования парадигме устойчивого развития и формирования «зеленой» экономики важно подчеркивать регулируемую роль государства при создании эффективных механизмов управления экологизацией. При этом довольно четко должны выделяться интеграционные взаимосвязи ключевых стейкхолдеров. Кроме компаний, реализующих эколого-ориентированные проекты, важно участие внешнего окружения проекта. Общество, ученые и специалисты из производственной среды должны активно подключаться к участию в экологических программах, благодаря которым можно создать реально эффективную систему, способствующую обеспечению эколого-экономической устойчивости сложных промышленных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? [Текст] // Вопросы политической экономии. — № 1. — 2020. — С. 67–83.
2. Зайченко, И.М. Драйверы цифровой трансформации бизнеса: понятие, виды, ключевые стейкхолдеры / И.М. Зайченко, А.В. Козлов, Е.С. Шитова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 38–49. — DOI 10.18721/JE.13503. — EDN YUJJK.
3. Закондырин, А.Е. Экологические концепции: сравнительный анализ / А.Е. Закондырин, С.А. Липина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2022. — № 4(136). — С. 7–14. — EDN AENKJ.

4. Зеленая экономика: управление развитием. Стратегия и тактика / С.А. Липина, Е.В. Кудряшова, Е.В. Агапова [и др.]. — Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. — 264 с. — ISBN978-5-261-01570-3. — EDN WUACAH.
5. Костарев, С.В. Стейкхолдеры социального проекта: определение и анализ / С.В. Костарев // Инновационная экономика и общество. — 2016. — № 3(13). — С. 85–91. — EDN WYDDCP.
6. Овчарук, К.В. Структуры, стейкхолдеры, матрицы. Фундаментальные идеи проектного управления / К.В. Овчарук // Журнал Бюджет. — 2019. — № 8(200). — С. 72–75. — EDN ZAFDUX.
7. Скобелев Д.О. НДТ: новая российская технологическая революция [Текст] / С.Н. Бобылев, О.В. Кудрявцева, Д.О. Скобелев, С.В. Соловьева, Е.Ю. Яковлева — М.: АСМС, 2021. — 240 с.
8. Череповицын, А.Е. Критический анализ методических подходов к оценке устойчивости арктических нефтегазовых проектов / А.Е. Череповицын, П.С. Цветков, О.О. Евсеева // Записки Горного института. — 2021. — Т. 249. — № 3. — С. 463–478. — DOI 10.31897/PMI.2021.3.15. — EDN BOFHSH.
9. Cherepovitsyn, A.E. Stakeholders management of carbon sequestration project in the state — business — society system / A.E. Cherepovitsyn, A.A. Ilinova, O.O. Evseeva // Journal of Mining Institute. — 2019. — Vol. 240. — P. 731–742. — DOI 10.31897/PMI.2019.6.731. — EDN DEPLKG.
10. Government Promoting Communication Tool in Innovation Development of Companies / S.A. Lipina, S.A. Lochan, D.V. Fedyunin, V.V. Bezpalo // European Research Studies Journal. — 2017. — Vol. 20. — No 4B. — P. 536–547. — EDN XMCUGT.

© Закондырин Александр Евгеньевич (alexzakondyrin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИСИС

РАЗВИТИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И КАПИТАЛОМ В КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И БАНКОВСКИХ ГРУППАХ

DEVELOPMENT OF REGULATION OF RISK AND CAPITAL MANAGEMENT SYSTEMS IN CREDIT INSTITUTIONS AND BANKING GROUPS

V. Zubkova

Summary. The article discusses the problems of risk management in credit institutions and banking groups. The introduction of advanced trading technologies and complex financial products in credit institutions, as well as the development of ecosystems, has caused new problems in the field of risk management and the main concern of banking regulators and politicians. The management of banking risks in banking groups from the point of view of regulatory authorities requires new approaches with an emphasis on the regulation of the capital of the entire banking group based on aggregate risk.

Keywords: banking groups, risk management system, banking regulation, consolidated financial statements, aggregate risk.

Зубкова Светлана Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
zubkovasv@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы регулирования рисков в кредитных организациях и банковских группах. Внедрение передовых торговых технологий и сложных финансовых продуктов в кредитных организациях, а также развитие экосистем, стало причиной новых проблем в сфере управления рисками и главной заботой банковских регуляторов и политиков. Управление банковскими рисками в банковских группах с точки зрения регулирующих органов требует новых подходов с акцентом на регулирование капитала всей банковской группы, основанное на совокупном риске.

Ключевые слова: банковские группы, система управления рисками, банковское регулирование, консолидированная отчетность, совокупный риск.

Подходы к оценке достаточности капитала и качество системы управления рисками и капиталом кредитных организаций и банковских групп уже несколько десятилетий находятся под пристальным вниманием надзорных органов. Капитал кредитных организаций является одним из факторов, влияющих на доверие общества к каждой конкретной кредитной организации и банковскому сектору в целом, что требует постоянного контроля со стороны государства за показателями его оценки. Поддержание адекватного уровня нормативов достаточности капитала является одним из условий финансовой стабильности банковской системы любой страны. Основной задачей регулятора в данной области является контроль за созданием и функционированием системы управления рисками и капиталом в кредитных организациях и банковских группах, призванной обеспечить необходимые нормативы и защитить систему от влияния внешних и внутренних факторов, влияющих на экономическую устойчивость.

Базельский комитет по банковскому надзору (далее — Базельский Комитет), является основной организацией, которая устанавливает международные стан-

дарты банковского пруденциального регулирования. Банки практически всего мира управляют своим капиталом и рисками, а также контролируются регулируемыми органами, на основании рекомендаций Базельского Комитета.[1]

Требования к капиталу, основанные на риске, направлены на создание дисциплины в отношении рискованного поведения банков, с помощью которой они помогают обеспечить глобальную финансовую стабильность.

Российская система оценки капитала кредитных организаций и банковских групп, также как и системы оценки банковского капитала других стран, основана на рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН) и директиве Европейского Союза (ЕС) при построении стратегии управления рисками и капиталом.[2]

Банк России с учетом международных рекомендаций устанавливает для кредитных организаций и банковских групп определенные требования к системе управления рисками и капиталом, а также обязатель-

ные нормативы по соблюдению уровня достаточности капитала. Положения, указания и инструкции Банка России регламентируют процесс оценки рисков и управления капиталом, утверждают требования по расчету рисков для обязательных нормативов достаточности капитала, устанавливают порядок раскрытия информации и контроль со стороны Банка России.

Российские кредитные организации и банковские группы осуществляют процесс оценки рисков и управления капиталом на основании Федерального закона Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» и нормативно-правовых актов Банка России. В соответствии со статьей 11.1–2 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» кредитные организации, а также головные кредитные организации банковской группы должны соблюдать требования Банка России к системе управления рисками и капиталом¹.

Соответствие международным требованиям, принятие в расчет рекомендаций БКБН позволяет банковским группам и отдельным кредитным организациям осуществлять свое функционирование за пределами территории Российской Федерации и привлекать иностранных инвесторов для осуществления своей деятельности.

На показатели достаточности капитала кредитных организаций и банковских групп могут влиять:

1. Структура и размер капитала — в этом случае важно определить размер капитала всех консолидируемых, в том числе непрофильных, компаний, рассчитанного в соответствии с требованиями к структуре банковского капитала.
2. Показатели принимаемых рисков — в этом случае важно, чтобы группа правильно идентифицировала, рассчитала и отразила консолидируемые риски в отчетности. Здесь необходимо отметить, что методики оценки рисков, применяемых банками пока слабо контролируются и могут давать погрешности. Они постоянно модифицируются, в том числе по решению регулятора. Так за последние 5 лет подход к оценке кредитного риска со стороны регулятора менялся неоднократно, от стандартного подхода, отраженного в Инструкции 180 И к финализированному подходу в Инструкции 199 И, а также полной интеграции в российскую отчетность МСФО 9, который

предусматривает оценку активов и создание резервов на основе ожидаемых потерь. Все это не позволяет достичь полной конвергенции всех рисков в процессе консолидации отчетности и оценки рисков банковской группы.

3. Качество систем управления рисками — в этом случае важно оценить качество всех процедур оценки достаточности капитала в рамках ВПОДК.

Для выявления внешними пользователями наиболее существенных рисков банковской группы и анализа причин снижения нормативов достаточности капитала важным является полнота и качество составляемой отчетности банковской группы.

Индикаторами адекватности системы управления рисками кредитных организаций и банковских групп являются:

1. Информация в отчетности по российским и международным стандартам о состоянии этой системы;
2. Нормативы и другие показатели в системе отчетности по ВПОДК;

Рассмотрим эти два направления анализа:

1. Информация в отчетности по российским и международным стандартам о состоянии этой системы

Регуляторная практика систем управления рисками и капиталом в кредитных организациях и банковских группах основывается на требованиях по составлению отчетности в соответствии с международными стандартами, в которой должна отражаться вся необходимая для оценки информация.

Основные этапы подготовки отчетности по банковской группе

1. Консолидация отчетности по МСФО.
2. Раскрытие информации по группе в соответствии с требованиями МСФО.
3. Подготовка консолидированной отчетности «О принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом».

В консолидированной отчетности банковской группы, составленной в соответствии с МСФО, отражаются компании, которые были приобретены или в которые банк осуществляет инвестиции, а также активы, не являющиеся бизнесом.

Банковская группа должна определить, является ли операция или иное событие объединением бизнесов, используя МСФО 3. На дату покупки банковская группа

¹ Статья 11.1–2. Российская Федерация. Федеральный закон. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон: [принят Государственной Думой 2 декабря 1990 года].— Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф.— Текст: электронный.— URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 20.03.2021)

должна классифицировать или определить идентифицируемые приобретенные активы и принятые обязательства соответствующим образом с целью последующего применения других МСФО. Осуществление такой классификации или определения происходит на основе договорных условий, экономических условий, своей операционной или учетной политики, а также других уместных условий, которые существуют на дату приобретения.

В некоторых ситуациях банковская группа на основе МСФО предусматривают различный порядок учета в зависимости от того, как организация классифицирует или определяет конкретный актив или обязательство. При этом актив или компания должны быть оценены с применением МСФО 9 «Финансовые инструменты»

Анализ нормативных документов, а также отчетности российских банковских групп, показал, что в настоящее время нет четких указаний для банковских групп по раскрытию информации о размере капитала и его достаточности целом, по всей банковской группе.

Стандарты раскрытия информации о достаточности капитала по банковским группам в соответствии с МСФО не требуют обязательного расчета именно консолидированного размера капитала и рисков, группа сама принимает решение какой показатель достаточности капитала раскрывать в данной отчетности, единые стандарты не установлены. Достаточно часто банковские группы не утруждают себя дополнительными расчетами консолидированного капитала и норматива достаточности, а раскрывают информацию о его достаточности на основе российских требований к раскрытию информации о достаточности капитала консолидированной группы. При этом Положение Банка России № 729-П ограничивает раскрытие информации о достаточности капитала банковской группы, в которую включаются для консолидации ограниченный круг компаний, а не весь периметр консолидации.[3] Составление консолидированной отчетности банковской группы только с включением определенных организаций было обусловлено целью проводить анализ с учетом компаний, влияющих на основной бизнес головного банка и его капитализацию. Регулятор, возможно, тогда посчитал, что нефинансовые компании составляют несущественную долю в капитале и риске банковской группы. Но изменение ситуации и приобретение в последние несколько лет многими системно-значимыми банками крупных компаний различных видов бизнеса, работающих не всегда достаточно эффективно, а также присоединение активов из-за непогашения крупных сумм ссудной задолженности, сделало банковские группы заложниками такой политики.

Анализ консолидированной отчетности банковских групп не позволяет внешнему пользователю однозначно определить размер капитала и консолидированные риски в целом по группе. Кроме этого, при консолидации отчетности, непрофильные активы группы, например, нерентабельные убыточные нефинансовые предприятия, которые были ранее прокредитованы головным банком, и зарезервированы, скорее всего будут сторнированы в соответствии с требованиями МСФО, и в отчетности не отразятся. Перечисление непрофильных активов в отчетности, в том числе нефинансовых предприятий, входящих в группу, также не дает полной информации об их влиянии на капитал группы в целом. В отчетности банковской группы о консолидированных рисках есть форма, где группа должна отражать различия в составе консолидированных компаний, но она не дает полного понимания причин изменения капитала и рисков достаточности капитала в целом по группе. При этом на достаточность капитала головной банковской организации созданные резервы существенно повлияют, и могут значительно снизить этот показатель.

2. Нормативы и другие показатели в системе отчетности по ВПОДК;

В соответствии требованиями регулятора кредитные организации и банковские группы обязаны формировать эффективную систему управления рисками в целом по группе, функционирующую на принципах системности, комплексности, осведомленности, независимости, и других.[4]

Многие кредитные организации и группы используют комплексный подход при идентификации рисков: нормативный, количественный и качественный.

Нормативный подход предполагает использование минимальных требований Банка России по идентификации и признанию существенности риска.

Качественный подход предполагает ранжирование экспертами перечня рисков, которым подвержена кредитная организация или банковская группа, и установление порога, по которому риск может быть признан существенным. По агрегированным оценкам с применением порога существенности определяется профиль существенных рисков Группы.

Количественный подход предполагает использование ретроспективных отчетных показателей, на основе которых составляется количественная шкала оценки риска и ее соотнесение с оценкой ранжирования, после чего устанавливается порог, по которому риск может быть признан существенным.

Внутренние процедуры управления достаточностью капитала предусматривают процедуры управления наиболее существенными рисками. Эти процедуры включают в себя:

- ◆ планирование достаточности капитала с учетом каждого отдельного вида риска в составе общего бизнес-плана банка;
- ◆ разработку многоуровневой системы лимитов по распределению капитала по бизнес-подразделениям, генерирующим каждый вид риска;
- ◆ разработку плана по управлению достаточностью капитала в неблагоприятной ситуации с учетом контроля за всеми обозначенными рисками.

Выводы

Современные регуляторные требования и подходы к отражению рисков в отчетности банковской группы

не позволяют в полной мере оценить риски с учетом входящих в нее нефинансовых компаний.

Основным направлением решения данной проблемы может стать:

- ◆ развитие корпоративного управления и ESG ответственности банковских групп и нефинансовых компаний;
- ◆ включение ESG показателей в Методику оценки рисков корпоративного управления банковской группы;
- ◆ внесение изменений в принципы консолидации и приведение всей консолидированной отчетности банковской группы к единым требованиям;
- ◆ дополнительное обязательное раскрытие информации в консолидированной отчетности банковской группы по МСФО показателей оценки достаточности капитала, рассчитанных на основании этой же отчетности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базельский комитет по банковскому надзору. Руководство. Принципы корпоративного управления для банков // Банк международных расчетов. — 2021. — стр. 26. — Текст: электронный. — URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/36687/Basel_cgpb.pdf (дата обращения: 20.11.2022).
2. О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору «Принципы агрегирования рисков и представления отчетности по рискам» // АО «Кодекс». — 2021. — Текст: электронный. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/499099585> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Положение Банка России от 15.07.2020 N729-П (ред. от 24.12.2021) «О методике определения собственных средств (капитала) и обязательных нормативов, надбавок к нормативам достаточности капитала, числовых значениях обязательных нормативов и размерах (лимитах) открытых валютных позиций банковских групп» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.10.2020 N60292)
4. Официальный сайт Ассоциации банков России https://asros.ru/upload/iblock/513/txb1f8lxav04ofgik378t0zbd1qmxxw0/Sbornik-I-kv-2021_final.pdf [Электронный ресурс].

© Зубкова Светлана Валерьевна (zubkovasy@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ МЕТОДИК ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Кирова Елена Александровна

Государственный университет управления
Москва

Курченко Анна Александровна

Государственный университет управления
Москва
inf@guu.ru

ANALYSIS OF METHODS OF FINANCIAL ANALYSIS IN ENVIRONMENTAL ORGANISATIONS

**E. Kirova
A. Kurchenko**

Summary. The article provides an analysis of the main methods of financial analysis of an environmental organization. Based on the analysis, a comparison of methodologies for the selection of the most effective methodology for conducting a financial analysis of an environmental organization has been carried out. At the same time, the methodology for conducting a financial analysis of an environmental organization was chosen taking into account the specifics of the organization's activities in the field of ecology.

Keywords: selection, method, analysis, financial analysis, ecology, environmental organization, organization analysis.

Аннотация. В статье приведен анализ основных методик проведения финансового анализа экологической организации. На основе анализа осуществлено сравнение методологий для подбора наиболее эффективной методологии проведения финансового анализа экологической организации. При этом, методология проведения финансового анализа экологической организации выбрана с учетом специфики деятельности организации в сфере экологии.

Ключевые слова: подбор, метод, анализ, финансовый анализ, экология, экологическая организация, анализ организации.

Для определения финансового состояния организации применяют разные методики.

Цель работы

Исследовать методики финансового анализа и сделать выбор методики для экологических организаций с учетом их специфики.

Предложен выбор методики В.В. Ковалева, которой обеспечивается наглядная, аналитичная, своевременная и полная учетная информация, которая предназначена для применения службой охраны природы, и при этом учитывают специфику экологической организации.

Целью реферата является то, чтобы сформировать подход к анализу, который получается принципиально новым в современных условиях, в которых функционирует организация.

Предметом исследования являются теоретико-методологические и организационно-практические вопросы по анализу методик финансового анализа экологических организаций.

Формулируется классификация затрат по экологии с учетом безопасности экологии в функционировании организации и итогов в деятельности по охране природы.

При практическом использовании итогов исследования существует возможность, чтобы способствовать тому, чтобы все с большей достоверностью находить результативность и эффективность работы организаций в экологии.

Предложенные классификации по экологическим затратам были для того, чтобы осуществлять учет и проводить анализ, а в будущем оказывать влияние на развитие с перспективой в учете и анализе в экологии.

Таблица 1. Структура экологических затрат капитального характера

Совокупные экономические затраты капитального характера		
Плата за экологическую экспертизу	Затраты на строительство или приобретение объектов природопользования	Затраты на реконструкцию и модернизацию объектов природопользования
- стоимость проектно-изыскательных геологоразведочных работ; затраты по отводу	- стоимость оборудования затраты на строительные-монтажные работы и доведение объектов до готовности; расходы на уплату процентов по кредитам банков, использованными на капитальные вложения до их ввода в эксплуатацию.	- затраты на коренное улучшение земель и многолетнее месторождение; затраты на реконструкцию и модернизацию природоохранных объектов.

Финансовый анализ природоохранных организаций

Метод финансового анализа как общий подход к изучению хозяйственных процессов основан на материалистической диалектике.

Особенности метода финансового анализа проявляются в том, чтобы использовать систему информации по показателям и факторам финансово-хозяйственной деятельности, выбирать измерители и давать оценку в зависимости от того, какие особенности явлений, которые анализируются, изучать причины изменений показателей и выявлять воздействие факторов на итоговый показатель при помощи применения таких приемов, как при помощи математики, статистики и хозяйственного учета.

В более широком смысле целью финансового анализа деятельности природоохранной организации выражается в том, чтобы осуществлять выявление таких резервов и выработку управленческих решений, которые должны быть направлены на то, чтобы привести к увеличению ее результативности и чтобы добиваться таких показателей, как устойчивость в развитии организации в целом [1].

В более узком смысле целью анализа деятельности природоохранной организации выражается в том, чтобы осуществлять действия для выполнения каждой из конкретных задач по экологии. К примеру, при выполнении анализа размера суммы по оплате за такие расходы, которые направлены на то, чтобы выполнять выбрасывание вредных веществ в атмосферу, при этом должна преследоваться такая цель, как снижение этих расходов.

Необходимо сказать о том, что достигая каждую частную цель, когда проводят финансовый анализ, его результат направляется на то, чтобы выполнить его общую цель, которая даст возможность, чтобы повысить

эффективность работы организации по охране природы для того, чтобы достигнуть такую цель в развитии организации, как устойчивость [2].

Общие и частные цели финансового анализа деятельности экологической организации это решить следующие задачи [3]:

- 1) провести анализ и оценить дать оценку данных по информации по отражению выполнения плана по мероприятиям охраны природы;
- 2) определить причины и виновных в них, в отношении того, что не выполняют природоохранные мероприятия или перенесены сроки в отношении того, что их нужно выполнить;
- 3) провести анализ затрат, которые направляются на то, чтобы выполнять деятельность по охране природы и придерживаться объемов платежей организации по вопросам экологии;
- 4) выполнить анализ результатов работы организации, которая направлена на охрану природы и их согласовать с итоговыми данными, такими как экономические и социальные;
- 5) выполнить разработку мероприятий в научно-обоснованном плане по мероприятиям, направленных на охрану природы в следующем периоде и осуществить привязку с такими планами, как инвестиционный и финансовый планы, а также с таким планом, который направлен на то, чтобы осуществлять социальное развитие коллектива [4].

В данной работе определяют необходимо ли и целесообразно ли применять новые мероприятия на охрану природы, а также их технически обосновать и обеспечить ресурсами. Важный момент данного процесса проявляется в том, чтобы дать оценку того, что оказал негативное действие технологический процесс организации на элементы среды, которая окружает, до и после того, как были осуществлены мероприятия [2]. В зависимости от целевой установки экологического анализа анализ затрат можно проводить и в разрезе текущих и

Таблица 2. Классификация внутренних экологических издержек по характеру возмещения

Внутренние экологические издержки	
Включение в себестоимость	Возмещение из прибыли
1. Экологические налоги (платежи)	1. Компенсационные платежи социальной поддержки
2. Услуги сторонних организаций	2. Штрафы, пени, неустойки
3. Платежи по экологическому долгу	3. Плата за загрязнение сверх нормативов
4. Расходы по содержанию природоохранной инфраструктуры	

капитальных затрат [8]. Кроме исследования текущих экономических затрат принципиально важное значение имеет анализ капитальных затрат.

Структура экологических затрат капитального характера представлена в таблице 1.

Субъекты, осуществляющие капитальные вложения в природоохранную деятельность за счет собственных источников, оценивают их по сумме фактических затрат на приобретение, сооружение, изготовление, реконструкцию и модернизацию соответствующих основных средств.

Авторами разработана классификация внутренних экологических затрат по группам: включение в себестоимость и возмещение из прибыли.

Результаты представлены в таблице 2.

Методики, которые существуют, для того чтобы определить экономическую эффективность мероприятий по охране природы, основаны на теории ущерба, который был предотвращен.

Анализ методик финансового анализа экологических организаций

Существующие методики определения экономической эффективности природоохранных мероприятий базируются на концепции предотвращенного ущерба.

Анализ трудов современных российских ученых, рассматривающих классификацию природоохранных затрат, позволяет сделать вывод о том, что нет единого подхода не только к методике учета, но и к определению самого понятия «экологические затраты».

С развитием индустриализации окружающая среда постоянно испытывает огромнейшие нагрузки, а то, что негативно влияет, человек может привести к быстрому дефициту ресурсов.

Для того, чтобы решать появившиеся проблемы основаны экологические организации.

Цель экологических организаций предупреждать появление глобальных катастроф для этого привлечь внимание общества и властей.

Как и все организации, экологические организации проводят финансовый анализ.

Финансовый анализ служит изучением основных показателей, коэффициентов, при помощи которых дается объективная оценка текущего финансового состояния организаций для того, чтобы правильно и эффективно принимать управленческие решения.

Рассмотрены основные методики анализа финансовых результатов деятельности организаций, которые были предложены как отечественными, так и зарубежными авторами.

Каждую методику проводят пошаговыми этапами анализа финансовых результатов.

Показан каждый элемент во внешнем и внутреннем анализе финансовых результатов организации в рыночных условиях экономики.

Из используемых методик финансового анализа, которые разработаны российскими учеными, выбор был сделан в пользу методики В.В. Ковалева, в ней учитывается специфика организаций, таких как экологические.

В анализ входят два модуля.

Первый модуль состоит из экспресс-анализа, в котором дают общую оценку финансового состояния.

Второй модуль — из углубленного анализа, в нем анализируется экономический потенциал, проводится анализ по финансовым результатам.

Обоснованность проведения анализа по второму модулю определяется после того, как было осуществлено проведение первого модуля.

Достоинство методики В.В. Ковалева в том, что существует возможность дать оперативную оценку

о финансовом состоянии организации, проводить прогностико-аналитические расчеты; при этом учитывают специфику организации, и как влияет инфляция; затрагивают международные основы финансового анализа.

Недостатком методике является то, что не проводят анализ вероятности банкротства; рассчитывается большое количество коэффициентов.

В силах особенностей деятельности природоохранных организаций, это единственная методика, которая учитывает их специфику.

Проводится финансовый анализ по методике В.В. Ковалева, при этом пользуются такими методами чтения отчетности, как вертикальным, горизонтальным, коэффициентным, факторным. Существуют и другие методы чтения отчетности. Необходимо знать то, как формируются ее статьи.

1. При проведении горизонтального анализа, анализируют динамику по показателям, которые отражает бухгалтерская отчетность посредством того, что сравнивают текущие показатели и показатели по предыдущим периодам. И делают вывод.
2. При проведении вертикального анализа определяют в какой степени влияют показатели по отдельным статьям в бухгалтерском балансе на общие итоги показателей финансово-хозяйственной деятельности организации, затем вывод.
3. При проведении анализа по коэффициентному методу, по относительным показателям — коэффициентам анализируют отношения по абсолютным показателям статей в бухгалтерской отчетности. При этом есть приоритетные значения одних или других коэффициентов, которые находятся в зависимости от того какая отраслевая особенность организации, ее размер и от других условий.
4. При проведении факторного анализа дают оценку влияния таких определенных факторов, как внешние и внутренние, на итоговый показатель, который исследуют.

В каждую методику входят главные разделы финансового анализа, которые являются необходимостью для того, чтобы представить полную картину финансового состояния организации, но только методика В.В. Ковалева учитывает ее специфику.

Проведенный анализ по данной методике определяет необходимость и целесообразность новых природоохранных мероприятий, а также обоснованы ли они технически и обеспечены ли ресурсами. И только после этого их внедряют.

Таким образом, деятельность человека оказывает негативное воздействие на окружающую среду. Однако хорошо, что общество начало задумываться о последствиях и благополучии будущих поколений. Поэтому во всем мире создаются крупные природоохранные организации, занимающиеся вопросами охраны природы и биологической защиты.

Заключение

Финансовый анализ — это механизм управления экономической деятельностью. Анализ играет важную роль в решении будущих проблем, позволяя компании своевременно отслеживать свою деятельность.

В некоммерческой литературе продолжается дискуссия, предполагающая, что чрезмерная сосредоточенность на мерах по расходам может иметь непреднамеренные последствия. Руководители секторов призвали уделять больше внимания измерению операционной эффективности; другие утверждают, что для оценки ликвидности и устойчивости необходимы показатели финансового положения. Реагируя на это требование, стандарты FASB теперь требуют большего раскрытия информации, связанной с ликвидностью.

Сегодня анализ финансовой отчетности природоохранной организации является важным инструментом, который заинтересованные пользователи могут использовать для повышения качества принятия управленческих решений. Анализ финансовой отчетности природоохранной организации различными методами, приемами и расчетными коэффициентами позволяет получить необходимую аналитическую информацию для своевременного выявления и устранения недостатков в финансовой деятельности природоохранной организации.

Наиболее обширный подход относится к анализу финансово-хозяйственной деятельности экологической организации всех хозяйственных процессов, включая планирование производства на предприятии и оценку полученных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия / Бердникова, Т.Б., — М.: ИФРА-М, 2018. — 215 с.
2. Ковалев. В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. М.: Финансы и статистика, 2002. — 560 с.

3. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности / Алексеева А.И., — М.: Инфра-М, 2017. — 718 с.
4. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия / Бариленко, В.И., — М.: ФОРУМ, 2019. — 464 с.
5. Теория экономического анализа / Баканов, М.И., Мельник, М.В., Шеремет, А.Д., — 5-е изд. — М.: Финансы и статистика, 2018. — 536 с.
6. Финансово-экономический анализ хоз. деят. коммер. организаций (анализ дел. актив.) / Абдукаримов, И.Т., — М.: НИЦ Инфра-М, 2019с.
7. Шеремет А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учеб. / А.Д. Шеремет. — 2-е изд., доп. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 374 с.
8. Экономический анализ / Ионова, Ю.Г., — М.: Московская финансово-промышленная академия, 2020. — 432 с. Каранина, Е.В., Круглова, Н.В. Механизм оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности предприятия с позиции стратегического управления [Текст] / ВГУСШ Москва, 2019 г.

© Кирова Елена Александровна, Курченко Анна Александровна (inf@guu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет управления

ОСОБЕННОСТИ «ЗЕЛеноЙ» ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ ФРАНЦИИ

FEATURES OF THE "GREEN" TRANSFORMATION OF THE FRENCH ECONOMY

S. Klekovskaya

Summary. The article presents the theoretical foundations of the "green" economy as an economy that contributes to improving the well-being of people and social justice while significantly reducing environmental risks and environmental scarcity. The features of the implementation of the goals of the green transformation of the economy in France are analyzed.

Keywords: ecology, sustainable development France, low-carbon economy, energy efficiency.

Клековская Светлана Робертовна

Кандидат экономических наук, старший преподаватель, Московский Государственный Институт Международных Отношений
svetagle@gmail.com

Аннотация. В статье представлены теоретические основы «зеленой» экономики как экономики, которая способствует повышению благосостояния людей и социальной справедливости при значительном снижении экологических рисков и экологического дефицита. Проанализированы особенности реализации целей зеленой трансформации экономики во Франции.

Ключевые слова: экология, устойчивое развитие Франции, низкоуглеродная экономика, энергоэффективность.

Социально-экономическое развитие, несмотря на очевидные положительные стороны, влечет за собой негативные последствия необратимой утраты природных ресурсов и изменения климата. Поэтому необходимы меры, чтобы направить экономическое развитие на путь, позволяющий бережно относиться к окружающей среде и ограничивать потребление ресурсов, а также обеспечивать высокое качество жизни и новые рабочие места. Поэтому необходимо трансформировать экономику в сторону более эффективного использования природных ресурсов, сокращения выбросов загрязняющих веществ, сохранения биоразнообразия, смягчения последствий и адаптации к изменению климата. При рассмотрении развития экологических приоритетов можно проследить определенную закономерность.

Появляющиеся концепции нулевого роста, ограничения роста населения или уменьшения потребления не принесли желаемых результатов. Развивающиеся страны справедливо выдвигают свои стремления к развитию, призывают богатые страны к ограничениям. В то же время попытки сократить прирост населения в некоторых странах Азии и Южной Америки встречают сопротивление международного общественного мнения и в долгосрочной перспективе оказываются неэффективными, а то и порождают новые демографические проблемы, что видно уже сегодня. Ограничение потребления в высокоразвитых странах на основе модели убеждения не приносит никаких результатов, а глобаль-

ная доступность СМИ способствует ее дальнейшему распространению и в развивающихся странах. Несмотря на предпринятые действия, эффект были недостаточными [2].

С начала 2000-х гг. возникла дискуссия, в основном среди экономистов, экологов и политиков, о причинах сложившейся ситуации и возможных путях ее преодоления, а также предотвращения подобного события в будущем. В докладах международных организаций (Организация экономического сотрудничества и развития, Программа ООН по окружающей среде), научно-исследовательских институтов, аналитических центров постулируются решения, ориентированные на системные преобразования, направленные на глубокие структурные изменения в экономике. Во-первых, появился термин «зеленая экономика», впервые он был использован в докладе, озаглавленном Проект «зеленой» экономики, заказанный британским правительством в 1989 году. Однако его популяризация произошла после 2007 года, в основном благодаря международным организациям, таким как Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Эти субъекты посредством разного рода программ, исследований и деклараций призывали к изменениям, направленным на структурные преобразования в экономике государств. С одной стороны, они были обусловлены необходимостью преодоления последствий кризиса в реальной экономике (2008–2010 гг.), а затем создания основ системы развития, позволяющей

в долгосрочной перспективе обеспечить восстановление экономики, и обеспечит «устойчивость» к подобным сбоям в будущем. С другой стороны, важная роль отводилась бережному отношению к природным ресурсам и снижению давления производственной, инвестиционной и потребительской деятельности на природную среду. Было предложено изменить его восприятие и использование не только как резервуара ресурсов, необходимых для производства различных видов товаров, но и как необходимость несения расходов, связанных с охраной окружающей среды, в связи с обязательствами, определенными законом [3].

Согласно рабочему определению ЮНЕП, «зеленая» экономика служит повышению благосостояния людей и социального равенства и в то же время снижению риска экологических опасностей и экологического дефицита [8]. Таким образом, в целом ее можно охарактеризовать тремя элементами: низкий уровень выбросов углерода, эффективность использования ресурсов и социальная интеграция. Концепция зеленой экономики подчеркивает важную роль повышения ресурсо- и энергоэффективности экономики в достижении целей устойчивого развития. Она также определяется как экономика, характеризующаяся деятельностью с низким уровнем выбросов CO₂ в атмосферу. То есть, зеленая экономика, рост которой достигается за счет интеграции всех аспектов экономики вокруг низкоуглеродных технологий и практики, энергоэффективных решений, чистой и возобновляемой энергии, а также экологически безопасных технологических инноваций. Основой является общество с низким уровнем выбросов, то есть такое, которое живет и работает в зданиях с низким энергопотреблением и низким уровнем выбросов с интеллектуальными системами отопления и охлаждения, передвигается на электрических и гибридных автомобилях, и живет в более чистых городах с меньшим загрязнением воздуха, с хорошо развитой системой общественного транспорта [7].

Новый подход подчеркивает преимущества практики повышения эффективности использования природных ресурсов и производства товаров, оказания экологически безопасных услуг. В первом случае ключевое значение придается технологическим решениям, позволяющим повысить энергоэффективность, эффективность потребления воды и другого сырья, в том числе энергетического [6]. Во втором случае важную роль должны играть современные технологии, которые служат для улучшения существующих продуктов, предлагаемых на рынке, или новых, со свойствами, характеризующимися низким или нулевым воздействием на природную среду. Следует помнить, что все технологии связаны со знаниями, новые решения также чрезвычайно важны, поэтому знания, технологии и инновации являются

факторами, формирующими социально-экономическое развитие.

Аналогичные тенденции протекают и во Франции, одной из крупнейших европейских стран, которая является 21-й страной в мире по численности населения и третьей в Европе (более многочисленны только Россия и Германия). Во Франции зеленая экономика объединяет два вида деятельности согласно двум возможным определениям:

1. Определение по воздействиям: деятельность является «зеленой», если она меньше загрязняет окружающую среду и потребляет меньше ресурсов.
2. Определение по цели: «зеленая» деятельность направлена на защиту окружающей среды.

Франция, подписавшая Парижское соглашение в 2016 г. и Зеленую сделку для Европы в 2018 г., планирует достижение углеродной нейтральности к 2050 г. Для этого в 2019 г. страна приняла Закон об энергетике и климате, который устанавливает основу для энергетической и климатической политики Франции с целью достижения целей, определенных Законом об энергетическом переходе для зеленого роста от 2015 года [7]. Ниже представлены основные из установленных законом цели:

- ◆ сокращение потребления ископаемого топлива на 40% к 2030 г. по сравнению с 2012 г.;
- ◆ сокращение производства электроэнергии из угля;
- ◆ обязательная установка фотоэлектрических панелей на новых жилых и коммерческих зданиях.
- ◆ предоставление конкретной помощи отдельным лицам;
- ◆ плановый отказ от использования загрязняющих окружающую среду транспортных средств.

Впоследствии были установлены требования Гражданского совета по климату: закрытие угольных электростанций, окончательное прекращение выдачи разрешений на добычу углеводородов, квалификация 30% территории Франции как сухопутные и морские охраняемые территории, создание преступления «экоцид» или изменение маркировки пищевых продуктов — это лишь некоторые из них.

По данным Всемирной организации по защите окружающей среды (ОМРЕ) «зеленая» экономика представляет собой 4 миллиона рабочих мест во Франции: эта цифра выросла более чем на 20% с 2004 года. Зеленые рабочие места — это профессии с экологической направленностью, обеспечивающие предотвращение, контроль и исправление негативного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду [8]. Есть

также озеленяющие профессии, которые представляют собой гораздо более многочисленную группу профессий, чем предыдущая. Их первоначальная цель не связана с окружающей средой, но их содержание развивается, чтобы включить этот тип вопросов. Эта деятельность сгруппирована по следующим направлениям: охрана окружающей среды; управление природными ресурсами; исследования и разработки и общественные услуги, посвященные окружающей среде. Она объединяет профессии, затрагивающие более или менее все отрасли: строительство, транспорт, сельское и лесное хозяйство, уход за зелеными насаждениями, промышленность, туризм, развлечения, исследования, закупки и т.д. Сферами деятельности, обеспечивающими наибольшее количество рабочих мест, являются управление энергетикой, органическое сельское хозяйство, управление отходами, производство возобновляемых источников энергии, управление сточными водами и транспорт [4, 5].

Глобальный индекс зеленой экономики, который измеряет показатели в этой области 130 стран, поставил Францию на 10-е место в 2018 году. Но эта страна является одним из лидеров с точки зрения «зеленых» финансов благодаря своим экологическим облигациям («зеленым облигациям»), выпускаемым с января 2017 года. «Зеленые облигации» — это облигации, выпущенные компанией, банком, международной организацией или местным органом власти для финансирования проекта или деятельности, приносящих пользу окружающей среде. Они особенно привлекают ответственных инвесторов, ищущих двойную выгоду, финансовую и экологическую [1].

Во Франции трансформация экономики происходит в рамках следующих принципов:

- ◆ равенство и справедливость, как внутри одного поколения, так и между поколениями;

- ◆ соблюдение принципов устойчивого развития;
- ◆ тщательный подход к социальным и экологическим воздействиям;
- ◆ признание природного и социального капитала (например, за счет интернализации внешних затрат), экологического учета, расчета стоимости жизненного цикла и лучшего управления;
- ◆ устойчивое и эффективное использование ресурсов, потребление и производство;
- ◆ необходимость адаптации к существующим макроэкономическим целям путем создания «зеленых» рабочих мест.

Кроме того, стоит обратить внимание на приоритеты в сфере создания зеленой экономики, в том числе для: — развития возобновляемых источников энергии, сначала как альтернативного, а затем основного источника энергии; — повышение энергоэффективности в отдельных отраслях экономики, производственных и сервисных предприятиях, в домашнем хозяйстве; — реструктуризация промышленности (особенно традиционной); — создание новых, экологически чистых отраслей экономики; — развитие сектора экологических товаров и услуг (EGSS); — создание новых видов рабочих мест, т.н. зеленые рабочие места; — развитие инноваций, особенно экоиноваций; — управление (включая институциональное измерение); — корпоративная социальная ответственность; — развитие зеленых предприятий; — развитие электромобильности; — развитие зеленых городов.

Таким образом, в статье рассмотрены особенности «зеленой» экономики во Франции, выделены принципы ее трансформации и приоритеты в сфере создания зеленой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова Е.П. Суверенные зеленые облигации Франции // Образование и право. 2021. № 7. С. 441–445. doi: 10.24412/2076–1503–2021–7–441–445
2. Канинская Г.Н. «Европа. экология — зеленые»: стратегия национальной и европейской идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2022. № 1. С. 45–63.
3. Медведкина Е.А., Федько Н.В. Принципы зеленой экономики в системе обеспечения устойчивого развития стран E7 и G7 // Финансовые исследования. 2021. № 2 (71). С. 45–54.
4. Пряжникова О.Н. Навыки для зеленых рабочих мест // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 74–76.
5. Пряжникова О.Н. Подходы к определению потребностей в зеленых навыках: опыт стран Европы // ЭСПР. 2020. № 1. С. 127–144.
6. Секачева А.Б. Тенденции, особенности и проблемы развития атомной энергетики Франции // Мир новой экономики. 2021. № 3. С. 85–96.
7. Husson-Traore A. (2021). Reporting ESG: la France veut faire preuve d'exemplarité au risque de la complexité. // Novethic. Publié le 31 mai 2021. URL: <https://www.novethic.fr/actualite/entreprise-responsable/isr-rse/reporting-esg-la-france-veut-faire-preuve-d-exemplarite-au-risque-de-la-complexite-149856.html>
8. Программа ООН по окружающей среде. URL: <https://www.unep.org/ru/programme-oon-po-okruzhayushey-srede>

СИСТЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

SYSTEMS OF PROMOTION OF PUBLIC CATERING SERVICES IN MODERN CONDITIONS

**E. Melnikova
D. Vorobyev
I. Koryagina**

Summary. The article discusses the system of promotion in public catering enterprises. The authors show the effectiveness of traditional methods of promoting the services of public catering enterprises currently used. Also, in the conditions of digitalization of society, the article talks about modern methods of promotion based on the search for the distinctive features of each catering enterprise separately and building around this distinctive feature of its own promotion system in the digital environment.

Keywords: promotion, marketing, catering company, SMM, digital environment.

Мельникова Елена Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
eMelnikova@mgutm.ru

Воробьев Дмитрий Игоревич

Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
d.vorobyev@mgutm.ru

Корягина Инга Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Koryagina.IA@rea.ru

Аннотация. В статье рассматривается система продвижения на предприятиях общественного питания. Авторы показывают эффективность традиционных методов продвижения услуг предприятий общественного питания, применяемые в настоящее время. Также в условиях цифровизации общества в статье говорится о современных методах продвижения основанных на поиске отличительных черт каждого предприятия общественного питания в отдельности, и выстраивании вокруг этой отличительной черты собственной системы продвижения в цифровой среде.

Ключевые слова: продвижение, маркетинг, предприятие общественного питания, SMM, цифровая среда.

Система продвижения в маркетинге в современных условиях весьма разнообразна. Продвижение в маркетинге — это разносторонняя деятельность по доведению информации до конечного потребителя. Вместе с тем это не просто доведение информации и продуктах или услугах отдельно взятой организации, а должно представлять систему убедительных аргументов, возможно обещаний чего-либо взаимовыгодного как потребителю, так и организации с целью подтолкнуть потребителя к приобретению своих товаров или услуг. Также немаловажной целью этой системы продвижения должна стать лояльность потребительской аудитории к данной организации.

В статье будем рассматривать предприятие общественного питания как коммерчески хозяйствующий субъект рынка, подчиняющийся целиком и полностью его законам ведения коммерческой деятельности. А если так, согласно ГК РФ, это юридическое лицо, преследующее извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Однако с точки зрения маркетинга, как системы, которая включает в себя продви-

жение главная задача любого коммерческого предприятия — это обеспечивать потребительскую аудиторию той ценностью, которая в данный момент ей необходима, т.е. быть максимально ценным и полезным своему сегменту потребителей. А уже как вознаграждение за ценность и полезность должна следовать прибыль.

Любое коммерческое предприятие и предприятие питания в их числе — это основное звено национальной экономики, созданное для производства продукции, выполнения работ и услуг в целях удовлетворения потребностей рынка, получения прибыли или решения специальных социально значимых задач.

Предприятие общественного питания, согласно определению, дающемуся в ГОСТе — предприятие, предназначенное для производства кулинарной продукции, мучных кондитерских и булочных изделий, их реализации и организации потребления [5].

Цели предприятий общественного питания меняются в зависимости от типа предприятия и обслуживаемо-

го контингента: одни призваны удовлетворять как физиологические, так и культурные потребности в питании и организованном отдыхе, другие — только в питании. Основными задачами предприятий общественного питания являются наиболее полное удовлетворение спросов населения, улучшение качества выпускаемой продукции, повышение культуры обслуживания.

Таким образом, предприятие общественного питания — это название организации, которая оказывает услуги по организации питания посредством: производства кулинарной продукции, её реализации и питания различных групп населения.

Современные предприятия общественного питания формируют и реализуют свою систему продвижения по большей части традиционными способами. Да, это важно сочетание традиционных средств продвижения и инновационных которые проходят проверку на свою эффективность и доказывая эффективность остаются рабочими инструментами предприятий на долгий период времени.

Для поддержания предприятия общественного питания необходимо, чтобы организации использовали различные методы и инструменты. Среди инструментов и методов поддержания наиболее известны, такие как реклама и PR. Эффективность рекламы — это то, в какой степени достигнуты поставленные перед рекламой цели при минимальных затратах.

Эффективность психологического воздействия рекламных средств характеризуется числом охвата потребителей, яркостью и глубиной впечатления, которые эти средства оставляют в памяти человека, степенью привлечения внимания [2,7,11]. Несмотря на большое количество авторов, занимающихся данной проблемой, все многообразие способов оценки коммуникативного (психологического) воздействия рекламных мероприятий на человека можно свести к следующим методам: наблюдение, анкетирование, беседа, различного вида тест, опросы, эксперименты и другое.

В рамках системы продвижения услуг предприятия общественного питания следует выделить два важных направления: привлечение новых клиентов и удержание существующих. Для реализации этих задач выделяются способы рекламирования и других коммуникаций с клиентами, разрабатывается программа работы с клиентами.

К основным средствам продвижения отнесем следующие:

- ◆ Наружная реклама. Целью наружной рекламы является напоминание о своих услугах целевой

аудитории предприятия общественного питания. Благодаря наружной рекламе при достаточно большой проходимости в среднем за день предприятия общественного питания могут посетить до 15% от общего потока проходимость, либо от пассажиропотока, если это какой-либо вид общественного транспорта. Помимо расширения воздействия на целевую аудиторию, размещение рекламы более дешевое, и, как следствие, имеет больший коэффициент рекламоотдачи. К тому же, преимуществом является: наличие современных ярких материалов и технологий. Поэтому такая реклама имеет больший срок действия.

- ◆ Внутренняя реклама. Маркированная посуда с логотипом организации, визитные карточки, униформа обслуживающего персонала, расшитая с логотипом организации, уютная атмосфера зала с мелодичной музыкой, выпуск высококачественной продукции и первоклассное обслуживание выступают в качестве средств внутренней рекламы. Эта форма рекламы одна из наиболее эффективных, поскольку информация, передаваемая из уст в уста по сей день остается наиболее действенным мотиватором к приобретению услуг другими потребителями, либо как минимум к пробной покупке.
- ◆ Интернет. Практически у каждого предприятия общественного питания имеется свой сайт, который является отличным средством рекламы и привлечения клиентов. Сайт, как правило, содержит полный ассортимент продукции, который подкреплен иллюстрациями. Меню тематически разделено — сезонные предложения, супы, салаты, завтраки, десерты, напитки и т.д. Контент сайта также содержит полную информацию предприятию: адрес, часы работы, информацию о принимаемых кредитных картах, наличии парковки и числе посадочных мест и т.д.
- ◆ Скидки. На предприятиях общественного питания действуют различные скидки, такие как: скидки по времени посещения, скидки в день рождения и т.д. Речь идет о скидках для поощрения гостей, проходящих в ресторан или кафе. Если информация о них передается гостям устно, это несколько медленнее, но зато гораздо дешевле и эффективнее.
- ◆ сувениры. Рекламные сувениры не только способны оказать повторное воздействие на аудиторию, но также могут влиять на третьих лиц, которым сувениры и подарки нередко демонстрируются получателями. При оплате заказа на кассе посетителям нередко предлагаются конфеты с логотипом предприятия. Так же в игровой комнате детям выдают шарик с логотипом организации.

Это были традиционные способы продвижения предприятия общественного питания, которые даже в современных условиях цифровизации имеют право на существование, т.к. выполняют свою функцию и многократно доказывают свою эффективность.

Но вместе с тем предприятия общественного питания должны разрабатывать и внедрять в свою маркетинговую, продвиженческую деятельность новые инструменты в духе времени. Растущая популярность и доступность интернета переместила за последние годы многие сферы нашей жизнедеятельности в цифровую среду. В традиционных средствах продвижения цифровые инструменты уже упоминались. Также следует обратить более пристальное внимание так называемым инструментам SMM, т.е. маркетинг в социальных сетях [8–10].

Исходя из сильной базовой потребности человека в пище, в социальных сетях необходимо давать длинные сюжеты, которые начинаются с нейминга кафе или ресторана и заканчиваются целыми шоу от поваров и работников сервиса.

Понимая этот принцип, очень легко делать креатив и удивлять аудиторию. Подсознательно это понимают все, кто занимается продвижением, что, играя на инстинкте зрителя, можно предлагать различные, порой абсурдные, методы завлечения аудитории и они будут восприняты лояльно, ведь при этом, в конце, человек получает не только утоление голода, но и эстетическую составляющую этого процесса. Все это усиливает эффект и придает больше значимости простому ужину, завтраку или обеду. Также можно увидеть максимально «сочные» и «вкусные» фото блюд, безудержное веселье гостей на общих планах и выверенный концепт линейки контента, который погружает зрителя в аутентичную атмосферу. [1]

Ввиду большого числа предприятий общественного питания в настоящее время важным является отстрой-

ка от конкурента [2–6]. Необходимо отличаться и иметь отличительные признаки, по которым данное предприятие может идентифицировать как реальная потребительская аудитория организации, так и его потенциальная потребительская аудитория. Нужно обыгрывать свои отличительные характеристики, как особенности, которая отличают данное предприятие от конкурентов и гость, в итоге, почувствует эту особенность своими вкусовыми рецепторами. Такой особенностью может стать набор уникальных блюд или одного блюда, которых нет в ближайшей округе, именитый шеф-повар или шеф-повар с оригинальным подходом к своему делу, скорость приготовления и оригинальные варианты подачи блюд.

Поняв свою особенность (сущность своей дифференциации) необходимо по всем законам маркетинга проанализировать на сколько она будет восприимчива целевой аудиторией для ее продвижения в социальных сетях и далее в цифровой среде. Очень важно понимать в такого рода деятельности что продается в данном бизнесе не только и не столько блюда, сколько еще и хорошее настроение, положительные эмоции от данного блюда и времяпрепровождения в ресторане или кафе. Проверив это, следует использовать данную отличительную черту в системе продвижения своего предприятия общественного питания.

Сегодня недостатка в предприятиях общественного питания нет. Однако не все они известны потребительской аудитории. Какие-то известны в большей степени, какие-то в меньшей. Некоторые предприятия общественного питания известны лишь в отдельных частях больших городов. Это во многом и потому, что есть множество заведений с оригинальной концепцией, но неизвестных широкому кругу людей. Причина: никто не знает об этом заведении, потому как нет должного маркетинга в сети, т.е. с использованием современных цифровых технологий которые в большинстве своем доступны широкой потребительской аудитории разного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. SMM для общепита: как продвигать в 2022 году рестораны и кафе в соцсетях // Exiterra. URL: <https://exiterra.com/blog/smm-prodvizhenie-v-sotssetyakh/smm-dlya-obshchepita-kak-prodvigat-v-2022-godu-restorany-i-kafe-v-sotssetyakh/> (дата обращения: 10.09.2022)
2. Ахмедова Р.Р., Покаместов И.Е. Применение конкурентных стратегий для предприятий ресторанного бизнеса в условиях цифровизации экономики // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 4 (88). С. 95–106.
3. Вольская А.А. Анализ процесса продвижения услуг предприятия питания // Тезисы докладов XLIX научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар, 2022. С. 29–30.
4. Гадельзянова А.Ф., Петрик Л.С. Анализ качества обслуживания на предприятиях общественного питания в г. Казани // Документ в социокультурном пространстве: теории и цифровые трансформации: Материалы V Международной научно-практической конференции. Науч. редакторы: Л.Е. Савич, А.Р. Мансурова, сост. Г.В. Матвеева, Ю.Н. Галковская. Казань, 2022. С. 540–543.
5. ГОСТ Р 50647–94 «Общественное питание. Термины и определения» // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200006095>. (дата обращения: 10.09.2022)

6. Джум Т.А., Франченко Е.С., Брюшков Р.В. Направления коммуникационной политики современного предприятия общественного питания с учетом рыночных реалий // Экономика устойчивого развития. 2021. № 2 (46). С. 64–68.
7. Красовская Е.А., Минько Д.А., Свирейко Н.Е. Продвижение продукции и услуг общественного питания в социальных сетях // Перспективы развития цифровой экономики в России и за рубежом // сборник статей международной научно-практической конференции. Тольятти, 2021. С. 167–171.
8. Нефедов А.Н., Чаусов Н.Ю. Совершенствование деятельности организации общественного питания // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5–2 (87). С. 215–219.
9. Пушкаренко Е.С., Костина Н.Г., Новоселова А.О. Интернет-сайт как современный инструмент маркетинга для продвижения услуг общественного питания // Пищевые инновации и биотехнологии: Сборник тезисов X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под общей редакцией А.Ю. Просекова. Кемерово, 2022. С. 411–412.
10. Штовхун А.И. Современные методы продвижения продукции и услуг в предприятиях общественного питания // В сборнике: Современные инновационные технологии в экономике, науке, образовании. 2021. С. 74–78.
11. Ятченко Л.В. Продвижение услуг отраслей общественного питания средствами интернет-рекламы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сборник научных трудов V Международной конференции профессорско-преподавательского состава. Казань, 2021. С. 337–339.

© Мельникова Елена Николаевна (eMelnikova@mgutm.ru),

Воробьев Дмитрий Игоревич (d.vorobyev@mgutm.ru), Корягина Инга Анатольевна (Koryagina.IA@rea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУТУ им. К.Г. Разумовского

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS AND IMPORT SUBSTITUTION

M. Mikhailov

Summary. The article presents the features of the role and place of infrastructure and investment in their development in a crisis and import substitution. It is shown that infrastructure investments can play a key role in overcoming the crisis and the successful implementation of the import substitution strategy, increasing production and counteracting unemployment, as well as increasing the competitiveness of the economy in the long term. In Russia, the crisis has a negative impact when huge infrastructure development programs are being implemented, but, on the other hand, the costs of their implementation have been significantly reduced. The necessity of state support for infrastructure projects and the evaluation of their effectiveness are substantiated.

Keywords: infrastructure investments, import substitution strategy, economic competitiveness, unemployment.

Михайлов Михаил Вадимович

*Аспирант, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
m89278432281@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены особенности роли и места инфраструктуры и инвестиций в их развитие в условиях кризиса и импортозамещения. Показано, что инфраструктурные инвестиции могут сыграть ключевую роль в выходе из кризиса и успешной реализации стратегии импортозамещения, увеличивая производство и противодействуя безработице, а также повышая конкурентоспособность экономики в долгосрочной перспективе. В России кризис оказывает негативное влияние, когда реализуются огромные программы развития инфраструктуры, но, с другой стороны, затраты на их реализацию значительно сократились. Обоснована необходимость государственной поддержки инфраструктурных проектов и оценка их эффективности.

Ключевые слова: инфраструктурные инвестиции, стратегия импортозамещения, конкурентоспособность экономики, безработица.

Экономические кризисы, являясь элементом деловых циклов, стали имманентной, а может быть, и характерной чертой современных высокоразвитых экономик. В экономике, основанной на знаниях, интеллектуальный капитал становится все более важным, чем физический капитал. В то же время в результате стремительного ускорения процессов глобализации, либерализации и виртуализации экономической деятельности резко возрос уровень неопределенности. Эти две противоположные тенденции означают, что условия функционирования хозяйствующих субъектов всех уровней, начиная от физических лиц, через хозяйствующие субъекты, заканчивая государствами и их объединениями, подвергаются быстрой трансформации [1].

Перед лицом этого формулируются постулаты о неадекватности существующих институциональных решений в свете происходящих изменений, из-за которых государство, выступавшее до сих пор преимущественно в качестве регулятора, в какой-то степени утратило

свое влияние на происходящие экономические процессы на его территории. Это касается в основном потоков капитала, перераспределения производственных мощностей, формирования направлений и размеров потоков товаров, услуг и труда. В этой игре доминируют крупные международные финансовые и промышленные конгломераты. Отдельные государства, уступая, стали конкурировать за ресурсы, которыми располагали такие корпорации, смирившись с дальнейшей потерей сфер влияния [4].

Рынок капитала изменил свою основную функцию, финансовая система перестала быть основной системой экономики, а стала организмом, живущим своей жизнью. Текущий кризис в России можно разделить на две фазы. В первом случае это принесло инвесторам ощутимые финансовые потери. На втором этапе трудности мировых финансовых рынков стали оказывать сильное влияние на реальную экономику, в основном за счет усиления неприятия риска и ограничения доступа к источникам финансирования. В то время как

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал и индекс физического объема инвестиций в основной капитал [6]

первая фаза кризиса приняла беспрецедентные темпы, вызвав падение фондовых и товарных индексов, а также значительный рост стоимости капитала.

В этом контексте все большее значение приобретают вопросы переопределения роли государства и его структур. Это связано с тем, что, особенно в случае с высокоразвитой экономикой, оно имеет значительную долю в создании и особенно в перераспределении генерируемого дохода. Поэтому активная позиция государства, в то же время подкрепленная экономическими расчетами, может принести желаемые результаты, то есть, возврат на путь роста [5].

Независимо от этапа и доминирующих течений в экономических исследованиях в качестве фактора, играющего существенную роль в экономическом росте, всегда указывался физический капитал. Он учитывается во всех наиболее важных моделях роста: — Харрода-Домара, выведенных из классической теории, — Солоу и Свана и их модификациях (например, модель Касса-Купмана-Рамзи), сформулированных на основе неоклассической теории, — эндогенного роста (например, Ромера и Лукаса), которые также основаны на неоклассицизме. В настоящее время не вызывает существенных сомнений важность инвестиций в физический капитал для развития экономики. Это относится, в частности, к инфраструктуре.

Инфраструктура определяет эффективное функционирование всей экономики и прямо и косвенно интенсифицирует развитие. Барьером для развития может стать недостаточное оснащение экономики инфраструктурой. В то же время само по себе наличие инфраструктуры не является достаточным условием экономического развития страны. Правильное разви-

тие отношений между элементами инфраструктуры и другими отраслями экономики требует сохранения взаимодополняемости между ними. Значительная роль инфраструктуры в экономической системе государства определяет необходимость сохранения рационального управления в этом отношении, понимаемого как [2, 5, 7]:

- ◆ максимально возможная степень удовлетворения экономически обоснованных потребностей хозяйства и населения в количественном отношении — время, качество услуг,
- ◆ оптимальное использование производственных мощностей, определяемое существующим состоянием инфраструктуры,
- ◆ рациональное использование рабочей силы,
- ◆ относительная минимизация количества и стоимости скоропортящихся средств производства, задействованных в инфраструктурных услугах (например, топливо, вспомогательные материалы).

В краткосрочной перспективе эти инвестиции способствуют стимулированию сектора поставщиков и противодействию безработице. Однако в долгосрочной перспективе они способствуют росту конкурентоспособности экономики за счет сокращения сроков доставки и снижения транспортных расходов. Более того, в период текущего кризиса инфраструктурные проекты играют роль активизации строительной сферы.

Положительной стороной кризиса является то, что он вызвал значительное падение цен на строительные материалы и строительные работы, а значит, государство способно обеспечить население инфраструктурой по более низкой цене, чем изначально. Важную роль в ускорении инфраструктурных инвестиций играет

законодательство, которое должно быть направлено на снижение административной нагрузки, а также стимулирование сотрудничества на основе государственно-частного партнерства. В России особую роль в экономическом стимулировании следует отводить дорожному строительству. Кроме того, следует обеспечивать комплекс инфраструктурных инвестиций в сфере водоснабжения, в расширении сети региональных аэропортов, инвестиций в железнодорожную инфраструктуру, в том числе муниципальную инфраструктуру и замену подвижного состава, а также в сфере управление отходами.

Важную роль в стимулировании экономики следует отводить инвестициям. В России объем инвестиций в основной капитал ежегодно увеличивается в абсолютных значениях, но индекс физического объема инвестиций в основной капитал сокращается (рис. 1).

То есть, стоимость инвестиций снижается, что подтверждает тезис о том, что долгосрочные инвестиционные планы органов местного самоуправления относительно не устойчивы к кризису. Основной причиной этого является отсутствие стимулирования капитальных затрат и осведомленности должностных лиц органов местного самоуправления о необходимости расходования средств.

Экономическая история, включая великие кризисы, начавшиеся в 1930-х годах, показывает, что инвестиции в инфраструктуру являются наилучшим возможным «антикризисным щитом» и движущей силой экономического роста и создания рабочих мест. Именно инфраструктурные инвестиции являются тем элементом, который в наибольшей степени может стимулировать экономику в периоды кризисов и замедления, способствовать борьбе с безработицей. Кроме того, инфраструктурные инвестиции осуществляются, как уже упоминалось, в долгосрочной перспективе. Обстоятельства меняются, и завершённые инфраструктурные инвестиции определяют силу и экономическую безопасность государства, перспективы экономики и качество жизни обществ на десятилетия.

Как это ни парадоксально, текущая ситуация может способствовать решению некоторых проблем инфраструктурной отрасли, в том числе порожденных кризисом. Отрасль, которая уже несколько лет борется с нехваткой рабочих рук, может поглощать с рынка (в том числе из-за низкого входного барьера) работников, теряющих работу в других отраслях, особенно с учетом отъезда тысяч работников из России. Поэтому отсутствие новых заказов и тендеров может привести к катастрофе на рынке труда — работодатели будут вынуждены сокращать занятость и заработную плату за счет сокращения расходов.

Одновременно с этим стратегия импортозамещения может быть направлена на создание инфраструктуры и, таким образом, на независимость от импорта из-за рубежа. Государство здесь является тем субъектом, который обеспечивает благоприятные условия для инвестиций и продаж. Механизм поддержки промышленности горизонтальный, который относится ко всему сектору без каких-либо дискриминационных механизмов для любого из них. Примером такого инструмента сегодня является политика поддержки инноваций, создание физической инфраструктуры в виде дорог, портов, аэропортов или информационно-коммуникационной сети. Таким образом поддерживается внутренняя конкурентоспособность предприятий и отраслей, поскольку те, кто лучше использует благоприятные условия, имеют шанс на рост и развитие [3].

Поэтому, чтобы сохранить силу инфраструктурной отрасли как своего рода драйвера российской экономики в эпоху замедления, государство должно стимулировать развитие экономики, инвестируя в инфраструктурные проекты, давая импульс другим секторам и отраслям. Государственные учреждения играют ключевую роль на уровне планирования и информирования о новых инвестициях в инфраструктуру. Кроме того, государство должно стимулировать деятельность банков, чтобы обеспечить финансирование деятельности субъектов, участвующих в осуществляемых инфраструктурных инвестициях. Следовательно, правительство и государственные учреждения обязаны обеспечить, чтобы банки работали таким образом, чтобы они стимулировали, а не препятствовали, как это имеет место сегодня, достижению общепринятых целей.

Необходимо обеспечить однозначный, сильный посыл государства финансовым институтам, в частности банкам, и реализовать механизмы, которые должны привести к изменению отношения банков к инфраструктурным инвестициям и, как следствие, к конструктивным отношениям с компаниями, реализующими их. Продление пассивного отношения и подобных действий банков, безусловно, создаст серьезные трудности в достижении целей не только отраслей, но и страны, связанных с инфраструктурными инвестициями. Действия правительства здесь должны быть быстрыми и эффективными.

Кроме того, необходимо координировать деятельность и проверять предположения о таких инвестициях, поскольку не только фрагментарность российской инфраструктурной сети, но и большая часть задач являются нестандартными, переоплачиваемыми, отсроченными в реализации и с мизерным интересом со стороны заинтересованных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. К устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4. С. 133–155.
2. Ахмедов З.С., Салаев С.С., Ахмедов Д.Т., Юсуфхонов З.Ю. Анализ компонента торговой и транспортной инфраструктуры // Universum: технические науки. 2022. № 5–1 (98). С. 26–30.
3. Круть А.А. Идентификация угроз увеличения импортозависимости национальной экономики и снижения потенциала реализации программ импортозамещения // Индустриальная экономика. 2021. № 5. С. 1167–1171.
4. Курилова А.А., Шуклов Л.В. Элементы российской инновационной инфраструктуры: взаимодействие и эффективность // АНИ: экономика и управление. 2021. № 1 (34). С. 197–199.
5. Мурашко Ю.С. Логистическая инфраструктура для развития международных взаимосвязей // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5–2. С. 194–197. doi: 10.24412/2411–0450–2022–5–2–194–197
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
7. Рудых Л.Г., Хомич Н.В. Особенности развития инфраструктуры в Китае в 2020–2021 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7 (108). С. 33–36.

© Михайлов Михаил Вадимович (m89278432281@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет кооперации

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНЫМ ПОРТФЕЛЕМ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ В ПЕРИОД РЕЦЕССИИ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

IMPROVING LOAN PORTFOLIO MANAGEMENT IN COMMERCIAL BANKS AS A DEVELOPMENT FACTOR DURING THE ECONOMIC RECESSION IN RUSSIA

P. Polezhaev

Summary. The article discusses the main management measures that make it possible to overcome the recession of the economy with minimal losses for a commercial bank. Taking into account the fact that the main goal of a commercial bank is to maximize profitability, with limited resources available, the availability of adaptive tools for managing the profitability of the loan portfolio allows it to respond more effectively to the impact of external factors in the conjuncture of the modern market economy.

Keywords: loan portfolio, capital adequacy, capital buffer, profitability, marginality, operating leverage effect, subordinated loan, credit risk.

Полежаев Павел Александрович

Исполнительный директор, Управление по работе с ключевыми компаниями, «Газпромбанк» (Акционерное общество)

pavel.polezhaev@gazprombank.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные управленческие мероприятия, которые позволяют преодолеть период рецессии экономики с минимальными, для коммерческого банка, потерями. Принимая во внимание тот факт, что основная цель коммерческого банка — это максимизации доходности, при имеющихся ограниченных ресурсах, наличие у него адаптивных инструментов управления доходностью кредитного портфеля, позволяет более эффективно реагировать на воздействие внешних факторов в конъюнктуре современной рыночной экономики.

Ключевые слова: кредитный портфель, достаточность капитала, буфер капитала, рентабельность, маржинальность, эффект операционного рынка, субординированный заем, кредитный риск.

В статье рассматриваются рецессии экономики России в несколько периодов, обусловленные снижением экономической активности, спадом уровня ВВП, повышенной инфляцией вне целевых значений, высокой волатильностью национальной валюты и дестабилизацией банковского сектора в части управления кредитными рисками, что в последствии привело к повышенному уровню просроченной задолженности и снижению доходности по основным активам коммерческих банков [1].

Управление кредитным портфелем — это комплекс мер, принимаемых высшим руководящим органом банка, одобренных различными комитетами, которые направлены на координацию и оптимизацию соотношения дохода и риска как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективах. Главная цель коммерческих банков — максимизация прибыли, соответственно, целесообразно и правильно применять два подхода в управлении кредитным портфелем в условиях рецессии экономики:

1. Максимизация прибыли при заданном уровне кредитного риска.
2. Минимизация кредитного риска при заданном уровне прибыли.

В случае падения экономической активности более рациональным решением является применение второго подхода к управлению кредитным портфелем, так как риск невозврата ссудного капитала в условиях рецессии экономики возрастает в разы.

Определяя структуру управления кредитным портфелем, стоит отметить, что начальной стадией управления является разработка и внедрение кредитной политики коммерческого банка на среднесрочную перспективу, с учетом конъюнктуры российского рынка.

Одним из самых масштабных кризисов за последний век является мировой финансовый кризис 2008 года, который по объему экономических потерь уступает только Великой депрессии (1929–1933 гг.). Отправной точкой принято считать начало 2007 года, когда на ипотечном рынке США стала формироваться тенденция выдачи кредитных ресурсов под приобретение или строительство жилого дома без подтверждения дохода и платежеспособности заемщика. В погоне за внушительной прибылью в краткосрочной и среднесрочной перспективах коммерческие и инвестиционные банки прогнозировали рост цен на приобретаемую, заемщиками недвижимость, что в свою очередь предопреде-

ляло покрытие рисков в случае банкротства заемщика, тем самым оставшись в достаточной маржинальности при продаже залогового имущества. Некоторые кредитные обязательства предполагали рост процентных ставок по истечению определенного времени, что по итогу поспособствовало начальному старту роста уровня просроченной задолженности, соответственно, при невозможности своевременно погашать свои обязательства, заемщики запускали процедуру банкротства, в следствии чего снижался спрос на жилую недвижимость при сохранении прежнего предложения. Это привело к падению уровня цен на жилую недвижимость и большим убыткам коммерческих банков по причине просроченной задолженности. Следом за рынком ипотечного кредитования, на спад устремился фондовый рынок облигаций, обеспеченные диверсифицированными активами (CDO) — ипотечные облигации, обеспеченные кредитным портфелем, которые активно приобретали зарубежные крупные корпорации и инвестиционные банки. Всего за несколько дней обесценились крупнейшие активы, банки, корпорации, ипотечные агенты, которые являются важной составляющей в инфраструктуре экономического развития. Таким образом, начавшийся кризис в августе 2008 года охватил все развитые и развивающиеся страны, которые участвовали в единой финансовой системе, которая является важным объектом исследования и анализа для всех центральных банков, которые в ответе за внутреннее регулирование деятельности коммерческих банков и банковской системы в целом.

В период экономического кризиса 2008 года, три системообразующих банка, ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО) и Банк ГПБ (АО) были определены Правительством РФ как три основных финансовых института, через которые будет осуществляться финансовое оздоровление системообразующих отраслей экономики России. У данных банков появилась возможность использования дополнительного капитала для увеличения основных активов и рентабельности кредитного портфеля, соответственно. Стоит отметить, что со стороны российского банковского регулятора по итогу 2008 года было выдано субординированных кредитов на общую сумму 3,4 трлн. рублей, что обеспечило бесперебойную деятельность банковского сектора на рынке кредитных услуг [2]. На ТОП 3 банка пришлось более 70% субординированных займов, которые оказали значительную поддержку в развитии активов и кредитного портфеля коммерческих банков. Помимо вливания дополнительного капитала Центральный банк Российской Федерации в октябре 2008 года резко снизил норму обязательного резерва по обязательствам на 4 процентных пункта, до 0,5%. Это позволило коммерческим банкам в совокупности освободить со своих корреспондентских счетов в Банке России более 300 млрд. рублей, которые

были использованы в оборотный ссудный капитал, что так же позволило нарастить объем кредитного портфеля. Это были основные мероприятия по стабилизации банковской системы со стороны регулятора.

С точки зрения управления кредитным риском в рецессию 2008 года, стоит отметить, что коммерческие банки не использовали в полной мере широкий функционал возможностей и внедрения новых технологий, которые позволили бы менее болезненно перенести экономический спад. Рассматривая 3 системообразующих банка, которые отличаются по внутренней стратегии собственного развития, можно сделать вывод, что они использовали достаточно консервативный подход по преодолению спада экономического цикла. На тот момент, регулирующими органами были сформированы нормативные документы по рекомендациям «Базель II», что предопределило нехватку достаточности собственного капитала банков, так как основная идея дополненного документа заключалась в выполнении коммерческими банками минимальных требований достаточности капитала с учетом взвешивания не только кредитных («Базель I»), но и рыночных и операционных рисков, а так же соблюдение рыночной дисциплины с точки зрения прозрачности отчетов об основной деятельности кредитной организации. Учитывая достаточность агрессии финансового кризиса 2008 года, финансовая поддержка со стороны регулятора в виде субординированных займов оказалась хорошей альтернативой с точки зрения поддержания уровня достаточности капитала. Таким образом, управленческая политика заключалась в балансировке полученного капитала, что позволило по итогу 2008 года сформировать должный уровень достаточности и маржинальности по основным активам. Отдельно можно отметить, что ПАО Сбербанк увеличил собственный капитал по итогу 2008 года на 69%, Банк ВТБ (ПАО) — 58%, Банк ГПБ (АО) — 53% [3].

Анализ основных финансовых показателей по результатам 2008 года показывает, что рецессия экономики в 2020 году очень схожа в части рыночной конъюнктуры. Рецессия экономики в 2014 году так же имеет общие черты внешних факторов воздействия на кредитные организации. Волатильность цен на нефть, ослабление национальной валюты, сниженный спрос на кредитные ресурсы, снижение реальных доходов населения, рост безработицы и т.д. Все это является ключевыми внешними факторами воздействия на качество активов и кредитного портфеля коммерческих банков.

Ниже рассмотрим основные принципы управления кредитным портфелем, которым необходимо придерживаться в период рецессии экономики:

1. Внедрение нескольких видов погашения кредита с адаптацией уровня ежемесячного платежа с целью повышения доступности кредитных ресурсов и повышенного спроса.
2. Усиленное внимание на платежеспособность заемщика. Дополнительное внедрение документов, подтверждающих доход.
3. Оптимизация кредитных процессов, мониторинг текущего состояния кредитного портфеля отдельного заемщика.
4. Внедрение дополнительного обеспечения и более детализированная проверка финансовых возможностей заемщиков.
5. Диверсификация корпоративного кредитного портфеля в более кредитоспособные отрасли экономики.
6. Повышение финансовой грамотности заемщиков путем проведения консультаций и тщательного разбора продуктовой линейки коммерческого банка.
7. Соблюдение на минимальном уровне нормативного показателя достаточности капитала.

Вышеуказанные коммерческие банки, придерживаясь консервативной политики в части управления кредитным портфелем, в период рецессии 2008 года и 2014 года показали рост активов на 56% и 28%, соответственно, что, в основном, связано с ростом кредитного портфеля. Главное отличие от рецессии 2020 года является в росте доходности и рентабельности кредитного портфеля всех трех системообразующих банков. Показатели рентабельности кредитного портфеля по итогу 2008 года, на основании собственных расчетов, выросли в среднем на 2,8% в коэффициентном выражении и на 36% в номинальном выражении выросли процентные доходы в сравнении с 2007 годом. В первую очередь это обусловлено тем, что денежно-кредитная политика не была столь агрессивной в части регулирования ставки рефинансирования. За 6 месяцев ставка рефинансирования выросла на 1%, что позволило коммерческим банкам оставаться на достаточном уровне маржинальности. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в период рецессии 2008 и 2014 годов, данных инструментов по управлению кредитным портфелем оказалось достаточно, чтобы преодолеть кризисный период времени. Однако, стоит отметить, что большую часть финансовой стабильности коммерческим банкам обеспечило государство, соответственно, данные показатели являются результатом не только рациональной управленческой политики отдельного банка, но и рациональной политики экономического аппарата Правительства и Банка России.

Рецессия экономики 2020 года носит в себе более мягкую денежно-кредитную политику, которая пред-

полагала снижение ключевой ставки до 4%, что способствовало увеличению экономической активности населения в рамках режима инфляционного таргетирования. В рамках текущего исследования можно сделать вывод, что фактический рост кредитного портфеля не привел коммерческие банки к росту доходности и рентабельности кредитного портфеля в коэффициентном выражении, но при этом вырос номинальный процентный доход у всех трех банков более чем на 15% за счет увеличения кредитного портфеля. Так как Банк России диктует условия предоставления кредитных денежных средств, банки приняли новую управленческую политику в части получения прибыли. В период рецессии 2020 года коммерческие банки приняли политику акцентирования на комиссионный доход кредитной организации. За счет полученных комиссионных доходов банки окупают недополученные процентные доходы от кредитных операций, таким образом выходя на достаточную прибыль по итогу отчетного года. Исходя из этого, следует отметить, что в рецессию экономики 2020 года, коммерческие банки расширили свои инструменты воздействия на качество кредитного портфеля и создают новые предпосылки для развития своей основной деятельности в части кредитных операций.

На сегодняшний день, коммерческие банки оказались более подготовленными к текущему экономическому циклу 2022 года, с точки зрения сохранения должного уровня рентабельности банковского бизнеса. В пандемию 2020–2021 гг. коммерческие банки сделали акцент на развитии и трансформации IT-блоков и нефинансового бизнеса, что позволило сделать большой прорыв в расширении клиентской базы и увеличении кредитного портфеля. Широкая клиентская база и адаптация банковской продуктовой линейки под текущего потребителя в настоящее время позволяет более детально проводить анализ платежеспособности заемщика и взвешивать кредитные риски, при этом, одновременно сохраняя и преумножая лояльность клиентов. Стоит отметить, что банковский сектор первым ощутил на себе изменения в конъюнктуре экономики с момента проведения спецоперации, что потребовало оперативного вмешательства в структуру кредитного портфеля, минимизируя риск невозврата ссудного капитала, перераспределив кредитный портфель в системообразующие отрасли, которые получают дополнительные субсидии со стороны государства. Проводимая, Центральным банком Российской Федерации, политика девальютеризации основных валютных пар, во многом заставило переориентировать инвестиционную доходность в комиссионную, так как в текущих ограниченных условиях фондового рынка, коммерческие банки не имеют возможность совершать сделки купли/продажи на рынке иностранных капиталов.

Таблица 1. Направления влияния мер государственной поддержки на показатели качества кредитного портфеля коммерческих банков [4]

Мера государственной поддержки	Показатель качества кредитного портфеля
Государственные гарантии по кредитам	Снижение риска кредитного портфеля за счет дополнительного обеспечения
Субсидирование процентной ставки	Сохранение и/или увеличение доходности кредитного портфеля
Поддержка предприятий-заемщиков на основе предоставления комплекса льготных государственных услуг (аренда, подключение к коммуникациям, обучение)	Повышение ликвидности кредитного портфеля на основе роста кредитоспособности заемщиков
Утверждение перечня системообразующих отраслей экономики	Усиление целенаправленности кредитного портфеля/увеличение клиентской базы

Источник: составлено автором по данным: <http://www.kuap.ru/articles/30430/>
(дата обращения 01.09.2022)

Дополнительно на доходность кредитного портфеля повлияла достаточно жесткая денежно-кредитная политика регулятора, в том числе повышение ключевой ставки на 10 п.п. до 20% годовых. Это позволило заморозить экономическую активность населения, придерживаясь политики таргетирования инфляции и снизить ее динамику в годовом выражении. Разумеется, упала динамика роста кредитных портфелей, т.к. рыночная ставка составляла более 23% годовых, что является не комфортным для всех субъектов российской экономики. Стоит отметить, что такая жесткая денежно-кредитная политика оказалась достаточно эффективной с точки зрения стабилизации национальной валюты и устойчивого денежного обращения. Индикатор эффективности денежно-кредитной политики — ставка RUONIA (Ruble Overnight Index Average), демонстрирует на межбанковском рынке минимальное отклонение от ключевой ставки Банка России, что является положительным показателем управления ликвидностью банковского сектора. На сегодняшний день ключевая ставка составляет 7,5%, при этом ставка RUONIA варьируется от 7,5 до 8,05 п.п. [3]. Важно обратить внимание, что до перехода регулятора к политике таргетирования инфляции, спред составлял более 4%. Таким образом, несмотря на высокую волатильность национальной валюты и экономики в целом, индикатор эффективности ДКП показывает положительную динамику влияния на ценообразование денежного рынка. Рассматривая внешнюю поддержку банковского сектора, то стоит отметить консерватизм Банка России в части обеспечения краткосрочной и долгосрочной ликвидностью. В рамках данного экономического цикла, три основных системообразующих банка получили дополнительный капитал со стороны государства с целью финансового оздоровления. Из ФНБ было выделено более 300 млрд. рублей на покупку привилегированных акций и проведение сделок РЕПО [4], что позволило банкам увеличить собственный капитал и расширить оборот ссудного капитала. Данные мероприятия являются внешней

поддержкой коммерческих банков со стороны государства. Представим основные меры государственной поддержки в табличной форме (Таблица 1):

Ниже рассмотрим актуальные инструменты внутреннего управления кредитного портфеля в банках, которые позволяют им справиться с влиянием внешних факторов.

Как уже отмечалось ранее, коммерческие банки с недавних пор приняли стратегию развития в нефинансовом секторе, что в первую очередь позволяет более детально оценивать платежеспособность и добросовестность заемщика. На сегодняшний день, банки предлагают услуги мобильной связи, доставки продуктов, такси, каршеринг и т.д. Такое управленческое решение стало очень актуальным и правильным в условиях пандемии, так как позволяет банку сохранить и увеличить лояльность своих потенциальных и действующих клиентов, что в итоге сказалось на объеме КП и чистых полученных процентах. Совокупное проникновение доходности нефинансового бизнеса в общей чистой прибыли банка равна примерно 0,3–0,6%, что является совсем небольшим показателем, так как основной целью является минимизация кредитного риска и более детализированный анализ платежеспособности [5].

Второй важной составляющей для стабильной и качественной работы коммерческого банка является поддержание минимального уровня достаточности капитала. Необходимо увеличивать достаточность капитала в условиях экономического подъема, что позволит создать «подушку безопасности» в виде финансовых ресурсов для возможности использования и распределения прибыли в кризисный период времени и сохранить дивидендную политику на прежнем уровне. Три системообразующих финансовых института ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО) и Банк ГПБ (АО) придерживаются достаточности капитала в рамках нормативных значе-

ний, но в меньшей степени уделяли вопросу формирования буфера капитала, тем самым создавая себе более рискованную позицию в сниженном рынке экономической активности.

Третьим важным пунктом стоит выделить оптимизацию внутренней структуры кредитной организации. В рамках существующей рецессии, при сниженной экономической активности, важно оптимизировать административные расходы персонала коммерческого банка. Этот инструмент называется эффектом операционного рычага, когда коммерческий банк способен влиять на чистую процентную маржу путем изменения внутренней структуры организации.

Четвертым пунктом отметим концентрацию и диверсификацию ссудного капитала в системообразующие отрасли экономики. Уже сейчас банки успели отреагировать в процессе управления кредитным риском, что позволяет снизить уровень просроченной задолженности и объем необслуживаемых кредитов (NPL). Так, например, ПАО Сбербанк сконцентрировал свое внимание на финансировании строительной отрасли и инвестиционных проектах, увеличив долю проникновения кредитного портфеля в этом сегменте на 39%, при этом, снизив уровень кредитования в торговой отрасли. Банк ВТБ (ПАО) наоборот, акцентировал внима-

ние на кредитовании торговой и фармацевтической отраслях, увеличив кредитный портфель в этих сегментах на 23%, принимая на себя повышенный уровень риска. Банк ГПБ (АО) консервативно подошел к диверсификации кредитного риска в пользу кредитования нефтегазовой отрасли, которая является системообразующей в экономике страны, увеличив долю проникновения на 36% в 2022 году [6].

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что ПАО Сбербанк, Банк ВТБ (ПАО) и Банк ГПБ (АО) действительно являются лидирующими финансовыми институтами, которые играют важную роль в развитии экономики нашей страны. Те управленческие решения, которые были приняты во всех трех кредитных организациях в условиях рецессии экономики, показали свою эффективность в доходности кредитного портфеля в периоды кризиса 2008, 2014 и 2020 гг. Сегодняшняя экономическая обстановка требует новые решения в части управления доходностью коммерческих банков, однако, как показывает практика, ряд новых инструментов уже применяются в управлении кредитным портфелем и показывает положительную динамику роста активов, не смотря на достаточно жесткую денежно-кредитную политику Центрального банка Российской Федерации и высокую волатильность экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банковские риски: учебник / под ред. О.И. Лаврушина, Н.И. Валенцевой. — 4 изд., перераб. и доп. — Москва: КноРус, 2021. — 361 с.
2. Организация кредитного процесса в коммерческом банке. Т. 2: монография; Р.В. Пашков, Ю.Н. Юденков. — Москва: РУСАЙН, 2020. — 344 с. — (Серия «Банковское дело»).
3. Официальный сайт Банка России / информация по процентной ставке RUONIA, публикуемая Банком России на официальном сайте / URL: https://cbr.ru/hd_base/ruonia/ [Электронный ресурс].
4. Официальный сайт Банка ГПБ (АО) / <https://www.gazprombank.ru/> [Электронный ресурс].
5. Официальный сайт Ассоциации банков России https://asros.ru/upload/iblock/513/txb1f8lxav04ofgik378t0zbdlqmxw0/Sbornik-I-kv-2021_final.pdf [Электронный ресурс].
6. Официальный сайт финансового анализа банков России / <https://kuar.ru/banks/> [Электронный ресурс].

© Полежаев Павел Александрович (pavel.polezhaev@gazprombank.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ¹

INTEGRATION PROCESSES IN THE ASIA-PACIFIC REGION: KEY FEATURES AND CHALLENGES FOR RUSSIA

V. Rutkovskaya

Summary. The analysis of the nature of integration processes in the Asia-Pacific region is carried out. The factors of intensification of the integration of states in the region are determined. It is shown that a distinctive feature of integration processes is the growing “systemic fragmentation” and the gradual transition to a multipolar system of the world economy. The conclusion is made about the need for Russia’s active participation in integration processes in the region and the country’s inclusion in global value chains on a medium- and high-tech basis.

Keywords: regional integration, Asia-Pacific region, mega-regional trade partnerships, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, corporate sector, MNC, TNC.

Рутковская Виктория Станиславовна

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
rutkovskaya.victoria@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ характера интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Определены факторы интенсификации интеграционного взаимодействия государств в регионе. Показано, что характерной особенностью интеграционных процессов является нарастающая «системная фрагментация» и постепенный переход к многополярной системе мирового хозяйства. Сделан вывод о необходимости активного участия России в интеграционных процессах в регионе и включения страны в глобальные цепочки добавленной стоимости на средне- и высокотехнологической основе.

Ключевые слова: региональная интеграция, АТР, мегарегиональные торговые партнерства, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, Всестороннее региональное экономическое партнерство, корпоративный сектор, МНК, ТНК.

На сегодняшний день Азиатско-Тихоокеанский регион (далее — АТР) представляет собой один из наиболее динамично развивающихся регионов мира как по социально-экономическим показателям, так и по показателям интеграционного взаимодействия стран. Согласно данным Всемирной торговой организации, по состоянию на 2022 г. в мире насчитывается 355 действующих соглашений о свободной торговле [11], при этом порядка 120 из них приходится на страны АТР [3].

Интеграционные процессы, имеющие место в регионе и в XX в. характеризующиеся относительно вялотекущей динамикой, получили значительный импульс в XXI в., что обусловлено рядом факторов, имеющих различную природу. Среди данных факторов можно выделить:

1. Растущий социально-экономический потенциал региона. Объем и глубина рынка Азиатского

субрегиона обуславливают заинтересованность корпоративного сектора развитых стран в расширении своего присутствия и получения преференциального доступа к данным рынкам.

2. Несостоятельность системы регулирования международной торговли в рамках ВТО [5], что приводит к переводу многостороннего диалога в пользу торгово-экономических форматов из значительно более ограниченного числа участников.
3. Агрессивная внешнеэкономическая политика США.
4. Возрастающая конкуренция со стороны развивающихся стран и укрепление позиций корпоративного сектора развивающихся стран, в первую очередь — КНР [6].
5. Относительная субрегиональная замкнутость торговых потоков между странами Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также формиро-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета

Таблица 1. Классификация стран в соответствии с величиной доли внешней торговли в ВВП, 2020 г., %

Страна	Доля внешней торговли в ВВП
Группа 1 — умеренная степень интегрированности страны в мировое хозяйство	
Развитые страны	
Австралия	44,04
Новая Зеландия	44,26
Япония	31,07
Развивающиеся страны	
Перу	43,44
Группа 2 — высокая степень интегрированности страны в мировое хозяйство	
Развитые страны	
Канада	60,78
Развивающиеся страны	
Мексика	78,20
Чили	57,84
Группа 3 — крайне высокая степень интегрированности страны в мировое хозяйство	
Развитые страны	
Сингапур	320,56
Развивающиеся страны	
Бруней	110,29
Вьетнам	208,25
Малайзия	116,43

Источник: составлено автором по данным [10].

вание собственной инфраструктуры производственно-сбытовых цепочек [1].

По состоянию на 2021 г. [9] внутрирегиональная торговля занимает доминирующие позиции в совокупном объеме торговли в АТР, обеспечивая 54% совокупного объема регионального экспорта и 57% регионального импорта соответственно, при этом наибольшая интенсивность внутрирегиональной торговли наблюдается в странах Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, что также находит отражение в показателях интегрированности стран в мировое хозяйство, рассчитанных на примере стран-участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве.

В результате анализа показателей внешней торговли и ВВП стран-участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве рассматриваемые страны были классифицированы в соответствии с величиной доли внешней торговли

в ВВП (табл. 1). Наибольшую степень интегрированности в мировое хозяйство продемонстрировали страны Юго-Восточной Азии, что с одной стороны отражает степень открытости экономик рассматриваемых стран, с другой — зависимость стран от иностранных рынков [12], в данном случае — субрегиональных, а прежде всего — основного торгово-экономического партнера в лице КНР.

Данные факторы оказывают существенное влияние на интенсификацию интеграционных процессов в АТР и способствуют нарастанию «системной фрагментации» [2] в регионе. Это находит отражение как в увеличивающемся числе соглашений о свободной торговле в рассматриваемом регионе, так и в формировании крупнейших торгово-экономических форматов.

Значительное количество двух- и многосторонних торгово-экономических соглашений способствует возникновению в регионе эффекта «чаши спагетти» [16] (*spaghetti bowl effect*) и в условиях фрагмента-

ции международного производственного процесса и развития и углубления взаимодействия государств в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости приводит к объективной необходимости унификации норм и стандартов торгового и экономического сотрудничества государств. Это, в свою очередь, приводит к формированию и реализации в регионе принципиально новых соглашений — соглашений «новейшего типа» — мегарегиональных торговых соглашений (далее — МРТС). Уникальность и важность данных соглашений заключается в экономическом, географическом и нормативно-правовом охвате. Соглашения регулируют широчайший круг вопросов [7]: от регулирования торговли товарами и услугами, инвестиционного сотрудничества и защиты объектов интеллектуальной собственности до государственных закупок, поддержки предприятий с полным и / или частичным государственным участием, стандартов передачи и хранения информации и др.

В свою очередь, формирование крупных торгово-экономических партнерств в АТР способствует возникновению «эффекта домино». Согласно Р. Болдуину [15], при формировании торгово-экономического партнерства¹, компании-экспортеры из государств, не являющихся участниками данного партнерства, но выступающие поставщиками товаров и / или услуг на рынки государств-участников данного партнерства, в целях минимизации негативных последствий от повышения внешних барьеров² инициируют процесс присоединения государства к партнерству посредством лоббирования. С увеличением количества участников партнерства достигается «эффект домино», когда все большее количество внешних акторов стремится войти в состав партнерства.

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день система международных торгово-экономических отношений претерпевает серьезную трансформацию, что находит отражение в постепенном переходе к полицентричной модели мирового устройства [4]. В этой связи видится целесообразным дополнить концепцию, описанную Р. Болдуином в конце XX в., в соответствии с особенностями международных торгово-экономических отношений XXI в. В современных условиях «эффект домино» предполагает уже не только вовлечение все большего количества участников в торгово-экономические партнерства, но также — и формирование новых, что может быть продиктовано здоровым национальным эгоизмом экономически

сильного государства, не желающего присоединяться к существующему торгово-экономическому партнерству на условиях, продвигаемых «ядром» последнего.

Это находит отражение в «цепной реакции» интеграционных процессов в АТР в мегарегиональном формате:

- ◆ реализации Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, в соответствии с содержанием которого к участникам предъявляются крайне высокие требования по широкому кругу вопросов, вследствие чего соглашение в большей степени отвечает интересам развитых государств-участников;
- ◆ последовавшей реализации Всестороннего регионального экономического партнерства (далее — ВРЭП), а также длительного переговорного процесса в рамках ВРЭП и выхода из него Индии вследствие возникших противоречий в части снижения торговых барьеров и либерализации доступа на рынок услуг [13].

Формирующиеся тенденции способствуют образованию в регионе разнонаправленной интеграционной динамики, являющейся одним из симптомов нарастающей в АТР «системной фрагментации» и постепенного перехода к многополярной системе мирового хозяйства.

Подводя итог, необходимо отметить, что России, во избежание существования в условиях периферийной автаркии, необходимо активно включаться в интеграционные процессы в АТР. При этом участие России в интеграционных процессах в АТР должно осуществляться одновременно с включением страны в цепочки добавленной стоимости на несырьевой основе во избежание дальнейшего позиционирования страны в качестве «сырьевого придатка», учитывая характер торгового сотрудничества с КНР [7].

Одним из приоритетных направлений является увеличение доли несырьевых неэнергетических товаров в структуре экспорта страны [14]. При этом наибольшее внимание, в условиях развития и трансформации цепочек добавленной стоимости [8], следует уделить продукции средне- и высокотехнологичных отраслей экономики³. Включение России в цепочки добавленной стоимости в АТР на средне- и высокотехнологичной основе потребует серьезных внутренних преобразований, которые должны быть направлены, в том числе, на формирование российского корпоративного сектора, способного обеспечить конкурентоспособность страны в регионе.

¹ В данном случае под торгово-экономическим партнерством следует также понимать соглашения о создании зон свободной торговли и соглашения об экономической интеграции. (прим. авт.)

² Относительно партнерства. (прим. авт.)

³ В соответствии с классификацией ОЭСР. (прим. авт.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгина Н., Лю Пэнфэй. Китай в глобальных цепочках стоимости: некоторые факты // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 4. С. 20–27.
2. Изотов Д.А. Издержки и потенциал торгово-экономических взаимодействий между Россией и мегаформатами Азиатско-Тихоокеанского региона // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 5–21.
3. Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–106.
4. Кузнецов А.В. Интеграционные процессы в АТР с участием Китая и позиция России // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 6. С. 95–105.
5. Портанский А.П. Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 2. С. 304–318.
6. Рутковская В.С. Роль корпоративного сектора в трансформации системы международных торгово-экономических отношений // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 70–84.
7. Рутковская В.С. Россия в условиях трансформации системы глобального регулирования торговли // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 4. С. 775–794.
8. Рутковская В.С. Цифровая трансформация мировой экономики: регулирование электронной коммерции в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. DOI: 10.18334/vines.12.4.116334.
9. Последние тенденции и события в области торговой и инвестиционной деятельности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2021 [Электронный ресурс] // Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных наций: [сайт]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/CTI7_1%20Rev%201_item%20Trends%20reissued_R.pdf (дата обращения: 24.10.2022).
10. Сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Сайт Всемирной торговой организации. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 23.10.2022).
12. Сайт Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций. URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/pxweb/en/S_TAT/STAT__20-ME__7-GLOBIND/ZZZ_ru_MENCGlobalY_r.px/ (дата обращения: 25.10.2022).
13. Торговля и интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский регион: результаты и перспективы [Электронный ресурс] // Российский центр исследований АТЭС Всероссийской академии внешней торговли: [сайт]. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/09/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D0%90%D0%A2%D0%A0_%D0%92%D0%90%D0%92%D0%A2_%D0%A0%D0%A6%D0%98%D0%90.pdf (дата обращения: 25.10.2022).
14. Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 26.10.2022).
15. Baldwin R. A domino theory of regionalism // NBER Working Paper Series. 1993. № 4465. p. 23.
16. Bhagwati J. US Trade Policy: The Infatuation with FTAs // Discussion Paper Series. New York: Department of Economics. Columbia University, 1995. 23 p.

© Рутковская Виктория Станиславовна (rutkovskaya.victoria@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ В ПРОЦЕССЕ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

DATA VISUALIZATION IMPACT ON INTERNAL AUDIT AND DECISION-MAKING PROCESSES

A. Savrin

Summary. The purpose of the research was to examine the impact of big data analysis and its presentation for decision making in regards of providing recommendations based on the results of internal audit. The article focuses on how data visualization influences managers and their acceptance of internal auditors' recommendations. As research methods, methods of a theoretical level were used (i.e. search and consolidation of studies on similar topics). The initial assumption was that graphical visualization for any type of information makes management more recipient to the results of data analysis. The article described several cases (management accounting, investors' decisions and audit decisions) of using visualization tools and its impact on the decisions of managers. The article analyzed the cases of using visualization tools and their impact on the decisions of managers based on management accounting data, on the decisions of investors and external auditors. The research showed that in some cases the use of visualization tools (supported with the analysis of the non-financial block of big data) could have a convincing impact on management and persuade management to accept the recommendations provided by the internal audit service. Meanwhile in some cases, the prevailing influence of the tabular visualization format over graphic methods was revealed. As a result, a hypothesis was obtained that will require empirical research and testing as part of further research. The theoretical results of the research could be applied by internal auditors who analyze big data (including non-financial data) when developing a methodology for presenting the results of an internal audit.

Keywords: internal audit, data visualization, big data, accounting, management accounting.

Саврин Антон Юрьевич

Аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета
Россия, г. Санкт-Петербург
antonsavrin@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей работы было изучение влияния анализа больших данных и их представления для принятия решения в рамках предоставления рекомендаций по итогам внутреннего аудита. Статья сосредоточена на том, как способы визуализации данных оказывают влияние на менеджеров и их принятие рекомендаций внутренних аудиторов. В качестве методов исследования были применены методы теоретического уровня, а именно, изучение и обобщение исследований по схожим темам. Изначальное предположение заключалось в том, что графическая визуализация упрощает восприятие менеджмента для любого типа информации. В статье были проанализированы случаи применения инструментов визуализации и их влияние на решения менеджеров на основе данных управленческого учета, на решения инвесторов и внешних аудиторов. Исследование показало, что в ряде случаев применение средств визуализации вкуче с подкреплением аргументации результатами анализа нефинансового блока больших данных способно оказать убедительное влияние на менеджмент и принять точку зрения, рекомендуемую службой внутреннего аудита. В то же время в вопросах информации финансового блока на данном этапе нет единого подхода к визуализации данных. В частности, в ряде случаев было установлено превалирующее влияние табличного формата визуализации над графическими способами. В результате была получена гипотеза, которая потребует эмпирического исследования и тестирования в рамках дальнейшей исследовательской работы. Теоретические итоги исследования могут быть применены внутренними аудиторами, осуществляющими анализ больших данных (в т.ч. и нефинансовых данных), при разработке методологии представления результатов внутренней проверки.

Ключевые слова: внутренний аудит, визуализация данных, большие данные, бухгалтерский учет, управленческий учет.

Работа внутренних аудиторов в подавляющем большинстве случаев связана с оценкой и повышением эффективности средств управления рисками, отладкой процессов контроля финансового и операционного аудита и предоставлением консультаций по устранению идентифицированных недостатков. Их работа в значимой степени обеспечивает советов директоров и менеджеров в организациях релевантной и надежной информацией для принятия стратегических решений.

Современные технологии позволяют внутренним аудиторам использовать новые источники данных для формирования рекомендаций менеджерам; для передачи этих рекомендаций доступно множество средств визуализации (например, гистограммы, круговые диаграммы, процессные блок-схемы и т.д.). Поскольку менеджеры делают выводы на основе рекомендаций внутренних аудиторов, важно учитывать, как источники данных и тип визуализации влияют на качество суждений менеджеров. Это особенно важно, поскольку не так

много исследований были ориентированы на изучение преимуществ использования больших данных по сравнению с традиционными данными в целях внутреннего аудита, а также на способы представления результатов работы внутренних аудиторов с применением больших данных [1, с. 49]. Таким образом, задаемся вопросом о том, как на суждения руководства влияют современные цифровые средства визуализации, используемые внутренними аудиторами. Краеугольным в вопросе внутреннего аудита становится не столько процессные исследования, сколько сам способ донесения результатов проверок до лиц, принимающих стратегические исследования.

Существующие исследования анализировали факторы, влияющие на итоговую ценность результатов внутреннего аудита. Авторами выделялись такие факторы как тематически организованные аргументы, тип стратегии внутреннего аудита, привлечение сторонних экспертов к проверке и т.д., которые влияют на доверие менеджеров рекомендациям внутренних аудиторов [6, с. 51]. Тем не менее, такие исследования не были сосредоточены на факторах, имеющих отношение к презентации рекомендаций по анализу данных, таких как визуальные представления. Это критически важный пункт в работе служб внутреннего аудита, поскольку с развитием средств анализа большой упор будет делаться на анализ больших данных как на источник, более исполненный различными информационными блоками, полезными при проведении аудита. В частности, недавний опрос специалистов по внутреннему аудиту показал, что 66% отделов внутреннего аудита планируют внедрить аналитику данных как часть процесса аудита в течение следующих пяти лет [13]. В такой реальности актуализируется вопрос о представлении итогов работы внутреннего аудитора для лиц, принимающих управленческие решения, поскольку представление результатов анализа больших данных отличается по объему от традиционного анализа финансовых данных.

Учитывая вышеупомянутое, данная работа направлена на то, чтобы заполнить пробелы в существующих исследованиях больших данных и суждений менеджеров, изучив, как большие данные и связанное с ними представление и раскрытие влияют на суждения руководства по итогам внутреннего аудита, в частности, на суждения менеджеров по рекомендациям внутренних аудиторов. Более конкретно, в работе исследуются вопросы того, как на суждения менеджеров, основанных на рекомендациях внутренних аудиторов, влияет оценка визуальных представлений больших данных, включающих нефинансовую информацию, которая по своей структуре более сложна для облегченного представления.

Исследование текущих трендов внутреннего аудита

Визуализация данных помогает менеджерам обрабатывать данные и принимать решения, уменьшая информационную перегрузку. В то же время, существует множество типов визуализации данных: от простых гистограмм до более сложных визуализаций, таких как многоуровневые процессные карты. Средства визуализации отличаются своей информативностью, легкостью оценивания и сравнения информации, каждое из которых способно наглядным образом доносить как финансовую, так и нефинансовую информацию.

Соответственно, исследовательский вопрос заключается в том, повысит ли более легкая оценка визуальных представлений нефинансовых данных согласие менеджеров с рекомендациями внутреннего аудитора в ситуации, когда нефинансовые компоненты больших данных подтверждают рекомендацию внутреннего аудитора.

Иными словами, когда отчеты включают графики вместо таблиц, становятся ли менеджеры более восприимчивы к таким рекомендациям внутреннего аудитора. Различные графики и визуализации являются распространенными инструментами для передачи результатов анализа данных, хотя их также можно передавать с помощью текста и таблиц. Исторически сложилось так, что отделы внутреннего аудита в основном использовали текст в своих отчетах о внутреннем аудите для передачи рекомендаций менеджерам. Однако с повсеместным применением анализа больших данных ожидается, что многое из того, что обычно включается в текст, перейдет в визуальное представление ввиду сложности для усвоения результатов анализа больших данных в текстовом формате. Так, руководители аудиторских служб ожидают, что в их типичных аудиторских отчетах сокращение текстовой части будет с 78 процентов в 2016 году до 58 процентов в течение следующих пяти лет [7]. Ожидается, что использование инструментов визуализации в отчетах внутренних аудиторов увеличится с 7 процентов в 2016 году до 35 процентов в течение следующих трех-пяти лет [7].

Теория когнитивного соответствия [15, с. 222] предполагает, что графики повышают точность суждений и решений в задачах, связанных с изучением тенденций, в то время как таблицы лучше подходят для точных суждений в задачах, требующих конкретных чисел. Поскольку задача в этом исследовании включает в себя изучение тенденций, ожидается, что менеджеры, которые просматривают графики, с большей вероятностью согласятся с рекомендацией внутреннего аудитора, подкрепленной нефинансовыми данными, чем то, кто

просматривает таблицу и в качестве аргументов также получают отчеты о результатах анализа нефинансовой информации.

Ожидается, что в будущем аналитика данных и использование новых источников больших данных возрастут [7]. Данный тренд определяется следующими предпосылками. Во-первых, хотя использование анализа данных включает несколько этапов, передача сложных наборов таких данных важна для заинтересованных сторон. Выводы от анализа больших данных имеют практическую ценность для внутренних аудиторов, но в то же время возникают трудности с донесением таких итогов до конечных пользователей. В таких условиях внутренние аудиторы должны использовать современные средства визуализации, которые позволяют подкрепить имеющуюся позицию. Это особенно важно, так как доступно много графиков и визуальных элементов, однако, возможность оценки конкретной визуализации важна для того, чтобы график был эффективным для конкретной задачи. Во-вторых, понимание того, как участники внутреннего аудита интегрируют источники данных в свой процесс принятия решений, важно, поскольку внутренние аудиторы используют новые источники (большие данные), которые могут формировать выводы, противоречащие аналогичным при использовании традиционных способов анализа исключительно финансовых данных.

Визуальное представление в бухгалтерских исследованиях

Учитывая ограниченность предварительных исследований по теме внутреннего аудита и визуальным представлениям, рассматривались следующие работы по бухгалтерскому учету, в которых изучались различные форматы визуализации и представления по трем блокам: (1) управленческий учет и системы сбалансированных показателей, (2) суждения инвесторов и (3) суждения аудиторов.

Управленческий учет и системы сбалансированных показателей

Исследования в области управленческого учета и систем сбалансированных показателей изучали влияние визуализации и представления. Некоторые исследования в этом направлении изучали, как представление сбалансированных оценочных карт влияет на оценку производительности и выполнения KPI. Например, В. Дилла и П. Штайнбарт обнаружили, что менеджеры, которые получают в дополнение к отчету дополнительные графики, имеют более низкое качество суждений, чем те, кто получает агрегированные таблицы, в задаче оценки эффективности с использованием

данных системы сбалансированных показателей [8, с. 47].

Системы сбалансированных показателей были созданы как инструмент измерения производительности и состоят из четырех компонентов: финансовый блок, клиентский блок, внутренние бизнес-процессы и последующее обучение [11, с. 72]. Исследователи отмечают, что использование сбалансированных систем показателей для вынесения суждений является сложной задачей [8, с. 48]. Наблюдались ситуации, когда по результатам исследований с применением представления по системам сбалансированных показателей, менеджеры принимали решения, отличные от рекомендаций внутреннего аудитора, представленного в текстовом виде.

Суждения инвесторов

Работы, ориентированные на визуальные представления для инвесторов, исследуют, как визуальное представление информации от организаций влияет на суждения инвесторов [9, с. 1600]. Визуальные представления такого порядка включают графики в финансовых отчетах и интерактивные элементы на веб-сайтах.

В работах данного блока исследуется влияние визуальных представлений на инвестиционные суждения и решения как профессиональных, так и непрофессиональных инвесторов. Например, А. Келтон и Р. Пеннингтон обнаружили, что непрофессиональные инвесторы, которые просматривают презентацию с гиперссылками на графики и сторонние ресурсы, более эффективны в инвестиционной задаче, чем те, кто просматривает бумажную информацию; однако формат представления (гиперссылка на электронную версию или бумажный) не влияет на суждения инвесторов [12, с. 1181].

Их исследование также показывает, что наличие письма руководству больше влияет на будущие инвестиционные суждения для людей, которые просматривают бумажную презентацию, чем презентацию с гиперссылкой [12, с. 1181].

Стоит отметить, что по итогам анализа литературы данного блока пришли к выводу о разной ориентированности представления информации для инвесторов от объекта инвестиций и для менеджеров от внутренних аудиторов. В частности, инвесторы заинтересованы в доходах от инвестиций и в информации, которая лежит в основе их инвестиционных суждений и решений. Однако на согласие менеджеров с рекомендацией внутреннего аудитора влияет множество факторов, таких как тип внутреннего аудитора, привлекательность

внутреннего аудитора, давление с целью принятия рекомендации, стоимость и безопасность их работы [10, с. 580]. Соответственно, несмотря на то, что визуальное представление в литературе по инвесторам может дать информацию для целей настоящего исследования, важно учитывать, как именно визуальное представление влияет на суждения менеджеров в контексте внутреннего аудита.

Аудиторские заключения

Исследователи вопросов аудита в своих работах задаются вопросами, как визуальные представления влияют на суждения аудитора. Например, Э. Блохер и Р. Змуд исследуют влияние сложности задачи и представления на суждения о риске и разработке мер противодействия риску [5, с. 464]. Другие исследования изучают влияние визуального представления на суждения аудиторов в аналитических процедурах по существу [2, с. 76]. Более поздние исследования показывают, что аудиторы оценивают допущение в сложной оценке (например, допущение об определении срока длительности договора для целей МСФО 15 «Выручка») как менее обоснованное, когда информация представлена в виде графика, а не текста [4, с. 1802].

Учитывая, что настоящая работка посвящена внутреннему аудиту, литература по визуальному представлению в литературе по аудиту потенциально информативна для дальнейшего исследования. В то же время результаты аудиторских исследований должны быть оценены с некоторым уровнем профессионального скептицизма, поскольку суждения менеджеров о результатах работы внутренних аудиторов не могут быть полностью сопоставлены с восприятием представлений аудиторов об итогах работы, поскольку у менеджеров другой опыт, экспертиза и ролевые ожидания; они могут воспринимать аудиторскую информацию не так, как аудитор.

Формирование гипотезы

Представление финансовых и нефинансовых данных может быть визуальным в виде графиков или представлено цифрами в виде таблицы. Как обсуждалось ранее, теория когнитивного соответствия предполагает, что график или таблица являются лучшим представлением и зависит от типа задачи [15, с. 212]. Теория когнитивного соответствия предполагает, что графики повышают оцениваемость данных для задач, включающих изучение тенденций и взаимосвязей (например, пространственных задач), в то время как таблицы с числами повышают оцениваемость, когда для выполнения задачи необходимы конкретные числа [15, с. 212]. А. Келтон отмечал, что большинство эмпирических исследований, проведенных исследователями информационных си-

стем и бухгалтерских информационных систем, поддерживают теорию когнитивного соответствия [12, с. 1182].

В нескольких исследованиях изучается влияние графиков или таблиц на суждения аудиторов в аналитических процедурах [2, с. 71]. Аналитические процедуры представляют собой пространственную задачу, и графики должны обеспечивать лучшее соответствие, чем таблицы, однако, это может зависеть от характеристик задачи и ее сложности. Формат представления в виде таблиц и графиков не влиял на оценку ожидаемой стоимости продаж в задаче анализа тенденций [2, с. 83]. В качестве альтернативы графики приводят к большей эффективности аудита, поскольку аудиторы лучше оценивают корреляцию, делают более точные прогнозы продаж и имеют большую уверенность в прогнозах по сравнению с таблицами, которые используют анализ отношений, сравнивающий отношения между продажами и другими наборами данных. [2, с. 86]. Анализ тенденций считается простой задачей, которая требовала только ожидаемого значения за период с использованием предыдущих продаж; поэтому утверждается, что простая задача не проявляет явных преимуществ представления информации в виде графиков или таблиц [3, с. 24]. Другие исследования показывают, что графики более эффективны (для временных рядов), чем таблицы, но не демонстрируют никакой разницы в эффективности прогнозирования сальдо счетов в аудиторско-аналитических процедурах [14, с. 120]. Наконец, исследования показывают, что графики имеют меньшие неисследованные области (в части суждения доверительного интервала для определения тестируемой популяции в аудите), чем таблицы в аудиторско-аналитических процедурах [2, с. 82]. В целом, эти исследования в целом поддерживают теорию когнитивного соответствия, поскольку графики часто приводят к повышению эффективности или результативности аудита по сравнению с таблицами. Однако в эмпирических исследованиях по одной задаче (аналитической процедуре) существуют смешанные результаты с графиками и таблицами; это показывает, как одна и та же задача может различаться по сложности и другим характеристикам, влияющим на суждения.

Совсем недавно исследователи изучили влияние графиков или текста на суждения аудиторов при оценке обоснованности допущений для комплексной оценки годового анализа обесценения товарного знака [4, с. 1811]. Допущения в модели оценки для двух темпов роста соответствовали исторической тенденции для восьми из десяти предыдущих лет, при этом не учитывались два года, которые отклонялись от исторической тенденции. Они считают, что аудиторы оценивают это предположение как менее разумное, когда информация представлена в виде графика, а не текста [4, с. 1811], в соответствии с теорией когнитивного соответствия, согласно которой

графики будут иметь лучшее когнитивное соответствие, чем текст, когда задача является пространственной, включая обнаружение тенденций во времени.

Как лучше представить рекомендацию внутреннего аудитора (в виде графика или таблицы) для повышения качества суждения зависит от характера задачи. Задача настоящего исследования включает оценку тенденций в финансовых и нефинансовых данных; таким образом, задача является пространственной. Опираясь на когнитивную теорию и предшествующие эмпирические исследования, менеджеры должны быть наиболее эффективными и действенными при рассмотрении рекомендаций аудита, когда им предоставлены графики по сравнению с таблицами. Менеджеры также, вероятно, будут иметь меньше знаний о задачах внутреннего аудита, выполняемых во время аудита; следовательно, графики должны обеспечивать лучшее качество суждений, чем таблицы. Когда нефинансовые компоненты больших данных не подтверждают рекомендацию, более высокое качество суждения отражает меньшее согласие с рекомендацией внутреннего аудитора, поскольку ни финансовые, ни нефинансовые данные не подтверждают рекомендацию. Учитывая вышеупомянутое, для целей последующих исследований выдвигается следующая гипотеза, которая будет протестирована непосредственным эмпирическим исследованием.

Гипотеза: Руководители, которые просматривают графическое представление данных, подтверждающих рекомендацию внутреннего аудитора для задач, связанных с изучением тенденций, с большей вероятностью согласятся с рекомендацией внутреннего аудитора, если нефинансовые данные подтверждают рекомендацию внутреннего аудитора. рекомендацию, чем те, кто просматривает табличную презентацию.

Заключение

Коммуникация с менеджментом проверяемого объекта важна для внутренних аудиторов для целей успешного предоставления рекомендаций, в соответствии

с которыми менеджеры действуют, повышая ценность внутренних аудиторов для организаций. Однако внутренние аудиторы часто дают рекомендации по сложным задачам, для решения которых может потребоваться обучение менеджеров. Кроме того, по мере того, как для использования в процессе принятия решений становятся доступными более разнообразные источники данных (включая большие данные и содержащиеся в них нефинансовые компоненты), рекомендации внутренних аудиторов, вероятно, будут опираться на более широкий круг источников информации по сравнению с традиционным анализом исключительно финансовой информации.

Кроме того, доступно множество визуализаций для передачи результатов анализа этих источников данных. По мере того, как внутренние аудиторы все чаще используют средства анализа и визуализации данных, важно изучить, как визуализация большого объема информации в разных ситуациях влияет на суждения менеджеров, включая их согласие с рекомендациями внутреннего аудитора.

Чтобы понять, как на суждения менеджеров влияют источники данных и визуализации, предоставленные внутренними аудиторами, планируется разработка экспериментов для тестирования гипотезы. В рамках эмпирических исследований планируется проведение изысканий на предмет того, влияет ли на суждения менеджеров по рекомендации внутреннего аудитора оцениваемость визуальных представлений нефинансовых данных. Необходимо также установить, является ли более легкой оценка визуальных представлений нефинансовых данных вмешательством, направленным на повышение согласия менеджеров с рекомендацией внутреннего аудитора. В частности, будут определены аспекты, при которых визуализация сложных данных будет способствовать согласию менеджмента с рекомендациями внутренних аудиторов, а в каких потребуются традиционное представление результатов анализа в текстовом и табличном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alles. M., Gray G.L. Incorporating big data in audits: Identifying inhibitors and a research agenda to address those inhibitors /Alles. M., Gray G.L. // International Journal of Accounting Information Systems — 2016 — № 22 — pp. 44–59.
2. Anderson J.C., Kaplan S.E. An investigation of the effect of presentation format on auditors' non-investigation region judgments. / Anderson J.C., Kaplan S.E. // Advances in Accounting Information Systems — 2020 — № 1 — pp. 71–88.
3. Anderson J.C., Reckers P.M.J. An empirical investigation of the effects of presentation format and personality on auditor's judgment in applying analytical procedures. / Anderson J.C., Reckers P.M.J. // Advances in Accounting — 1992 — № 10 — pp. 19–43.
4. Backof A.G., Carpenter T.D., Thayer J. Auditing complex estimates: How do construal level and evidence formatting impact auditors' consideration of inconsistent evidence? / Backof A.G. // Contemporary Accounting Research — 2018 — № 35 (4) — pp. 1798–1815.
5. Blocher E., Moffie R.P., Zmud R.W. Report format and task complexity: Interaction in risk judgments. / Blocher E., Moffie R.P., Zmud R.W. // Accounting, Organizations and Society — 2006 — № 11 (6) — pp. 457–470.

6. Brown T., Fanning K. The joint effects of internal auditors' approach and persuasion tactics on managers' responses to internal audit advice. / Brown T., Fanning K. // *The Accounting Review* — 2019 — pp. 45–58
7. Deloitte. Evolution or Irrelevance? Internal Audit at a Crossroads. Deloitte's Global Chief Audit Executive Survey. — URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/audit/solutions/global-chief-audit-executivesurvey.html> (дата обращения: 03.11.2022) — Текст: электронный.
8. Dilla W.N., Steinbart P.J. Relative weighting of common and unique balanced scorecard measures by knowledgeable decision makers. / Dilla W.N., Steinbart P.J. // *Behavioral Research in Accounting* — 2005 — № 17 — pp. 43–53.
9. Elliott W.B., Grant S.M., Rennekamp K.M. How disclosure features of corporate social responsibility reports interact with investor numeracy to influence investor judgments. / Elliott W.B. // *Contemporary Accounting Research*. — 2017 — № 34 (3) — pp.1596–1621.
10. Fanning K., Piercey M.D. Internal auditors' use of interpersonal likability, arguments, and accounting information in a corporate governance setting. / Fanning K. // *Accounting, Organizations and Society* — 2014 — № 39 — pp. 575–589.
11. Kaplan R.S., Norton D.P. The balanced scorecard: Measures that drive performance. / Kaplan R.S., Norton D.P. // *Harvard Business Review* — 1992 — № 70 (1) — pp. 71–79.
12. Kelton A.S., Pennington R.R. Internet financial reporting: The effects of information presentation format and content differences on investor decision making. / Kelton A.S. // *Computers in Human Behavior* — 2021 — № 28 — pp. 1178–1185.
13. Protiviti. Analytics in Auditing Is a Game Changer. — URL: <http://www.protiviti.com/sites/default/files/2018-internal-audit-capabilities-and-needsurvey-protiviti.pdf> (дата обращения: 04.11.2022) — Текст: электронный.
14. Schulz A.K-D., Booth P. The effects of presentation format on the effectiveness and efficiency of auditors' analytical review judgments. / Schulz A.K-D., Booth P // *Accounting and Finance* — 2005 — № 35 (1) — pp.107–131.
15. Vessey I. Cognitive fit: A theory-based analysis of the graphs versus tables literature. / Vessey I. // *Decision Sciences* — 2001 (update) — № 22 (2) — pp. 219–240.

© Саврин Антон Юрьевич (antonsavrin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

DOI 10.37882/2223–2974.2022.12.33

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАДАЧИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ASSESSING THE IMPORTANCE OF PHARMACEUTICAL PRODUCTION AND THE HEALTHCARE SPHERE'S FOREGROUND GOALS

N. Samigulina

Summary. When writing the article, the goal was to determine the parameters for achieving the strategic goals of the healthcare sector. The consumer baskets of countries are analyzed in an attempt to identify a quantitative measurement of this quality. Recommendations are proposed and some fairly effective current practices of implementing a competent social policy within the framework of reaching pharmaceutical safety are provided. The relationship between economic growth and progressive changes in the studied area are analyzed. Noted that it is inappropriate to focus on market conditions when developing social policy in the field of healthcare.

Keywords: social policy, consumer basket, World Health Organization, pharmaceutical security.

Самигулина Наиля Анваровна

Докторант, Бакинский Государственный
Университет
snailya1992@mail.ru

Аннотация. При написании статьи целью было определить параметры достижения стратегических целей сферы здравоохранения. Проанализированы потребительские корзины стран в попытке выявить количественное измерение данного качества. Предложены рекомендации и приведены некоторые достаточно эффективные действующие практики осуществления грамотной социальной политики в рамках обеспечения фармацевтической безопасности. Анализируется связь экономического роста и прогрессивных изменений в исследуемой сфере. Отмечается нецелесообразность ориентации на рыночную конъюнктуру при разработке социальной политики в области здравоохранения.

Ключевые слова: социальная политика, потребительская корзина, Всемирная Организация Здравоохранения, фармацевтическая безопасность.

Термин «фармация» впервые упоминается уже в Древнем Египте, однако более близкое к современному пониманию значение приобрел позднее — в Древней Греции («farmakeia» — «применение лекарств», когда как ранее употреблялся «farma-ki» — «сохранность, защищённость от болезней») [6, с.4]. В современном мире под «фармацией» мы понимаем «науку о лекарствах» вообще¹; а «фармацевтикой» — лишь промышленное производство². В нашем исследовании мы хоть и рассматриваем область фармацевтики, однако для целей настоящей статьи возникла необходимость выйти за её рамки и включить область фармации.

Сегодня обрело актуальность всё, что прямо или косвенно касается медикаментов. Всё чаще приходится говорить о так называемой «фармацевтической безопасности»; первую очередь, необходимо отметить, что её ключевой компонент — своевременное удовлетворение потребностей населения в фармацевтической продукции — важная социально-экономическая составляющая сферы здравоохранения, которая обеспечивается (как и любой компонент национальной без-

опасности), в основном, за счёт государства, которое заинтересовано в том, чтобы гражданам были предоставлены все условия для здоровой и полноценной жизни; и в этих целях оно проводит все необходимые меры, включающие постоянное совершенствование законодательной базы, а также принимает непосредственное участие в организации лекарственного обеспечения и работы инфраструктуры фармацевтического рынка, основой которой выступает потребитель [2, с. 99].

Параметры отрасли

Попробуем выявить, каково состояние фармацевтических рынков, которыми представлена отрасль. Страновые различия обусловлены такими факторами, как соответствующий уровень развития производства, научный потенциал, ресурсы, инновации — надо отметить, абсолютным их экспортёром выступают США; выдвигаются и такие страны, как Китай, Индия — новые участники рынка большинством представлены странами Азии и Латинской Америки. Такие компании, как венгерская Гедеон Рихтер, немецкая Merck, английская GlaxoSmithKline, американская Pfizer, десятилетиями удерживающиеся на лидерских позициях, явно свиде-

¹ URL: <https://www.am.biotest.by/farmatsiya/>

² URL: <https://www.shimadzu.ru/pharmaceutical>

тельствуют в пользу высокого уровня развития фармацевтической промышленности в стране резиденции. Возникает вопрос: действительно ли наличие тех или иных крупных фармацевтических компаний, либо высокие объёмы производства, или внушительные показатели экспорта являются теми параметрами, которые свидетельствуют о реальном удовлетворении запросов и потребностей населения той или иной страны?

В данном разрезе не представляет никакой значимости использование таких индикаторов, которые характеризуют предприятия отрасли: например, уровень расходов на НИОКР; время на разработку нового лекарства; стандартные показатели производительности и т.д. Но есть фундаментальное исследование, связанное с конкурентоспособностью стран [16, с.306–307], в котором были проверены взаимосвязи между фармацевтической промышленностью и макроэкономическими показателями (ВВП, НД), также в пересчете на душу населения. И, действительно, была обнаружена сильная положительная связь между ними (надо отметить — и всей сферой здравоохранения). Анализ по отдельным факторам производства показал: прирост человеческого капитала на один процент вызывает больший рост НД; расчетным методом была подтверждена значимость и в отношении основного капитала, а также общей факторной производительности. Фармацевтический экспорт же и сравнительные преимущества, обуславливающие его, оказывают наименьшее влияние на ВВП — т.е. экономика страны, можно сказать, качественно ничего не выигрывает оттого, что наращивается экспорт данной продукции. Однако в исследовании выявлена следующая закономерность: оказывается, генерирование инноваций в фармацевтической промышленности зависит от человеческого капитала в той же мере, в какой и от физического — хотя на практике, казалось бы, влияние последнего должно было бы быть много меньшим.

Ещё, к примеру, есть такой индикатор, как «фармацевтическая безопасность»; однако он не отражает многие интересующие нас качественные параметры — реальную ситуацию с лекарствами в аспекте цены и доступности для населения — а только общий уровень обеспечения стран фармацевтическими препаратами.

Для выявления полной картины функционирования отрасли важны такие структурные составляющие данной индустрии, как:

1. какие именно препараты производятся, и сколько в процентном отношении от общего объёма товаров на рынке составляет импорт недостающей продукции;
2. какая доля рынка представлена дженерической продукцией (дешевый субститут) и биоаналогами (формула отличается, одинаковое действие);

3. каков удельный вес компаний, использующих франшизы, а также филиалов ТНК и МНК и др.

Если выше подчеркивалось, что растущие показатели экспорта не имеют значимости, то в отношении импорта мы можем утверждать, что всё наше исследование по выявлению ключевых индикаторов работы отрасли по большому счёту сводится к тому, чтобы выявить степень покрытия потребностей населения за счёт собственного производства и, соответственно, определить уровень зависимости страны от импорта ЛС, в особенности — от дорогостоящих препаратов, что составляет немалую величину расходов государства. Дело в том, что вышеотмеченные ТНК и МНК используют экономическое пространство, предназначенное для местных компаний; последним в итоге не удается выйти на рынок, что есть элемент монополии. Противопоставляются данному показателю соответствующие расходы, которые несет государство. Проанализируем эти данные — это поможет нам в исследовании.

Ключевой индикатор

Статистика представлена следующим образом: говоря о сфере здравоохранения в целом, следует выделить Болгарию — страна выступает безусловным лидером с суммой затрат в бюджете, доходящей до трети всех финансовых ресурсов; у Венгрии, Греции, Румынии, Словакии она достигает четверти; в России же равна лишь 1/5 части расходов бюджета [17]. Однако, мы должны проанализировать лишь расходы на лекарства, — причем только на розничные фармацевтические препараты (то есть, за вычетом используемых для стационарного лечения — в больницах) [18, с. 236]. Их величина составит в среднем по ОЭСР 1/6 часть всех расходов сферы здравоохранения, или же около 4% в пересчёте на бюджетные расходы. Таким же образом — по итерациям — мы будем разбирать и требуемый для нас индикатор. Плюс ко всему, данный расчет, выступая показательным и не представляющим для исследования особой значимости, не лишен, однако, и информативной составляющей: ввиду того, что здравоохранение — достаточно обширная категория, тем не менее, в ней отводится немалый удельный вес для ЛС — для наглядности приведем пересчет на проценты — 16%). Не будет лишним оснований допустить, что и в случае с населением нам придётся наблюдать подобные цифры. Однако картина здесь выглядит несколько иначе.

Ввиду того, что основная часть средств государственного финансирования приходится не на медикаменты, а на соответствующие услуги, входящие в различные программы страхования, то и значение требуемого для нас параметра потребительской кор-

зины — «out-of-pocket expenses» (дословно: карманные расходы домохозяйств, не входящие в вышеотмеченные программы) — будет иным. Так, в странах ОЭСР оно составляет порядка 41% от расходов на медикаменты — что выше нашего предыдущего показателя почти в 2,5 раза — когда государством финансируется 56%, а добровольное медицинское страхование покрывает около 3% лекарственных расходов¹.

Теперь перейдем к «minimum expenditure basket» — показателю минимальной потребительской корзины — чтобы выяснить, сколько эта величина составляет в общих расходах домохозяйств. Однако, здесь мы должны отметить, что возникают некоторые препятствия для нашего дальнейшего исследования.

Во-первых, сам принцип составления потребительской корзины таков, что в ее основе — количество потребляемых калорий, а не денежный эквивалент — в соответствии с их величиной и подбираются как необходимые объёмы, так и компонентные составляющие минимального набора продуктов, полагающегося среднестатистическому жителю той или иной страны. И, уже достигнув необходимых значений по показателям калорийности (по западным меркам — 2100 ккал) [20, с. 11], можно переходить к непродовольственным товарам.

Второе препятствие: корзины по странам сильно разнятся² — причём как методологически, так и по составляющим. Скажем, продовольственная корзина Канады содержит больше компонентов, чем российская. Ещё: в потребительской корзине России на непродовольственные расходы и услуги приходится очень малый процент — тогда как должно быть не менее 60%; это — стандартный показатель для развитых стран.

Авторами [4, с. 5] проанализированы потребительские корзины целого ряда экономик: выявлены достаточно весомые различия, дающие основание утверждать, что пострановое сравнение различных корзин не представляется возможным. В дополнение к этому, встречаются несостыковки и с затратами на медицинские услуги — либо включаются только медикаменты, либо учитываются и другие составляющие — такие, как стоимость обследований и т.д.

Это далеко не единственный казус, но достаточно и его, чтобы объяснить необходимость применения

в практике разных способов подсчёта, что, опять-таки, на деле только усложняет сравнение по странам. Так, нормативный подсчёт предусматривает натуральные показатели; нормативно-статистический (комбинированный) использует их процентное выражение в непродовольственной части корзины. Известен также и статистический метод, проводимый на основе фактических расходов населения.

С учётом того, что стоимость лечения варьируется также и в зависимости от заболевания (разброс цен на медикаменты огромен), то, соответственно, и расходы разных семей обладают значительной дисперсией (разбросом). А, как известно, потребительская корзина составляется на основе прожиточного минимума — то есть, набор лекарств, входящих в неё, сформирован на основе самых дешёвых и минимально необходимых — не рассчитанных на лечение тяжелых заболеваний (хотя на практике ввиду вышеотмеченной дисперсии фактический удельный вес дорогостоящих препаратов может быть значительно выше).

Учитывая все эти допущения, необходимо отметить, что, хоть потребительская корзина и есть неплохой инструмент для анализа, всё же, он не является достаточно унифицированным. Есть необходимость стандартизации методологий учёта не только для целей межстранового анализа — унификация необходима в отношении всех пронизывающих международную экономику связей. Надо учитывать также и появление со временем более эффективных медикаментов, которые могут быть дороже — что однозначно отражается на потребительской корзине и подразумевает внесение определённых корректировок в ее расчете.

Поскольку из-за разницы в методологии невозможно привести к одному знаменателю показатели разных корзин, мы будем считать расчетную часть исследования исчерпанной. Попробуем сформировать практические рекомендации к тому, каков должен быть фармацевтический рынок.

Ключевые положения

Как рекомендация для того, чтобы сформировать здоровую нацию, предлагается подходить именно с позиции производства продуктов питания, отвечающих всем требованиям и стандартам качества с точки зрения безопасности для здоровья человека [10, с. 623].

Говоря о нормативной модели потребительской корзины [5, с.13], необходимо отметить, что есть минимум необходимых медицинских препаратов — витамины, к примеру — которые во многих странах в ней не рассматриваются, однако их включение более чем

¹ Pharmaceutical expenditure: [сайт]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2493ee95-en/index.html?itemId=/content/component/2493ee95-en#:~:text=In%202019%2C%20spending%20on%20retail,after%20inpatient%20and%20outpatient%20care.>

² <https://www.netcredit.com/blog/cost-essential-food-around-world/>

целесообразно. Этот подход отражен в нормативах Всемирной Организации Здравоохранения — она разработала нормы потребления питательных веществ, витаминов и минералов для людей во всем мире [21]. В ней нашли отражение такие показатели, как витамины, минералы, антиоксиданты, которые должны составлять норму питания на каждый день для любого человека. Если осуществить грамотную интеграцию этих норм в стандарты продовольственной корзины, мы получим совершенно иную её модель, более адаптированную к текущим расходам и потребностям граждан.

Известны примеры таких стран, как Коста-Рика, Индия, Шри-Ланка, Куба — относительно бедных, если брать в сравнении с другими государствами — тем не менее, в достижении целей здравоохранения у них отмечается определённый прогресс. Примечательным моментом их социальной политики является учёт следующих факторов [13, с. 33–34]: во-первых, здоровье было поставлено как важнейшая социальная цель; включалось постоянное совершенствование системы социального обеспечения; привлечение граждан к вопросам здравоохранения и другое.

Государство должно быть мобилизованным на случай, если вирус или иного рода угроза национальной безопасности возникнет в очередной раз. В комплекс мер должно входить:

1. Если то или иное лицо было вынуждено на определённый срок отойти от трудовой деятельности (ввиду проблем со здоровьем) — должна обеспечиваться гарантия сохранения за ним рабочего места независимо от формы собственности предприятий;
2. Обязательно наличие резервов медикаментов, а также запасных койко-мест в больницах в случае перегруженности работы медицинских учреждений, в том числе: повсеместное внедрение новшеств — мобильных (передвижных) больниц и пунктов оказания первой помощи, в особенности — в отдалённых регионах;
3. На любом предприятии должна быть предусмотрена возможность дополнительного привлечения кадров (резервный фонд трудовых ресурсов) — обеспечиваться это может как за счёт срочных контрактов для мобилизации в случае необходимости, так и привлечением интернов из соответствующих учебных заведений с проведением всех необходимых тренингов);
4. Желательно включение резервного финансирования в программы обязательного медицинского страхования граждан в форме выдачи на бесплатной основе соответствующих медицинских принадлежностей и самих медикаментов, а также пособий семьям заболевшего кормильца и так далее;

5. Государство должно учитывать не только сферу здравоохранения — в период пандемии общество столкнулось с такими явлениями, как широкомасштабное внедрение виртуального, «онлайн» формата в важнейшие сферы нашей жизни — работу и обучение, что вызвало соответствующие трудности с качеством интернет-соединения, а также связанные с отсутствием широкого доступа к современным технологиям. Необходимо работать над улучшением условий доступа к последним достижениям ИТ для населения, что имеет достаточно широкое распространение на Западе.
6. Негативным фактором, оказывающим влияние на население в периоды пандемий и иных подобных явлений, который вовлекает в ситуацию неопределённости, является подверженность «эффекту толпы», или «стадному чувству» — что проявляется в форме массовой скупки товаров в магазинах, или распространения слухов в СМИ с целью накалить ситуацию, в своей основе не имеющих никаких предпосылок для этого; КОВИД-19 дал нам некий «шаблон» как базу для выработки действий в будущем, направленных на устранение данного явления. Государство должно разработать механизм цензуры для выявления мошенников, и «фильтровать» контент, публикуемый в СМИ касательно тех или иных «фактов», сообщаемых этими недобросовестными лицами.
7. Государство должно в своей социальной политике достичь максимальной «включённости» в протекающие в экономике процессы, а точнее: свести сроки внедрения тех или иных программ до минимума для своевременного реагирования на новые «вызовы» времени — а для этого необходимо выработать гибкий механизм по корректировке действующих программ и внедрению новых.
8. Связь с общественностью, в какой бы форме она ни осуществлялась — опросы, публичные встречи, массовые онлайн-вещания — необходима, поскольку у граждан не только снимается социальная напряжённость, но и усиливается осознание того, что государству безразлична их судьба.
9. Формирование «санитарно-гигиенической культуры» [8, с. 5] — т.е., воздействие на население, но не через сферу здравоохранения, а посредством формирования должного отношения к своему здоровью, поддержкой активного образа жизни, спорту, здоровому питанию (к примеру: нет курению, борьба с ожирением) [1, с. 26] — возвращение этих и подобных им норм и ценностей у граждан первоначально, причём

внедрение должно осуществляться во время обучения в школах. Государство, принимая при этом непосредственное участие, может выработать определённый образовательный стандарт. К примеру, в России при разработке Концепции демографической политики до 2025 года включено формирование у граждан потребительских предпочтений, учитывающих ведение здорового образа жизни. Предоставление соответствующих оплачиваемых отпусков в лечебно-курортные зоны, а не просто туристических поездок сотрудникам станет прекрасным дополнением к приведённым выше рекомендациям.

10. Не во всех странах осуществляется полив улиц, либо коммунальные службы не оказываются оснащёнными техникой и ресурсами согласно требованиям международных стандартов; необходимо обеспечить требуемые условия для выполнения ими своих задач.

Есть исследования [14], подтверждающие, что связь экономического роста и соответствующие прогрессивные изменения в сфере здравоохранения отсутствуют. Сразу отметим: связь имеется, но она протекает несколько иначе. Дело в том, что интересы рынка и населения по большому счёту не совпадают: при общеэкономическом росте ввиду укрепления монополий, либо расширения влияния ТНК и других макроэкономических агентов, диктующих свои «правила игры», интересы граждан остаются «в тени», и даже оказываются уязвлёнными: сверхурочная работа, увеличение трудового дня, сокращение отпусков выступают в роли стресс-факторов, негативно сказывающихся на нервной системе — таким образом, чтобы справиться с ними, граждане увеличивают потребление энергетиков, кофеина и даже медикаментов, повышающих производительность — тем самым их положение ещё более усугубляется. В итоге трудящийся «выбывает» из «гонки» ввиду внезапных проблем со здоровьем.

Поэтому в случае «перегрева» экономики важно усиление социальной защиты населения. Этому будет способствовать внедрение на нормативном уровне определённых правил, регламентирующих и, в частности, незначительное разбавление «нарастающей потенциальной энергии» трудовых ресурсов ростом их числа с внедрением посменного графика; регламентацией режима работы (полдня, гибкий график, работа на дому); также надзором за принимаемыми медикаментами (аналог «теста на допинг»: если обнаружено стимулирующее вещество, то или иное лицо на определенное время отстраняется от работы) — ибо в практике часто встречается ситуация чрезмерного приёма стимулирующих способности нашего организма препаратов,

усиливающих стрессоустойчивость, поднимающих выносливость, укрепляющих иммунитет и предлагающих другие возможные способы повлиять на жизненные функции нашего организма, в итоге выливающегося в обратный эффект.

В ЮАР в период до апартеида существовала модель экономики, интегрировавшая такой аспект в социальную политику, как оказание первичной медико-санитарной помощи населению [15], получившая распространение впоследствии в Великобритании (Уэльс), Израиле, Канаде и США [12], что может быть одним из примеров успешной социальной политики. Надо отметить, что также в целом ряде стран имеет место практика бесплатного распространения лекарств среди населения [9, с. 52].

Отрасль также характеризуется тем, что требует оперативного реагирования на вновь и вновь возникающие вызовы — своевременное нахождение вакцины или иного лекарства есть неотъемлемая составляющая данного производственного процесса. Компании, вовлечённые в фармацевтическую отрасль, должны быть готовы к непредвиденным затратам; извлечение прибыли любым способом здесь теряет свою актуальность; вместо этого в приоритете — получение качественного медикамента с минимумом побочных эффектов.

Улучшение экологии, санитарно-эпидемиологической обстановки; переориентация с потребностей человека на потребности экологии нашей планеты; рациональное природопользование и формирование «ноосферы», которая включает осознание человеком своего места в общей биосфере; а также должный подход к ресурсам, предоставляемым природой — вот та база, на которой необходимо строить нашу жизнедеятельность.

Государственное участие играет при этом первостепенную роль. Дело в том, что только оно обладает способностью воздействовать одновременно на все ключевые процессы, протекающие в экономике — у отдельных макроэкономических агентов подобная прерогатива отсутствует. Поэтому, расширив инструментарий своего участия в экономике, подключив новые механизмы, а в особенности — те, что продиктованы развитием науки и сферой ИТ, государство сможет полноценно контролировать все процессы, происходящие внутри страны. Конечно же, большая роль отводится и участию международных организаций и других стран — ибо динамика, будучи неотъемлемым элементом мировой экономики, достигается только во взаимодействии и переплетении интересов всех звеньев этого процесса.

Рано говорить о каких-либо приборах либо технологии, которая позволила бы снять с нас бремя поиска лечения, выступая неким универсальным руководством для нас в этом вопросе. Мы не можем и, подобно некоей утопической системе, достичь тотального искоренения болезней (абсолют недостижим как аксиома), но нам нужно задуматься о том, в чём, возможно, кроется ошибка в организации нашей трудовой деятельности, и в целом — жизнедеятельности — поскольку, как известно, всё, что происходит, есть отражение наших собственных поступков и действий. Пока к нам не придёт осознание сути вещей, отрасли здравоохранения и в целом всем производственным звеньям необходимо быть мобилизованными — единственное условие уверенного поступательного развития всей мировой экономики.

Список сокращений

CSDH — Комиссия по социальным детерминантам здоровья (Commission on Social Determinants of Health)

OECD — Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development)

WFP — Всемирная Продовольственная Программа (World Food Program)

WHO — Всемирная Организация Здравоохранения (World Health Organization)

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчук Д.В., Неустроев С.С. Методологические аспекты разработки учебного курса для подготовки интервьюеров к проведению статистического наблюдения рациона питания // *Управление образованием: теория и практика*. 2019. № 2 (34). С. 24–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-razrabotki-uchebnogo-kursa-dlya-podgotovki-intervyuerov-k-provedeniyu-statisticheskogo-nablyudeniya-ratsiona-pitaniya>
2. Агаев Э.М. Гаджибалаев П.Ф. Основные тенденции формирования современного фармацевтического рынка Азербайджана // *Вестник ВГМУ*. 2017. № 6. С. 99–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-formirovaniya-sovremennogo-farmats-evticheskogo-rynka-azerbaydzhana> (дата обращения: 17.11.2022).
3. Аптека-музей. Разберемся в терминах. [сайт]. URL: <https://www.am.biotest.by/farmatsiya/>
4. Бобков В.Н. Социально приемлемая потребительская корзина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 2. С. 8–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-priemlemaya-potrebitelskaya-korzina>
5. Бобков В.Н. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть первая) // *Народонаселение*. 2020. № 23(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskaya-korzina-kak-osnova-gosudarstvennyh-garantiy-minimalnyh-denezhnyh-dohodov-rossijskih-grazhdan-chast-pervaya>
6. Борщёва Н.Л. Управленческие инновации и их роль в развитии фармацевтической промышленности // *Инновационная наука*. 2016. № 1–1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-innovatsii-i-ih-rol-v-razvitii-farmatsevticheskoy-promyshlennosti>
7. Гравченко Л.А. История фармации: учебно-методическое пособие. Иркутск: ИГМУ, 2014. 111 с.
8. Журавлева И.В. Актуальные проблемы социальной политики в сфере здоровья // *Социология медицины*. 2017. № 1. С. 4–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sotsialnoy-politiki-v-sfere-zdorovya>
9. Лещинская К. Корпоративная ответственность в фармацевтической отрасли // *Ремедиум*. 2005. № 6. С. 50–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-otvetstvennost-v-farmatsevticheskoy-otrasli>
10. Неделько А.Ю. Потребительский выбор продуктов питания: факторы, текущее состояние и ожидаемые изменения // *Российский журнал менеджмента*. 2020. № 18 (4). С. 605–642. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskiy-vybor-produktov-pitaniya-factory-tekushee-sostoyanie-i-ozhidaemye-izmeneniya>
11. Фармацевтика & Биофармацевтика. [сайт]. URL: <https://www.shimadzu.ru/pharmaceutical>
12. Abramson JH. Community-oriented primary care — strategy, approaches and practice: a review // *Public Health Review*. 1988. № 16. С. 35–98.
13. CSDH. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. 2008. [сайт]. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43943/9789241563703_eng.pdf
14. Deaton A. Global patterns of income and health: facts, interpretations, and policies. 2006. [сайт]. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w12735/w12735.pdf
15. Kark SL., Kark E. An alternative strategy in community health care: community-oriented primary health care // *Israel Journal of Medical Science*. 1983. № 19. PP. 707–713.
16. Muratoglu G. Does Pharmaceutical Industry Boost Economic Growth? A Competitiveness-Related Approach // *Journal of Yasar University*. 2017. № 12(48). pp. 296–314.
17. OECD. Pharmaceutical spending. 2020. [сайт]. URL: www.data.oecd.org/healthres/pharmaceutical-spending.htm
18. OECD. Health at a Glance 2021: OECD indicators. 2021. [сайт]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/health-at-a-glance-2021_ae3016b9-en
19. The Cost of Essential Food Around the World. [сайт]. URL: <https://www.netcredit.com/blog/cost-essential-food-around-world/>

20. World Food Programme. Minimum expenditure baskets Guidance Note VAM food security analysis. 2020. [сайт]. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000074198/download/>
21. World Health Organization. Vitamin and mineral requirements in human nutrition, 2nd ed. 2005. [сайт]. URL: www.apps.who.int/iris/handle/10665/42716
22. Pharmaceutical expenditure. [сайт]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2493ee95-en/index.html?itemId=/content/component/2493ee95-en#:~:text=In%202019%2C%20spending%20on%20retail,after%20inpatient%20and%20outpatient%20care>

© Самигулина Наиля Анваровна (snailya1992@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бакинский государственный университет

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРЕННЕГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ РАСХОДОВ АВТОНОМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ

STRATEGIC GUIDELINES FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF INTERNAL FINANCIAL CONTROL OF EXPENDITURES OF AUTONOMOUS INSTITUTIONS IN RUSSIA

T. Turishcheva

Summary. The article is devoted to the consideration of strategic guidelines for improving the efficiency of internal financial control of the costs of autonomous institutions in the Russian Federation. The study describes the sequence of implementation of the internal financial control system. Special attention is paid to the use of risk-oriented selection of objects and areas for internal control of the costs of an autonomous institution. The stages of formation of strategic and operational plans for internal control are also indicated.

Keywords: autonomous institution, expenses, control.

Турищева Татьяна Борисовна

Кандидат экономических наук, доцент, РЭА
им. Г.В. Плеханова; Финансовый университет при
Правительстве РФ
ttb2812@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению стратегических ориентиров повышения эффективности внутреннего финансового контроля расходов автономных учреждений в РФ. В процессе исследования описана последовательность внедрения системы внутреннего финансового контроля. Отдельное внимание уделено использованию риск-ориентированного отбора объектов для проведения внутреннего контроля расходов автономного учреждения. Также обозначены этапы формирования стратегических и операционных планов проведения внутреннего контроля расходов.

Ключевые слова: автономное учреждение, расходы, контроль.

Реформирование отечественной системы государственного финансового контроля, предусматривает необходимость обеспечения прозрачного и эффективного использования распорядителями бюджетных средств имеющихся ресурсов, что в свою очередь предопределяет вектор развития внутреннего контроля в соответствии с лучшими мировыми практиками, стандартами и инициативами, введенными международными организациями [1]. В данном случае, прежде всего, речь идет о переориентации внутреннего контроля на оценку эффективности использования государственных средств и имущества, существенное обновление действующей нормативно-правовой базы в этой сфере.

Во многом актуальность обозначенных выше задач вызвана тем, что внутренний финансовый контроль в бюджетных учреждениях, в том числе и в автономных, недостаточно адаптирован к изменяющейся рыночной среде, а его действие, которое было эффективным в условиях командно-административной экономики, утратило свою результативность. Такая ситуация приводит к появлению злоупотреблений в бюджетной сфере, неэффективности использования ограниченных ресурсов, и, соответственно, сказывается на результатах

деятельности автономных учреждений, вследствие чего снижается качество предоставления ими товаров и услуг, что приводит к социальному напряжению в обществе.

В тоже время стабильное развитие бюджетной системы в целом и автономных учреждений в частности требует усиления внимания к эффективности управления расходами, повышению их результативности, внедрению международных стандартов, применению усовершенствованных инструментов, методов и подходов в сфере бюджетного регулирования [2].

Таким образом, развитие и совершенствование системы внутреннего контроля в автономных учреждениях, которая позволит обосновать и внедрить более эффективные методы и способы повышения действенности бюджетных расходов, с учетом стратегических перспектив развития, является важной научно-практической задачей, необходимость решения которой и предопределяет выбор темы статьи.

Особенности организации системы внутреннего контроля в автономных учреждениях, функционирующих в различных отраслях бюджетной сферы и эконо-

Рис. 1. Последовательность внедрения системы внутреннего финансового контроля и усиление управленческой подотчетности в автономном учреждении

мики, достаточно широко освещены в научных работах таких ученых как Шахбанова А.М., Османова Х.О., Вагабова Д.С., Амирханов Ш.Э., Гафурова Г.Т., Нотфуллина Г.Н.

Вопросы, связанные с оптимизацией расходов автономных учреждений, входят в круг научных интересов Васильченко А.А., Шинкаревой О.В., Балынина И.В., Пичушкина А.В., Фроловой О.А.

Высоко оценивая вклад ученых в освещение теоретических основ и практических аспектов внутреннего контроля, дискуссионными и недостаточно проработанными остаются вопросы построения современной эффективной системы внутреннего контроля за расходами в автономных учреждениях в условиях адаптации к динамичной внешней среде. При этом представляется, что необходимым является сочетание отечественного практического опыта реализации контрольных процедур и международных достижений в работе аудиторских и ревизионных служб, что будет способствовать построению системы внутреннего контроля

качественно нового уровня, обеспечит эффективное и рациональное использование ресурсов, будет способствовать информационной безопасности при принятии управленческих решений в условиях бюджетного дефицита.

Таким образом, цель статьи заключается в обозначении стратегических ориентиров повышения эффективности внутреннего финансового контроля расходов автономных учреждений в России.

Система внутреннего финансового контроля в автономном учреждении, в целом, и относительно контроля расходов, в частности, должна быть направлена на устранение нарушений и недопущение их в будущем [3]. Важно, чтобы эта система отличалась постоянным характером и стабильностью.

На основе анализа текущей ситуации и особенностей осуществления контроля за расходами распорядителей бюджетных средств в России, а также специфических характеристик автономных учреждений,

Таблица 1. Примеры идентификации рисков в управлении расходами автономного учреждения.

Идентифицированный риск	Категория риска	Вид риска	Сфера выявления риска	Показатели, характеризующие качественное выполнение процесса
Нехватка средств для надлежащего выполнения работ из-за невозможности определения стоимости новых/измененных государственных статистических наблюдений	Внутренний	Операционно-технологический	Определение потребностей	Произведен расчет стоимости государственных статистических наблюдений
Перерасход средств в связи с утратой актуальности плана государственных статистических наблюдений	Внутренний	Операционно-технологический	Планирование	Все этапы разработки плана выполнены в сроки

считаем целесообразным выделить два стратегических ориентира повышения эффективности внутреннего контроля:

- ♦ внедрение и использование комплексного подхода к построению системы внутреннего контроля, которая будет направлена на усиление ответственности руководителей за управление и развитие учреждения в целом, качественное выполнение ими задач, связанных с формированием адекватной структуры внутреннего контроля, надзором за осуществлением контрольных процедур и мер по управлению рисками;
- ♦ имплементация методики риск-ориентированного отбора (сосредоточение особого внимания на серьезности нарушений, мошенничестве и коррупции) объектов и сфер для проведения внутреннего контроля расходов автономного учреждения.

Рассмотрим обозначенные ориентиры более подробно.

В первую очередь комплексный подход предусматривает разработку стратегии автономного учреждения по внедрению системы внутреннего контроля расходов и управленческой подотчетности (ответственности) в разрезе всех иерархических звеньев. Стратегия внедрения системы внутреннего контроля расходов и усиления управленческой подотчетности предусматривает следующую последовательность шагов (рис. 1).

Первоочередной мерой, которую должен осуществить руководитель автономного учреждения в рамках внедрения системы внутреннего контроля и управленческой подотчетности на стратегическом уровне, является его собственная оценка уровня ответственности руководителей среднего и операционного уровня за деятельность структурных подразделений, выполнение отдельных процессов, функционирование систем, реализацию программ, которые зависят от особенностей учреждения и регламентирующих докумен-

тов, определяющих распределение ответственности от высшего (центрального) до более низкого уровней управления. По результатам оценки, у руководителя формируется или не формируется уверенность, что существующая система распределения обязанностей управления и ответственности в учреждении обеспечивает экономное, эффективное, результативное и законное использование финансовых и материальных ресурсов для достижения поставленных целей.

Для получения положительного ответа на вопрос о способности существующей системы распределения функций контроля и ответственности обеспечить экономное, эффективное, результативное и законное использование ресурсов руководитель должен назначить профессионально подготовленных, опытных линейных менеджеров, способных реализовать политику и достигать определенных целей эффективным и результативным способом [4]. Такое организационное распределение должно обеспечить достаточные гарантии достижения целей в пределах выделенных ресурсов, эффективность их использования для выполнения учреждением возложенных на него функций в соответствии с требованиями нормативно-правовых актов.

Внедрение методики риск-ориентированного отбора объектов и сфер внутреннего контроля за расходами автономного учреждения предполагает детальное изучение его деятельности. Знание стратегии (приоритетов) и реализуемых учреждением задач подразделению внутреннего контроля необходимо для четкого понимания важных и актуальных сфер (направлений) его деятельности, правильности формирования мнения о рисках, сопровождающих достижение тех или иных целей [5].

В процессе планирования деятельности по осуществлению контроля за расходованием бюджетных средств необходимо учитывать введенную в учреждение систему управления рисками (включая уровень риска для разных направлений (сфер) деятельности)

[6]. Если в учреждении не введена система управления рисками, то подразделение внутреннего контроля самостоятельно проводит оценку рисков с учетом мнения руководителя учреждения и после консультаций с ответственными за деятельность лицами по проблемным вопросам, которые влияют на качественное выполнение функций [7]. В таблице 1 приведен пример идентификации рисков автономного учреждения, которое занимается проведением статических наблюдений и социологических опросов.

Процесс формирования стратегических и операционных планов проведения внутреннего контроля на основании результата риск-ориентированного отбора объектов включает следующие этапы:

- ◆ определение пространства внутреннего контроля (вся совокупность объектов контроля), его распределение по горизонтальным и вертикальным принципам;

- ◆ идентификация в пространстве внутреннего контроля рисков (включая подходы к определению потенциальных угроз);
- ◆ оценка рисков по влиянию (определение финансовых и нефинансовых последствий для учреждения в случае наступления риска) и вероятности (определение возможности возникновения риска);
- ◆ определение приоритетных объектов контроля с целью включения в планы деятельности и частоты осуществления контрольных процедур.

Таким образом, стратегические ориентиры повышения эффективности внутреннего финансового контроля расходов автономных учреждений в России должны основываться на использовании новых современных концепций, которые включают использование комплексного подхода к организации контрольных процедур и внедрение методик риск-ориентированного отбора объектов внутреннего контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева И.А., Моргун А.А., Громова К.Е. Внутренний контроль финансово-хозяйственной деятельности бюджетных учреждений // Финансовая экономика. 2020. № 5. С. 348–350.
2. Васильченко А.А. Планирование доходов и расходов автономного учреждения // Теория и практика современной науки. 2020. № 9 (63). С. 52–56.
3. Демина И.Д., Методические аспекты проведения внутреннего финансового контроля в бюджетном учреждении // Бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 3. С. 18–24.
4. Демина И.Д., Кришталева Т.И. Оценка внутреннего контроля в ходе внутреннего финансового аудита государственных (муниципальных) учреждений // Аудит. 2020. № 6. С. 12–17.
5. Берикова Н.Б. Трансформация механизмов внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 6. № 6. С. 473–480.
6. Серебрякова Т.Ю. Научно-методический аспект учета рисков организации // Учет. Анализ. Аудит. 2018. Т. 5. № 1. С. 44–55.
7. Сафонова М.Ф., Резниченко Д.С., Сиденко Н.М. Качество, эффективность, ответственность аудиторов: теоретический и практический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020 № (4). С. 33–39.

© Турищева Татьяна Борисовна (ttb2812@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОФОРИЕНТАЦИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

STATE POLICY IN THE FIELD OF CAREER GUIDANCE: DOMESTIC EXPERIENCE OF THE PAST AND PROSPECTS FOR THE FUTURE

**A. Fursov
D. Vorobyev
V. Bereznyakovsky**

Summary. This article contains an overview of the main stages of the formation of the national state policy in the field of professional orientation. The development of the state system of vocational guidance, which has passed through several stages, is shown — from the organization of the minimum necessary professional counseling at the stage of social start to the assumption by the state and its institutions of a leading and guiding role in the system of vocational guidance of the population to ensure that the capabilities and abilities of each employee meet the requirements of the labor market. The analysis of the domestic experience of career guidance convinces that the state regulation of career guidance, built on the basis of domestic and foreign scientific developments and a wealth of practical experience, allows you to effectively perform the tasks of professional socialization of human resources and ensure a balance in the labor market. The dominant role of the state in the system of professional orientation of the population in postmodern conditions actualizes the renewal of state policy taking into account the requirements of the postmodern economy. This, in particular, implies the creation of conditions where employees throughout their working life can self-actualize in accordance with their abilities and inclinations, focus on obtaining and improving a set of professional competencies that are in demand at any given moment in the labor market. Thus, the state policy of career guidance in postmodern conditions is to teach workers to “discover themselves” in new professions, constantly improve their competitiveness in the labor market.

Keywords: state personnel policy, state employment policy, state policy in the field of education, professional orientation.

Фурсов Андрей Львович

Кандидат экономических наук, доцент, Поволжский институт управления им. Столыпина П.А. — филиал РАНХиГС (г. Саратов)
andrew@fursov.ru

Воробьев Дмитрий Игоревич

Кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
d.vorobyev@mgutm.ru

Березняковский Владимир Сергеевич

Кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
v.bereznyakovskiy@mgutm.ru

Аннотация. Настоящая статья содержит обзор основных этапов формирования отечественной государственной политики в сфере профессиональной ориентации. Показано развитие государственной системы профориентации, прошедшее через нескольких этапов — от организации минимально необходимого профессионального консультирования на этапе социального старта до принятия на себя государством и его институтами руководящей и направляющей роли в системе профориентации населения по обеспечению соответствия возможностей и способностей каждого работника требованиям рынка труда. Анализ отечественного опыта профориентации убеждает, что государственное регулирование профориентации, построенное на основе отечественных и зарубежных научных разработок и богатейшего практического опыта, позволяет эффективно выполнять задачи профессиональной социализации человеческих ресурсов и обеспечивать баланс на рынке труда. Доминирующая роль государства в системе профессиональной ориентации населения в условиях постмодерна актуализирует обновление государственной политики с учетом требований экономики постмодерна. Это, в частности, предполагает создание условий, когда работники в течение всей трудовой жизни могут самореализоваться в соответствии со своими способностями и склонностями, сфокусироваться на получении и совершенствовании набора профессиональных компетенций, которые востребованы в каждый конкретный момент на рынке труда. Таким образом, государственная политика профориентации в условиях постмодерна — научить работников «открывать себя» в новых профессиях, постоянно повышать свою конкурентоспособность на рынке труда.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, государственная политика занятости, государственная политика в сфере образования, профессиональная ориентация.

Введение

Основой экономики и главным богатством государства являются люди, а количество и качество трудовых ресурсов служит одним из определяющих факторов экономического роста. Качество трудовых ресурсов определяется уровнем профессионализма каждого работника, а уровень этот, в свою очередь, определяется обоснованностью выбора профессии в начале социального старта. Неправильный выбор профессиональной траектории снижает производительность труда, порождает высокую текучесть кадров, что в итоге ведет к высокому уровню безработицы и сохранению социальной напряженности. В этой связи очевидна актуальность проблемы изучения и осмысления накопленного опыта российской государственной политики в сфере профессиональной ориентации населения, выявления ее особенностей и перспектив в условиях «экономики постмодерна».

Выбор профессиональной траектории на этапе социального старта является необходимым условием интеграции индивида в социум. В связи с этим при рассмотрении проблем построения государственной системы профориентации очевиден акцент на молодежь, хотя профессиональная ориентация может быть и вторичной, когда работник меняет сферу деятельности, что происходит регулярно в условиях рыночной экономики.

В условиях как плановой, так и рыночной экономики государство предпринимало определенные усилия по профессиональному просвещению, профессиональному самоопределению молодежи, содействию молодежи в выборе учреждений профессионального образования в соответствии с индивидуальными склонностями и потребностями. На разных этапах реализации государственной политики в этой сфере государство руководствовалось как текущим состоянием экономики, так и представлениями о стратегических направлениях подготовки профессионалов.

С точки зрения белорусского исследователя И.В. Дементьева, развитие профориентации в мире и в России можно условно разделить на четыре этапа [1]:

1. Начало XX века — 1920-е гг. — зарождение профориентации в формате бюро, которые оказывали психолого-педагогические консультации работникам (не только молодежи) в профессиональном выборе.
2. 1930–1940-е гг. — становление профориентации как науки, обоснование методов и инструментария профессионального консультирования.
3. 1950–1980-е гг. — развитие профориентации как научно обоснованной системы, в которую входят

такие социальные институты как семья, школа, вуз.

4. 1990 — середина нулевых годов — появление новой интегративной научной дисциплины — профориентологии, включающей в себя дифференцированное профессиографирование, профессиональное тестирование. На этом этапе государство и его институты принимают на себя руководящую и направляющую роль в системе профориентации населения по обеспечению соответствия возможностей и способностей каждого работника требованиям рынка труда.

В то же время очевидно, что начало нового тысячелетия ознаменовано вступлением цивилизации в эпоху цифровой экономики, постмодерна с его постоянной изменчивостью. В этих условиях можно говорить о пятом этапе развития профориентации — профориентации как непрерывном процессе «поиска себя» для каждого работника. Поэтому и роль государственной политики в сфере профориентации на этом этапе нуждается в пересмотре.

Государственная политика в сфере профориентации: первые шаги

В работах О.П. Апостолова [2], Е.Ю. и Н.С. Пряжниковых [3], И.В. Дементьева история становления отечественной системы профориентации представлена чередой метаний от попыток разработать собственную систему с учетом позитивного мирового опыта к отрицанию отечественных разработок в угоду новомодным западным разработкам, а в итоге к осознанию необходимости сочетания тенденций отечественных и зарубежных теорий, опытом и реалиями нового тысячелетия.

Необходимо отметить, что профессиональная ориентация имеет прямую связь с термином «профессионал» и «профессионализм». Согласно М. Веберу, профессионализм является основой для построения современного типа общественного устройства, где статус индивида определен рационально осмысленными целями его деятельности [4]. Отталкиваясь от этого определения, можно сделать вывод, что государственная политика в сфере профориентации нацелена на организацию рациональной деятельности профессионалов.

В доиндустриальный период перечень профессий, которые удовлетворяли нуждам общества и являлись для работника средством к существованию, ограничивался текущими потребностями экономики. Значительную роль в отечественной профориентации играло словосочетание: профессиональный выбор молодежи был определен его местом в системе сословий.

С началом индустриализации механизация физического труда и научно обоснованные системы организации такого труда, сосредоточением средств производства в частных руках, рабочий получил право распоряжаться своей рабочей силой, фактически стал ее собственником. При этом научно-технический прогресс формировал новые потребности в товарах и услугах, что привело к появлению и росту спроса и предложения услуг квалифицированных профессионалов, при этом квалификация работника стала мерилем его конкурентоспособности на рынке труда. У работников появилась возможность выбирать работодателей, у работодателей — возможность подбирать профессиональные кадры. При этом стремление к повышению конкурентоспособности мотивировало работников на совершенствование своих профессиональных качеств и знаний, освоение новых компетенций. Таким образом, на первом этапе профориентации (начало XX века) возник спрос на услуги специальных служб, которые позволяли работодателям получать профессионалов, а работникам — строить свою профессиональную траекторию.

После революционных событий 1917 года профориентация в России рассматривалась как важнейшая составная часть воспитания человека труда. По прямому указанию В.И. Ленина [5] в 1921 году создан Центральный институт труда, занимавшийся в том числе вопросами профессионального просвещения и консультирования для нужд народного хозяйства. Первое отечественное бюро профессиональной консультации появилось в 1927 году при Ленинградской бирже труда. После закрытия бирж труда в 1930 году, вопросами школьной профориентации занималась Центральная лаборатория по профессиональной консультации и профессиональному отбору ВЦСПС. Впрочем, в 1936 году ее деятельность была свернута, поскольку научный подход к оценке профессиональных способностей индивидов шел вразрез с идеологическими догмами «уровнировки» и выдачи преференций «представителям рабочего класса и крестьянства». В то же время деятельность по пропаганде важности рабочих профессий продолжалась, государство стимулировало школьников на скорейшее их освоение, понижая приоритет высшего образования.

Государственная политика профориентации периода социализма

Вплоть до распада СССР в 1991 г. государственная политика в сфере профориентации базировалась на законодательно закреплённом принципе всеобщей занятости и планового принципа регламентации количественного и квалификационного состава работников. При этом профдиагностика была основана на использовании фиксированного списка профессий [6], [7].

Молодежь в 60–70-х годах XX века составляла примерно треть трудовых ресурсов СССР, из которых занятых в общественном хозяйстве в возрасте до 20 лет было 40%, 20–29 лет — 90%. К концу советского периода поддержание и прирост численности работников народного хозяйства обеспечивался почти полностью за счет молодежи. Среди отраслей промышленности доля молодежи была наиболее высока в машиностроении и легкой промышленности [8].

При этом текучесть молодых рабочих была вдвое выше текучести рабочих старше тридцатилетнего возраста и составляла почти 2/3 текучести кадров в первую очередь из-за специфики профориентационной работы, делавшей акцент на привлечение молодежи в производственную сферу, заполнение рабочих мест с учетом потребностей предприятий плановой экономики, при этом интересы и способности молодых людей рассматривались именно с точки зрения максимально полного удовлетворения социально-экономических нужд, а не с позиций возможности самореализации. Некоторые исследователи, в том числе уже упоминавшийся О.П. Апостолов, полагают, что в результате постановки неправильной цели СССР нес издержки из-за ошибок в выборе профессии, а общество получало взамен нераскрывшиеся таланты, нереализованные дарования, несостоявшиеся личности [2].

Профориентация переходного периода

В рыночных условиях исполнение государственных планов сменилось ориентацией на потребителя: профессиональные учебные заведения открыли набор на те специальности, которые пользуются спросом у молодежи. При этом сам спрос формировался не государством, а в первую очередь масс-медиа, которые пропагандировали профессии с максимальной доходностью на тот момент. Негосударственные учебные заведения и вообще система платного обучения позволили получать дипломы по различным специальностям независимо от наличия способностей. Это привело к переполнению рынка труда молодыми специалистами с «престижными», но в действительности не востребованными профессиями.

Негативную роль сыграла и «ЕГЭизация» образования: школьники (по сути — их родители) выбирали вуз для получения профессии, опираясь на информацию о перечне ЕГЭ, необходимых для поступления, вероятности прохождения на бюджет, стоимость платного обучения, но никак не на информацию о востребованности профессии на рынке труда [9].

В этих условиях государственная политика занятости и образования применительно к профориентации

ограничивалась преимущественно элементарным профессиональным тестированием на многочисленных «Ярмарках вакансий», либо сотрудничеством с вузами, где рекламировались не столько собственно профессии, сколько образовательные услуги вузов.

Мониторинг трудоустройства выпускников вузов давал противоречивую информацию. С одной стороны, вузы собирали с выпускников справки от работодателей о готовности трудоустроить их, с другой, в прессе и соцсетях молодые специалисты сетовали на трудности с трудоустройством по полученной специальности, в том числе из-за неверной оценки собственных профессиональных предпочтений и способностей на этапе выбора вуза.

Перспективы профориентации в эпоху постмодерна

Проблема пересмотра государственной политики в сфере профориентации в эпоху постмодерна актуальна прежде всего потому, что практика профессионального информирования, отбора, адаптации разработана в условиях индустриального общества, а отдельные элементы теории профориентирования в доиндустриальную эпоху.

Парадигма профориентации индустриального периода предполагала постоянный спрос на представителей определенной профессии, которая выбиралась однажды и на всю жизнь. Однако конструкция «образование и профессия однажды и на всю жизнь» изжила себя еще четверть века назад, в период перехода страны к рыночным отношениям. Такая конструкция основывается на выборе профессии из фиксированного списка в соответствии с личными возможностями и интересами. Однако в современном мире объектом профориентации становится уровень компетенций работника на любом этапе его трудовой жизни, то есть речь идет о полипрофориентации. Отличительным признаком эпохи постмодерна стало постоянное изменение динамики перечня востребованных профессий [10].

Как справедливо отмечал А.Г. Асмолов еще в 2010 году, «десяти самых востребованных профессий 2010 года шесть лет тому назад еще не существовало. Нам всем надо понимать, что нынешние студенты будут работать по профессиям, которых еще нет, использовать технологии, которые еще не родились, и решать задачи, о которых мы не знаем» [11].

Государственная политика в сфере образования и занятости применительно к профориентации не стоит на месте. Еще в 2018 году в России стартовала реализация серии масштабных государственных проектов по профориентации детей и молодёжи:

- ◆ Создание высокотехнологичных детских технопарков «Кванториум».
- ◆ «Билет в будущее» — современная образовательная площадка, работающая в формате профессиональных проб и объединяющая ключевых участников рынка труда: школьников 8–11-х классов, представителей работодателей, экспертов отраслевых направлений и образовательных организаций.
- ◆ «Молодые профессионалы» — движение «WorldSkills» — чемпионаты профессионального мастерства.
- ◆ «Международный конкурс детских инженерных команд».
- ◆ «ПроеКТОрия» — открытые уроки по профессиональному самоопределению.
- ◆ «IT-cube» — образовательные площадки для формирования цифровых навыков, в первую очередь программирования.
- ◆ «Абилимпикс» — региональные и национальные чемпионаты профессионального мастерства для людей с инвалидностью, которые являются эффективным механизмом содействия трудоустройству.

Задача государства, негосударственных организаций, социально ответственного бизнеса в данном случае заключается в том, чтобы не ограничиваться в этих программах уже упомянутой выше конструкцией профориентационной системы индустриального общества.

Необходимо создать такую систему, чтобы работники в течение всей трудовой жизни могли знакомиться с более широким кругом профессий, где они могут самореализоваться в соответствии со своими выявленными в ходе первичной профдиагностики способностями и склонностями. Более того, необходимо профдиагностику делать регулярной, например, раз в десятилетие, чтобы уйти от жесткой рамочной профессии к фокусу на получении и совершенствовании набора компетенций работника, которые востребованы в каждый конкретный момент на рынке труда.

Еще одна задача государственной политики профориентации в условиях постмодерна — научить работников «открывать себя» в новых профессиях, постоянно повышать свою конкурентоспособность на рынке труда.

Выводы

Анализ отечественного опыта профориентации убеждает, что государственное регулирование профориентации, построенное на основе отечественных и зарубежных научных разработок и богатейшего прак-

тического опыта, позволяет эффективно выполнять задачи профессиональной социализации и обеспечивать баланс на рынке труда.

Доминирующая роль государства в системе профессиональной ориентации населения в условиях постмодерна актуализирует обновление государственной политики с учетом требований экономики постмодерна. Это, в частности, предполагает создание таких условий для образовательных учреждений и работодателей, когда работники в течение всей трудовой жизни могут

знакомиться с более широким кругом профессий, самореализоваться в соответствии со своими выявленными в ходе первичной профдиагностики способностями и склонностями, сфокусироваться на получении и совершенствовании набора профессиональных компетенций, которые востребованы в каждый конкретный момент на рынке труда. Таким образом, основная цель государственной политики профориентации в условиях постмодерна — научить работников «открывать себя» в новых профессиях, постоянно повышать свою конкурентоспособность на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев, И.В. Генезис и понятие профориентации в педагогической науке и практике / И.В. Дементьев // Научные труды Республиканского института высшей школы. — Минск, 2008. — С. 32–38.
2. Апостолов О.П. Профессиональная ориентация в России (опыт, проблемы, перспективы) Изд. 1-е. Издатель: ИП Татаринцов Михаил Васильевич, 2011. — С. 7.
3. Пряжникова, Е.Ю. Профориентация / Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников. — М., 2005. — 484 с.
4. Вебер М. Основные социологические понятия. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 1. — С. 603
5. Ленин В.И. О политехническом образовании // Полное собрание сочинений. — М.: Политиздат, 1979. — Т. 42. — 606 с.
6. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение в культурно-исторической перспективе // Вопросы психологии. — 2007. — № 1. — С. 64
7. Психология профессионального самоопределения. Климов Е.А. М.: Академия, 2004–304 с
8. Трудовые ресурсы молодежи / Население и трудовые ресурсы: Справочник / Сост. А.Г. Новицкий. — М.: Мысль, 1990.-398 с.
9. Землянухина, Н.С. Профориентация в эпоху постмодерна / Н.С. Землянухина, П.С. Кузнецов // Профессиональная ориентация. — 2017. — № 1. — С. 92–100.
10. Землянухина, Н.С. Изменение парадигмы профориентации в условиях постмодерна / Н.С. Землянухина, П.С. Кузнецов, А.Л. Фурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 128–133. — DOI 10.18500/1994–2540–2019–19–2–128–133.
11. Асмолов, А. «Эффект бабочки» Рэя Брэдбери, или О рисках образовательной политики / А. Асмолов // Образовательная политика. — 2010. — № 9–10(47). — С. 2–4.

© Фурсов Андрей Львович (andrew@fursov.ru),

Воробьев Дмитрий Игоревич (d.vorobyev@mgutm.ru), Березняковский Владимир Сергеевич (v.bereznyakovskiy@mgutm.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АТОМНЫЙ ЭНЕРГОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ «ЗЕЛЁНОГО КУРСА»: СИСТЕМНЫЕ УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**NUCLEAR POWER INDUSTRY COMPLEX
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE
CONTEXT OF INCREASED COMPETITION
AND THE IMPLEMENTATION OF THE
«GREEN COURSE»: SYSTEM CONDITIONS
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

**A. Khachaturian
A. Nikolayenko**

Summary. The article shows that the nuclear industry of the Russian Federation acts as a low-carbon source of energy is an innovative center of the domestic economy and one of the high-tech industries that has international competitiveness. Against the backdrop of an unfavorable military-political situation, there are positive factors that ensure the development of the nuclear industry in the Russian Federation. The existing scientific and technological reserve, combined with the aggravation of global environmental problems and the growth of the world population, requires the active development of nuclear energy, which makes it possible to ensure the energy and national security of the country.

Keywords: nuclear power industry complex, competition, green deal, systemic conditions, development, national security.

Хачатурян Арутюн Арутюнович

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН; Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России, Москва
karutyun@yandex.ru

Николаенко Андрей Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва
Nikolaenko_AV@nrcki.ru

Аннотация. В статье показано, что атомная отрасль Российской Федерации выступает в качестве низкоуглеродного источника энергии, является инновационным центром отечественной экономики и одной из высокотехнологичных отраслей, которая обладает международной конкурентоспособностью. На фоне неблагоприятной военно-политической обстановки существуют положительные факторы, обеспечивающие развитие атомной отрасли Российской Федерации. Имеющийся научно-технологический задел в сочетании с обострением глобальных проблем экологического характера и ростом мирового населения, требует активно развивать ядерную энергетику, позволяющую обеспечить энергетическую и национальную безопасность страны.

Ключевые слова: атомный энергопромышленный комплекс, конкуренция, «зелёный курс», системные условия, развитие, национальная безопасность.

Введение

В современный период нарастающей мировой геополитической напряженности, трансформации правил и принципов мироустройства, формируется новая архитектура обеспечения национальной безопасности. Существующие риски, связанные с неустойчивостью международной финансовой системы, ориентация на политическое принятие решений в вопросах экономического сотрудничества, применение ограничительных мер санкционного характера, нарушение взаимосвязей в производственных и логистических цепочках, замедление инвестиций снижают уровень экономической безопасности Российской Федерации.

На фоне роста численности населения (ежегодное увеличение более чем на 90 миллионов человек) [22] и мирового потребления первичной энергии (с 2010 по 2035 гг. на 36%) особо остро проявляется проблема ресурсных и экологических ограничений в энергетике, которая выступает локомотивом динамичного развития любого государства и его экономического роста. Существующий разрыв в потреблении энергии между развитыми и развивающимися странами (более чем в пять раз в пользу первых) усиливает вероятность глобальных конфликтов в борьбе за энергоносители и пути их транспортировки (табл. 1).

Преимущественное использование энергетики, построенное на сжигании углеводородов, привело к про-

Таблица 1. Мировые темпы роста численности населения и показателей энергопотребления [7]

Население				Энергия		
Год	Млн чел.	Среднегодовые темпы роста за период, %	ТВт ч	Среднегодовые темпы роста за период, %	Душевое потребление, кВт ч	Среднегодовые темпы роста душевного потребления за период, %
1800–2019 гг.						
1800	1000		5700		5700	
1900	1600	0,5%	12000	0,7%	7500	0,3%
1950	2500	0,9%	29000	1,8%	11600	0,9%
2000	6100	1,6%	110000	2%	18000	0,4%
2010	7000	1,4%	141000	2,5%	20100	1,2%
2019	7700	1,2%	162000	2,1%	21000	0,8%

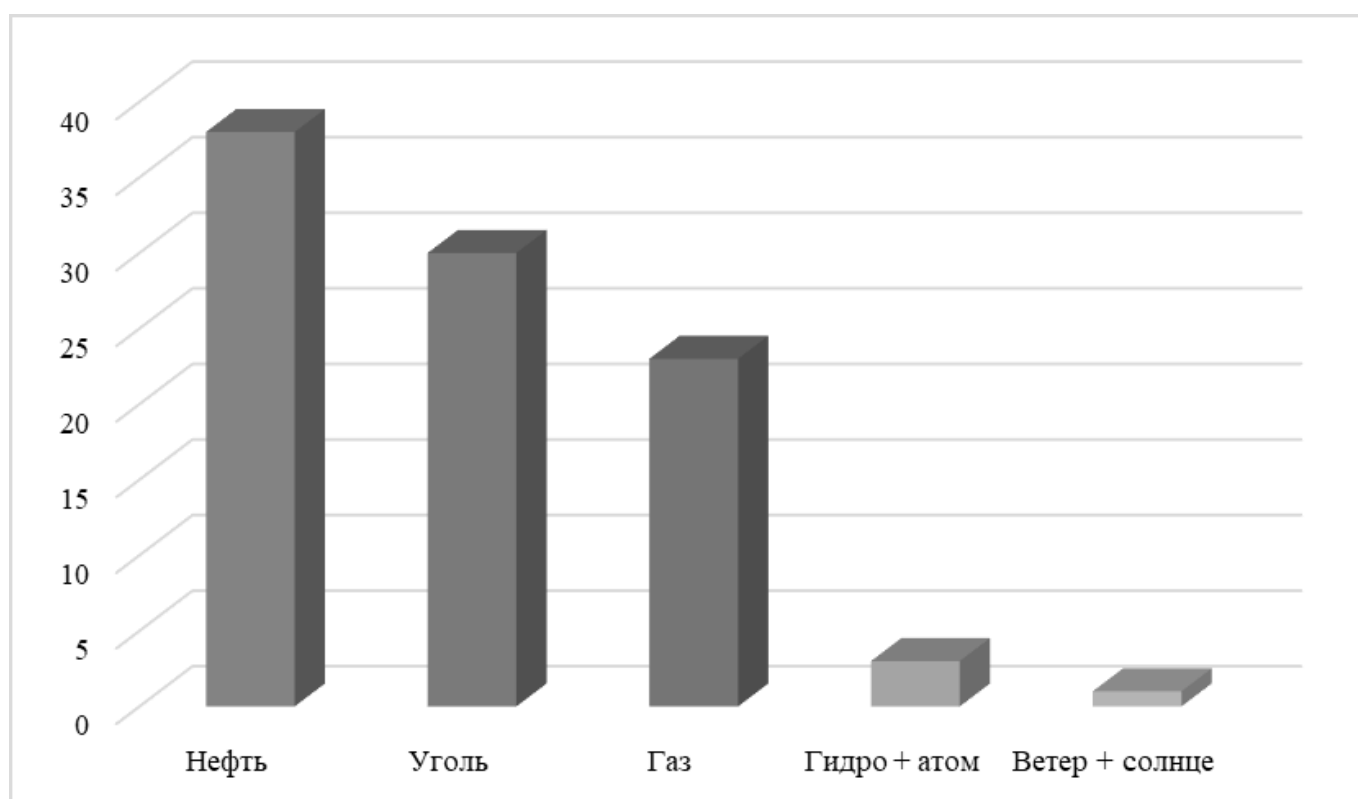

Рис. 1. Процентное содержание потенциальной энергии Земли [6]

блеме антропогенного загрязнения биосферы планеты (рис. 1). Однако обозначенные развитыми странами ключевые меры в этой области, как показывает практика, не всегда диктуются соображениями экономической целесообразности для Российской Федерации.

Реализация «зелёного курса» носит протекционистский характер и направлена на существенное упрочение конкурентных преимуществ ЕС за счет введения трансграничного налога на углеродоёмкие импортруемые товары [18] (14 июля 2021 г. Европейская ко-

миссия приняла пакет предложений, направленный на сокращение к 2030 году выбросов парниковых газов не менее чем на 55% к уровню 1990 года).

Предлагаемый «зеленый переход» по обеспечению экологических требований, невзирая на дополнительные издержки, направлен на самообеспечение возобновляемыми энергетическими ресурсами и включает широкий спектр протекционистского инструментария, который отвечает интересам лишь узко избранной группы развитых стран. При этом фактически проис-

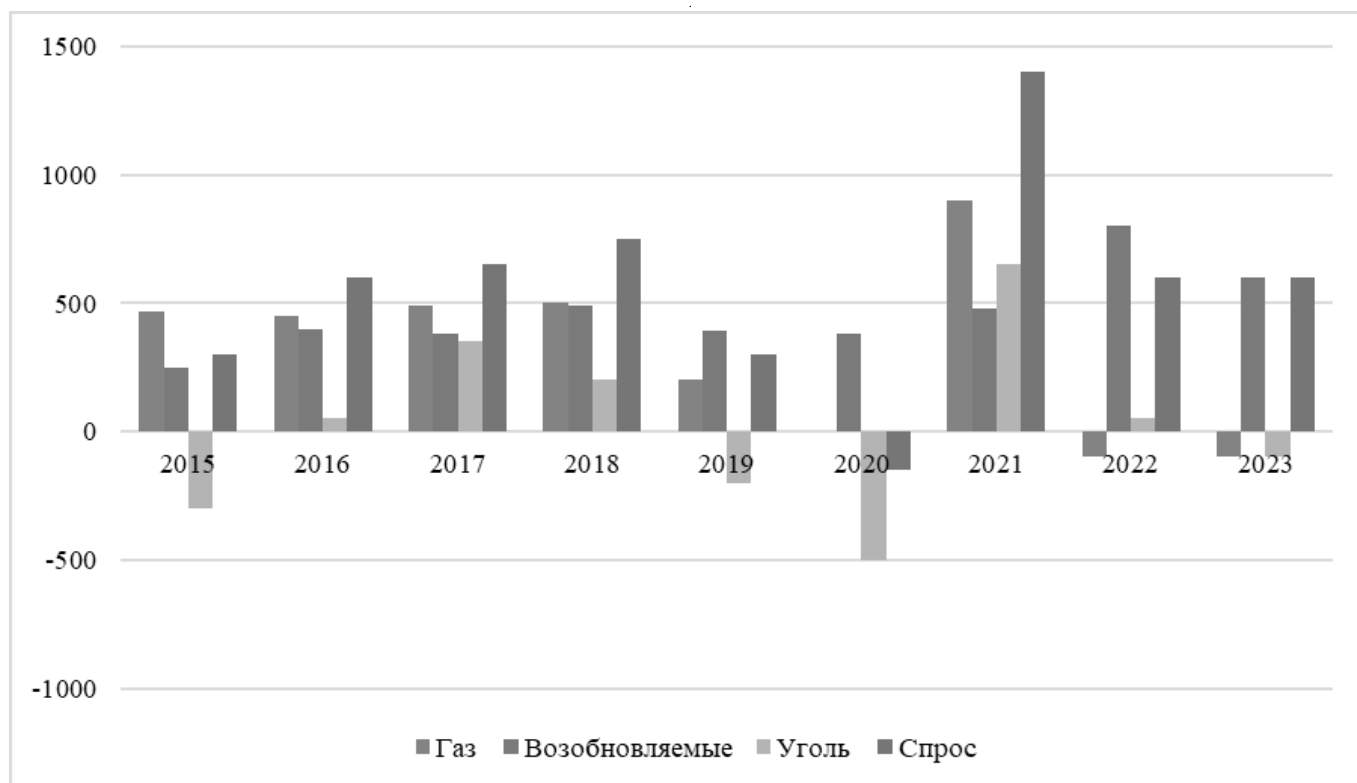

Рис. 2. Спрос на электроэнергию с использованием ископаемого топлива и низкоуглеродных технологий, 2015–2023 годы (ТВт·ч) [3]

ходит отказ от теории сравнительных преимуществ, принципов экономической эффективности и приводит к сокращению международной торговли, в том числе и энергоресурсами [21]. Такая модель предполагает наличие стратегических инвестиций, обеспечивающих производство нового конкурентоспособного продукта, создает дополнительный импульс и качественный скачок для развитых государств [9].

Эмпирический анализ динамики потребления энергии в XXI веке, основанный на взаимосвязи глобального прироста численности населения и энергопотребления, указывает на существенный рост годового энергопотребления при росте численности населения в 1,4 раза — до 230 тыс. ТВт·ч к 2050 году и в 1,7 раза до 270 тыс. ТВт·ч к 2100 году (с учётом региональной специфики и потребности развивающихся стран в социально-экономическом развитии — 300 тыс. ТВт·ч к 2050 году и 340 тыс. ТВт·ч к 2100 году) [7]. Эволюция мирового спроса на электроэнергию, производство электроэнергии с использованием ископаемого топлива и низкоуглеродных технологий за 2015–2023 годы показывает, что рост мировой экономики в условиях существенных ресурсных и экологических ограничений невозможен без развития ядерных технологий (рис. 2).

Это связано с тем, что они способны обеспечить энергетические потребности, снизить отрицательное воздействие на окружающую среду и стабилизировать потребление органического топлива (нефть, газ, уголь).

Наглядную иллюстрацию с достаточной степенью надежности отображает корреляционная зависимость потребления первичной энергии от ВВП мировой экономики (рис. 3).

Согласно анализу МЭА (базовый вариант) к 2030 г. среднегодовой прирост мирового спроса на электроэнергию ожидается на уровне 2,5% с общим объемом инвестиций 350 млрд. долл. США ежегодного (Бахус, 2021; Илюшин и др., 2022; Перспективы развития мировой энергетики до 2050 года) [5, 10, 17]. При этом электроэнергия, произведенная с использованием газа и угля, будет обеспечивать покрытие свыше 75% совокупного спроса, равно как и доля природного газа и возобновляемых источников. Для достижения запланированных целей в области энергетики и климатической политики на 26-й Конференции ООН предложено увеличить объемы атомной генерации в два раза.

По оценке Международного энергетического агентства к 2050 году для достижения цели по нулевым чи-

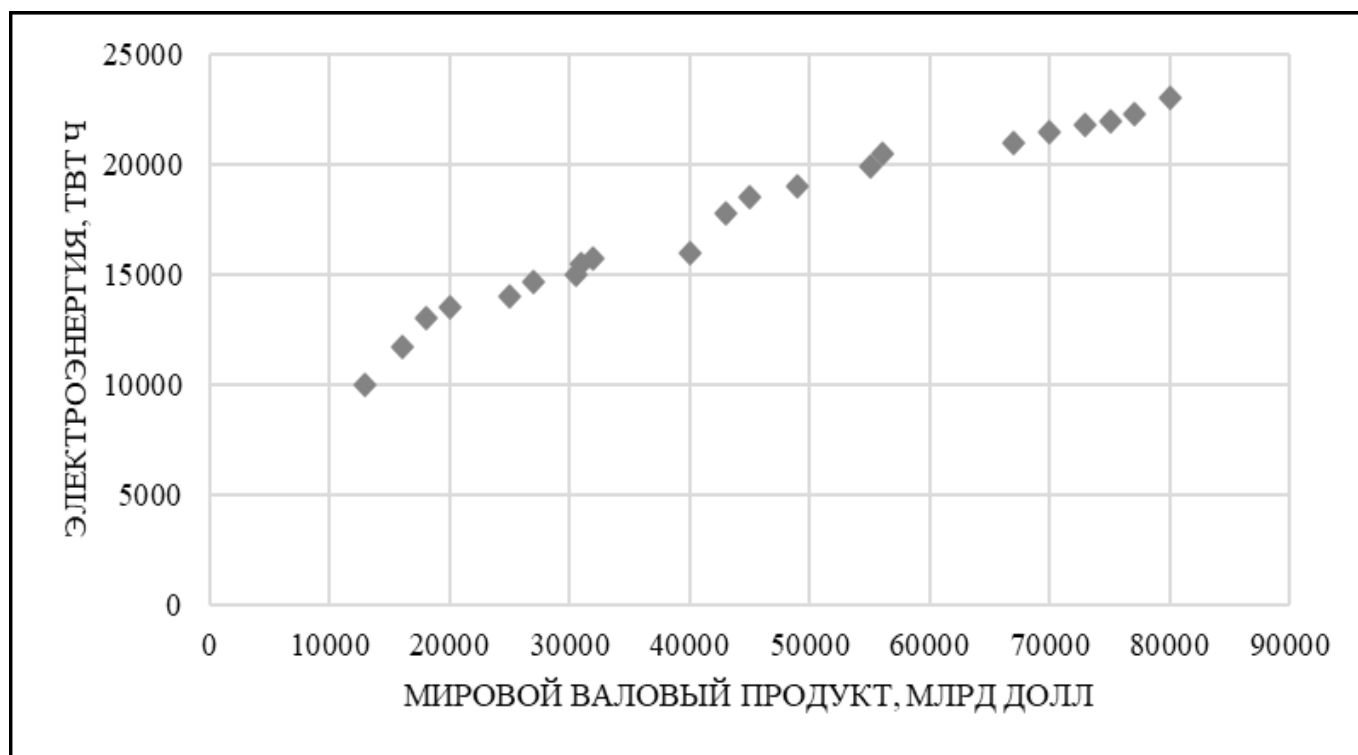

Рис. 3. Корреляционная зависимость потребления электроэнергии [22].

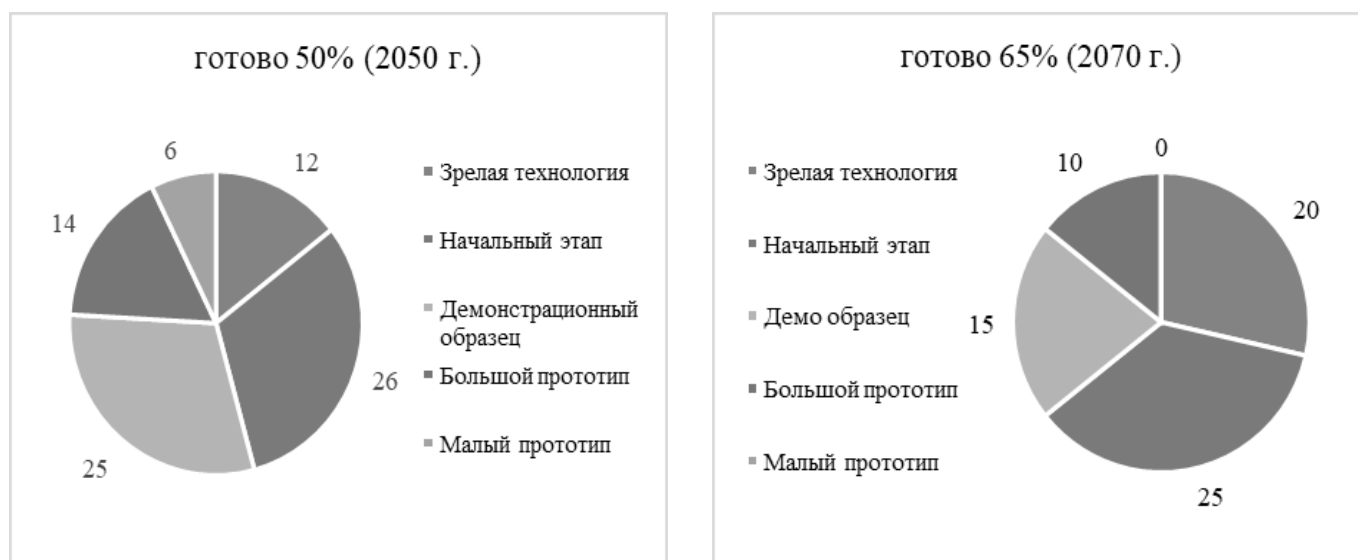

Рис. 4. Степень готовности технологий, обеспечивающих чистые выбросы [4]

стым выбросам только половина разрабатываемых в настоящее время технологий будет готова к эксплуатации, а к 2070 году их доля составит 65% (рис. 4) (Аналитический доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики»).

Энергокризис 2021–2022 гг. в ЕС продемонстрировал зависимость стран Европы от импорта энергоресурсов (из 90% импортируемого потребляемого газа около 45% является российским) [13]. Проблема ограниченности энергоресурсов послужила развитию атомной отрасли в развитых странах. Китай заплани-

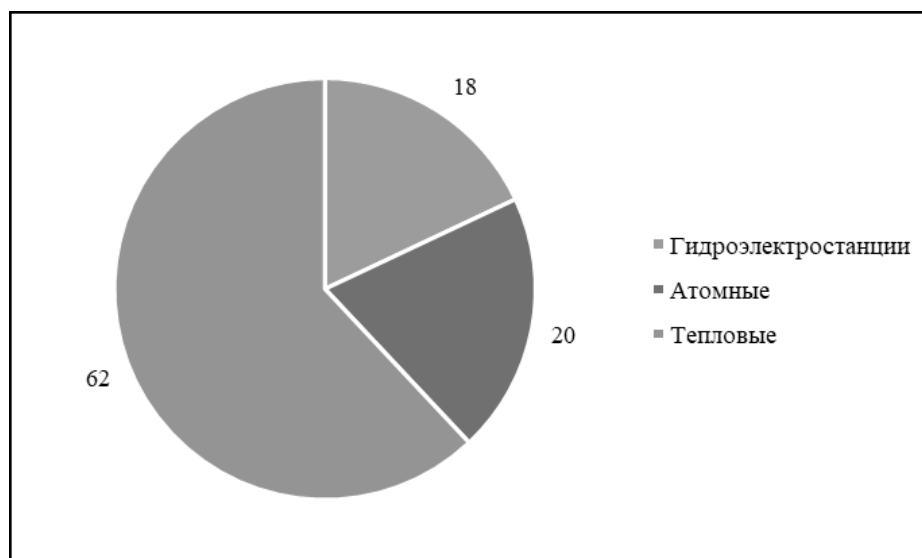

Рис. 5. Структура и источники производства электроэнергии в РФ, %

ровал создание 11 энергоблоков с мощностью 160 ГВт (2030 г.), в Индии к 2035 году будут построены 20 новых энергоблоков, активно разрабатывают и реализуют программы интенсивного развития ядерной энергетики Республика Корея, США, Канада и Финляндия.

По прогнозу Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) к 2030 году в эксплуатации будет 600 энергоблоков, а по прогнозу WNA (World Nuclear Association) общая мощность всех энергоблоков в мире к 2060 году может достичь не менее 1100 гигаватт, а с учетом динамики развития ядерной энергетики — 3500 гигаватт [8].

Российский атомный энергопромышленный комплекс (АЭПК) в лице государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», является лидером в производстве электроэнергии, охватывает единую технологическую цепочку и включает атомные электростанции, производственно-технологические комбинаты и горнодобывающие производства и предприятия соответствующего профиля, научно-исследовательские институты, а также проектные, конструкторские и технологические организации. На 11 атомных электростанциях (АЭС) эксплуатируется 37 энергоблоков. В 2020 году на АЭС выработано 215,746 млрд. кВт.ч электроэнергии или 20,2% всего производимого электричества в России (рис. 5 [16]).

Особенностью российского АЭПК является замкнутый цикл производства — от добычи урана (производства, обогащения ядерного топлива) и поставки его на предприятия, до генерации электроэнергии на АЭС. Кроме этого в зону ответственности АЭПК входит про-

изводство ядерного оружия, проектирование, инжиниринг, строительство АЭС, ядерное и энергетическое машиностроение, прикладная наука и конструкторские организации и др. Отечественный АЭПК представлен Госкорпорацией «Росатом», которая является координационно-управляющим органом, осуществляет властные полномочия в сфере нормотворчества (разрабатывает, принимает и утверждает нормативные правовые акты) [1] и, как высокотехнологичное холдинговое объединение, включает более 350 предприятий и научных организаций (300 тыс. человек), в том числе в нее входит атомный ледокольный флот (ФГУП «Атомфлот»), владеет компетенциями и активами сразу во всех производственно-технологических цепочках атомной энергетики.

В 2021 г. на 35 энергоблоках выработано 222,436 млрд. кВт ч электроэнергии (19,66%) [13]. По состоянию на начало 2022 г. Росатом осуществляет строительство 3 новых атомных энергоблока, а топливная компания «ТВЭЛ» (входит в состав Росатома) занимает 17% мирового рынка обогащения урана и производства ядерного топлива.

В совокупности АЭПК включает шесть основных комплексов: ядерный оружейный, ледокольный флот, энергомашиностроение, энергетический комплекс, урановый дивизион, международные проекты «Росатома».

Ледокольный флот в лице ФГУП «Атомфлот» обеспечивает эксплуатацию и технологическое обслуживание атомных ледоколов («Ямал», «50 лет Победы», Таймыр», «Вайгач») и судов вспомогательного флота для интенсификации арктического судоходства.

Таблица 2. Сооружаемые мощности атомных реакторов и их доля в мировом объеме [4]

Компания	Сооружаемые мощности, МВт (нетто)	Доля в мировом объеме сооружаемых мощностей, %	Реакторы в стадии строительства, шт.
Росатом	15 141	29,5	14
KEPCO	8 050	15,7	6
CNNC	6 633	12,9	8
EDF	6 490	12,7	4
CGN	6 410	12,5	6

С целью устойчивого развития АЭПК, поддержки геополитических интересов РФ и комплексного обеспечения безопасности (ядерной и радиационной), а также повышения эффективного обращения с отходами в настоящее время реализуется второй этап Государственной программы «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» с общим объемом финансового обеспечения 250526678,4 тыс. руб. На период 2022–2024 финансовое обеспечение данной госпрограммы составляет 52144000,1 тыс. рублей, а в период 2016–2022 гг. в ходе реализации первого этапа Госпрограммы израсходовано 308 293 953,390 тыс. руб. [15]. Предполагается, что до 2035 года будет построено 16 новых атомных блоков, а доля АЭС в общем энергобалансе к 2045 году составит 25% [21]. Одновременно осуществляется выбывание мощностей АЭС. Остановлены первый и второй блоки Ленинградской АЭС и первый Курской АЭС (в 2023 году планируется остановить второй блок Курской АЭС, а к 2030 г. такой остановке подлежат 10 энергоблоков) [3].

Активно развивается зарубежный комплекс — из 50 находящихся на активном этапе строительства атомных реакторов, 14 относятся к компетенции Росатома с совокупной долей в мировом объеме 29,5% (табл. 2).

В этом направлении данный дивизион участвует в вводе в эксплуатацию второго блока Белорусской АЭС, первого блока «Руппур», сооружении АЭС «Аккую». Кроме того, осуществляет планово-предупредительный ремонт на Белорусской, Армянской АЭС, «Тяньвань», «Куданкулам», «Козлодуй» и другие мероприятия.

Выводы

В 2022 г. Правительство России в рамках реализации программы «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года» на обеспечение исследований в области атомной энергии выделило 5 млрд. руб.

Одновременно АЭПК опосредовано оказывает влияние на реализацию целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г, которые были приняты ООН. Соответствие ключевым направлениям ЦУР и деятельности Госкорпорации «Росатом» проявляется в таких направлениях как чистая энергия, достойная работа, развитие инфраструктуры с помощью инноваций, потребление и производство, изменение климата, а также совместное устойчивое развитие [14]. Данное направление в Госкорпорации «Росатом» зафиксировано на уровне Стратегии, а единые принципы и подходы в области устойчивого развития закреплены в Единой отраслевой политике и методических указаниях.

Драйверами развития атомной генерации электроэнергии выступают следующие факторные условия:

- ♦ ускоренное развитие «зеленого» энергоперехода в условиях роста мирового производства, обеспечивающее повышенный спрос на низкоуглеродную энергию, в том числе на ядерную энергетику (и опосредовано производство водорода), которая не производит парниковых газов, не загрязняет атмосферу и ежегодно на территории РФ предотвращает выброс в атмосферу 210 млн. тонн углекислого газа. Повышенный спрос будет обеспечивать развитие электрического транспорта, что требует увеличения количества электрозаправочных станций (ЭЗС). В принятой Правительством РФ Концепции (распоряжение Правительства РФ от 23.08.2021. № 2290-р) указано, что на дорогах общего назначения наиболее целесообразно считается установка двух ЭЗС на расстоянии, не превышающем 100 километров [12];
- ♦ технологические преимущества и возможности строительства серийных атомных станций и реакторов нового поколения (III+ и IV), в том числе малых модульных реакторов (ММР) для производства высокопотенциального тепла и «кэптивного» водорода для промышленных потребителей [19];
- ♦ высокая инновационно-технологическая емкость и наличие полного цикла передовых ядер-

ных технологий в таких направлениях, как производство ядерного топлива, обогащение урана, материаловедение, атомное машиностроение и др. [11];

- ◆ относительно низкая стоимость реакторов и предложения широкого спектра сопутствующих услуг, в том числе инженерно-технического сопровождения (кредитование строительства, создание инфраструктуры для постройки и дальнейшей эксплуатации АЭС, обучение и повышение квалификации персонала, в том числе в российских вузах, вывод реакторов из эксплуатации и др.);
- ◆ наличие ресурсной базы для добычи урановой руды, которая используется при производстве топлива для атомных реакторов (по объемам добычи урановых руд РФ занимает 6 место в мире).

Начавшаяся дискуссия о необходимости отдельным странам полностью избавиться от импорта энергоресурсов из России усилила проблему развития атомной энергетики и на фоне роста геополитической напряженности выявила следующее противоречие.

С одной стороны, достижение климатической нейтральности при реализации «зеленой повестки» требует увеличения мощностей возобновляемых источников энергии. Однако для этого в ЕС не хватает свободных территорий, и данная проблема должным образом в ближайшей перспективе не будет решена. С другой

стороны, даже в случае полного перехода на водородную энергетику, потребуются все большие объемы газа, которые может поставить в необходимых объемах только Россия (в среднесрочной перспективе). Попытки отказаться от российских энергоресурсов, вызывают взрывной рост цен, а использование нефти и угля противоречит целям ЕС при достижении углеродной нейтральности. Соответственно развитие атомной энергетики становится практически единственной альтернативой для преодоления текущего энергетического кризиса.

Таким образом, атомная отрасль Российской Федерации выступает в качестве низкоуглеродного источника энергии, является инновационным центром отечественной экономики и одной из высокотехнологичных отраслей, которая обладает международной конкурентоспособностью. И, несмотря на неблагоприятный внешне-политический фон, террористическую опасность международного характера, существуют положительные тенденции развития атомной отрасли Российской Федерации, заключающиеся в увеличении объемов потребления и генерации. А имеющийся научно-технологический задел в сочетании с обострением глобальных проблем экологического характера и ростом мирового населения, потребовал снова посмотреть в сторону ядерной энергетики, позволяющей обеспечить энергетическую, экономическую и национальную безопасность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (с изм. от 14 июля 2022 г. № 271-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2007 г. № 49, ст. 6078.
2. Аналитический доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики». Департамент макроэкономической политики Евразийской экономической комиссии, доступно по адресу: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b34/Doklad-zelenaya-ekonomika-06.2022.pdf>.
3. Атомная энергетика в России. Аналитический обзор TAdviser (27.05.2022), доступно по адресу: <https://www.tadviser.ru/index.php>.
4. Акционерное общество «Русатом Энерго Интернешнл». Об отрасли, доступно по адресу: <http://rusatom-energy.ru/media/about-branch/#nuclear-complex>.
5. Бахус Е.Е. Организационные решения обеспечения качества строительства объектов ядерной энергетики, дис. ... канд. техн. наук, специальность: 05.02.22, М., 2021. 176 с.
6. Волков В.И., Острцов И.Н. Стратегия развития ядерной энергетики. Основные инструменты развития безопасной ядерной энергетики в России. Экономика России. Взгляд в будущее, 2012, доступно по адресу: <https://pereprava.org/uploads/doc/270-279%20-%20Volqov,%20Ostretcov.pdf>.
7. Дегтярев К. Ключевые тенденции потребления энергии в XXI веке. Энергетическая политика, 2021, доступно по адресу: <https://energypolicy.ru/klyucheve-tendenczii-potrebleniya-energii-v-xxi-veke/energetika/2021/12/21>.
8. Гуменюк В.И., Туманов А.Ю., Атоян Г.Л. Атомная отрасль России: развитие в ногу со временем // Научно-технические ведомости СПбПУ. Естественные и инженерные науки, 2019, т. 25, № 3, с. 28–47.
9. Трефилова Ю. Зеленый путь для избранных. Российский совет по международным делам (РСМД), 2021, доступно по адресу: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/zelenyy-put-dlya-izbrannykh/?sphrase_id=92743830.
10. Илюшин П., Куликов А., Севостьянов А. Применение статистического выборочного контроля при мониторинге показателей качества электрической энергии в современных системах электроснабжения // Электротехника, 2022, № 4, с. 46–53.
11. Ивантер В.В., Семикашев В.В. Роль атомной промышленности в экономике страны и стоящие перед ней вызовы // Энергетическая политика, 2017, № 3, с. 3–11.

12. Концепция по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2021 г. № 2290-р, доступно по адресу: <https://www.garant.ru/products/prime/doc/402553686>.
13. Лебедева А., Зайцева А. Атомная энергетика ЕС на пути к реабилитации // Энергетическая политика, 2022, № 6 (172), с. 70–77.
14. Нетронин И.В., Брыкалов С.М. и Кузнецова Н.А. Реализация концепции устойчивого развития на предприятиях атомной отрасли (на примере АО «ОКБМ Африкантов») // Управление устойчивым развитием, 2021, № 5 (36), с. 37–46.
15. Развитие атомного энергопромышленного комплекса. Информация по Госпрограмме, Портал Госпрограмм РФ, доступно по адресу: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/22>.
16. Потеряйко А. Углеродный пограничный налог ЕС — катализатор мирового кризиса, 2021, доступно по адресу: <https://regnum.ru/news/polit/3366345.html>.
17. Соловьев С.Л., Зарюгин Д.Г., Калякин С.Г. и Лескин С.Т. Определение основных направлений развития атомных станций малой мощности // Известия высших учебных заведений. Ядерная энергетика, 2022, № 1, с. 22–34.
18. Соболев М.С., Быкова А.В. Конкурентоспособность России на мировом рынке атомной энергетики // Молодой ученый, 2017, № 2 (136), с. 508–511.
19. Торкановский Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения, 2020, том 10, № 3, с. 663–682.
20. Цибульский В.Ф. Энергетические ограничения экономического роста, Энергетическая политика, 2019, № 1, с. 95–102.
21. World Population Prospects 2022. Methodology of the United Nations population estimates and projections (2022), Department of Economic and Social Affairs UN DESA/POP/2022/TR/NO. 4.

© Хачатурян Арутюн Арутюнович (karutyun@yandex.ru), Николаенко Андрей Владимирович (Nikolaenko_AV@nrcki.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия наук

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УСТОЙЧИВОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

REGULATION OF THE PROCESS OF SUSTAINABILITY IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

**V. Chertykovtsev
I. Grigoryants
D. Akopyan**

Summary. The paper discusses the issues of sustainability regulation in socio-economic systems. A mathematical model of regulation of sustainability processes in socio-economic systems has been developed. With the help of the Mathcad program, studies of the stability of the socio-economic system were conducted. The parameters of effective management of the processes of sustainability of the socio-economic system are determined.

Keywords: assembly disaster, management, resources, sustainability, transients.

Чертыховцев Валерий Кириллович

Доктор технических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
vkchert@ro.ru

Григорьянц Игорь Александрович

Кандидат экономических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
krater-i@list.ru

Акопян Диана Анатольевна

Кандидат экономических наук, доцент, Самарский государственный технический университет
diakopyan@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы регулирования устойчивостью в социально-экономических системах (СЭС). Разработана математическая модель регулирования процессов устойчивости в социально-экономических системах. С помощью программы Mathcad проведены исследования устойчивости СЭС. Определены параметры эффективного управления процессами устойчивости СЭС.

Ключевые слова: катастрофа сборки, управление, ресурсы, устойчивость, переходные процессы.

Под устойчивостью СЭС будем понимать способность системы возвращаться в исходное состояние (работа системы в нормальном режиме) после снятия возмущающего воздействия.

Социально-экономическая система с рыночным механизмом регулирования представляет собой систему со 100% отрицательной обратной связью. На рынке отсутствует перспективное планирование, что часто приводит к перепроизводству продукции. [6] А это, в свою очередь, приводит к колебательному процессу между спросом и предложением. Возникает отклонение системы от нормального расчетного функционирования. [1]

Процесс функционирования СЭС носит колебательный характер, поскольку рынок не обладает планированием по выпуску предложения. В результате возника-

ет перепроизводство предложения — выпуск лишней продукции. [7]

Те изменения, которые происходят с течением времени, приводят к катастрофическим скачкам (кризисам) в СЭС. Катастрофические скачки нарушают устойчивое развитие СЭС, что приводит к потере ее работоспособности. Катастрофические скачки связаны с внешними и внутренними воздействиями, которым подвергается СЭС. [9, 10]. Они могут быть вызваны объективными и субъективными причинами:

Объективные причины обусловлены параметрами внешних воздействий на СЭС:

- ◆ политические;
- ◆ социальные;
- ◆ экономические.

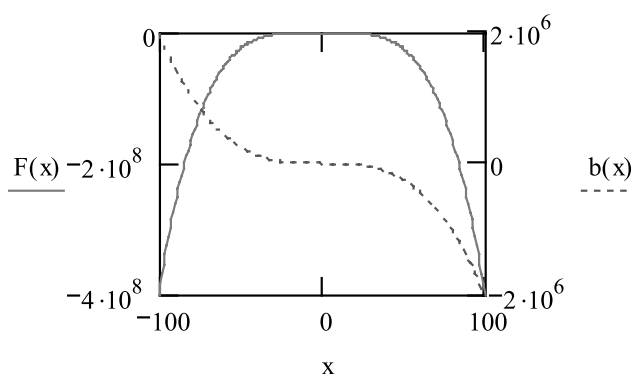

Рис. 1. Зависимость катастрофы сборки и потребление ресурсов при $c = 1$

Политические обусловлены внешне политическими отношениями СЭС.

Социальные обусловлены внутренними социально-экономическими особенностями государственной структуры общества. [4]

Экономические обусловлены экономическими возможностями СЭС.

Субъективные причины обусловлены внутренними процессами (протекающими внутри СЭС):

- ◆ на стадии выбора размещения организационной структуры (обусловлены географическими особенностями, ресурсами и т.д. СЭС);
- ◆ выбора системы управления (демократическая или авторитарная);
- ◆ выбора миссии и стратегии системы и т.д.

В экономике очень часто используется эмпирический подход при управлении социально-экономическими процессами, что приводит к грубым ошибкам и возникновению катастрофических ситуаций. Как сказал Лоренс Питер «Экономика есть искусство удовлетворять безграничные потребности при помощи ограниченных ресурсов». Из этого афоризма следует, что экономика это не наука, а искусство управлять. Поэтому многие экономические процессы управляются на уровне интуиции. Поэтому в работе сделана попытка построить математическую модель управления устойчивостью СЭС и исследовать эту модель с позиции устойчивости. Теория катастроф, занимающаяся устойчивостью систем, появилась на стыке двух разделов математики: качественной теории динамических систем и так называемой теории особенностей гладких отображений. Один из основоположников теории катастроф Уитни заметил, что в окружающем нас трехмерном пространстве встречаются лишь два типа катастроф: складка и сборка. Все другие особенности рассыпаются на складки и сборки.

В социально-экономических системах наиболее часто встречается катастрофа сборки развития СЭС [9, 10, 11]:

$$F(x) = cx^4 + ax^2 + bx, \quad (1)$$

где c — коэффициент управления катастрофой сборки;

a — коэффициент распределения (рес / чел);

b — численность ресурсов (рес);

x — численность народонаселения (чел).

В работе [11] было показано, что наиболее сильное влияние на устойчивость СЭС оказывают социальные причины. Несправедливое распределение ресурсов между члена общества. Для этой цели из уравнения (1) можно найти зависимость потребления ресурсов от количества народонаселения СЭС.

$$b(x) = cx^3 + a(x)x \quad (2)$$

Исследуем полученные модели с помощью программы Mathcad с позиции устойчивости СЭС. Математическое моделирование позволяет найти наиболее эффективные параметры модели управления, обеспечивающие устойчивое развитие СЭС не прибегая к опытам проводимым на людях в результате различных социальных экспериментах, которые запрещены Конституцией РФ.

Наиболее интересным с позиции управления устойчивостью СЭС является коэффициент управления катастрофой сборки — c .

В программе Mathcad проведем исследования зависимости устойчивости СЭС от параметра c

Анализ катастрофы при коэффициенте управления $c = 1$

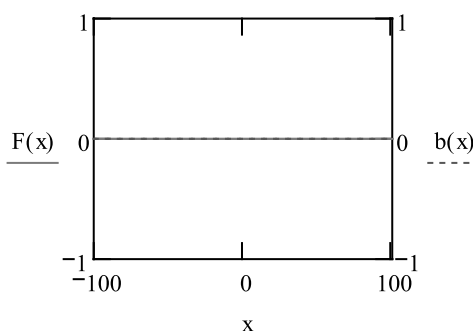

Рис. 2. Зависимость катастрофы сборки и потребление ресурсов при $c = 3$

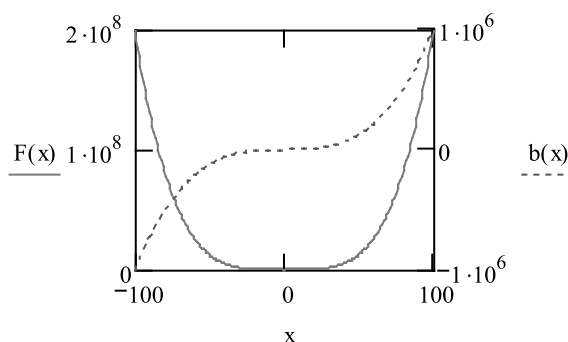

Рис. 3. Зависимость катастрофы сборки и потребление ресурсов при $c = 4$

$$x := -100..100 \quad c_{\text{max}} := 1$$

$$b(x) := c \cdot x^3 + a(x) \cdot x$$

$$a(x) := -3 \cdot x^2$$

$$F_{\text{max}}(x) := c \cdot x^4 + a(x) \cdot x^2 + b(x) \cdot x$$

Как видно из рис. 1 катастрофа сборки $F(x)$ при $c = 1$ имеет отрицательное направление ветвей катастрофы. Закон распределения ресурсной базы $b(x)$ носит характер изменения слева на право.

Анализ катастрофы при коэффициенте управления $c = 3$

$$x := -100..100 \quad c_{\text{max}} := 3$$

$$a(x) := -3 \cdot x^2$$

$$b(x) := c \cdot x^3 + a(x) \cdot x$$

$$F_{\text{max}}(x) := c \cdot x^4 + a(x) \cdot x^2 + b(x) \cdot x$$

При $c = 3$ (рис. 2) получили точку бифуркации $F(x) = 0$ и $b(x) = 0$. Когда система находится в неустойчивом состоянии, что приводит к катастрофам (кризисам) в СЭС.

Анализ катастрофы при коэффициенте управления $c = 4$

$$c_{\text{max}} := 4$$

$$a(x) := -3 \cdot x^2$$

$$b(x) := c \cdot x^3 + a(x) \cdot x$$

$$F_{\text{max}}(x) := c \cdot x^4 + a(x) \cdot x^2 + b(x) \cdot x$$

При $c = 4$ (рис. 3) функции $F(x)$ и $b(x)$ перевернулись в область положительных значений. Это говорит о том, что СЭС перешла из одного устойчивого состояния в другое в результате возникновения революций и социальных бунтов.

Таким образом, управляя коэффициентом управления катастрофы сборки — c можно уйти из области бифуркации в область устойчивого развития СЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.А., Серга Л.К., Фрейдина Е.В. Управление социально-экономическими системами в контексте парадигмы «устойчивое развитие» // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 1. С. 12–24.
2. Волков В.В., Худякова Т.А., Шмидт А.В. Анализ зарубежных подходов к исследованию устойчивости социально-экономических систем // Цифровая экономика и информационные технологии: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Южно-Уральский государственный университет Кафедра цифровой экономики и информационных технологий. 2022. С. 193–199.
3. Воронов А.С. Направления трансформации региональной инновационной системы территорий // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 101–115.
4. Дружинина О.В., Воронцова В.Л., Зайцев Д.С., Кабанов М.А., Шмелькова А.А. Построение и анализ многомерных нелинейных динамических моделей социально-экономических процессов // Научные технологии. 2022. Т. 23. № 6. С. 60–68.
5. Жернакова М.Б. Кадровое обеспечение организаций как решающий фактор устойчивости социально-экономических систем // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия: сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 107–110.
6. Кореняко Е.А. Роль инноваций как фактора необходимого разнообразия в обеспечении устойчивости социально-экономической системы // Защита социальных прав граждан как обязанность государства: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2022. С. 506–509.
7. Коречков Ю.В., Великороссов В.В., Быков В.А. Устойчивость финансовой системы в условиях санкционного давления // Финансовый бизнес. 2022. № 6 (228). С. 202–205.
8. Подберезный В.В., Паничкина М.В., Зарубина Р.В. Непрерывность актуализации знаний как фактор устойчивости образовательных экосистем // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. С. 43.
9. Чертыковцев В.К. Метод повышения точности прогнозирования параметров линейных динамических рядов маркетинговых процессов. // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. Самара: СМиУ, 2011. № 1 (2).
10. Чертыковцев В.К. Повышение точности прогнозирования параметров параболического тренда // Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. Самара: СМиУ, 2011. № 2 (3).
11. Чертыковцев В.К. Экономико-математические модели в маркетинговых процессах. Самара: Самар. гос. экон. ун-т. 2009–210 С.

© Чертыковцев Валерий Кириллович (vkchert@ro.ru),

Григорьянц Игорь Александрович (krater-i@list.ru), Акопян Диана Анатольевна (diakopyan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ АКТИВАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

MODERN APPROACHES TO ASSET MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

**V. Chertykovtsev
I. Grigoryants
E. Bobkova
K. Babakhanov**

Summary. The article shows a modern view of enterprise asset management based on the risk theory of building an economic and mathematical model of risk management. With the help of the presented economic and mathematical model and computer simulation, the authors show how it is possible to manage risk situations in advance anticipating catastrophic jumps of the socio-economic system.

Keywords: socio-economic system, risk, catastrophe, economic and mathematical modeling, management.

Чертыховцев Валерий Кириллович

Доктор технических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
vkchert@ro.ru

Григорьянц Игорь Александрович

Кандидат экономических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
krater-i@list.ru

Бобкова Елена Юрьевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Поволжский казачий институт технологий и управления (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
vica3@yandex.ru

Бабаханов Казбек Интизамович

Магистр, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)
stud021174@mgutu.loc

Аннотация. В статье показывается современный взгляд на управление активами предприятия на основании теории рисков построения экономико-математической модели управления рисковыми ситуациями. С помощью представленной экономико-математической модели и компьютерного имитационного моделирования авторы показывают, как можно управлять рисковыми ситуациями заранее предвидя катастрофические скачки социально-экономической системы.

Ключевые слова: социально-экономическая система, риск, катастрофа, экономико-математическое моделирование, управление.

Одним из показателей управления активами являются риски, которые возникают в процессе функционирования социально-экономической системы.

Риск имеет как объективное и субъективное происхождение.

К основным свойствам рисков следует отнести:

- ◆ всеобщность;
- ◆ системность;
- ◆ динамичность.

Всеобщность рисков заключается в том, что они присущи любой человеческой деятельности. [3]

Системность рисков необходимо рассматривать как свойство развития любых СЭС.

Динамика рисков заключается в том, что процесс формирования рисков является постоянным и не прекращающимся и находится в прямой зависимости с любой природной и человеческой деятельностью. [12]

Условно активы, в которых возникают риски, можно разбить на:

- ◆ политические,
- ◆ социальные,
- ◆ технологические,
- ◆ экономические,
- ◆ экологические.

Политические риски — обусловлены противоречиями, возникающими на международной арене.

Социальные риски — обусловлены противоречием между возрастающими потребностями человека и снижением ресурсной базы для удовлетворения этих потребностей.

Технологические риски — связаны с ошибками при разработке, конструировании и размещении производственных объектов.

Экономические риски — связаны с финансовыми потерями в результате не эффективных экономических действий.

Экологические риски — связаны с результатами негативного воздействия человека на биосферу. [10]

Некоторые ученые рассматривают риски только на основе теории вероятности, чем больше вероятность негативного события, тем выше уровень риска. Однако это приводит к одностороннему рассмотрению этого вопроса. Здесь отсутствует показатель тяжести негативного события. [7]

Риски формируют негативные активы при управлении СЭС, что снижает эффективность развития системы. [5]

Риск (R) можно представить как обратную величину эффективного развития (Э) СЭС. Поскольку безопасность и опасность представляют собой полную группу несовместных событий то можно записать

$$\text{Э} + R = 1. \tag{1}$$

Риск характеризуется как тяжестью негативного события, так и частотой (вероятностью) его возникновения. Тяжесть события формируется ресурсными (материальными) — W, а частота структурными (энтропийными) — H противоречиями в системе. Риск проявляется в результате перехода системы из одного состояния x(t) (при котором в системе отсутствуют катастрофы) в другое (когда в системе имеет место катастрофа).

$$\bar{x}(t + \tau) = R(W, H, t) \cdot x(t) \tag{2}$$

где — R(W, H, t) — оператор фазового пространства состояний системы.

Фазовое пространство состояний системы включает в себя два взаимно пересекающихся подпространства материальное — R^S и структурное — R^H. Уравнение фа-

зового пространства состояний, описывающее риск можно записать в виде:

$$R(W, H, t) = R^S R^H. \tag{3}$$

Материальное подпространство характеризует степень тяжести S события, а структурное — вероятность возникновения — P события.

Тяжесть события определяется потерей определенного количества ресурса — W_n в системе. Чем больше величина W_n в системе по отношению к полному количеству ресурса W системы, тем большей степени тяжести соответствует это событие последствия

$$S = W_n / W, \tag{4}$$

Структура системы, ее объекты и связи между ними, формирует частоту или вероятность P(k) возникновения негативного события — переход системы из состояния x(t) в $\bar{x}(t + \tau)$.

Значение P(k) формирует энтропия (хаос) — H состояния системы. Чем больше хаос, тем выше вероятность возникновения негативного события.

$$P(k) \equiv H. \tag{5}$$

Из условия (1) вытекает, что вероятность негативного события P(k) и вероятность повышения эффективности развития СЭС P(b) можно записать в виде:

$$P(k) + P(b) = 1, 0. \tag{6}$$

В жестко детерминированных структурах с минимальной степенью свободы система обладает минимальной неопределенностью H, что приводит к снижению вероятности P(k).

Растет неопределенность системы H, а, следовательно, и P(k). Таким образом, в основе роста P(k) лежит хаос, беспорядок — энтропия системы и наоборот, о чем больше информации I о состоянии системы, тем меньше величина P(k) и больше P(b)

$$P(b) \equiv I \tag{7}$$

Неопределенность состояния системы можно найти, используя уравнение Шеннона

$$H = - \sum_{i=1}^N P_i \log P_i, \tag{8}$$

где P_i — вероятность состояния системы при данной степени свободы C;

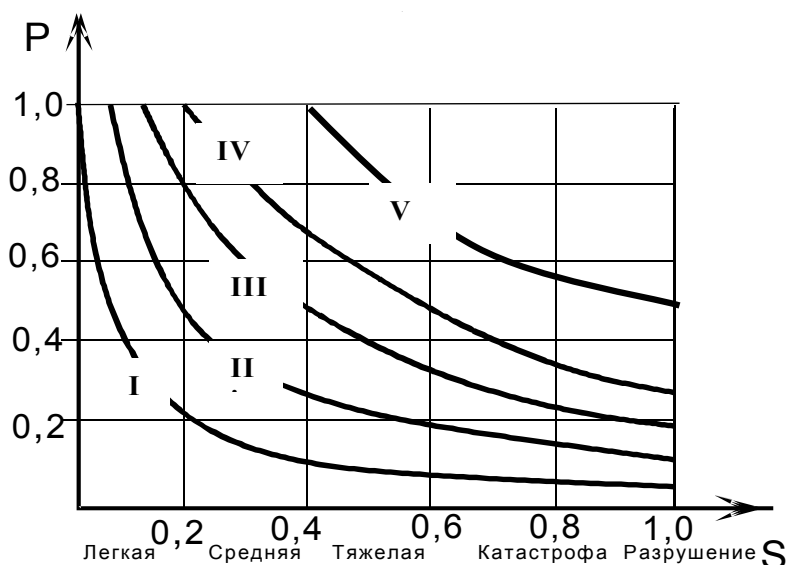

Рис. 1. Управление рисками. Предельно допустимые риски

N — число объектов в структуре.

Максимальная энтропия в системы возникает при равновероятных событиях $P_i = 1/N$, тогда

$$H_{\max} = \log_2 N. \quad (9)$$

Как было показано выше оператор $R(W, N, t)$ описывая переход из одного состояния системы $x(t)$ в другое $\bar{x}(t + \tau)$, объединяет одновременно как энергетическую W , так и структурную — N стороны процесса риска в социальной среде.

Поскольку степень тяжести катастрофы $S \equiv aW$, а вероятность возникновения $P \equiv N$, то из (3) вытекает, что количественную оценку риска можно записать в виде

$$R = P \times S. \quad (10)$$

Для управления рисками активов можно ввести нормы предельно допустимых рисков (ПДР), которые подразделяются на: политические, социальные, технологические, экономические и эко логические.

В качестве нормативного ПДР — R_n могут выступать кривые уровня риска (рис. 1)

$$R_n = P_n S_n \quad (11)$$

где P_n и S_n — нормативные значения вероятности и степени тяжести негативного события соответственно.

Все ПДР условно можно разбить на 5 уровней риска [2]:

- I уровень — эко логические;
- II уровень — экономические;
- III уровень — технологические;
- IV уровень — социальные;
- V уровень — политические.

Диапазон изменения определенной категории риска

$$R_{n \min} < R < R_{n \max} \quad (12)$$

Согласно Конституции РФ (разд. 1, гл. 2. Права и свободы человека и гражданина) проводить эксперименты на людях запрещено. Поэтому прежде, чем приступить к управлению рисками целесообразно провести эксперименты на математических моделях.

Рассмотрим одну из таких моделей. В качестве исходного условия можно записать

$$PS = R_n \quad (13)$$

где P и S — реальные значения вероятности и тяжести негативного события;

R_n — предельно допустимый уровень риска.

Для управления риском в сторону его снижения или стабилизации необходимо выполнить следующее условие

$$\frac{dR}{dt} = S \frac{dP}{dt} + P \frac{dS}{dt} = 0. \quad (14)$$

Из уравнения (14) можно записать:

$$\left. \begin{aligned} P &= P_H - \frac{dP}{dt} t; \\ S &= S_H + \frac{dS}{dt} t. \end{aligned} \right\} \quad (15)$$

$$P_H \frac{dS}{dt} t - S_H \frac{dP}{dt} t - \frac{dS}{dt} \frac{dP}{dt} t^2 = 0 \quad (16)$$

Решив (16) относительно t имеем

$$t = - \frac{S_H dP / dt - P_H dS / dt}{dP / dt \cdot dS / dt} \quad (17)$$

Подставим значения из уравнения (14) в (17), получим

$$t = \frac{P_H + PS_H / S}{dP / dt} \quad (18)$$

Уравнение (18) преобразуем к виду

$$t \, dP / dt = P_H + PS_H / S. \quad (19)$$

Найдем первую производную уравнения (19):

$$\frac{dP}{dt} + \frac{d^2 P}{dt^2} t = \frac{S_H}{S^2} P + \frac{S_H}{S} \frac{dP}{dt}, \quad (20)$$

при t=T уравнение (20) принимает вид

$$\frac{d^2 P}{dt^2} = \frac{S_H - S}{S \cdot T} \frac{dP}{dt} + \frac{S_H}{S^2 T} P \quad (21)$$

Для упрощения представим dP/dt = Y,

$$\frac{dY}{dt} = - \left(\frac{S - S_H}{S \cdot T} Y - \frac{S_H}{S^2 T} P \right) \quad (22)$$

Преобразуем уравнение (22) к виду

$$\frac{dY}{dP} = - \frac{\frac{S - S_H}{S \cdot T} Y - \frac{S_H}{S^2 T} P}{Y}. \quad (23)$$

При S = S_H

$$\frac{dt \, dY}{dt} = \frac{1}{S \cdot T} \cdot \frac{P}{Y} \quad (24)$$

или

$$Y^2 + \left(- \frac{1}{2T_o} \right) \cdot P^2 = A^2, \quad (25)$$

где $A = \frac{P_{max}}{\sqrt{-2T_o}}$; $T = \frac{P_H + PS_H / S}{d / P dt}$;

P_{max} — максимально возможная вероятность возникновения негативного события;

T_o — время развития СЭС.

Решение уравнения (25) указывает на то, что в СЭС возможны следующие виды переходных процессов:

При $S = 2S_H$ имеем устойчивые незатухающие колебания.

При $S \neq 2S_H$, если $2S_H - S < 0$, затухающий колебательный процесс.

При $2S_H - S > 0$ аperiodический процесс.

На основании разработанной теории с помощью программы Mathcad были построены имитационные модели управления рисками [10, 11]:

Затухающий колебательный процесс ($-2S_H < S$):

$$t:=0,0.1..20 \quad A:=1 \quad \alpha:=0.1 \quad \phi_0:=0 \quad \omega:=1 \\ P(t):=A \cdot e^{-\alpha t} \cdot \sin(\omega \cdot t + \phi_0) + C_1 \quad C_1:=0 \quad (\text{рис. 2, а})$$

Как видно из рисунка переходный процесс в системе носит затухающий характер. Система устойчиво стремится к 0. С позиции устойчивости это хорошо, но с позиции развития это приведет систему к разрушению. [8]

Незатухающий колебательный процесс ($-2S_H = S$):

$$t:=0..200 \quad A:=1 \quad \alpha:=0 \quad \phi_0:=0 \quad \omega:=1 \\ P(t):=A \cdot e^{-\alpha t} \cdot \sin(\omega \cdot t + \phi_0) + C_1 \quad C_1:=0 \quad (\text{рис. 2, б})$$

Устойчивый незатухающий процесс указывает на то, что в рамках амплитуды колебательного процесса система ведет себя устойчиво и имеет возможность развиваться. [10]

Аperiodический процесс ($-2S_H > S$):

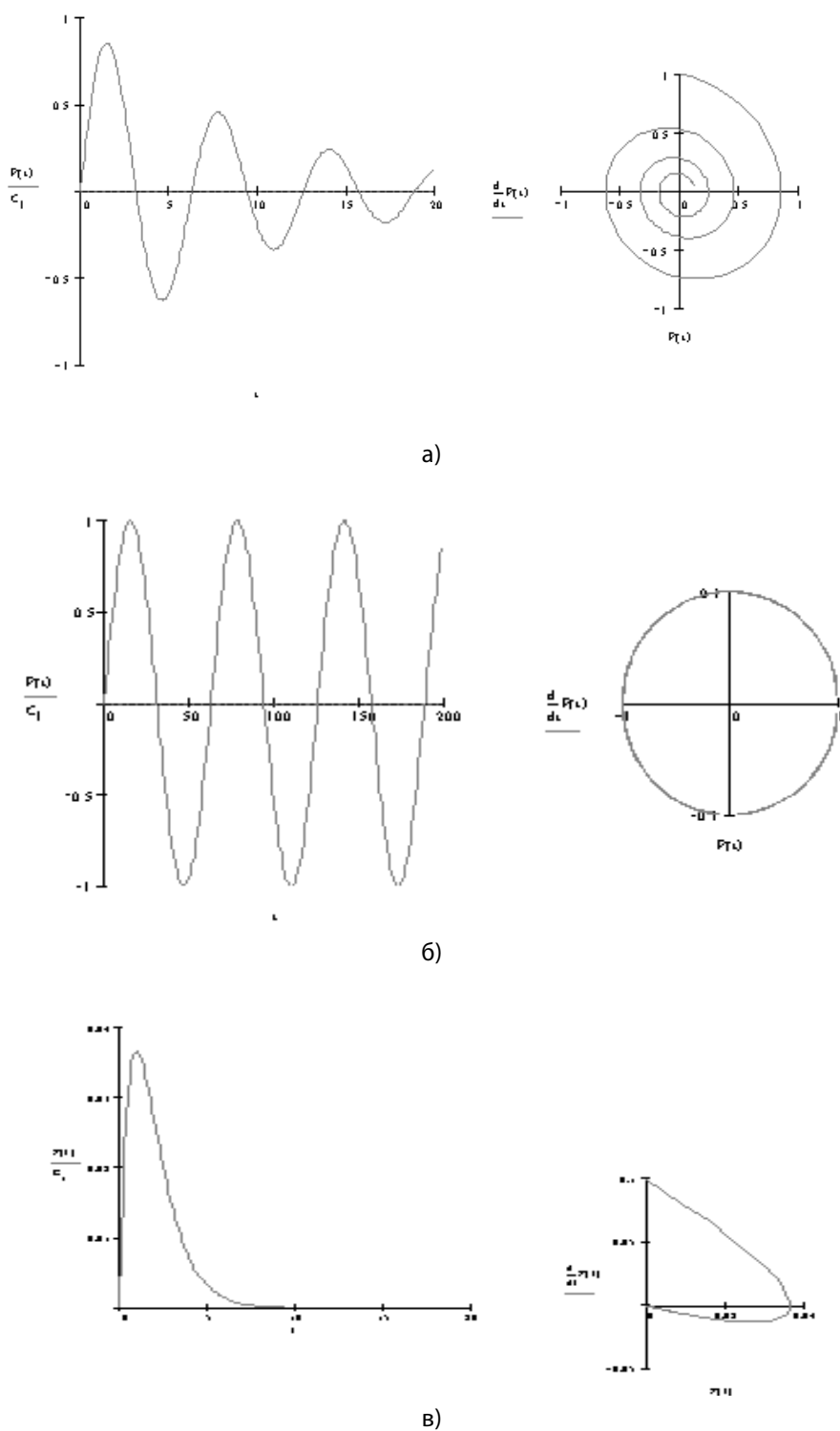

Рис. 2. Переходные процессы в имитационной модели управления рисками
 а) затухающий колебательный процесс;
 б) незатухающий колебательный процесс;
 в) аperiodический процесс;

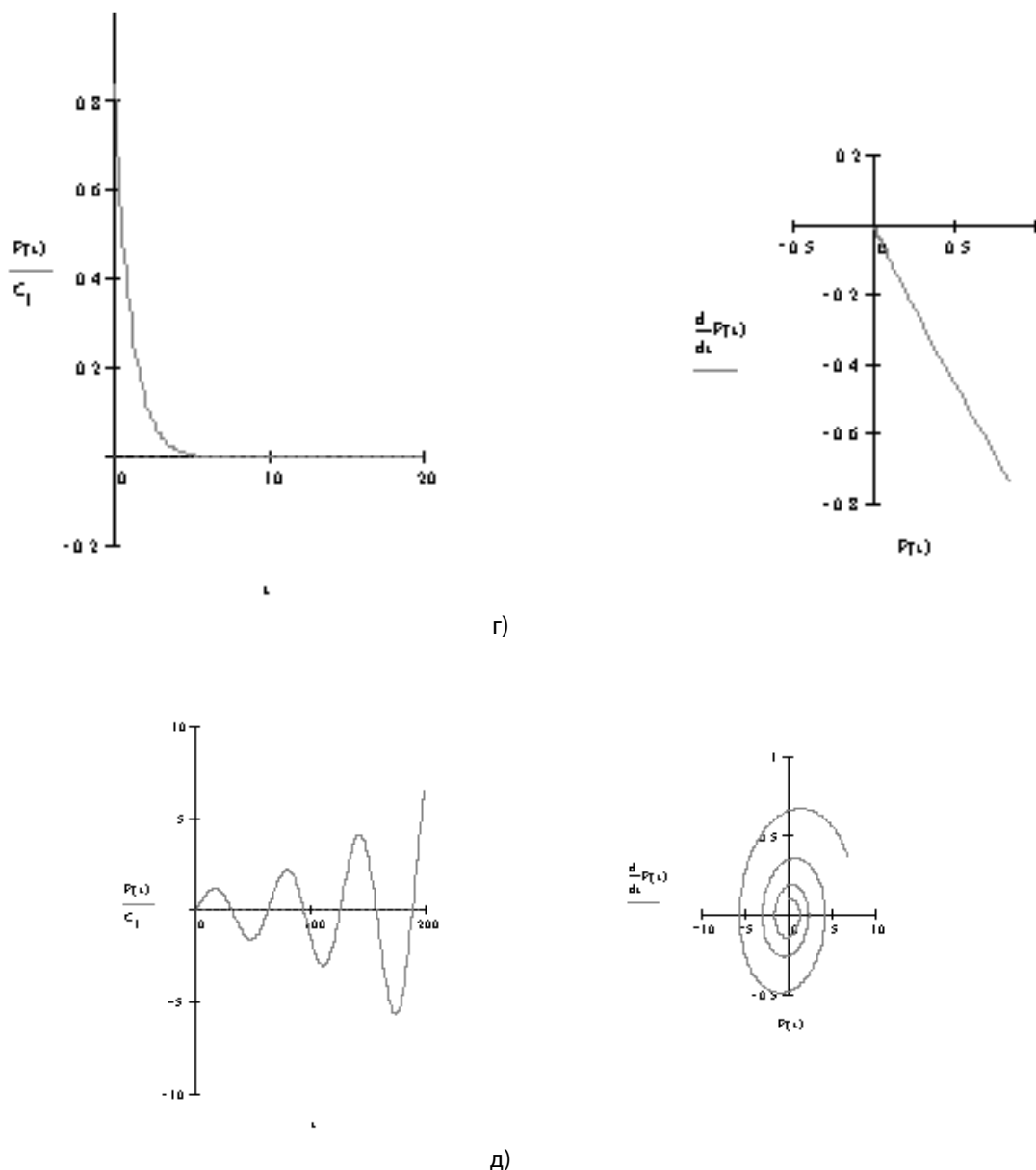

Рис. 2. Переходные процессы в имитационной модели управления рисками
 г) дифференцирующий процесс;
 д) расходящийся переходный процесс

$t:=0,0.1..20$ $A:=1$ $\alpha:=1$ $\phi_0:=0$ $\omega:=1$
 $P(t):=A \cdot e^{-\alpha \cdot t} \cdot \sin(\omega \cdot t + \phi_0) + C_1$ $C_1:=0$ (рис. 2, в)

Апериодический процесс указывает на то, что система устойчива, но обладает большой степенью затухания, что будет мешать развитию процессов маркетинга.

Дифференцирующий процесс:

$t:=0,0.1..200$ $A:=1$ $\alpha:=1$ $\phi_0:=1$ $\omega:=0.2$

$P(t):=A \cdot e^{-\alpha \cdot t} \cdot \sin(\omega \cdot t + \phi_0) + C_1$ $C_1:=0$ (рис. 2, г)

Сильно затухающий плохо развивающийся процесс.

Расходящийся процесс:

$t:=0..200$ $A:=0.5$ $\alpha:=-0.01$ $\phi_0:=0$ $\omega:=0.1$
 $P(t):=A \cdot e^{-\alpha \cdot t} \cdot \sin(\omega \cdot t + \phi_0) + C_1$ $C_1:=0$ (рис. 2, д)

Неустойчивый разрушительный процесс развития системы.

Таким образом, разработанные имитационные модели позволяют с помощью информационных технологий моделировать и управлять активами в современ-

ных условиях. Соответствующим образом, подбирая параметры системы можно обеспечивать ее устойчивое, эффективное и безопасное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунов А.А., Жук О.О. Формирование системы нелинейных стратегий управления потребностью в оборотных активах в условиях непостоянства внешней среды // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2022. № 11. С. 165–170.
2. Коньсбаева Г.Б. Баланс предприятия: управление активами и обязательствами // Modern Science. 2022. № 2–1. С. 94–98.
3. Молчанов А.Ю. Использование программных сервисов в информационных системах управления активами // Автоматизация в промышленности. 2022. № 8. С. 21–25.
4. Нгуен Т.В., Кравец А.Г., Щербаков М.В. Метод анализа тенденций развития технологий управления эффективностью активов // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2022. № 1 (57). С. 39–53.
5. Протасов, В.Ф. Анализ деятельности предприятия (фирмы): производство, экономика, финансы, инвестиции, маркетинг / В.Ф. Протасов. — М.: Финансы и статистика, 2013. — 536 с.: ил.
6. Семенов Д.О., Заступов А.В. Управление внеоборотными активами предприятия // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвузовский сборник научных трудов. 2022. № 2. С. 96–102.
7. Сухобоков А.А. Метаграфово-табличная модель данных для систем управления активами // Искусственный интеллект в автоматизированных системах управления и обработки данных: сборник статей Всероссийской научной конференции. В 2-х томах. М., 2022. С. 93–99.
8. Филатов В.В., Моисеева О.А., Токарева М.В., Нечаев Б.П. Политика управления текущими активами и многофункциональными корпоративными коммуникациями российских бюджетных авиакомпаний // Микроэкономика. 2022. № 3. С. 46–56.
9. Чернышева, Ю.Г. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебное пособие / Ю.Г. Чернышева, Э.А. Чернышев. — М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2011. — 304 с. (Серия «Экономика и управление»).
10. Чертыковцев В.К. Логистика риска. Монография. Самара: СамИИТ, 2000.
11. Чертыковцев В.К. Моделирование рисков в социально-экономических системах. Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2012. № 2. С. 24–27.
12. Чертыковцев В.К. Управление рисками. Вестник Самарского государственного университета № 8 (119) 2014.
13. Чертыковцев В.К. Управление рисками. Экономика, предпринимательство и право № 2 2013. Креативная экономика. Москва.
14. Чудин Л.Н., Жукова Н.В. Особенности управления денежными активами предприятия // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2022. № 19. С. 80–81.
15. Юрова Е.В. Выбор комплексной политики управления текущими активами и текущими пассивами на коммерческом предприятии // Молодые исследователи агропромышленного и лесного комплексов — регионам. 2022. С. 221–226.

© Чертыковцев Валерий Кириллович (vkchert@ro.ru), Григорьянц Игорь Александрович (krater-i@list.ru),

Бобкова Елена Юрьевна (vica3@yandex.ru), Бабаханов Казбек Интизамович (stud021174@mgutu.loc).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК КАК СПОСОБ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

CIVIL ACTION AS A WAY OF COMPENSATION FOR HARM IN CRIMINAL LAW

Abed Akil Visam Abed

Summary. This article examines the concept of a civil claim as a method of compensation for harm in the criminal legislation of the Russian Federation, its main features and legal significance based on regulatory legal acts. The institution of a civil claim is a direct and effective way of protecting victims from crimes and giving them the opportunity to compensate for harm in the event of an illegal act. However, the materials of judicial practice reveal problems in the field of work of this institute. Moreover, despite the publication of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the problem remains acute and urgent. The paper analyzes individual requirements for which a civil claim can be brought, and also examines in detail the criminal-legal understanding of damage. Like any regulatory legal act, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court has its flaws and the author focuses on them.

Keywords: civil action, civil plaintiff, compensation for damages, moral damage, criminal law, Resolution of the Plenum of the Supreme Court, problems of civil action.

Абед Акил Висам Абед

Аспирант, Волгоградский государственный
университет
Wissam1@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие гражданского иска как способ возмещения вреда в уголовном законодательстве Российской Федерации, его основные особенности и правовое значение с опорой на нормативно-правовые акты. Институт гражданского иска — это прямой и действенный способ защиты потерпевших от преступлений и дающий им возможность на возмещения вреда в случае противоправного деяния. Однако, материалы судебной практики выявляют проблемы в области работы данного института. Более того, несмотря на издание Постановления Пленума Верховного Суда РФ проблема остается острой и актуальной. В работе анализируются отдельные требования, по которым может быть предъявлен гражданский иск, а также подробно исследуется уголовно-правовое понимание ущерба. Как и любой нормативно-правовой акт, Постановление Пленума Верховного Суда имеет свои изъяны и автор делает на них акцент.

Ключевые слова: гражданский иск, гражданский истец, возмещение ущерба, моральный вред, уголовное законодательство, Постановление Пленума Верховного Суда, проблемы гражданского иска.

В современном законодательстве и правоприменительной практике особое место отводится вопросам в области заявления, рассмотрения и разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Большинство преступлений вызывает причинение того либо иного вида вреда, который выражается в материальном эквиваленте.

Одним из самых актуальных видов назначений уголовного процесса является возмещение причиненного преступлением вреда, и соответствующие способы предусматриваются уголовно-процессуальным законом, кроме того, исторически этот институт является именно уголовно-процессуальным. При этом предъявление гражданского иска является одной из форм возмещения вреда, причиненного преступлением[8].

Как и в любых правоотношениях, которые возникают в процессе возникновения, изменения и прекращения общественных отношений, особое место отводится субъектам. Самой главной, ключевой фигурой рассма-

триваемого вопроса является гражданский истец, без которого не сможет состояться рассмотрение дело, в прочем, как и его возбуждение. Нормативно-правовые закрепляют понятие гражданского истца. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), который был принят в современной России, перечисляет субъектов, которые являются гражданскими истцами, соответственно, государство автоматически присваивает указанным в ст. 44 субъектам статус гражданского истца без специального оформления особого акта. Ранее, в УПК РСФСР в ст. 54 упоминалось о том, кто признается гражданским истцом. Исходя из этого, стоит отметить, что УПК РСФСР закреплял более четкую и логичную формулировку, поскольку само по себе требование о возмещении причиненного преступлением вреда не может и не должно признаваться основанием для приобретения статуса гражданского истца в уголовном деле.

Ко всему прочему, ст. 225 УПК РФ не содержит упоминания гражданского истца, а также не регламенти-

рованы процессуальные моменты, связанные с возможностью реализации гражданским истцом своих прав на ознакомление с материалами уголовного дела. По этому вопросу в процессуальной доктрине сложилось распространенное мнение о том, что гражданский истец не вправе знакомиться с материалами уголовного дела по окончании дознания[6].

Нет сомнений, что есть множество отличий между уголовном и гражданским судопроизводством. Так, в уголовном процессе неприменимы процессуальные инструменты, присущие гражданскому судопроизводству: предъявление встречного иска, увеличение суммы компенсации (возмещения) причиненного вреда с учетом индексации в порядке исполнения приговора, процессуальное правопреемство гражданского истца[3].

Суды как главная ветвь власти, которые осуществляют судебную практику в Российской Федерации рассматривают и разрешают вопросы, связанные с гражданским иском[4]. Однако, сложной задачей для судов является расчет компенсации морального вреда. Наш Суд прибегает к мировой практики. Как отмечает Европейский суд по правам человека, если предметом требования является «личное страдание, физическое или нравственное», стандарт, «позволяющий измерить денежными средствами физическое неудобство и нравственное страдание и тоску», отсутствует. Оценивая адекватность присужденных компенсаций, ЕСПЧ исходит из принципов их сопоставимости по сходным делам, убедительности выводов о размерах компенсаций, адекватности и достаточности возмещения, повышенной ответственности государства за вред, причиненный личности.

В 2020 году произошло издание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23) тема гражданского иска в уголовном процессе представляется особенно актуальной и практически значимой[2]. Гражданский иск, право на предъявление которого в рамках уголовного дела закреплено ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), может содержать в себе требования о возмещении имущественного вреда для физических и юридических лиц, а также морального — для физических лиц.

Акцент в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 23 проводится мысль о важности разрешения гражданского иска по существу именно в уголовном процессе, чтобы при постановлении обвинительного

приговора не допускалась необоснованная передача вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Если в разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17) указывалось лишь на наличие у суда возможности признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в случае необходимости произвести дополнительные расчеты, требующие отложения судебного разбирательства, то в новом разъяснении говорится, что необходимость производства дополнительных расчетов, имеющих значение для квалификации, не является основанием подобной передачи, даже когда такие расчеты требуют отложения судебного разбирательства[7].

Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает приоритет своевременности восстановления прав потерпевшего, нарушенных преступлением. Этот подход должен позволить избежать коллизий, которые могут возникнуть между уголовным и гражданским процессами при рассмотрении дел отдельно, и, конечно, ускорить принятие решения по гражданскому иску. При установлении факта необоснованной передачи вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства судам вышестоящих инстанций рекомендовано выносить частные определения (постановления).

Несомненно, реализация потерпевшим права предъявить гражданский иск в уголовном деле напрямую зависит от того, насколько полным будет механизм реализации данного права и насколько будут созданы условия для его реализации. Несбалансированность публичных и частных правовых начал в уголовно-процессуальной деятельности, а также несовершенство механизма возмещения вреда не позволяет принимать действенные меры по восстановлению нарушенных гражданских прав потерпевших[3].

Бремя доказывания размера причиненного преступлением имущественного вреда, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 23, лежит на государственном обвинителе, за исключением вреда, выходящего за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья, расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека, расходы на ремонт поврежденного имущества при проникновении в жилище), который подле-

жит доказыванию гражданским истцом. Очевидно, что действующая в гражданском процессе «презумпция» вины причинителя вреда, предполагающая представление ответчиком доказательств отсутствия его вины, не действует в рамках уголовного судопроизводства, так как доказывание гражданского иска производится по правилам уголовного процесса и с учетом требований принципа презумпции невиновности.

Стоит отметить, что определение размера подлежащего компенсации имущественного вреда основывается в большей или меньшей степени на усмотрении правоприменителя. Законом, как правило, установлен количественный критерий значительного и (особо) крупного размера, ущерба, убытков и т.д., когда эти признаки входят в состав преступления, однако имущественный вред от преступления, подлежащий компенсации при предъявлении гражданского иска, может включать в себя и упущенную выгоду, и, например, те причиненные имуществу повреждения, которые явились способом совершения преступления (взлом замка, повреждение устройств сигнализации и т.д.).

Конкретная сумма крупного ущерба, наступление которого отнесено к общественно опасным последствиям, то есть к объективной стороне состава преступления, может не быть закреплена законодательно, в связи с чем задача ее установления лежит на правоприменителе исходя из обстоятельств конкретного дела. Примером служат ч. 1 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и ч. 1 ст. 147 УК РФ, устанавливающие ответственность за нарушение авторских и смежных прав, а также нарушение изобретательских и патентных прав, причинившее крупный ущерб. В соответствующем разъяснении Пленум Верховного Суда РФ пояснил, что суды при установлении крупного ущерба должны исходить из размера реального ущерба, упущенной выгоды, доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации[10].

Что же касается морального вреда, бремя обоснования его размера ложится непосредственно на гражданского истца. Компенсацию морального вреда можно отнести к одной из сложнейших процедур в российской судебной системе. Моральный вред включает в себя нравственные или физические страдания, причиненные посягательством на нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация и т.д.), на личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и т.д.) либо на имущественные права.

Двойственность вреда, который может быть причинен потерпевшим, обращает к вопросу о соотношении

между гражданско-правовым понятием «ущерб» и общественно опасными последствиями в виде крупного (особо крупного) ущерба, наступление которого является конститутивным или квалифицирующим признаком определенной части преступлений.

Для правильной квалификации необходимо определить, что именно включается в ущерб — только ли имущественный вред либо и моральный (вред деловой репутации). Представляется, что, например, в результате совершения преступления экономического характера ущерб деловой репутации хозяйствующих субъектов может приводить к потере связи с контрагентами, что в дальнейшем повлечет имущественный ущерб. Существует и позиция о необходимости включения вреда, причиненного деловой репутации коммерческой организации, в имущественный ущерб, тогда как для некоммерческих юридических лиц эти виды вреда различаются. Вместе с тем включение неимущественного вреда, причиненного преступлением, в состав общественно опасных последствий является, на наш взгляд, избыточным[5].

Обращение к гражданско-правовому пониманию убытков, в состав которых согласно п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации входит реальный ущерб (расходы на восстановление нарушенного права и утрата или повреждение имущества), а также упущенная выгода, дает понять, что этот институт не может быть полностью применен к уголовно-правовому «ущербу». Расходы на восстановление нарушенного права и неполученные доходы не входят в объем обвинения, однако могут быть взысканы путем предъявления в рамках уголовного процесса гражданского иска[9].

Таким образом, предъявление гражданского иска, являющееся одним из способов возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, на практике обнаруживает сложности. При этом в некоторых государствах потерпевшим могут производиться выплаты из государственных фондов, благотворительных организаций, в порядке страхования, а также предоставляться бесплатная психологическая помощь. В науке существует позиция о необходимости осуществления потерпевшим выплат из специально созданного государственного фонда в развитие предусмотренного ст. 52 Конституции Российской Федерации положения об обеспечении потерпевшим со стороны государства компенсации причиненного преступлением ущерба.

Согласно же данным судебной статистики, в 2021 г. мировыми судьями было рассмотрено 15,4 тыс. гражданских исков в уголовном процессе (в 2020 г. — 13,8 тыс.), районными судами — 94,8 тыс. (в 2020 г. — 94,1 тыс.), областными и равными им судами — 1,1 тыс. (в 2020 г. — 1 тыс.)[1]. Представляется, что первооче-

редным направлением является повышение эффективности работы уже существующих в законе институтов, к числу которых относится в том числе и гражданский иск, в предъявлении которого потерпевшие должны быть заинтересованы.

Несомненно, Постановление № 23, как и любой нормативно-правовой акт, имеет свои изъяны. В частности:

1. не определяет процессуальный статус гражданского истца публично-правовых образований, имуществу которых причиняется вред;
2. ограничивает право заинтересованных лиц на рассмотрение регрессного иска в рамках уголовного процесса;
3. умалчивает о процессуальном статусе некоторых обязательных при рассмотрении гражданского иска участников;

4. оставляет без разрешения проблему возможного совпадения в одном лице процессуальных статусов гражданского истца и гражданского ответчика;

5. оставляет без разрешения вопрос о том, что наложение ареста на имущество как иная мера принуждения в некоторых случаях необоснованно на неопределенный срок ограничивает права собственника такого имущества.

Таким образом, в своем исследовании автор приходит к выводу, что вопросы, связанные с институтом гражданского иска в РФ стоят очень остро и требуют отдельного внимания. Несмотря на издание Постановления Пленума, множество вопросов остаются открытыми. Целесообразно исследовать эти изъяны и, проанализировав, найти пути решения этих проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 году. URL: <http://www.cdep.ru/>.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. N23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Аветисян А.Д. Совершенствование института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. N1. С. 55–59.
4. Печников Г.А., Волколупов В.Г., Булхумова О.В. О значении гражданского иска в состязательном УПК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N3. С. 136–144.
5. Сенин Н.Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Н.Н. Сенин. Томск, 2004. 25 с.
6. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И.В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. N2. С. 205–210.
7. Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. N3 (231). С. 141.
8. Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2013. С. 10–11.
9. Тутынин И.Б., Любан В.Г. О некоторых вопросах гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. N9.
10. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 912 с.

© Абед Акил Висам Абед (Wissam1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЗА РУБЕЖОМ

Василькова Светлана Витальевна

Канд. юрид. наук, доцент СПбГЭУ;
vasilkova973@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF CONSTRUCTION AND OPERATION OF RUSSIAN ENERGY FACILITIES ABROAD

S. Vasilkova

Summary. Based on the analysis, the article notes that the state should provide the necessary legal guarantees, as well as financial, economic, organizational, informational and other support measures to companies implementing projects for the construction of Russian energy facilities abroad, based on the fact that the latter are pursuing only their own business interests, but also the goals of promoting Russia's national interests in relations with foreign partners. It is noted that the issue of systematization of energy legislation continues to be a promising area for research. Two possible alternative directions are shown: 1) full codification of the energy legislation by bringing together (subject to proper essential codification processing) an array of current special federal laws in the energy sector into the Energy Code of the Russian Federation; 2) systematization through the adoption of a framework legislative act — the Federal Law "On General Principles for Organizing Activities in the Sphere of Construction of Energy Facilities". The necessity of fixing the legal definitions of the concepts "energy facility", "energy facility under construction", "Russian energy facility abroad" in the basic legislative act is emphasized, and appropriate formulations are proposed. A number of author's proposals are presented to improve the provisions of federal legislative acts on industrial policy, on strategic planning, on the development of small and medium-sized businesses. As an actual direction, a conceptual scientific and practical study of the issue of systemic consolidation and regulation of the status of strategically oriented companies is proposed, determined by their focus on strategic goals, objectives and priorities for the development of the state as a whole, including those reflected in the strategic planning documents of the Russian Federation. It is this orientation that can serve as the basis for providing special support from the state.

Keywords: energy facilities, construction of energy facilities, Russian energy facilities abroad, Russian companies constructing energy facilities abroad, systematization of energy legislation, improvement of the terminology of energy legislation, industrial policy, strategic planning, strategically oriented companies.

Аннотация. На основе проведенного анализа в статье отмечается, что государство должно предоставлять необходимые правовые гарантии, а также финансово-экономические, организационные, информационные и иные меры поддержки реализующим проекты по строительству российских энергетических объектов за рубежом компаниям, исходя из того, что последние преследуют не только собственные бизнес-интересы, но и цели продвижения национальных интересов России во взаимоотношениях с зарубежными партнерами. Отмечается, что продолжает оставаться перспективным направлением для исследований вопрос о систематизации энергетического законодательства. Показаны два возможных альтернативных направления: 1) полная кодификация энергетического законодательства посредством сведения (при условии должной существенной кодификационной переработки) массива действующих специальных федеральных законов в энергетической сфере в Энергетический кодекс Российской Федерации; 2) систематизация посредством принятия рамочного законодательного акта — Федерального закона «Об общих принципах организации деятельности в сфере строительства энергетических объектов». Подчеркивается необходимость закрепления в базовом законодательном акте легальных дефиниций понятий «энергетический объект», «строящийся энергетический объект», «российский энергетический объект за рубежом», предлагаются соответствующие формулировки. Изложен ряд авторских предложений по совершенствованию положений федеральных законодательных актов о промышленной политике, о стратегическом планировании, о развитии малого и среднего предпринимательства. В качестве актуального направления предлагается концептуальная научная и практическая проработка вопроса о системном закреплении и регулировании статуса стратегически ориентированных компаний, определяемого их ориентированностью на стратегические цели, задачи и приоритеты развития государства в целом, в том числе отраженные в документах стратегического планирования Российской Федерации. Именно такая ориентированность может служить основанием для оказания особой поддержки со стороны государства.

Ключевые слова: энергетические объекты, строительство энергетических объектов, российские энергетические объекты за рубежом, российские компании, осуществляющие строительство энергетических объектов за рубежом, систематизация энергетического законодательства, совершенствование терминологии энергетического законодательства, промышленная политика, стратегическое планирование, стратегически ориентированные компании.

Особая значимость рационального законодательного регулирования отношений в сфере строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом не вызывает сомнений. К задачам правовой науки в этой плоскости относится анализ актуальных проблем такого регулирования и выработка обоснованных предложений относительно путей решения таких проблем. При этом важным результатом исследований в этой сфере видится подготовка таких рекомендаций для возможного внедрения, реализация которых позволит рационально усилить поддержку со стороны государства субъектов, осуществляющих деятельность по проектированию, строительству и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом, которые своей деятельностью по реализации соответствующих проектов способствуют достижению национальных целей развития и продвижению национальных интересов Российской Федерации во взаимоотношениях с зарубежными партнерами.

В настоящей работе мы обозначаем ряд актуальных проблем и показываем возможные концептуальные пути их решения, оставляющие простор для конструирования конкретных правовых норм с учетом предпочтительных направлений законотворческой политики.

Законодательное регулирование отношений в сфере строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом основано на блоке конституционных норм, которые в совокупности и системной взаимосвязи определяют базовые условия и ключевые параметры осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности российскими компаниями, а также важнейшие принципы, на которых основана экономическая система в России. К числу таких положений относятся, прежде всего, составляющие основы конституционного строя нормы, согласно которым в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (части 1 и 2 статьи 8 Конституции Российской Федерации), земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (часть 2 статьи 9), международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15) — что весьма значимо для рассматриваемой сферы, поскольку отношения по строительству российскими компаниями энергетических объектов в зарубежных странах оформляются и регламентируются именно с помощью заключения международных;

а кроме того положения статьи 34 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, при этом не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Все регулирование на уровне как федеральных законов, так и подзаконных нормативных правовых актов отношений в сфере строительства российскими компаниями энергетических объектов за рубежом должно быть настроено по этим ключевым конституционным параметрам, соответствовать как букве норм Основного закона, так и их духу. При этом важна роль государства, которое должно создавать максимально благоприятные условия для осуществления экономической деятельности в рассматриваемой сфере, предоставляя необходимые правовые гарантии, а также финансово-экономические, организационные, информационные и иные необходимые меры поддержки реализующим проекты по строительству названных объектов компаниям, исходя из того, что последние преследуют не только собственные бизнес-интересы, но и цели продвижения национальных интересов России во взаимоотношениях с зарубежными партнерами.

И здесь исключительно важны также конституционные полномочия Правительства Российской Федерации, которое, в частности, обеспечивает проведение в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики; обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала; осуществляет меры по реализации внешней политики Российской Федерации; содействует развитию предпринимательства и частной инициативы и т.д. (статья 114 Конституции Российской Федерации). Этим обусловлена особая значимость системного конструктивного диалога профильных федеральных органов исполнительной власти (прежде всего, Минэнерго России, Минфина России, Минэкономразвития России, Минстроя России, Ростехнадзора и ряда других) с российскими компаниями, реализующими проекты по строительству энергетических объектов за рубежом. Важно помнить, что при реализации такого рода проектов, предусмотренных международными договорами (в форме соглашений, протоколов и т.п.), российские компании выступают не просто исполнителями соответствующих работ (поставщиками товаров, услуг), но и представителями государства во внешнеэкономических отношениях, обладая статусом ответственных организаций от Российской Стороны соответствующих договоров. Поэтому важно единство таких компаний

и органов публичной власти в организации исполнения соответствующих договоров и достижении их целей, которые, как уже подчеркивалось, не ограничиваются только экономической составляющей, но имеют и политическое измерение, ввиду чего необходимы синхронизация и гармонизация деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, на всех этапах с национальными интересами Российской Федерации, целями, задачами, принципами и приоритетами [1, С.19–26].

В аспекте актуальных вопросов законодательно-го регулирования строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом следует упомянуть, что одним из предметов научных дискуссий в последние годы (фактически — уже более десятилетия) является вопрос о большей **систематизации** как энергетического законодательства в целом, так и конкретно законодательства, регулирующего отношения в сфере строительства энергетических объектов (к примеру, В.В. Романова еще в 2012 году отмечала: «учитывая... большой массив законодательных актов в сфере строительства энергетических объектов, актуальной становится задача по их систематизации»).

Под энергетическим законодательством, например, П.Г. Лахно понимает «крупный интегрированный комплекс, один из элементов системы законодательства Российской Федерации, совокупность нормативных правовых актов различного уровня, регулирующих предпринимательские и иные отношения, возникающие в области организации и функционирования топливно-энергетического комплекса страны, нетопливной энергетики и сфер потребления» [3].

Наличие в нашей стране весьма значительного объема специальных федеральных законов, регулирующих энергетические отношения, а также накопленного опыта правового регулирования разносторонних энергетических отношений позволяет исследователям ставить вопрос о целесообразности и возможных перспективах систематизации соответствующего правового массива посредством его кодификации [4, С. 6–8], что придало бы отрасли еще большую целостность и системность. Так, А.М. Шафир пишет: «для формирования комплексной отрасли права необходимо наличие комплексного акта, затрагивающего целые сферы социальной жизни или их участки, для энергетического права таким актом мог бы стать Энергетический кодекс Российской Федерации» [5, С.26].

По мнению К.С. Семенович, которое она высказала в 2020 году, энергетическое право нуждается в «систематизации и установлении определенного свода правил и понятий»; данная отрасль «является комплексной

и требует фундаментального законодательного акта, определяющего правовой энергетический порядок России» [6].

Вопрос о подобном кодифицированном акте продолжает оставаться довольно актуальным предметом для энергетически-правовых и теоретико-правовых научных дискуссий, перспективным направлением для исследований.

При этом, как нам представляется, возможны два альтернативных направления: во-первых, полная кодификация энергетического законодательства посредством сведения (при условии должной сущностной кодификационной переработки) массива действующих специальных федеральных законов в энергетической сфере в Энергетический кодекс Российской Федерации; во-вторых, систематизация посредством принятия базового (возможно, рамочного) законодательного акта именно в сфере строительства российских энергетических объектов, включая строительство в зарубежных странах.

Эти направления обозначаются нами именно как альтернативные, поскольку одновременная их реализация невозможна ввиду того, что они требуют в силу специфики совершенно разных подходов к кодификационной обработке правового материала.

В рамках **Энергетического кодекса Российской Федерации**, если строить его по традиционной для российской правовой системы модели, включающей Общую и Особенную части или же несколько частей как в Гражданском или Налоговом кодексах Российской Федерации, нормы о строительстве энергетических объектов могут быть системно изложены в конкретной главе Особенной части (или, например, части второй) кодекса при наличии блока норм общего характера в Общей части (или части первой) и системы отсылок к кодифицированным актам иных отраслей (Градостроительному, Земельному кодексам) и иным специальным федеральным законам (например, Федеральным законам от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании», от 21 июля 2011 года № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» и др.).

При разработке же базового законодательного акта в сфере строительства энергетических объектов необходимо будет тщательно проработать вопрос о степени инкорпорации норм актов специального характера в такой новый закон — следует ли включать их непосредственно в проектируемый новый акт или ограни-

читься системой отсылок на действующие специальные акты. Представляется, что такой акт целесообразно было бы проектировать как закон рамочного характера, закрепляющий основополагающие концептуальные начала, включая базовые принципы и подходы к регулированию проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов, в том числе российских энергетических объектов за рубежом. При принятии за основу такого подхода указанный акт мог бы иметь наименование **Федерального закона «Об общих принципах организации деятельности в сфере строительства энергетических объектов»**.

Подчеркнем, что решение вопроса о целесообразности и конкретных вариантах систематизации законодательства в рассматриваемой сфере требует серьезной всесторонней проработки как на научно-теоретическом уровне, так и в практической законотворческой плоскости, поэтому здесь мы предлагаем возможные варианты для дальнейшей дискуссии в научном сообществе, а также в качестве отправных ориентиров для возможных решений о начале кодификационной работы.

Полагаем, что при выборе любого из указанных вариантов исключительно **важно закрепить в терминологическом аппарате базового систематизированного акта легальную дефиницию одного из ключевых понятий — энергетического объекта**, ввиду того, что в настоящее время это понятие в качестве обобщающего не нашло должного закрепления в действующих законодательных актах.

Корректность юридической терминологии весьма важна. К.С. Семенович отмечает, что «необходимо выработать четкий, непротиворечивый понятийный аппарат энергетического права. Терминологическая ясность является основой правильного правоприменения...» [6]. С учетом тематики настоящего исследования предлагаем рассмотреть вопрос о закреплении ряда дефиниций, прежде всего дефиниции понятия энергетического объекта, имея в виду задачу обобщения этим термином разнообразия используемых в нормативных актах понятий, описывающих, по сути, конкретные энергетические объекты. Соответствующие определения можно сформулировать на базе предложенных нами нижеследующих доктринальных определений, сконструированных на основе проведенного анализа правовой терминологии в действующих законодательных актах, нормы которых затрагивают сферу строительства энергетических объектов:

- ♦ **энергетический объект** — это единый комплекс имущества, включающий результаты завершенного правомерного строительства (здания, сооружения, при необходимости также

некапитальные строения) и (или) иное имущество, в совокупности служащие основному предназначению — организации производственного процесса, связанного с производством, при необходимости — накоплением и созданием условий для транспортировки энергии (определенного вида);

- ♦ **строящийся энергетический объект** — это вышеуказанный единый комплекс имущества, в рамках которого в отношении объектов строительства (зданий, сооружений, при необходимости также некапитальных строений) еще не завершен процесс строительства; (под строительством в соответствии с пунктом 13 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации понимается создание зданий, строений, сооружений (в том числе на месте сносимых объектов капитального строительства);
- ♦ **российский энергетический объект за рубежом** — это расположенный за пределами территории Российской Федерации единый комплекс имущества, включающий результаты завершенного правомерного строительства (здания, сооружения, при необходимости также некапитальные строения) и (или) иное имущество, в совокупности служащие основному предназначению — организации производственного процесса, связанного с производством, при необходимости — накоплением и созданием условий для транспортировки энергии (определенного вида), строительные и иные взаимосвязанные работы в отношении которого выполнялись российскими компаниями или с российским участием.

Актуальной проблемой законодательного регулирования строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом по-прежнему остается необходимость обеспечения еще большей ориентированности правовых механизмов на поддержку внедрения и развития новых прорывных отечественных технологий в исследуемой сфере. Эта проблема должна решаться в весьма широком контексте соответствующей государственной политики. Примерно десятилетие назад обозначился важный законотворческий поворот в этом направлении, выразившийся в понимании важности создания законодательных основ государственной промышленной политики и политики в сфере стратегического планирования. Причем важность особого внимания государства к стимулированию российской промышленности и развитию новых технологий отмечали не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, в конце 2014 года профессор Стокгольмской школы экономики Джеффри Соммерс высказал рекомендацию для российской эко-

номики, в том числе энергетики: «надо изменить государственный сектор и сделать так, чтобы он превратился в источник создания новых технологий» [7, С.42]. Этот приоритет является долгосрочным, по-прежнему требует особого внимания и напрямую касается сферы проектирования, строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом.

Одной из актуальных проблем нам видится то, что в недостаточной степени задействован мощный идейно-правовой потенциал Федерального закона от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». В период его разработки и принятия на него возлагались огромные надежды, ожидалось, что нормы такого законодательного акта дадут мощный импульс развитию отечественной промышленности. Мы не отрицаем позитивного эффекта, который нормы названного закона действительно оказали в сфере отношений, составляющих предмет его регулирования. Вместе с тем, полагаем возможным отметить, что почти десятилетие его действия показало, что имеется потенциал для дальнейшего совершенствования и развития его положений, в том числе применительно к конкретным сферам отношений, представляющих стратегический интерес для государства.

Высказывается мнение, что «промышленная политика — это инструмент, с помощью которого государство, посредством мер регулирования, создает выгодные условия для развития отдельных отраслей» [8, С.3360]. При этом выбор отраслей и сфер экономической деятельности, которым оказывается особая поддержка, оставлен за государством. Полагаем, что та часть российской промышленности, которая работает на повышение эффективности деятельности в сфере строительства энергетических объектов, включая российские энергетические объекты за рубежом, должна получить более значительную поддержку со стороны государства (во взаимодействии с соответствующими крупными компаниями), что следует объективировать как специальное направление промышленной политики в нашей стране.

Представляется важным и перспективным — с учетом стратегического значения деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом, для современной российской экономики и продвижения национальных интересов России — предметно проработать вопрос о внесении в Федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» изменений, направленных на включение в него блока норм, адресно регулирующих специфику, в том числе особые задачи экспорта российских технологий, оборудования и услуг в сфере

энергетики, обеспечения деятельности по планированию, проектированию, строительству и сопровождению эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом.

Полагаем целесообразным, прежде всего, рассмотреть вопрос о доработке как такового **определения промышленности**, закрепленного в названном Федеральном законе. Согласно пункту 2 его статьи 3 промышленное производство (промышленность) — это определенная на основании Общероссийского классификатора видов экономической деятельности совокупность видов экономической деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатываемому производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений. Как видим, деятельность в сфере энергетики *частично входит* в объем этого понятия. При этом дефиниция сконструирована с использованием отсылки к ОКВЭД и включает виды экономической деятельности, предусмотренные разделами «В» «Добыча полезных ископаемых», «С» «Обрабатывающие производства», «Д» «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Е» «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» ОКВЭД. Однако обращает на себя внимание, что виды экономической деятельности, указанные в разделе «F» «Строительство», включающем подразделы «Строительство зданий», «Строительство инженерных сооружений», «Работы строительные специализированные», в законодательный объем понятия промышленного производства (промышленности) не включены.

Такое решение федерального законодателя представляется дискуссионным. Указанные подразделы включают, в частности, такие виды экономической деятельности как, например, разработка строительных проектов; строительство и реконструкцию объектов использования атомной энергии (кроме атомных электростанций); строительство инженерных коммуникаций для водоснабжения и водоотведения, газоснабжения; строительство линий распределения электроэнергии, а также зданий и сооружений, которые являются неотъемлемой частью этих систем; строительство электростанций. Анализ этих и ряда других видов деятельности (а примеров из ОКВЭД можно привести множество) позволяет сделать вывод, что они с точки зрения значимости для отечественной энергетики и реального производственного характера, а также своего вклада в реализацию промышленно значимых проектов также могут быть включены в объем законодательного определения понятия промышлен-

ного производства (промышленности). Такое дополнение определения базового понятия позволит в гораздо большей степени распространить инструментарий Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» на сферу строительства энергетических объектов, включая российские энергетические объекты за рубежом.

Представляется перспективным проработать дополнение Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации»:

либо специальной статьей — по аналогии и во взаимосвязи с действующей статьей 17 «Поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности в области внешнеэкономической деятельности» — например, статьей 17 [9], определяющей системные меры поддержки субъектов деятельности в области проектирования, строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом;

либо, если рассматривать задачу шире в общем контексте дальнейшего совершенствования регулирования развития отечественной энергетики, специальной главой — по аналогии с действующей главой 4 «Особенности промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе» — например, главой 4¹, определяющей системные особенности промышленной политики в энергетической сфере, которая бы включала положения, определяющие особенности применения мер поддержки и стимулирования субъектов деятельности в области проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов, включая российские энергетические объекты за рубежом.

В публикациях, связанных с процессами проработки концепции федерального законодательного акта о промышленной политике, в свое время высказывалась мысль о важности не только «законодательного регулирования процессов определения государственной политики», но и «научного контроля за исполнением этой политики» [10, С.72]. Возможно, в действующем законе следовало бы также усилить блок норм о научном обеспечении промышленной политики, а также о взаимодействии с научным сообществом при определении и реализации актуальных приоритетов и направлений промышленной политики, в том числе в отношении субъектов деятельности в области проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов, включая российские энергетические объекты за рубежом.

Представляется, что все это также является важной плоскостью дальнейших научных исследований. Обратим еще раз внимание на конституционное положение,

согласно которому Правительство Российской Федерации обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала. Пункт «в¹» части 1 статьи 114, устанавливающий это полномочие, был введен при внесении поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году [11], что показывает особое внимание государства на настоящем историческом этапе развития страны к вопросам научно-технологического развития. Этот конституционный вектор должен быть надлежащим образом продолжен и обеспечен в текущем законодательстве, в том числе в исследуемой нами сфере.

Именно законодательные акты о промышленной политике и стратегическом планировании в их идейной взаимосвязи были когда-то с большим воодушевлением восприняты научным сообществом, как в среде правоведов, так и в среде экономистов. Преобладали ожидания того, что государственная политика делает принципиальный разворот в сторону системной поддержки отечественной промышленности и выстраивания развития страны на основе глубоко продуманного стратегического планирования. Характерны были такие позитивные оценки: «конец 2014 г. в законодательном плане был отмечен таким важным продвижением, как принятие федерального закона «О промышленной политике». Эта законодательная новелла, как и принятый в середине 2014 г. федеральный закон «О стратегическом планировании», говорит о том, что нынешняя сложная ситуация в российской экономике отнюдь не воспринимается руководством страны как сигнал к преобладающему значению мер «текущего выживания». Напротив, именно сейчас остаются в наибольшей мере востребованными законодательные и институциональные посылки к системному реформированию российской экономики. Эти посылки должны обеспечить устойчивость национальной экономики по отношению ко всем факторам внешнего негативного воздействия и даже открытого давления с целью изменить экономический и политический курс нашей страны. Именно этой задаче отвечают два отмеченных выше законодательных акта, которые прошли сложный и долгий путь в коридорах законодательной власти» [12, С.23]. Представляется, что сейчас, в текущей непростой внешнеполитической и экономической обстановке, обусловленной сильнейшим санкционным давлением на нашу страну, значение двух названных законов должно возрасти, их нормы — развиваться и наполняться новыми смыслами и современными механизмами.

Ввиду этого актуальной проблемой также видится недостаточное отражение исследуемой нами проблематики в нормах Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании

в Российской Федерации». Так, например, обращает на себя внимание, что среди задач стратегического планирования, закрепленных в статье 8 названного Федерального закона, преобладают задачи условно «внутреннего» характера, относящиеся к социально-экономической политике, социально-экономическому развитию Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления. Стратегический же вектор «внешнего» характера, обеспечивающий расширение стратегического влияния Российской Федерации, в том числе через посредство деятельности отечественных компаний за рубежом, явно не выражен. Хотя и фигурируют задачи обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, но, как представляется, следовало бы рассмотреть вопрос о том, чтобы более рельефно обозначить названный внешний вектор, отразив, что задачей стратегического планирования в нашей стране является и создание условий для продвижения национальных интересов Российской Федерации российскими компаниями в долгосрочных взаимоотношениях с зарубежными партнерами, в том числе в сфере строительства энергетических объектов за рубежом.

Актуальной задачей также видится расширение механизмов более активного вовлечения в сферу деятельности по строительству российских энергетических объектов в зарубежных странах субъектов малого и среднего предпринимательства. Рассматриваемая сфера деятельности преимущественно предполагает вовлеченность весьма крупных компаний с наработанными компетенциями и накопленным богатым опытом. Вместе с тем, чтобы не происходило чрезмерного дисбаланса в сторону крупных бизнес структур и корпораций, представляется целесообразным широко задействовать в тех или иных технологических, производственных, логистических и иных процессах в рассматриваемой сфере также представителей малого и среднего бизнеса.

Думается, что в настоящее время с учетом общего приоритета развития отечественной промышленности, сфер производства и услуг, экономики в целом, в рассматриваемой сфере значение имеет деятельность не только крупного бизнеса, но и субъектов малого и среднего предпринимательства, поддержка которых является весьма важным направлением, находящимся в фокусе внимания государства. Соответственно, необходима разработка перспективных подходов к правовым механизмам такой поддержки в отношении тех субъектов МСП, которые во взаимодействии с крупными компаниями осуществляют деятельность в сфере проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов.

С этой целью возможно, следует рассмотреть вопрос о внесении изменений в Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», которые носили бы адресный характер в отношении статуса, деятельности и мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность именно в сфере проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов, включая российские энергетические объекты за рубежом. В настоящее время названный Федеральный закон устанавливает специальные меры поддержки в отношении, например, субъектов малого и среднего предпринимательства в области инноваций и промышленного производства (статья 22), субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность (статья 24). В единой логике с изложенными выше предложениями о дополнении базового законодательного акта о промышленной политике полагаем также целесообразным в перспективе проработать вопрос о дополнении Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», например, статьей 22¹, закрепляющей системную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих экономическую деятельность в сфере проектирования, строительства и эксплуатации энергетических объектов.

Актуальной видится также концептуальная научная и практическая проработка вопроса о системном закреплении и регулировании статуса **стратегически ориентированных компаний** (по некоей аналогии с давно существующей и хорошо себя зарекомендовавшей категорией социально ориентированных некоммерческих организаций).

Отметим, что в науке предпринимались попытки проработать понятие, например, стратегически ориентированного предприятия, однако предлагаемое понимание носило внутреннюю направленность, ориентированность на собственную стратегию развития. Так, С.Б. Гриво и А.И. Новиков предложили под стратегически ориентированным предприятием понимать «предприятие, где стратегическое мышление является основной, принципиальной установкой в деятельности персонала предприятия и высшего руководства», по мнению названных исследователей, «на таком предприятии должна быть сформирована система стратегического управления, предполагающая рациональный процесс стратегического планирования, позволяющий разрабатывать и применять интегрированную систему стратегических планов. Текущая деятельность на таком предприятии должна быть подчинена достижению стратегических ориентиров» [13, С.149].

Мы же вкладываем в предлагаемое понятие стратегически ориентированной компании (независимо от организационно-правовой формы) внешний фактор — ее **ориентированность на стратегические цели, задачи и приоритеты развития государства в целом, в том числе отраженные в документах стратегического планирования Российской Федерации**. Именно такая ориентированность может служить основанием для оказания особой поддержки со стороны государства.

Представляется, что именно такой статус позволил бы предусматривать определенные преференции и специальные меры поддержки тем организациям, которые реализуют проекты, сочетающие как коммерческий характер, так и ориентированность на достижение стратегических целей развития и продвижение национальных интересов Российской Федерации. К та-

ковым, безусловно, следовало бы относить российские компании, осуществляющие строительство энергетических объектов в зарубежных странах в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Реализация в известной перспективе изложенных в настоящей работе предложений (при условии их дальнейшей всесторонней проработки, в том числе обсуждения в научном сообществе, а также на площадках заинтересованных органов публичной власти и компаний), на наш взгляд, позволила бы существенно продвигаться по пути решения актуальных проблем законодательного регулирования строительства и эксплуатации российских энергетических объектов за рубежом, что способствовало бы созданию максимально благоприятных правовых, экономических и организационных условий для развития деятельности в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василькова С.В. О приоритетных направлениях развития правового обеспечения деятельности российских компаний, осуществляющих строительство энергетических объектов за рубежом // Право и бизнес. 2022. № 2
2. Романова В.В. Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М.: Юрист, 2012.
3. Лахно П.Г. Энергетическое право России: понятие и сущность. Российская модель энергетического права (П.Г. Лахно. «Библиотека научных публикаций «Электронного периодического справочника «Система ГАРАНТ», № 1, 2013 г.).
4. Быков А.Г. О проекте Энергетического кодекса Российской Федерации // Энергетическое право. 2013. № 2.
5. Шафир А.М. Энергетическое право и предмет его регулирования // Энергетика и право. 2017. № 4.
6. Энергетическое право в России: настоящее и будущее. Материал от 9 апреля 2020 года на сайте Санкт-Петербургского государственного университета. Электронный ресурс. <https://spbu.ru/news-events/universitet-v-smi/energeticheskoe-pravo-v-rossii-nastoyashchee-i-budushchee>. Дата обращения — 4 ноября 2022 года.
7. Соммерс Дж. Энергетика диктует политику // Стратегия России. 2015. № 2.
8. Бакашин П.Е. Анализ закона «О промышленной политике Российской Федерации» // Российское предпринимательство. 2015. № 16 (20).
9. ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, утвержденный Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. СПС «КонсультантПлюс».
10. Клейнер Г.Б. Концепция федерального закона «о промышленной политике Российской Федерации» // Экономическая наука современной России (ЭНСР). 2013. № 3 (62).
11. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
12. Бухвальд Е.М. Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5.
13. Гриво С.Б., Новиков А.И. Стратегически ориентированное предприятие: особенности его функционирования // Экономика образования. 2011. № 5.

© Василькова Светлана Витальевна (vasilkova973@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ НОСИТЕЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. ИСТОРИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE CONCEPT OF A CARRIER OF SPECIAL KNOWLEDGE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS. HISTORICAL AND FORENSIC ASPECT

V. Vladimirov
T. Fomina

Summary. The relevance of further improvement of the trajectory of development of divisions of internal affairs bodies carrying out the regulation of the production of forensic examinations established by Article 11 of Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 "On State Forensic Expert activity in the Russian Federation", in accordance with the general transformation of law enforcement activity, initiates the processes of a more in-depth study of the forensic expert activity itself from the standpoint of persons engaged directly in this activity, in order to find new more rational ways, techniques and methods of using special knowledge in order to increase the detection of crimes and objectification of the investigation.

Keywords: forensic expert, forensic examination, state forensic expert activity, non-state forensic expert activity.

Владимиров Владимир Юрьевич

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАН, академик МАНЭБ, Академия управления МВД России
veteran.fskn@yandex.ru

Фомина Татьяна Васильевна

Адъюнкт, Академия управления МВД России
ftv75@mail.ru

Аннотация. Актуальность дальнейшего совершенствования траектории развития подразделений органов внутренних дел, осуществляющих установленное статьей 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» регулирование производства судебных экспертиз, в соответствии с общей трансформацией правоохранительной деятельности инициирует процессы более углублённого изучения самой судебно-экспертной деятельности с позиций лиц, занятых непосредственно этой деятельностью, с целью поиска новых более рациональных способов, приёмов и методов использования специальных знаний в целях повышения раскрываемости преступлений и объективизации расследования.

Ключевые слова: судебный эксперт, судебная экспертиза, государственная судебная экспертная деятельность, негосударственная судебная экспертная деятельность.

Несмотря на то, что криминалистика и судебно-экспертная деятельность науки относительно молодые, корни их возникновения уходят в глубину веков. Вести отсчёт, пожалуй, следует с момента возникновения централизованного государства на Руси, вместе с ним и деловых документов, а также, как в любые времена, их подделок. Подлинность документов ещё в далёком 15 веке устанавливали путём сравнения рукописей. И если верить летописям, торговым и иным архивам Новгорода, Москвы, Верхотурья и Пскова, датируемые XV и XVI веками, дьяки и писари подложные документы «свидетельствовали» путём сличения подписей [1].

В историко-юридическом научном труде «Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Областное управление эпохи первого учреждения губерний», проведенном П.Н. Мрочек-Дроздовским и опубликованном ещё 1876 году указывается, что в начале XVIII века «суд добывал те или другие факты,

существенные для обсуждения дела: это были формы осмотров и экспертизы» [2, с. 139]. Ключевым здесь мы отметим именно термин «сведущие люди», использованный в этом документе, поскольку нас интересует именно смысл этого понятия и его соотношение с современными понятиями специалист и эксперт.

Если обратиться к структуре слова «сведущий», можно выделить приставку *с* и корень *вед*. Тот же корень имеют слова *ведать*, *ведун*, *ведьма*. Приставка *с* указывает на законченность действия — ведал, ведал и ведал. Стало быть, сведущий тот, кто пум упорных действий обрел уникальный опыт и(или) знание. Родственные слова *ведун* и *ведьма* указывают на то, что в русской традиции сведущими могли быть далеко не все, к тому же носят ещё и сакральный смысл.

Наиболее значимое влияние на Российский процесс судопроизводства оказала в 1964 году проведенная Александром II Судебная реформа. Именно с этого момента использование при рассмотрении гражданских

и уголовных дел стали широко использоваться научные познания, а процедуры предварительного расследования, получения и закрепления доказательств обрели регламентирующую основу.

Ключевыми вопросами в этом случае, по нашему мнению, являются, определение содержания понятия «сведущие люди», согласно Судебным уставам Александра II, а также цели, с которыми их приглашали к участию в судопроизводстве. Воспользуемся курсивом для выделения смысловой нагрузки.

Согласно п. 112 Судебного устава Александра II (далее СУ) «В тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы *специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии*, приглашаются сведущие люди» (курсив авторов статьи).

Исходя из текста п. 112 СУ, специальные сведения вполне могут быть замещены опытностью в той или иной области, на что указывает союз «или» и говорит о соразмерности специальных сведений и опытности. И совершенно очевидно, что опытность возникает с течением времени в ходе накопления, называемого современным языком, стажа работы.

В п. 113 СУ мы наблюдаем: «Как количество вреда и убытков, так и цена похищенного при разногласии о том сторон определяются мировым судьей по представленным сторонами доказательствам или же по выслушивании *мнения сведущих людей*» (курсив авторов статьи).

Хотелось бы отметить, что в русском языке слово *мнение* происходит от слова *мнить*, имеющее родственную связь с такими словами как помнить, вспоминать и толкуется словарями как: думать, считать, полагать [3]. В этом смысле мнение сведущих людей это не что иное как думание через призму того, что они ведали (курсив авторов статьи).

В п. 326 СУ содержится информация о том, что: «В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, *продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность*» (курсив авторов статьи).

Здесь п. 326 СУ как раз подтверждает сделанное нами ранее умозаключение об опытности и то, что именно так её (опытность) и понимал законодатель того времени.

Согласно п. 1160 СУ «По нарушениям, для исследования коих необходимы *специальные знания*, судебный следователь требует сведущих людей из числа служащих в *казённом управлении*, но ему не возбраняется пригласить вместе с *должностными и частные лица*, известные своими *специальными сведениями*» (курсив авторов статьи).

Итак, мы сталкиваемся с употреблением различных терминов в области применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве в современном его понимании: «специальные знания», «специальные сведения», «сведущие люди». Причём, термин «сведущие люди» используется в смысловой связке, как с термином «специальные знания», так и с термином «специальные сведения». Интересно отметить, законодатель того времени констатировал, что «специальными сведениями» могут обладать и некие «частные лица», не состоящие на какой-либо службе.

Поскольку давать определения понятийному аппарату в нормативно-правовых документах было не принято, по выделенным фрагментам попытаемся сформулировать основной смысл текста СУ, применительно к выделенным терминам — «сведущие люди», «специальные знания» и «специальные сведения».

Согласно СУ *специальные сведения или опытность* в какой-либо сфере занятости, будь то наука, искусство, ремесло или промысел, *возникает в ходе продолжительных занятий* по какой-либо из указанных частей (курсив авторов статьи).

Сведущие люди (врачи и фармацевты, профессора и учителя, техники, художники и ремесленники, а также казначеи и иные лица) привлекаются с целью выслушивания *их мнения* (курсив авторов статьи).

Обратим внимание, что служащие в казённом управлении сведущие люди, именуемые ещё должностными, обладают специальными знаниями. Тогда как частные (сведущие) лица имеют специальные сведения, которые присущи и сведущим людям. Фактически здесь мы наблюдаем попытку разделения носителей специальных *знаний* и специальных *сведений*, равно как следует зафиксировать становление понятия *лица* (курсив авторов статьи) — прообраз юридических и физических лиц, где юридические лица и работающие там должностные лица — носители специальных знаний, а физические лица (частные лица) — носители специальных сведений.

Слово *знания* в русской традиции также наполнено сакральным смыслом, на что указывает родственное слово *знатник* — колдун, а общеславянское *znati* —

имеет значение «отличать», «замечать» [4, с. 97], что больше направляет к формальной операции, в ходе которой следует отличить истину от лжи. Отсюда не мудрено толковать связку «казённые (должностные) лица» и «специальные знания» как лица, призванные по должности отличать истину от лжи. Что явно не тождественно связке «частные лица» и «специальные сведения», где лица выражают мнение, или фактически думают, через призму того, что они сведали. Становится понятным, что авторы СУ совершенно чётко понимали, что категория «сведения» существенно шире категории «знания». Накопленные сведения лишь позднее становятся знаниями, приобретая под собой научную основу. Это значит, что современные споры о «научности экспертных заключений» должны лежать лишь в области знаний и нелепы по отношению к области сведений. Зацикливание на «специальных знаниях» существенно обедняет информационное насыщение процесса судопроизводства и уж точно не добавляет всесторонности и объективности оценке обстоятельств дела.

Однако, всё это, с учётом отмеченной ранее понятийной чехарды, остаётся в области предположений и однозначного толкования не имеет.

Кроме прочего, п. 327 СУ установлено, что «Сведущие люди, приглашаемые к *осмотру и освидетельствованию*, должны иметь все качества достоверных свидетелей», а п. 335 СУ гласит, что «Оценка имущества, добытого или повреждённого преступным деянием, производится чрез присяжных ценовщиков, а при невозможности обратиться к ним или *произвести освидетельствование* неотысканного или истреблённого предмета делается чрез сторонних лиц, имеющих сведения о стоимости сего предмета» (курсив авторов статьи).

Из Устава вытекает, что специальные знания казённых сведущих людей и специальные сведения частных (сведущих) людей необходимы для производства именно *осмотров и освидетельствований* (курсив авторов статьи), что логично предполагает смотреть и видеть. Здесь слово смотреть родственно: литовскому *matrus* — осторожный, *matit* — замечать, чувствовать, а видеть — имеет общесловянский корень *vedeti* — видеть [4, с. 50, 326].

Получается, что ни сведущие люди, ни сведущие лица, экспертиз не производили, их роль заключалась либо в выражении мнения, либо в разделении истины и лжи при осмотре и освидетельствовании.

Если ориентироваться на этимологию, то существует точка зрения, будто возникновению слова эксперт в русском языке мы должны быть благодарны французам. Предполагается, что это произошло в се-

редине XIX века. При всем при этом латинское слово *expertus* — причастие прошедшего времени от *experio*, *experior* — «пробую», «испытываю» существенно древнее. Но в то же время, у слова есть и юридический аспект — «сужуть» [5].

Анализ корневых оснований слова *expertus* позволяет выделить два компонента: Первый: *ex-* вне, снаружи, за пределами. Второй: *peritus* — проверенный, испытанный, но также и опытный, искусный, квалифицированный. Тот же корень и у слова *experience* — опыт, испытание, опытность. На базе этого этимологи констатируют: эксперт — умный, благодаря опыту, а потому надежный и проверенный, в том числе, и извне [5].

По версии историко-этимологического словаря современного русского языка П.Я. Черных, «эксперт — специалист в какой-либо области, привлекаемый в спорных случаях для правильной оценки чего-либо, заключения и т.д.» [6, с. 442].

Сегодня статья 57 УПК РФ [7] чётко фиксирует эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. При этом, раскрывается именно процессуальный статус лица, привлекаемого к производству судебной экспертизы, где законодателем чётко определено кто такой эксперт с точки зрения его процессуального положения. Стало быть в качестве эксперта могут привлекаться лица, являющиеся по должности экспертами (профессиональные эксперты), так и любые другие лица, обладающие достаточным количеством и качеством знаний и способностью к познанию сути исследуемых объектов или явлений в той или иной области. Следует отметить, что в УПК РФ законодатель оперирует термином «эксперт», в то время как в «базовом» Федеральном законе от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [8] используются как термин «судебный эксперт», так и термин «эксперт». Очевидно, что термины «судебный эксперт» и «эксперт» по своему содержанию не тождественны. Термин «эксперт» является понятием гораздо более широким, а термин «судебный эксперт» применим лишь одной из его разновидностей, которая входит в число участников уголовного, гражданского и административного производства. Представляется, что к любому виду судопроизводства применим исключительно термин «судебный эксперт», что, по нашему мнению, должно исключить возможность двоякого толкования правового (процессуального) статуса данного участника судопроизводства.

Уголовно-процессуальное законодательство и осуществляемое на его основе судопроизводство способствовало зарождению, становлению и развитию

собственно судебно-экспертной деятельности как профессии, где заняты не только служащие в специализированных государственных учреждениях лица, но и вовлечены значительные ресурсы трудового населения, через разнообразное поле негосударственной судебно-экспертной деятельности, количество которых, скорее всего, будет только увеличиваться с ростом юридической грамотности населения в целом. Это значит, что в настоящее время мы определяем судебного эксперта, в том числе, как субъекта экономической деятельности, что естественно следует принимать во внимание для дальнейшего прогнозирования развития как траектории экспертно-криминалистической службы МВД России, так и траектории развития государственных судебно-экспертных учреждений в целом.

В статье 1 главы I Федерального закона от 31 мая 2001 г. N73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» зафиксировано, что государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами, и состоит в организации и производстве судебной экспертизы.

В настоящее время государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется судебно-экспертными учреждениями (экспертными подразделениями) следующих федеральных организаций и ведомств:

- ◆ Минюста России;
- ◆ МВД России;
- ◆ Минздрава России;
- ◆ ФСБ России;
- ◆ Министерства обороны России;
- ◆ Федеральной таможенной службы;
- ◆ Федеральной противопожарной службы (ФСП) МЧС России,

а также судебно-экспертными учреждениями Следственного комитета России.

Ориентируясь на государственную судебно-экспертную деятельность в системе МВД России, реализуемую экспертно-криминалистическим центром (ЭКЦ) МВД РФ и территориальными (линейными) экспертно-криминалистическими подразделениями (ЭКП), в которых согласно приказа МВД РФ от 30 мая 2003 года N 366 (Приложение N 5) [9], определены три вида должностей:

- ◆ эксперты-криминалисты;
- ◆ эксперты специальных видов экспертиз;
- ◆ эксперты экспертно-криминалистических учётов;

можно предположить разнообразие формулировок должностей сотрудников, занятых профессиональным

производством судебных экспертиз в иных государственных учреждениях (подразделениях), о которых сказано выше. При этом важно отметить, что функционирование экспертно-криминалистических учётов в соответствии с действующим законодательством к судебно-экспертной деятельности отношения не имеет, что наряду с другими обстоятельствами подчёркивает гораздо более широкое поле деятельности, присущее ЭКП. Сложившаяся традиция в настоящее время вновь наталкивает на проработку вопроса статуса эксперта (в широком понимании смысла этого термина) как субъекта оперативно-розыскной деятельности по отдельным направлениям [10].

Интересным является тот факт, что становление деятельности ведения криминалистических учётов не совпадало с судебной экспертной деятельностью изначально. Снова обратимся к отечественной истории. В декабре 1906 года Иваном Григорьевичем Щегловитовым были установлены «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков». Уже тогда Министерством Юстиции России, возглавляемым И.Г. Щегловитовым, принято решение введении дактилоскопической системы регистрации преступников. Главное Тюремное Управление того времени руководствовалось циркуляром «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников». В начале XX века в России обязательному дактилоскопированию подвергаются обвиняемые в преступлениях, влекущих за собой наказания, соединённые с лишением всех прав состояния; присуждённые к ссылке в каторжные работы или на поселение; обвиняемые в бродяжничестве [6].

Уже с момента становления дактилоскопической регистрации судебные следователи, а также лица, производящие предварительное следствие по уголовным делам, обращались с прошениями в Центральное Дактилоскопическое Бюро об исследовании оставленных преступниками на местах преступлений следов пальцев. Однако Центральное Дактилоскопическое Бюро не считало себя правомочным для выполнения столь ответственных исследований и на такие ходатайства отвечало отказом. Необходимо отметить, что служащие Бюро того времени от допросов в качестве *сведущих лиц* не отказывались, а, стало быть, считали себя компетентными в выражении мнения [11].

Это значит, что ЭКЦ МВД в полном смысле не является судебно-экспертным учреждением как заявлено в его Уставе [12], а наделено существенно более широким диапазоном функций и полномочий.

Учитывая присутствующую в государственных учреждениях статистическую отчётность, дополненную

в последнее время налоговой отчётностью в виде деклараций, оценить количество сотрудников экспертных подразделений, не без погрешности, представляется возможным. Однако, сотрудники экспертно-криминалистической службы МВД России, помимо деятельности по производству судебных экспертиз заняты ведением и использованием криминалистических учётов, осмотрами мест происшествий, участием в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, а также иными служебными обязанностями, возложенными на сотрудников полиции. Поэтому провести объективную оценку реального количества участников судопроизводства в системе МВД не представляется возможным.

Что касается негосударственной судебно-экспертной деятельности, то оценить какое количество населения ею занято не представляется возможным в настоящий момент вовсе. Следовательно, спрогнозировать какое количество сотрудников, занятых судебно-экспертной деятельностью, необходимо и достаточно для удовлетворения нужд судопроизводства также не получится.

Между тем, для проведения статистического анализа, позволяющего оценить рассредоточение населения по видам занятости и выстроить разумную политику в исследуемой области, используется Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ), который входит в состав Национальной системы стандартизации Российской Федерации [13].

Как инструмент, Общероссийский классификатор используется для оценки состояния и динамики изменений структуры занятости населения, анализа и прогноза показателей в сфере занятости и профессионального образования, а также регулирования спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Согласно Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ) существует только код профессии 2048 — Врач — судебно-медицинский эксперт. Никаких других профессий с формулировкой «судебный эксперт» в классификаторе найдено не было.

Однако Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2), также входящий в состав Национальной системы стандартизации Российской Федерации [14] и предназначенный для классификации и кодирования видов экономической деятельности, с целью государственного регулирования и статистического наблюдения за субъектами национальной экономики, содержит код 71.20.2 Судебно-экспертная деятельность. Данный показатель отражает количество юридически лиц и индивидуальных предпринимателей в конкретной

экономической сфере, но не позволяет оценивать фактическое количество физических лиц, занятых данной экономической деятельностью.

Получается, что мы имеем сложившуюся профессию «судебный эксперт», вовлечённую в экономическую деятельность, которая не имеет своего места в классификации занятий, а, следовательно, не поддается оценке в части состояния и динамики изменений структуры занятости населения указанной профессией. Провести анализ и прогноз показателей в сфере занятости и профессионального образования «судебных экспертов», а также регулирование спроса и предложения рабочей силы на рынке труда указанной профессии также носит проблемный характер.

Применяемые к профессиональной деятельности, процессуальному статусу и должностному положению одни и те же термины не только имеют различные определения, но и не соответствуют друг другу по своему содержанию, а также с определениями из энциклопедий, словарей и прочей литературы, что способствует возможности их двоякого толкования в правоприменительной практике.

В настоящее время Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) 40.05.03 [15] предусматривает получение высшего профессионального образования в форме специалитета по специальности «судебная экспертиза», в котором также заложено существенное противоречие с базовым судебно-экспертным и процессуальным законодательством, которое выражается в том, что в этот вид деятельности заложены «избыточные» с точки зрения судебно-экспертного законодательства функции по ведению криминалистических учётов и технико-криминалистическому сопровождению процессуальных действий и пр., что не охватывается понятием «судебно-экспертная деятельность», определяет гораздо более широкий круг профессиональной деятельности.

При этом пунктом 3.5. Приложения ФГОС 40.05.03 предусмотрено, что «При отсутствии профессиональных стандартов (а таковые на данный момент отсутствуют), соответствующих профессиональной деятельности выпускников, профессиональные компетенции определяются образовательной организацией на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам на рынке труда, обобщения отечественного и зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники, иных источников» [16]. В этом случае всестороннее и объективное исследование требований к профессиональным компетенциям

«судебных экспертов» возможно лишь с применением достоверных статистических сведений, получить которые удастся только не иначе как с помощью Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ). Тот же подход следует реализовать и для внешней оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программе специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, предусмотренной пунктом 4.6.4. Приложения ФГОС, проводимой работодателями, их объединениями и другими заинтересованными организациями, с целью признания качества и уровня подготовки выпускников отвечающими требованиям рынка труда к специалистам соответствующего профиля.

В свете сформировавшейся профессии «судебный эксперт» логично требует обновления приказ Минздравсоцразвития России от 16 мая 2012 г. N550н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «квалификационные характеристики должностей специалистов, осуществляющих работы в области судебной экспертизы»» [17], потому как Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. N636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [18] Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации преобразовано в Министерство здравоохранения Российской Федерации и Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, и квалификационные характеристики должностей государственных специалистов, осуществляющих работы в области судебной экспертизы могут быть ошибочно отнесены лишь к судебным медикам, хотя справедливы для всех государственных судебных экспертов.

Представляется, что в научно-теоретическом лексиконе оправдано было бы восстановить забытый почти

всеми термин «сведущие люди», в то время как в отраслевом процессуальном законодательстве и источниках материального права использовать термины «судебный эксперт» и «специалист». При этом, ведомственная терминология, используемая для наименования должностей в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральных органов исполнительной власти, должна отличаться от последних, дабы не создавать имевшей место ранее и наблюдаемой сегодня понятийной чехарды.

Важно разделить категории «специальные знания» и «специальные сведения», а также очертить сферы их применения и процессуальный статус. Это позволит не отягчать «специальные сведения» научностью, актуально использовать их в ходе выявления, пресечения и расследования преступлений, а не дожидаться, когда сведения, наконец, превратятся в знания.

Видится необходимым установить код для уже давно сформировавшейся профессии «судебный эксперт» в Общероссийском классификаторе занятий (ОКЗ), а также скорректировать единый квалификационный справочник, дабы упорядочить отношения на стремительно развивающемся рынке труда, произвести подсчет участников судопроизводства и попытаться равномерно распределить нагрузку между государственным и частным секторами судебно-экспертной деятельности.

Для устранения имеющей место правовой неопределённости в сфере судебно-экспертной деятельности, необходимо законодательно разграничить понятия и дефиниции применительно к каждому термину и функции, что исключит возможность двоякого толкования и возникновения правовых коллизий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светличный А.А. Зарождение и развитие института специальных знаний в уголовном судопроизводстве в дореволюционной России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-i-razvitie-instituta-spetsialnyh-znaniy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-v-dorevolucionnoy-rossii> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Мрочек-Дроздовский П.Н. (1848–1919). Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Ист.-юрид. исслед. П. Мрочек-Дроздовского. Ч. 1-е. — Москва: Унив. тип. (Катков), 1876. 350 с.
3. Этимологический словарь русского языка для школьников. Составление: Карантиров С.И. 000 «Дом Славянской Книги», 2003.
4. Ушаков Д.Н. (1873–1942.). Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. — Москва: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
5. Ширяева О.В. Репрезентация концепта «Эксперт» в дискурсе деловой прессы // Политическая лингвистика. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontsepta-ekspert-v-diskurse-delovoy-pressy> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. 560 с.
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l8d767r7ki272499199 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).

8. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/12123142/?ysclid=l8d71apzvo248959940> Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 01.09.2022).
9. Приказ МВД РФ от 30 мая 2003 г. N366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел» (с изменениями и дополнениями) Приложение N5. Нормы введения должностей сотрудников экспертно-криминалистических центров при МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ, УВД (ОВД) на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, УВД (ОВД) в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах по видам специализации. [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/1353049/c9c989f1e99992b41b30686f0032f7d/> Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 01.09.2022).
10. Владимиров В.Ю., Каймак Е.В. О статусе экспертно-криминалистических подразделений в системе оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 20–21.
11. Хазиев Ш.Н. Из истории бертильонажа и дактилоскопии в дореволюционной России [Электронный ресурс]: URL: <https://infopedia.su/10x958e.html> (дата обращения: 01.09.2022).
12. Приказ МВД России от 16 июня 2010 г. N437 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. приказов МВД России от 20 апреля 2011 г. N209, от 20 июля 2016 г. N406) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/72031480/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=l8dd3l7y1946395049> Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 22.09.2022).
13. «ОК 010–2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N2020-ст) (ред. от 18.02.2021) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/fe0fcde01af39800bd620af2a8e83bd5634875f4/ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).
14. «ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N14-ст) (ред. от 21.06.2022) [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/?ysclid=l8d2uu6hbx522897934 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2022).
15. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 31 августа 2020 г. N1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/74636600/?ysclid=l8d3dqaof0969491807> Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 01.09.2022).
16. Приказ Минобрнауки России от 31.08.2020 № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 № 59827) [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150048> (дата обращения: 01.09.2022).
17. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 16.05.2012 N550н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей специалистов, осуществляющих работы в области судебной экспертизы» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.07.2012 N24808) [Электронный ресурс] URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/2750?ysclid=l8d53ctjer366938075> (дата обращения: 01.09.2022).
18. Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. N636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/70178476/?ysclid=l8d58lqzjp72513445> Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 01.09.2022).

© Владимиров Владимир Юрьевич (veteran.fskn@yandex.ru), Фомина Татьяна Васильевна (ftv75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМАТИКА ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ В ПОЛИТИКЕ ДЕОФШОРИЗАЦИИ

THE ISSUES OF CURRENCY EXCHANGE REGULATION IN THE POLICY OF DE-OFFSHORIZATION

V. Gumarov
V. Liskovets

Summary. Currency legal relation is the necessary condition of the foreign economic activity of organizations and state along with the participation of the state in international companies. In this regard, the main goal of currency legislation is the effective alignment of monetary policy. For instance, such issue as stopping the cash outflow from the country and strengthening the national currency without harming economic entities.

Keywords: de-offshorization policy; exchange currency regulation; cash outflow; tax havens; tax residency; the OECD convention; repatriation of foreign currency earnings.

Еще в 2012 году Президент РФ В.В. Путин обозначил проблему офшорного характера российской экономики [21]. Правительству РФ было дано поручение по разработке политики деофшоризации как фактора развития национальной экономики.

Офшоризация бизнеса — это действительно угроза экономической безопасности любой страны в зависимости от процентного соотношения и масштаба. Для России данная проблема приобрела глобальный характер. В период 90-х годов, в отсутствие какого-либо действенного регулирования, не только частные, но и государственные компании «вывозили» свои материнские капиталы в зоны «налоговых гаваней».

Офшорная юрисдикция — это экономико-правовое понятие, обозначающее государство или часть территории государства, где законодательно регламентированы юридические и налоговые преференции для иностранных компаний (нерезидентов). Тем самым офшоры аккумулируют огромную часть, создаваемых в стране активов, «обезвоживая» бюджеты других

Гумаров Василь Халилович

Студент, Финансовый университет при
Правительстве РФ

г. Москва

V.molotov159@gmail.com

Лисковец Варвара Анатольевна

Студент, Финансовый университет при
Правительстве РФ

г. Москва

varylisk06@gmail.com

Аннотация. Внешнеэкономическая деятельность организаций, государства, а также участие страны в международных организациях невозможно без валютных правоотношений, в этой связи основной целью валютного законодательства становится эффективное выстраивание валютной политики в т.ч. остановление оттока денежных средств из страны и укрепление национальной валюты без вреда экономическим субъектам.

В исследовании анализируется правовое регулирование валютного законодательства РФ в определенных направлениях политики Правительства РФ, а также сравнение с зарубежным опытом.

Ключевые слова: политика деофшоризации, валютный контроль, отток денежных средств, «налоговые гавани», налоговое резидентство, конвенция МК ОЭСР, репатриация валютной выручки.

стран. Интересны некоторые отличия между ведением бизнеса в офшорах между Россией и западными странами. В России принято создавать материнские компании в офшорных юрисдикциях, а их «дочек» регистрировать дома, тем самым прибыль утекает за границы РФ. В зарубежных схемах «налоговой оптимизации» все иначе — материнские компании находятся в стране инкорпорации, а дочерние располагаются в офшорных зонах с целью снижения налогообложения, и затем прибыль после уплаты налогов поступает в страны инкорпорации.

Если вывод российских доходов за рубеж в 90-е годы не удивляет, то уже период 2012–2014-х годов заставляет задуматься, вследствие этого начинают приниматься меры по пресечению вывода доходов. В Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (Далее — КоАП РФ) были внесены поправки в части установления мер взыскания за нарушение валютного законодательства [1]. КоАП РФ устанавливал меры взыскания — штраф в размере 75–100% от суммы операции за совершение запрещенных валютным за-

конодательством операций, а также привлечению к ответственности подлежит совершение операций с нарушением валютного законодательства, и совершение операций, расчеты по которым произведены за счет средств, зачисленных на зарубежные счета (вне случаев, которое предусмотрены законом). После таких поправок многие компании-валютные резидента «переехали» в офшорные юрисдикции, которые не имеют валютного контроля. Министр финансов А.Г. Силуанов назвал «сумасшествием» такие меры взыскания. В июле 2022 года были приняты поправки в КоАП РФ о снижении размеров штрафов — от 20 до 40%.

Из практики Тверского районного суда г. Москвы [22] известно, что физическое лицо взяло кредит в банке в Армении на сумму 170 миллионов рублей, ФНС России по отчету о движении средств по зарубежному счету, предоставленному самим налогоплательщиком, оштрафовала на сумму, равную 75% от суммы операции, так как операция прошла без участия российского банка, что запрещено валютным законодательством. Физическое лицо проиграло во всех инстанциях. В этом случае интересно, что главным доводом физического лица была его самостоятельность предоставления отчета.

Затем, описывая историю валютного контроля, принимаются первые действенные меры в политике деофшоризации: принятие законодательства о КИК (контролируемые иностранные компании) и правило о репатриации доходов. Ситуация для налогоплательщика складывалась не в лучшую сторону, и просто приходилось выбирать «из двух зол». После судебных дел и жалоб в Росфиннадзор (упразднен в 2016 г.) нормы о валютных правилах были несколько смягчены, но на ситуацию это не сильно повлияло. Возникает вопрос — был ли эффективен такой валютный контроль на рассвете деофшоризации экономики? Видится, что нет. Неправильно выстроенная административная политика, направленная лишь на строгие ограничения и политику «запугивания» не заставила многих вернуться из «налоговых гаваней». По сути, такие правила не были направлены на расцвет отечественной экономики, напротив, они «душили» ее экономических субъектов.

В течение последующих лет маленькими шагами при многочисленных судебных спорах, жалобах, даже на государственном уровне между федеральными органами исполнительной власти валютное законодательство начало либерализовываться.

В 2019 году были внесены изменения [4] в Закон о валютном регулировании, которые касались освобождения от репатриации для обслуживания займов

и кредитов. С одной стороны появилась возможность зачисления от нерезидентов денежных средств на заграничные счета резидентов РФ в случаях, определенных ч. 1 ст. 5.1. Закона о валютном регулировании, объясняется нахождением банка в стране, являющейся членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или в стране имеющей с РФ международный договор, предусматривающий обмен финансовой информацией. Затем резиденты-юридические лица были освобождены от обязанности по репатриации денежных средств в суммах, необходимых для обслуживания займов/кредитов по договорам с нерезидентами только на счета в российских банках. Но с другой стороны правила репатриации были дополнены требованием о представлении информации о сроках исполнения или прекращения обязательств по внешнеторговым договорам в случаях и способами, разрешенными законодательством РФ.

В 2020 году были приняты требования о репатриации средств по внешнеторговым договорам, по которым сумма обязательств номинирована и расчеты с нерезидентом осуществляются в рублях. В данном случае закон поддерживает национальную валюту, давая экспортерам выбор переложить риски колебания валют на нерезидента, обязав его рассчитываться по контракту в рублях, либо продолжать нести обязанность по репатриации, если экспорт осуществляется за иностранную валюту.

Можно признать, что данная поправка в качестве валютного контроля в целях проводимой политики по курсу деофшоризации является самой эффективной и направленной на развитие национальной экономики, а не просто на запугивание участников экономической деятельности.

Важно обозначить позитивные изменения, повлиявшие на изменение статуса валютного резидента. На данный момент согласно Закону о валютном регулировании валютными резидентами признаются граждане РФ, но в случае проведения 183 дней в году за пределами государственных границ, то граждане РФ станут нерезидентами и соответственно на них не будет распространяться требования о репатриации (например, отчет о движении средств на зарубежном счете). До введения данной нормы проблема была достаточной острой и повлекла немало судебных споров. Ранее валютным резидентом считались все граждане, приехавшие в страну хотя бы на день, даже если до этого они проживали за рубежом больше года по виду на жительство, рабочим или учебным визам.

Были часты такие случаи как, например, гражданин России большую часть календарного года проживает

не в стране — участнице ОЭСР, сдает недвижимость в России и зачисляет средства на банковский счет, открытый не в стране — участнице ОЭСР, на один день возвращается в Россию и на него накладывают штраф в размере 100%.

Затем был принят закон об «амнистии капиталов», который, по сути, отменял валютную ответственность для соответствующих категорий лиц. В 2021 году была отменена обязанность о репатриации валютной выручки по валютным контрактам (исключение составили сырьевые).

Для сравнения российского опыта валютного контроля в части деофшоризации экономики, а также репатриации доходов, для сравнения с зарубежными странами необходимо выделить следующее:

В подавляющем большинстве стран Европейского союза, а также стран-участниц ОЭСР нет валютного контроля, так как валютный контроль считается архаичной формой, не соответствующей интересам современной рыночной экономики. Так, в США законодательство носит либеральный характер, и регулирование направлено на предотвращения отмытия денежных средств и финансирования терроризма — «The Money Laundering Control Act». Также в стране действует «Foreign Account Tax Compliance Act» — согласно данному закону, налоговые органы получают данные о счетах резидентов своей страны в зарубежных банках для целей соблюдения налогового законодательства [19].

Валютный контроль в Швейцарии [20] носит ограниченный характер. Согласно Постановлению «О контроле трансграничного движения наличной валюты» — «... превышение суммы в размере 10 тыс. швейцарских франков влечет необходимость обязательного декларирования ввоза и вывоза наличной валюты, а также ценных бумаг».

Ни в материковой части ОАЭ, ни в его свободных зонах нет ограничений или правил в отношении иностранной валюты. Капитал, прибыль, проценты и роялти могут быть репатрированы свободно. В ОАЭ нет валютных ограничений, поскольку резиденты и нерезиденты вправе иметь полностью конвертируемые офшорные или оншорные банковские счета в ОАЭ или за границей в национальной или иностранной валюте.

В зоне Европейского союза валютный контроль также практически отсутствует: был отменен в 1990 году в создание европейского валютного союза. Исключения составляют только директивы и законы, направленные на предотвращения финансирования терроризм,

размывания налоговой базы и иных противоправных действий.

В Аргентине в качестве меры избавления от офшор применялись жесткие меры валютного контроля, но их применение привело к усилению вывоза капитала. Компании-экспортеры теряли конкурентоспособность, а стихийно создавшийся «чёрный» валютный рынок начал процветать. Подобный опыт пережила и Венесуэла.

Можно подвести итог, что государственная монополизация на осуществление валютных операций не только неэффективна, но и негативна отражается на национальной экономике.

Анализ законодательных мер, принятых в России и в зарубежных странах, позволяет сделать вывод о том, что в настоящих условиях рыночной экономики нужно прорабатывать иные меры защиты капитала. Более того в контексте политики деофшоризации либеральное валютное законодательство показывает результаты лучше. Возникает вопрос — применим ли такой подход в России? Возможно, на первом этапе деофшоризации экономики не было иного варианта, так как доля российских компаний в офшорах была предельно велика, и сама структура выведения бизнеса в офшоры отличалась. Также в кризисное время многие страны с либерализованным валютным законодательством либо вводят валютный контроль, либо рассматривают его введение (например, ЕС в 2012 г.) потому как введение контроля в кризис сможет:

1. Восстановить равновесие платежного баланса.

Основной целью введения правил валютного контроля является корректировка равновесия платежного баланса. Платежный баланс нуждается в перестройке, когда он скатывается в сторону дефицита из-за увеличения импорта над экспортом. Следовательно, вводятся меры контроля для управления истощающимися валютными резервами путем ограничения импорта предметов первой необходимости и поощрения экспорта за счет девальвации валюты.

2. Защитить стоимость национальной валюты.

Контроль над торговлей иностранной валютой — это способ правительства управлять обменным курсом на желаемом уровне, который может быть завышенным или заниженным.

Правительство может создать фонд для защиты волатильности валюты, чтобы она оставалась в желаемом диапазоне, или зафиксировать ее на определенном уровне для достижения своих целей. Примером может служить

страна, зависящая от импорта, которая может предпочесть поддерживать завышенный обменный курс, чтобы удешевить импорт и обеспечить стабильность цен.

3. Предотвратить «бегство» капитала.

Правительство может наблюдать усиление тенденций оттока капитала, поскольку резиденты и нерезиденты начинают осуществлять усиленные переводы иностранной валюты из страны. Это может быть связано с изменениями экономической и политической политики в стране, такими как высокие налоги, низкие процентные ставки, повышенный политический риск, пандемии и так далее.

Правительство может прибегнуть к режиму валютного контроля, при котором вводятся ограничения на внешние платежи для смягчения оттока капитала.

В особых обстоятельствах валютный контроль может быть эффективным при условии, что уровень валютного контроля объективен и способствует национальным интересам, потому как видится, что в политике деофшоризации валютный контроль стал рудиментом и только останавливал процесс.

Настоящие валютные требования становятся еще большим бременем в условиях санкционной и контрсанкционной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Российская газета. 2001. № 256.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Российская газета. 2003. № 253.
4. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в части либерализации ограничений на совершение валютных операций резидентами с использованием счетов (вкладов), открытых в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и репатриации денежных средств» // Российская газета. 2019. № 273.
5. Бублик В.А. Валютное регулирование в России: настоящее и будущее // Российский юридический журнал. 2015. № 6.
6. Гидирим В.А. Принцип резидентства корпораций в международном налоговом праве // Международное право. 2013. № 1.
7. Жирикова В.О. Особенности применения законодательства в части валютного контроля валютных операций резидентов в Российской Федерации. Москва: ООО «Научный консультант». 2019.
8. Игнатьева С.В. Гражданско-правовые аспекты валютного регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1.
9. Капитонов Е.Ю., Андреев М.А., Лаврик Е.В., Школьник Е.В. Резиденты и нерезиденты как участники валютных отношений // Россия — 2035: наука и практика в фокусе инновационного развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары. 2020.
10. Королева Е.К. Правовой механизм валютного контроля: нормативно-правовое обеспечение // Инновации. Наука. Образование. 2022.
11. Ларионова А.А. Валютное регулирование и контроль в России // Вестник современных исследований. 2017. № 4–1.
12. Постникова А.М. Валютные правоотношения // Наука и Просвещение, Пенза. 2020.
13. Прошунин П.И. Анализ зарубежного опыта организации валютного контроля // Российский внешнеэкономический вестник. 2019.
14. Разомазова Г.И. Валютный контроль и валютное регулирование // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2016.
15. Свиридова А.И. Основные проблемы осуществления валютного контроля и пути их решения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5–3.
16. Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В., Левашенко А.Д. Актуальные проблемы валютного регулирования операций физических лиц в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 12.
17. Янатьев К.К. Тенденция развития валютного законодательства в начале нового десятилетия // Инновации. Наука. Образование. 2021.
18. Alessandro Nicita, Exchange rates, international trade and trade policies // UNCTAD. 2013.
19. U.S. Foreign Exchange Policy — Currency Provisions and Trade Deals // Электронный доступ URL: <https://www.csis.org/analysis/us-foreign-exchange-policy-currency-provisions-and-trade-deals> (дата обращения: 04.05.2022).
20. Country Commercial Guides Switzerland — Trade Financing // Электронный доступ URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/switzerland-trade-financing> (дата обращения: 04.05.2022).
21. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». 2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. Тверской районный суд // Электронный портал URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj> (дата обращения: 04.05.2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТЬИ 316 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TRANSFORMATION OF ARTICLE 316 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*M. Dvorzhitskaya
M. Kirikova*

Summary. This paper examines Article 316 of the Criminal Code of the Russian Federation “Concealment of crimes”, taking into account the changes made to it in 2022. A brief review of the transformation of Article 316 of the Criminal Code of the Russian Federation allowed us to identify some of its shortcomings, the elimination of which will increase the effectiveness of the criminal legal means of countering the previously promised concealment of a crime and strengthen its preventive potential.

Keywords: crime, regulation of touching a crime, forms of touching a crime, concealment of a crime, failure to report a crime, article 316 of the Criminal Code of the Russian Federation, minors.

Дворжицкая Марина Андреевна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург
dvorzhickaya91@mail.ru

Кирикова Марина Владимировна

Преподаватель, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Ленинградская область, Мурунское городское поселение, производственная зона «Мурино»
kmv1201@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе исследуется статья 316 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Укрывательство преступлений» с учетом внесенных в нее в 2022 году изменений. Краткий обзор трансформации статьи 316 УК РФ позволил обозначить некоторые ее недостатки, устранение которых позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия заранее не обещанному укрывательству преступления и усилит его предупредительный потенциал.

Ключевые слова: преступление, регламентация прикосновенности к преступлению, формы прикосновенности к преступлению, укрывательство преступления, несообщение о преступлении, статья 316 Уголовного кодекса Российской Федерации, несовершеннолетние.

Введение

В марте 2022 года статья 316 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [1] претерпела изменения. Напомним, что ранее эта статья состояла из одной части, в которой была предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. С учетом внесенных изменений исследуемая статья представлена двумя частями. В первой части предусмотрена ответственность за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатого возраста, во второй части установлен квалифицированный состав — заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. Изменения в статье 316 УК РФ вновь возобновили дискуссии о такой форме прикосновенности к преступлению, как укрывательство преступления, об основаниях ее криминализации и о технико-юридическом описании нормы об укрывательстве преступления.

Основная часть

Укрывательство преступления наряду с несообщением и попустительством преступлению являются формами прикосновенности к преступлению. Прикосновенность к преступлению, в свою очередь, представляет деятельность лица, которое не принимало участия в совершении основного преступления, но своим деянием затруднило его своевременное выявление, раскрытие и расследование. Укрывательство преступления является наиболее древней формой прикосновенности к преступлению, ответственность за него была предусмотрена еще в Русской Правде. Степень общественной опасности исследуемого преступления очевидна и учитывалась законодателем с давних пор.

Приведем практический пример. Так, К. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, он, являясь непосредственным очевидцем совершенного Ф. и И. преступления (п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ УК РФ), заранее не обещая

укрыть совершённые Ф. и И. особо тяжкие преступления, получил от Ф. похищенный в результате разбойного нападения орудие преступления — нож-бабочку, которым Ф. и И. наносили удары О., которые спрятал по месту своего жительства, спустя некоторое время вернулся совместно с Ф. на место совершения преступлений, перенёс труп О. в ванную комнату, после чего при помощи приисканных там же щётки, тряпки, ведра и чистящих средств замыл комнату потерпевшего от крови, собрал предметы, на которых остались следы преступлений в пакеты, а также документы убитого, тем самым сокрыл следы особо тяжких преступлений [2].

Трансформация статьи 316 УК РФ осуществлена в соответствии Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3]. Обращение к пояснительной записке к законопроекту позволяет утверждать, что идеи по изменению статьи 316 УК РФ обсуждались на законодательном уровне давно. Так, соответствующий законопроект был представлен в Государственную Думу еще в 2018 году. Основной целью законодательных изменений явилась необходимость модернизации действующих средств по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних [4].

Авторы законопроекта в обоснование своих предложений ссылались на статистические данные, которые свидетельствовали о значительном количестве несовершеннолетних, подвергшихся половым посягательствам, в частности в возрасте до 10 лет [4]. Такие преступления носят латентный характер и зачастую скрываются. В результате сексуального насилия над ребенком его здоровью, как правило, причиняется необратимый вред. Иначе говоря, поводом для установления уголовной ответственности за укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении малолетних, послужили повышенная степень их общественной опасности, распространенность, а также трудности в выявлении и раскрытии.

Преступления, совершаемые в отношении малолетних, достаточно латентные, совершаются на протяжении длительного времени, что приводит ребенка в подавленное психическое и физическое состояние. Раскрытие преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних, не достигших 14 лет, существенно затрудняется по ряду причин. Это связано как с отсутствием сексуального воспитания у лиц данной категории, непониманием в силу возрастных особенностей произошедшего, боязнью рассказывать о случившемся из-за чувства стыда, осуждения, боязни за родителей и т.д.

Данные преступления являются латентными в силу их специфики и возраста потерпевшего, при этом укрывательство таких преступлений и вовсе сводит шансы их выявления и раскрытия к нулю. Таким образом, криминализация заранее обещанного укрывательства тяжких преступлений в отношении малолетних произошла под эгидой общего усиления ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Однако включение данной нормы в Главу 31 УК РФ преследовало цель повышения уровня раскрытия и выявления данных преступных посягательств. Иными словами, основным объектом данного исследуемого преступления является интерес правосудия, а именно выявление, пресечение и раскрытие преступления, совершенного в отношении несовершеннолетнего.

Ранее в основу криминализации заранее не обещанного укрывательства был положен такой критерий, как категория преступления. Действующая редакция статьи 316 УК РФ свидетельствует о том, что в основу криминализации заранее не обещанного укрывательства положены не только категория преступлений, но и степень общественной опасности укрываемого преступления (совершенного в отношении малолетнего лица). Интересно, что в науке высказывались разные суждения по поводу круга преступлений, укрывательство которых уголовно наказуемо. Например, К.Н. Сережкина предлагала предусмотреть ответственность в части 2 ст. 316 УК РФ за укрывательство следующих преступлений: ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 126, ч. 2 или 3 ст. 205, ч. 3 ст. 206, ст. ст. 277, 278, 279, ч. 2 ст. 281 или ст. 317 УК РФ [5]. Кроме того, предлагалось дифференцировать ответственность за укрывательство преступлений небольшой и средней тяжести, а также лица его совершившего, а также преступлений тяжких и особо тяжких и лица его совершившего [6]. Интересное положение было высказано А.Д. Макаровым в части установления квалифицирующего признака «заранее не обещанного укрывательства — преступлений, совершенных с использованием малолетних либо невменяемых, а равно в отношении малолетних лиц ...» [7]. Данная позиция частично совпадает с содержанием внесенных в 2022 году изменений в статью 316 УК РФ.

Вместе с тем другая форма прикосновенности к преступлению — несообщение о преступлении находится в Главе 24 УК РФ, ответственность за него наступает лишь при несообщении о перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ преступлениях террористического характера. Укрывательство преступления и несообщение о преступлении являются формами прикосновенности к преступлению, они посягают, прежде всего, на интересы правосудия. Представляется, что законодателю необходимо выработать системный подход к оценке прикосновенности к преступлению и учитывать, что

основным непосредственным объектом прикосновенности к преступлению выступают интересы правосудия в части нормальной деятельности правоохранительных органов и суда по раскрытию, расследованию преступлений, привлечению к уголовной ответственности виновных. В этой связи предлагается норму о несообщении о преступлении переместить в Главу 31 «Преступления против правосудия». Иначе говоря, необходимо выработать системный подход к расположению норм о прикосновенности к преступлению.

Заметим, что авторами закона, исходя из текста стенограммы к законопроекту, вышеуказанные формы прикосновенности к преступлению и вовсе смешивались. Так, исходя из стенограммы обсуждения законопроекта, его авторы указывают на то, что «ребенок не рассказывает о насилии, которое совершается в его отношении близким человеком, важно узнавать об этих преступлениях, зачастую об этих преступлениях знают, но предпочитают умалчивать, способствуя продолжению этого преступления, приводится пример, когда несколько лет «родитель» насильничал своих дочерей и об этом никому не сообщалось... В семье, где совершается насилие, второй родитель, как правило, знает, что совершается такое преступление, но, к сожалению, молчаливо смотрит на эту ситуацию, бездействует» [4]. Иными словами, авторы, обсуждая укрывательство преступления, приводят пример несообщения о преступлении. В указанной ситуации супруг или близкий родственник и вовсе не будет подлежать уголовной ответственности в силу примечания к ст. 316 УК РФ. Часть 1 ст. 316 УК РФ будет действовать, например, в той ситуации, когда после развода мать малолетнего ребенка живет с сожителем, который совершает преступление в отношении падчерицы, дочери своей сожительницы, и, даже зная об этом, мать не просто промолчит, а предпримет активные меры по сокрытию этого преступления. В данном случае мать будет подлежать ответственности за укрывательство преступления. Таким образом, законопроектом предлагалось усилить ответственность как сожителя, так и матери, для того чтобы эти преступления не укрывались, а виновные понесли заслуженное наказание.

Содержание закона, в соответствии с которым появилась часть 1 статьи 316 УК РФ, а также пояснительной записки к нему указывает на то, что цель его принятия заключалась в целом в усилении борьбы с преступлениями именно против половой неприкосновенности несовершеннолетних (Глава 18 УК РФ). Однако соответствует ли данная идея тому, что фактически прописано в ч. 1 ст. 316 УК РФ? Возникает вопрос, что же подпадает под преступление, совершенное в отношении несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. На основании ч. 1 ст. 316 УК РФ можно сделать

вывод, что лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста, также является несовершеннолетним. Кроме того, в УК РФ указывается на преступления, совершенные в отношении малолетнего лица, содержание которого не раскрывается (например, п. «з» ч. 1 ст. 63, п. «в» ч. 1 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ). Понятие малолетнего ребенка раскрывается в п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ и им является лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста. В этой связи понятия несовершеннолетний, не достигший четырнадцатилетнего возраста и малолетний являются тождественными, в связи с чем было бы логичным применять в положениях УК РФ какой-либо один из этих терминов.

Внесенные изменения в ч. 1 ст. 316 УК РФ были направлены на защиту лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, от преступлений против половой неприкосновенности, и от укрывательства этих преступных посягательств. Однако в ч. 1 ст. 316 УК РФ указано на более широкий круг тяжких преступлений, посягающих не только на половую неприкосновенность несовершеннолетнего. Так, на первый взгляд, к этому перечню можно отнести 1) любое преступление, где потерпевшим является малолетний (например, открытое хищение телефона у малолетнего, квалифицируемое по ч. 2 ст. 161 УК РФ); 2) преступное деяние, при котором малолетний возраст потерпевшего выступает квалифицирующим признаком (развратные действия в отношении малолетнего лица, квалифицируемое по ч. 2 ст. 135 УК РФ); 3) преступление, в котором несовершеннолетие потерпевшего является криминообразующим признаком, то есть совершение этого преступления в отношении взрослых не является противоправным (ст. 150 УК РФ).

Среди ученых также нет единого мнения, что включают в себя преступления в отношении несовершеннолетних. Так, А.Ю. Альбеева не разделяет преступления совершенные против несовершеннолетних и в отношении них. Данный автор относит к ним преступные посягательства против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, семьи и несовершеннолетних, против собственности и преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [8]. Ю.Е. Пудовочкин указывает на то, что во всяком преступлении против несовершеннолетнего он выступает в качестве потерпевшего, но не всякое преступление, где потерпевшим выступает несовершеннолетний, является преступлением собственно против него. Автор относит к преступлениям против несовершеннолетних преступные посягательства, предусмотренные в Главе 20 УК РФ, а также ст. ст. 134, 135 и 242.1 УК РФ, которые также должны быть перенесены в Главу 20 УК РФ [9]. О.В. Кивель не разделяет

понятия преступлений в отношении несовершеннолетних и против несовершеннолетних, объединяя их понятием противопродростковой преступности [10]. Автор указывает на то, что национальными и международными нормативными правовыми актами определены основные права несовершеннолетнего (личные, социально-экономические, политические права), каждое из которых становится объектом уголовно-правовой защиты и подпадает под следующие нормы: ст.ст. 150–157, а также иные статьи, в которых, на момент проведения исследования, несовершеннолетие или малолетие потерпевшего выступали в качестве квалифицирующих признаков (ст. ст. 131, 132, 134, 135; 105, 111, 112, 117; 126, 127, 127.1, 127.2; 230; 241; 242.1 УК РФ) [10]. Аккумулируя сказанное, согласны с тем, что преступления, в которых несовершеннолетний выступает потерпевшим, шире по значению, чем преступление против несовершеннолетнего, и не ограничиваются преступлениями, предусмотренными Главой 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Однако с учетом конструкции норм в действующем УК РФ, к преступлениям в отношении несовершеннолетних следует относить составы, в которых несовершеннолетний или малолетний возраст потерпевшего от преступления выступает либо криминообразующим либо квалифицирующим признаком.

За рамками данного понятия остаются преступления, в которых прямо не указано на несовершеннолетие или малолетие потерпевшего. При этом малолетний возраст в данном случае является условием для индивидуализации наказания. Конструирование ряда норм с учетом виктимологических свойств несовершеннолетнего потерпевшего свидетельствует о том, что этот фактор позволяет беспрепятственно совершить это преступление в отношении потерпевшего в силу его физических и психологических возрастных особенностей и усиливает криминальную целеустремленность лица, совершающего преступление. Эти преступления причиняют психическую травму малолетнему, обусловленную возрастными особенностями и неустойчивостью психики, что в дальнейшем стимулирует процесс перерастания жертвы в преступника, в этой связи предусмотрены законодателем в качестве криминообразующих или квалифицирующих признаков.

Таким образом, к тяжким преступлениям, в которых возраст потерпевшего отнесен к криминообразующим или квалифицирующим признакам (малолетний, несовершеннолетний, несовершеннолетний, не достигший четырнадцатилетнего возраста) относятся следующие преступления: п. «б» ч. 2 ст. 111; п. «г» ч. 2 ст. 117; ч. 3 ст. 122; п. «б» ч. 2 ст. 127.1; ч. 3 ст. 134 ч. 2 ст. 135; ч. 2, 3, 4 ст. 150; ч. 3 ст. 151; ч. 3 ст. 240; ч. 3 ст. 241; п. «а»

ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. В этой связи представляется, что ответственность по ч. 1 ст. 316 УК РФ наступает за заранее не обещанное укрывательство преступлений, предусмотренных данными статьями. Таким образом, смысл, выраженный в содержании Федерального закона, в соответствии с которым введена ч. 1 ст. 316 УК РФ, связанный с усилением ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не соответствует указанному в диспозиции перечню преступлений, поскольку включает не только преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В этой связи законодателю следовало бы конкретизировать перечень преступлений, за укрывательство которых наступает уголовная ответственность по ч. 1 ст. 316 УК РФ.

Кроме того, законодателем не учтены предложения по совершенствованию нормы, высказанные еще по поводу ранее действовавшей редакции статьи 316 УК РФ. Например, вопреки мнению юристов, речь в диспозиции ст. 316 УК РФ идет об укрывательстве преступлений в отношении несовершеннолетних во множественном числе, то есть укрыть необходимо два и более преступления в отношении двух и более несовершеннолетних. Правоприменителю необходимо путем ограничительного толкования уголовного закона определять смысл данной нормы, что исследуемое преступление является окончательным при совершении однократного факта укрывательства преступления в отношении одного малолетнего лица. Укрывательство лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено, подлежат квалификации по совокупности преступлений. В этой связи для устранения терминологической неточности относительно численности укрываемых преступлений и количества несовершеннолетних полагаем использовать в единственном числе термин «преступление» основного и квалифицированного состава преступления, а также термин «несовершеннолетний» основного состава преступления. Укрывательство же нескольких преступлений в отношении несовершеннолетних, обладает повышенной степенью общественной опасности и требует введения соответствующего квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 316 УК РФ.

Заключение

Укрывательство преступления является наиболее древней формой и общественно опасной формой прикосновенности к преступлению. Поводом для установления уголовной ответственности за укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении малолетних, послужили повышенная степень их общественной опасности, распространенность, а также трудности в выявлении и раскрытии. Малолетие по-

терпевшего позволяет беспрепятственно совершить преступление в отношении него в силу его физических и психологических возрастных особенностей и усиливает криминальную целеустремленность лица, совершающего преступление.

Таким образом, проведенный в рамках настоящей статьи краткий обзор трансформации статьи 316 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступления, позволил обозначить некоторые недостатки. Их устранение позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия заранее не обещанному укрывательству преступления и усилить его предупредительный потенциал. Прежде всего, законодателю

необходимо: выработать системный подход к оценке прикосновенности к преступлению и ее форм; конкретизировать перечень преступлений, за укрывательство которых наступает уголовная ответственность по ч. 1 ст. 316 УК РФ; в целях устранения терминологической неточности относительно численности укрываемых преступлений и количества несовершеннолетних использовать в единственном числе термин «преступление» основного и квалифицированного состава преступления, а также термин «несовершеннолетний» основного состава преступления; укрывательство нескольких преступлений в отношении несовершеннолетних ввиду повышенной степени его общественной опасности предусмотреть в качестве квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 316 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности № 1–735/2022 [Электронный ресурс] // ГАС Правосудие. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 05.11.2022).
3. Проект Федерального закона 388776–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» <http://mobileonline.garant.ru/document?id=71834436&sub=0> [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.11.2022).
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона 388776–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.11.2022).
5. Сержкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Самара, 2009. — 221 с.
6. Очердько В.Н. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Краснодар, 2020. — 234 с.
7. Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2004. — 176 с.
8. Альбеева А.Ю. Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: современное состояние // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-soveremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2005. — 364 с.
10. Кивель О.В. Криминологическое обеспечение защиты прав несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2012. — 200 с.

© Дворжицкая Марина Андреевна (dvorzhickaya91@mail.ru), Кирикова Марина Владимировна (kmv1201@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СПОР КАК СПОР О ПРАВЕ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Жуйкова Анна Александровна

Старший преподаватель, Институт права
и национальной безопасности «Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина», г. Тамбов

INTELLECTUAL DISPUTE AS A DISPUTE ABOUT LAW: APPROACHES TO UNDERSTANDING

A. Zhuykova

Summary. The dispute about the law is a key concept of the field of procedural science, which borders on substantive legal structures. The analysis of existing concepts shows that the optimal approach is the one in which the understanding of the dispute about the law as a legal structure formed by legal facts on violation, challenging subjective rights, making demands for proper behavior, non-fulfillment of the presented requirements is proposed. The article substantiates the need to use this approach to understanding the legal structure under study. Thus, through the dogmatic method, the existing ways of understanding it are analyzed. Using logical and comparative legal methods, the characteristics of existing types of intellectual disputes are given, which in turn allowed us to conclude that there is a specified sequence of legal facts in their construction, as well as those elements that participate in legal regulation. As a consequence, the dependence of the design on the object of intellectual rights has been established and at the same time — dependence on intellectual rights, acting in general in the field of legal regulation of these objects. The understanding of intellectual dispute as a legal structure is proposed, and the main recommendations to the law enforcement officer in this regard are outlined.

Keywords: intellectual dispute is the concept, types, construction of a dispute as a dispute about law.

Аннотация. Спор о праве — ключевое понятие той области процессуальной науки, которая граничит с материально-правовыми конструкциями. Анализ существующих концепций показывает, что оптимален тот подход, в рамках которого предложено понимание спора о праве как юридического состава, образованного юридическими фактами по нарушению, оспариванию субъективных прав, предъявлению требований о надлежащем поведении, неисполнению предъявленных требований. В статье обосновывается необходимость использования данного подхода к пониманию исследуемой правовой конструкции. Так, посредством догматического метода проанализированы существующие способы ее понимания. Используя логический и сравнительно-правовой методы, даны характеристики существующих видов интеллектуальных споров, что позволило сделать, в свою очередь, вывод о наличии в их конструкции указанной последовательности юридических фактов, а также — тех элементов, которые участвуют в правовом регулировании. Как следствие, — установлена зависимость в конструкции от объекта интеллектуальных прав и одновременно — зависимость от интеллектуальных прав, действующих в целом в области правового регулирования данных объектов. Предложено понимание интеллектуального спора как правовой конструкции, а также изложены основные рекомендации правоприменителю в этой связи.

Ключевые слова: интеллектуальный спор — понятие, виды, структура.

Правовая конструкция «спор о праве» в современном понимании преодолела относительно продолжительный период ее формирования. В целом, мысль получает развитие от субъективного понимания сторонами прав и обязанностей в направлении — объективного состояния права, требующего принудительной защиты [10, с. 98]. Первые попытки к определению спора в правовом пространстве предприняты еще дореволюционными исследователями, и в рамках данного периода решалась задача определить то существенное, что отличает всякое противоречие от спора о праве [9, с. 3–4]. Одним из выводов на данном этапе, на наш взгляд, следует считать суждение, изложенное известным правоведом дореволюционной России В.Л. Исаченко, согласно которому спор о праве имеет место именно в случае, когда «лицо, оспаривая право другого, присваивает его себе»,

но не во всех прочих ситуациях — простого разногласия [8, с. 1–2].

Несмотря на то, что разность подходов к пониманию сохранилась до настоящего времени, объективный признак спора — это наличие противоречия, несогласия участников спора [7, с. 43].

Полагаем оправданным вектор, заданный научным сообществом, в сторону фундаментального понимания рассматриваемой категории, имеющей значение и для теории права, и для теории процессуальной науки. Указанный подход следует считать максимально отвечающим целям разрешения спора через призму понимания его видового разнообразия и структуры в целом [5, с. 4–6]. Учитывая, что отдельные виды правовых споров наследуют общие признаки, свойственные всем видам

споров о праве в целом, укажем и охарактеризуем таковые.

Итак, юридическая литература содержит следующие основные подходы к пониманию исследуемой категории в качестве: охранительного правоотношения, правонарушения и препятствия, помехи в осуществлении права, процессуального средства защиты и в качестве фактического состава, или юридического состава, образованного юридическими фактами.

Советский период второй половины XX века характеризуются преобладанием во взглядах процессуального контекста спора о праве, понимания его в качестве правонарушения, и, учитывая, что подобные позиции в разной степени поддерживаются научной средой [9, с. 30–36], тем не менее именно данный период является временем продуктивного поиска оптимального понимания его правовой природы.

Например, в рамках подхода к понятию спора о праве в качестве правонарушения советский правовед М.А. Гурвич указывает на соотношение спора о праве с предпосылками на возникновение права на обращение в суд. Так, профессор в фундаментальной работе «Право на иск» впервые в 1949 г. обосновал наличие особых юридических фактов, с которыми связано право на предъявление иска [6, с. 53, 69]. Так, в работе получила развитие идея о невозможности установить наличие спора о праве до той определенности, которую вносит суд принятием решения, подтверждая, по сути, право.

Понимание спора о праве в качестве охранительного правоотношения также получило распространение в научной среде. При этом указанный контекст обобщает все предшествующие попытки сформулировать данную конструкцию именно с позиции процессуальной природы.

Максимально адекватным сути интеллектуальной деятельности считаем подход, в рамках которого спор о праве является определенной совокупной последовательностью юридических фактов. Данные факты имеют место, когда: одно лицо (нарушитель) нарушает или оспаривает субъективные права другого лица (субъекта защиты); субъект защиты предъявляет требования к нарушителю о соответствующем поведении; нарушитель не исполняет требований субъекта защиты [10, с. 98].

Итак, интеллектуальный спор (далее — ИС) — юридический состав, образованный: 1) фактами нарушения субъективных прав одного лица — другим; 2) предъявления требований к нарушителю о надлежащем пове-

дении; 3) невыполнения предъявленных требований нарушителем.

Предложенный подход к пониманию правовой конструкции «интеллектуальный спор» показывает, насколько велико разнообразие ИС, так как, прежде всего, он отражает зависимость от видов интеллектуальных прав, регулирующих то или иное материальное правоотношение между указанными лицами (нарушителем и субъектом защиты), и, следовательно, от числа объектов интеллектуальной собственности, по поводу которых возникло материальное правоотношение.

Научным сообществом систематически проводятся исследования видов ИС. Так, заслуживает внимания ряд работ в области анализа авторских споров [4, с. 116–158], защиты патентных прав [12, с. 17] и прав на доменное имя (материально-правовой аспект) [13], и авторами предложено понимание исследуемого ими вида ИС как спора, возникшего относительно тех или иных объектов интеллектуальной собственности. Так, обобщающим существующие определения авторского спора является суждение: авторский спор — это спор в области регулирования прав на объекты авторского права.

Отметим, что в этой связи следует считать оригинальным подход к пониманию сути категорий авторских споров, который использовал в своей работе Е.Я. Баскаков «Особенности рассмотрения и разрешения авторских споров»: автором проведены различия в зависимости от видов интеллектуальных прав в отношении объектов авторского права. Так, ученым выделены споры о нарушении исключительных прав, личных неимущественных прав, договорных обязательств [4, с. 117–149]. Безусловно, предпринятое различие не является исчерпывающим, однако, стоит отметить ценность изложенной позиции автора, фокусирующей внимание на принципиально различной правовой природе прав автора. Важно, что подобный подход к пониманию видов ИС позволяет решить вопрос: в отношении каких именно объектов интеллектуальной собственности лицу принадлежат авторские права. При этом лицу может быть предоставлен тот объем прав, который соответствует определенным объектам интеллектуальной собственности.

Таким образом, последовательность «объект — интеллектуальные права на объект — ИС» уже заложена законодателем и выражается в следующем. Объектам авторского права (статья 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], далее — ГК РФ) соответствуют авторские права, или интеллектуальные права на произведения науки, литературы, искусства. К ним, в свою очередь, законодатель относит личные не-

мущественные права, исключительные права, право на неприкосновенность, обнародования произведения, а также, в определенных законом случаях, — право на отзыв, право следования, право доступа к произведениям изобразительного искусства, право на вознаграждение за служебное произведение (статья 1255 ГК РФ).

Анализируя перечень объектов патентного права и перечень интеллектуальных прав на данные объекты (статьи 1345, 1349 ГК РФ), отмечаем, что объем интеллектуальных прав, по сути, тот же (право авторства, исключительные права), но законодателем закреплены те специфические права, отражающие особую природу данного вида объектов интеллектуальной собственности.

Так, законодатель закрепляет право на получение патента, право на вознаграждение, и данный комплекс не будет принадлежать объективно автору объектов авторского права, и наоборот. Более того, положения статьи 1406 ГК РФ (закреплен перечень споров по защите патентных прав) позволяют констатировать, что право преждепользования (статья 1361 ГК РФ), не относящееся ни к автору, ни к правообладателю, но зафиксированное законом в отношении прочих, других лиц в ситуации решения вопроса о приоритете спорного объекта, отражает исключительные правовые ситуации в данной сфере, подтверждает, что данный вид ИС (патентные споры) выражают собой разногласия, возникающие в данной области регулирования, не замкнуты на одном конкретном объекте прав.

Исследование данной проблемы было бы не полным, если не охарактеризовать доменные споры, или споры в сфере доменных имен, получающие распространение в прямой зависимости от масштаба, характера, объемов использования сети Интернет.

Очевидно, что, в принципе не являясь объектом интеллектуальной собственности, но, тем не менее, являясь объектом гражданских прав, доменное имя [11], порядок, условия его использования, правоотношения в области администрирования доменных имен в целом — порождают споры в этой области.

С одной стороны, правоприменителем внесена ясность относительно того, что понимать под доменным спором. Так, в Справке по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров (утверждена Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4), указано, что данный вид споров — это споры по использованию доменных имен, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками, иными средствами

индивидуализации [2]. С другой стороны, в данном направлении предложено понимание доменного спора, закрепленное в Положении Координационного центра национального домена сети Интернет «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах» (утверждено решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 20.09.2012 № 2012–07/47 в ред. решения № 2019–05/31 от 17.12.2019) (далее — Положение). Так, Положение, указывая сферу регулирования, закрепляет в пункте 1.1, что к ней отнесены «отношения при возникновении споров, связанных с нарушением прав правообладателя товарного знака (знака обслуживания) при регистрации и использовании доменных имен второго уровня в доменах.RU и.РФ администраторами доменных имен» [3]. Иными словами, несмотря на то, что авторы, сузив сферу регулирования материального правоотношения (регистрацию доменных имен) до категории второго уровня, тем не менее, предельно корректно определили все необходимые юридические факты, объединенные в юридический состав. В этой связи состав образован ключевыми элементами: 1) нарушитель (администратор доменных имен); субъект защиты (правообладатель, осуществляющий права в отношении объекта интеллектуальной собственности); 3) отношения, связанные с регистрацией и использованием доменных имен.

Учитывая изложенное, полагаем, что сформулированные к настоящему времени определения доменного спора — в совокупности дополняют друг друга, вносят определенность, что в российском правовом пространстве необходимо понимать под данной конструкцией.

Однако в процессе правоприменения понимание доменного спора расширилось, и, таким образом, к этой категории споров отнесены и копирование дизайна сайта без разрешения правообладателя, вопросы блокировки сайтов с зафиксированными на них нарушениями авторских прав [13]. Следовательно, споры в отношении доменного имени представляют собой ИС, в которых указание на доменное имя есть способ определить то особое пространство, в котором имеет место факт нарушения интеллектуальных прав, что, в свою очередь, не исключает ранее предложенного подхода к пониманию конструкции ИС как юридического состава.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Особенность сферы регулирования правоотношений в области интеллектуальных прав выражается, в том числе, посредством нарушений интеллектуаль-

ных прав, многообразии которых сложилось к настоящему времени. Данное обстоятельство продиктовано характером интеллектуальной деятельности, продуктами, создаваемыми в ней, характером противоречий, свойственным данной сфере, а также средствами разрешения таких противоречий, или споров.

Внутренние взаимосвязи, существующие при нарушении, оспаривании интеллектуальных прав, таковы, что из всех существующих концепций спора о праве максимально отражающей правовую природу ИС является та, что предлагает понимать спор о праве как совокупность юридических фактов, возникающих в определенной последовательности и состоящих из трех ключевых фактов: нарушения субъективных прав, требования защиты, неисполнения предъявленных требований.

Видовое многообразие ИС — иллюстрация и выражение сложной правовой природы ИС. С одной стороны, количество ИС находятся в определенной зависимости от того, интеллектуальные права в отношении какого именно объекта прав нарушены, и сам комплекс прав, свойственный тому или иному объекту интеллек-

туальных прав, — всегда индивидуален. Но с другой стороны, на примере приведенных подходов к пониманию патентных, доменных споров возможно сделать вывод о включении в данное понятие фактов нарушения действующих в определенной области интеллектуальных прав, напрямую не относящихся к правообладателю, но действующих в данной области регулирования, а также фактов нарушения интеллектуальных прав в отношении объектов гражданских прав в целом, не отнесенных к числу объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, интеллектуальный спор — спор о праве, представленный сложным юридическим составом ряда юридических фактов в области нарушения, оспаривания интеллектуальных прав. Правоприменитель располагает всеми возможностями использовать выводы процессуалистов относительно конструкции интеллектуального спора, что, в свою очередь, позволит внести предельную ясность в понимание механизма нарушения, а, следовательно, и в выбор адекватных способов защиты нарушенного (оспариваемого) интеллектуального права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ// «Российская газета», № 289, 22.12.2006;
2. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП-21/4 «Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров». URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/the-questions-that-arise-when-considering-domain-disputes> (дата обращения 11.11.2022);
3. Положение Координационного центра национального домена сети Интернет «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах» (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 20.09.2012 № 2012-07/47 в ред. решения № 2019-05/31 от 17.12.2019). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader/ URL: <https://cctld.ru/files/pdf/docs/litigations.pdf> (дата обращения: 11.11.2022);
4. Баскаков, Е.Я. Особенности рассмотрения и разрешения авторских споров: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.15/ Е.Я. Баскаков. — М., 2004. — 166 с.;
5. Губайдуллина, Э.Х. Спор о праве: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.01/ Э.Х. Губайдуллина. — Самара, 2017. — 259 с.;
6. Гурвич М.А. Право на иск/ Гурвич М.А.; отв. ред.: Клейнман А.Ф. — М., Л.: Изд.-во АН СССР, 1949. — 216 с. — Текст непосредственный;
7. Зеленцов, А.Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... док.юрид.наук: 12.00.01, 12.00.14/ А.Б. Зеленцов. — М., 2005. — 435 с.;
8. Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство: практическое руководство для студентов и начинающих юристов. Т. 1: Судопроизводство исковое / В.Л. Исаченко. — Минск: Паровая типо-литогр. Б.И. Соломонова, 1901. — 304 с. — Текст непосредственный;
9. Ненашев, М.М. Спор о праве и его место в гражданском процессе: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.15/ М.М. Ненашев. — Саратов, 2011. — 197 с.;
10. Рожкова, М.А. Понятие спора о праве в гражданском процессе/ М.А. Рожкова// Журнал российского права. — 2005. — № 4. — С. 98–102. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader/ URL: <https://rozhkova.com/pdf/sporoprave-2005.pdf> (дата обращения: 11.11.2022);
11. Рожкова М.А. Доменное имя — это объект гражданских прав? / Is a domain name an object of civil rights? [Электронный ресурс]// Закон.ру. 2021. 1 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/01/domennoe_imya_eto_obekt_grazhdanskih_prav<...> (дата обращения 11.11.2022);
12. Садыков, Р.М. Гражданско-правовая защита патентных прав в Российской Федерации: автореф.дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.03/ Р.М. Садыков. — Казань, 2021. — 25 с.;
13. Сазонова М. Доменные споры: актуальные тенденции. URL: <https://www.garant.ru/article/1443508/> (дата обращения 11.11.2022).

© Жуйкова Анна Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Кесаева Инга Робертовна

Адвокат, Коллегия адвокатов «Право»

i.kesayeva@list.ru

CRIMINAL SUICIDE: CONCEPT, SIGNS, CHARACTERISTIC FEATURES AND CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

I. Kesaeva

Summary. Human life is the highest value in a civilized society, this explains the purpose of all institutions of modern society, which is expressed in creating conditions for its preservation.

The subject of the study are: legal essence, current state, development trends, characteristic patterns, signs inherent in crimes related to acts of suicide, as well as a system for preventing such crimes based on domestic and foreign experience.

The purpose of the study is to obtain new information about the concept of criminal suicide, its legal nature, current state, trends, as well as to develop recommendations for the prevention of crimes related to acts of suicide.

The methodological basis of the research consists of methods of analysis, analogy, logical deduction and induction, a systematic approach, a structural and functional method, historical-legal, comparative-legal, formal-legal, statistical, survey method, etc.

The scientific novelty lies in the fact that the article examines the criminal-legal and criminological problems of preventing criminal suicide, taking into account current trends and on the basis of experience in combating this phenomenon.

The article reveals the essence of the concept of "criminal suicide", gives the author's definition of the term. The author analyzes the elements of crimes provided for in Articles 110–1102 of the Criminal Code of the Russian Federation, names a number of criminal law problems related to countering criminal suicide that deserve special attention, and also suggests ways to solve them.

Keywords: criminal suicide, suicidal terrorism, criminal cybersuicide, suicide, cyberbullicide, cyberbullying.

Аннотация. Человеческая жизнь является высшей ценностью в цивилизованном обществе, это объясняет цель всех институтов современного общества, которая выражается в создании условий для ее сохранения.

Предметом исследования являются: правовая сущность, современное состояние, тенденции развития, характерные закономерности, признаки, присущие преступлениям, связанными с актами суицида, а также система предупреждения такого рода преступлений, основанная на отечественном и зарубежном опыте.

Цель исследования заключается в получении новых сведений о понятии криминального суицида, его правовой природе, современном состоянии, тенденциях, а также в выработке рекомендаций по предупреждению преступлений, связанных с актами суицида.

Методологическую базу исследования составляют методы анализа, аналогии, логической дедукции и индукции, системный подход, структурно-функциональный метод, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, метод опроса и т.д.

Научная новизна заключается в том, что статья рассматривает уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминального суицида с учётом современных тенденций и на основе имеющего опыта в борьбе с данным явлением.

В статье раскрывается сущность понятия «криминальный суицид», дается авторское определение указанного термина. Автор анализирует составы преступлений, предусмотренные ст. ст. 110–1102 УК РФ, называет ряд уголовно-правовых проблем, касающихся противодействия криминальному суициду, которые заслуживают особого внимания, а также предлагает пути их решения.

Ключевые слова: криминальный суицид, суицидальный терроризм, криминальный киберсуицид, суицидент, кибербуллицид, кибербуллинг.

Юридическая практика свидетельствует о том, что любое противоправное деяние, имеющее в качестве объекта человеческую жизнь или здоровье обладает правовые критерии оценки, а также влечет соответствующую юридическую ответственность.

Следует отметить, что от привычного уголовно-правового понимания данного посягательства, резко отличается деяние, которые не содержит в себе вины, а носит исключительно поведенческий аспект — это самоубийство (суицид).

Суицид представляет собой не менее глобальную угрозу обществу, чем всякое преступное посягательство на человеческую жизнь, которое является следствием внешнего воздействия.

По официальным данным Всемирной Организации Здравоохранения, каждая сотая смерть в мире является результатом самоубийства[1].

Как сообщается в докладе уполномоченного по правам ребенка Марии Львовой-Беловой за 2021 год, «за последние три года увеличилась детская и подростковая смертность. Данный показатель составил 13%, с 3253 до 3675 случаев. Еще более серьезная динамика связана с повторными попытками суицида, их число увеличилось на 92,5%» [2].

Согласно общемировой статистике наша страна занимает шестое место в мире по количеству совершенных самоубийств.

С учетом высоких показателей именно подросткового суицида, а также по причине зависимости этого явления от вопросов социальной адаптации, психологической зрелости и устойчивости подростков и детей, становления личности, необходимо дать самостоятельную уголовно-правовую и криминологическую оценку данного явления.

Специалисты все чаще называет самоубийство явлением, имеющим социальную природу.

Ранее рассмотрение данного явления находилось в основном в медицинской, психологической или философской плоскости.

Однако ввиду распространения новых способов вовлечения молодых людей в во всевозможные группы, суицидальной направленности, высокой пропаганды самоубийства в различных социальных, данное явление вышло за рамки привычной плоскости, рождая интерес у специалистов в области криминологии и уголовного права.

Более того, наметившаяся тенденция развития суицида, как общественно опасного явления, диктует необходимость разработки эффективных мер уголовно-правового характера по противодействию и предупреждению криминального суицида[3;185].

Отметим, что в 2021 г. Роскомнадзором было проверено свыше 22 800 ссылок в сети Интернет на предмет пропаганды суицида, что в 4,75 раза больше, чем в 2020 г. (4800)[4].

С уголовно — правовой точки зрения интерес представляют те случаи, когда совершение самоубийства вызвано не волей лица его совершившего, а действиями третьих лиц, оказавших внешнее воздействие на суицидента. Данное явление получило название криминальный суицид. Основными причинами его совершения можно считать психическое, физическое или информационное воздействие на личность суицидента, вызвавшие негативные последствия, в том числе и осознаваемые суицидентом.

В современной науке различают следующие подвиды криминального самоубийства (суицида):

- ◆ криминальное воздействие на определенную личность путем доведения ее до самоубийства или содействия суициду;
- ◆ криминальный киберсуицид (групповое информационное воздействие деструктивного характера на членов определённого неформального сообщества или неопределённый круг лиц с целью побуждения их к индивидуальным или коллективным актам самоубийств, в том числе с использованием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей);
- ◆ суицидальный терроризм (деятельность террористов –смертников, контролируемая организаторами и исполнителями терактов).

Данные подвиды имеют существенные различия в вопросах их осуществления, ввиду чего требуется применение различных превентивных мер.

В контексте дифференциации признаков криминального суицида, необходимо выделить информационное воздействие на суицидента. Несмотря на то, что информационное воздействие направлено на психику человека, оно все же может являться самостоятельным признаком.

Рассмотрим характеристики каждого подвида:

1. Первый вариант подразумевает прямое и непосредственное воздействие на конкретную личность;

2. Во втором случае речь идет об информационном воздействии.

Безусловно, несмотря на различия в способах осуществления двух других видов воздействия, все же они имеют ряд схожих черт и могут сопровождаться информационным воздействием.

Анализ существенных признаков указанных подвидов дает возможность криминологам и правоведам выработать меры превентивного воздействия для осуществления профилактики рассматриваемого явления.

Проведенное исследование позволяет говорить о следующих характерных признаках, присущих криминальному суициду:

- ◆ осознанное желание покончить жизнь самоубийством, при котором суицидент представлял последствия, которые повлекут за собой его действия;
- ◆ попытка покончить жизнь самоубийством;
- ◆ у суицидента была возможность выбора совершить самоубийство или отказаться от него;
- ◆ попытка суицида была вызвана внешним психологическим воздействием.

Исходя из представленных выше суждений, следует выделить основания для возникновения уголовных правоотношений (юридические факты) касаясь криминального суицида:

1. общественно опасное действие одного лица, направленное на возбуждение у другого решимости совершить суицидальный акт;
2. сознательный и волевой поступок лица, выраженный в самоубийстве либо попытке его совершения по причине оказанного на него давления.

Важным моментом для привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства, склонение к самоубийству и содействие его совершению является наличие обоих вышеназванных юридических фактов.

Обострение суицидальной ситуации в нашей стране привело к изменению и дополнению УК РФ по вопросу криминального суицида, в частности, были внесены изменения в ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», а также добавлены новые составы преступлений: ст. 1101 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 1102 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Одной из причин сравнительно небольшого количества обвинительных приговоров по ст. 110 УК РФ

(в 2017 г.— 26) на фоне возросшего количества регистрируемых преступлений (308), а также зарегистрированных преступлений по ст. 1101 УК РФ (22), ст. 1102 УК РФ (3) является несовершенство норм действующего уголовного законодательства и в связи с этим определенные трудности, возникающие при квалификации деяний.

Говоря о сравнительно-правовой характеристике составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 1101 и 1102 УК РФ, отметим их отличительные особенности и схожие черты. Так, указанные составы преступлений схожи:

1. по объекту посягательства, которым выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией человеком права на жизнь как самого ценного социального блага;
2. по субъекту преступления — физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста;
3. по объективной стороне — все действия во всех составах направлены на один и тот же конечный результат — совершение потерпевшим самоубийства.

Главной отличительной чертой выступает субъективная сторона. Так, ст. ст. 1101 и 1102 УК РФ характеризуются прямым умыслом. Данное мнение в научном обществе едино, чего нельзя сказать о ст. 110 УК РФ.

По нашему мнению, доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой вины, потому что, если отказаться от приведенного понимания, проблема суицида в нашей стране станет острее и еще больше количество лиц сможет избежать ответственности за содеянное. Отдельно стоит остановиться на жертве криминального суицида, которой может быть далеко не каждый.

Суицидент должен сохранять объективную возможность руководить своими действиями, что уже было отмечено ранее. Ряд исследователей утверждают: потерпевший должен обладать осознанием смерти, поскольку именно это является свидетельством его значительной социальной зрелости[5;78].

Объективной стороне криминального суицида присущи как схожие, так и отличительные признаки. Остается актуальным вопрос уголовно-правовой оценки объективной стороны доведения до самоубийства. Некоторые исследователи полагают, что ввиду того, что рассматриваемый вид деяния может выражаться не только в самоубийстве, но и в покушении на него, нецелесообразно считать его состав исключительно материальным. Другие относят доведение до самоубийства к формаль-

ному составу[6]. Третьи признают оконченным данное преступление только при наступлении определенных законом последствий[7].

Подобное мнение представляется наиболее объективным, ввиду того, что существует высокая вероятность освобождения от уголовной ответственности, в том случае если не наступят последствия, предусмотренные законодательной нормой.

Преступления не считается оконченным, если субъект ограничился такими действиями подготовка предсмертной записки или устное сообщение о желании совершить самоубийство[8;647].

Ст. 110 УК РФ, а также ч. 7.4–6 ст. 110.1 УК РФ имеют материальный состав, а ч. 1–3 ст. 110.1 УК РФ — формальный, что, по нашему мнению, вызывает определенные трудности на практике. В нашем понимании, ненаступление последствий в виде самоубийства или попытки его совершения резко снижает уровень общественной опасности деяния, поэтому все деяния должны иметь материальный состав. Исходя из этого, считаем целесообразным изменить редакцию ст. 1101 УК РФ, исключив из нее формальный состав преступления.

С целью обоснования предлагаемого решения поясним следующее:

- ◆ как склонение к самоубийству, так и содействие ему предполагают совершение деяния исключительно с прямым умыслом, что даёт возможность применить нормы о неоконченном преступлении при ненаступлении последствий;
- ◆ в случае, если за деянием преступника не последовало осуществления самоубийства потерпев-

шим, содеянное можно рассматривать двояко: как деяние, предусмотренное ч. 1 или ч. 2 ст. 1101 УК РФ, и как покушение на квалифицированный состав данного преступления.

Созданная законодателем конкуренция правовых норм представляется нежелательной.

Изучая природу криминального суицида, необходимо учитывать возраст его субъекта. Значительно возрос уровень социализированности современных подростков, изменилось их мироощущение и восприятие самих себя[9].

При совершенствовании законодательства в рассматриваемой сфере необходимо акцентировать внимание на таком явлении кибербуллицид, которое является крайней формой кибербуллинга. Также необходимо учесть, что важным аспектом уголовно-правовой защиты несовершеннолетних является защита от их сверстников, которые зачастую устраивают настоящую травлю.

В связи с этим, целесообразно считать субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 110, 1101 УК РФ вменяемое лицо, достигшее 14 лет.

Подводя итог, следует сказать, введение новых норм, предусматривающих уголовную ответственность за склонение к самоубийству и содействие его совершению, следует в целом расценить как положительный шаг в развитии уголовного законодательства.

Однако внесение поправок в данные нормы с учетом выявленных недостатков, на наш взгляд, позволит более эффективно реализовывать их в практической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1404872>
2. <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6>
3. Николаева Ю.В. Государственная политика в сфере обеспечения интересов несовершеннолетних (историко-правовые и теоретические проблемы): монография. — М., 2007.
4. Официальный сайт Роспотребнадзора [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 09.09.2022).
5. Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 78.
6. Романов А.К. Актуальные проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2007. — № 2 (2). — С. 42–47.
7. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 208 с.
8. Уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие / Р.Б. Иванченко [и др.]. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2014. — 647 с.
9. Киселев С.С. Мода на смерть: опасность и предотвращение // Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения». — Краснодар, 2018. — С. 102–106.

© Кесаева Инга Робертовна (i.kesayeva@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МЕДИЦИНСКАЯ УСЛУГА» И «МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ»

RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS “MEDICAL SERVICE” AND “MEDICAL CARE

Yu. Kliman

Summary. The relationship between the concepts of “medical service” and “medical care”, as well as the scope of concepts included in the definitions of “medical service” and “medical care” is considered. The author concluded that the concepts under consideration are identical. The influence of judicial practice on the feedback principle is analyzed.

Keywords: medical service, medical care, public health protection, paid services, integrative law enforcement, individual judicial regulation, feedback principle.

Климан Юрий Александрович

Кандидат юридических наук, Северо-Кавказский
филиал РГУП, г. Краснодар
klimanyury@gmail.com

Аннотация. Рассмотрено соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь», а также объем понятий, включаемых в определения «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Автором сделан вывод о тождестве рассматриваемых понятий. Проанализировано влияние судебной практики на принцип обратной связи.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинская помощь, охрана здоровья граждан, возмездное оказание услуг, интегративное правоприменение, индивидуальное судебное регулирование, принцип обратной связи.

В последнее время на разных площадках возникают дискуссии о необходимости повышения статуса медицинского работника и престижа медицинских профессий, а также выражаются опасения, что использование понятия «медицинская услуга» ассоциирует врачей со сферой услуг.

Об уходе от понятия «медицинская услуга» еще в августе 2022 года заявил глава Комитета Госдумы по охране здоровья Дмитрий Хубезов, рассказывая о том, что «*декриминализация медицинской деятельности*» станет одним из главных направлений новой программы партии «Единая Россия»: «*Все мы понимаем, насколько сейчас наши коллеги напряжены из-за часто возникающих уголовных дел. Здесь есть уже наработки, этим будем заниматься, чтобы все выводить в плоскость гражданско-правовую, как во всем мире, а не как сейчас, когда по каждому делу все в рамках уголовного судопроизводства происходит*».

Оказание медицинской помощи регулируется в основном нормами публичного права, а предоставление медицинских услуг — нормами частного права. Использование термина «услуга» прямо влияет на возможность применения в отношении медицинских организаций Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», а в отношении медицинских работников — статьи 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение

работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» Уголовного кодекса РФ.

Необходимо признать, что существует проблема дефекта норм права в сфере здравоохранения, определяющих термины «медицинская помощь» и «медицинская услуга».

Проблема определения соотношения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» в настоящее время обостряется и тем, что указанные дефиниции определены только в базовом правовом акте — Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в редакции от ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [22] (далее — Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Медицинская помощь — это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг (пункт 3 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Медицинская услуга — медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятель-

ное законченное значение (пункт 4 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

При этом в ГК РФ определения понятий медицинской помощи и медицинской услуги не закреплено. В научной литературе превагирует позиция, что медицинские услуги являются частным случаем возмездного оказания услуг (п. 1 ст. 779 ГК РФ), имея, однако, значительную специфику, поскольку она связана с жизнью и здоровьем человека, которые являются высшей ценностью [3].

При этом еще в 2002 г. Конституционный суд РФ в своем Определении от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» [13] указал, что специфика отношений по оказанию медицинских услуг, обусловленная их непосредственной связью с такими благами, как жизнь и здоровье, требует установления в рамках специального регулирования более детальных правил, регламентирующих предоставление гражданам медицинской помощи в различных формах.

Ю.П. Лисицын полагает, что «медицинская услуга» и «медицинская помощь» — это разные виды деятельности и соответственно термины «медицинская услуга» и «медицинская помощь» содержат в себе разные значения [10].

Многие авторы считают, что медицинская помощь и медицинская услуга частично совпадают. Некоторые авторы считают, что нет необходимости разделения данных понятий [2].

В.С. Абдуллина отмечает, что «медицинская помощь как категория социально-нравственная является обязательной составляющей медицинской услуги» [1]. Е.В. Рожкова, наоборот, считает, что медицинская услуга — часть медицинской помощи [20]. Г.Б. Еремин указывает, что «медицинская помощь» является родовым понятием по отношению к медицинским услугам [5].

По мнению Е.Л. Поцелуева, медицинская помощь и медицинская услуга — это близкие (смежные), но разные категории, так как медицинская помощь оказывается бесплатно, а медицинская услуга предполагает возмездность [18].

В юридической литературе имеется позиция, что безвозмездные медицинские услуги входят в содержание медицинской помощи, но к услугам, несмотря на название, не относятся [3].

И.А. Пронин утверждает, что понятия «помощь» и «услуга» применительно к медицине следует считать тождественными [19]. Расплывчатость в сравнении понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» определена еще и тем, что в русском языке синонимично определяются лексические конструкции «оказать услугу» и «оказать помощь». Так, согласно словарю С.И. Ожегова, помощь — это «содействие кому-н. в чем-н., участие в чем-н., приносящее облегчение» [12]; услуга — это «действие, приносящее пользу, помощь другому» [12].

Мы согласны с авторами, которые не видят необходимости выделения понятия «медицинская услуга», отличного от понятия «медицинская помощь» [21], считаем, что медицинская помощь может быть как бесплатная, так и платная и включает в себя медицинские услуги. Аналогичная позиция присутствует в формах международного права. Так, например, Модельные правила европейского частного права [11] допускают возможность оказания медицинских услуг как на возмездной, так на безвозмездной основе.

Понятие «медицинские услуги» в российских правовых актах впервые упоминается в 90-х годах прошлого столетия. Так, в соответствии со статьей 23 Закона Российской Федерации от 28.06.1991 № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» [8], договор на предоставление лечебно-профилактической помощи (медицинских услуг) — это соглашение, по которому медицинское учреждение обязуется предоставлять застрахованному контингенту медицинскую помощь определенного объема и качества в конкретные сроки в рамках программ медицинского страхования и в котором должны содержаться необходимые условия, в том числе численность застрахованных и виды лечебно-профилактической помощи (медицинских услуг).

В дальнейшем законодатель в «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1» [15] помощь медицинского и социального характера объединял общим названием — медико-социальная помощь (ст. 20), при этом медицинская помощь как составной элемент медико-социальной помощи включала в себя профилактическую, лечебно-диагностическую реабилитационную, протезно-ортопедическую и зубопротезную.

Однако на основании части 5 статьи 20 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1» граждане имели возможность получения и платной медицинской помощи, которую законодатель трактовал как дополнительные медицинские услуги, предоставляемые на основе программ добровольного медицинского страхования или за счет собственных средств предприятий, учреж-

дений и организаций, личных средств самих граждан, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

Таким образом, законодатель в понятие медицинской помощи включал понятие «медицинские услуги», следовательно, понятие медицинской помощи уже тогда было шире понятия медицинской услуги.

Реализация прав граждан на получение медицинских услуг осуществляется при обращении за медицинской помощью. Предоставление медицинских услуг невозможно отдельно от медицинской деятельности медицинских учреждений.

Мы считаем, что медицинская помощь в любом случае выступает как онтологическая единица более общего и более высокого уровня, нежели медицинская услуга. Анализируя правовую природу этих понятий, можно сделать вывод, что «медицинская помощь» и «медицинская услуга» соотносятся как общее и особенное и понятие «медицинская помощь» является родовым и включает в себя такие виды, как первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологическая, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь (пункт 2 статьи 32 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), а также предоставление медицинских услуг.

Пунктом 10 статьи 30 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан РФ» было предусмотрено, что «при обращении за медицинской помощью пациент имеет право на получение медицинских и иных услуг в рамках программ добровольного медицинского страхования». Следовательно, для любого гражданина реализация права на получение им медицинских услуг становится возможной только при обращении за медицинской помощью.

Согласно пункту 2 статьи 19 «Закона об основах охраны здоровья граждан» каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования.

В соответствии со статьей 41 Конституции Российской Федерации, медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

В то же время необходимо отметить универсально возмездный характер медицинской помощи.

Н.С. Пономарев определяет медицинскую помощь как особую и весьма специфическую форму возмездных отношений между пациентом и медицинской организацией. Эти отношения укладываются в содержание и логику договора в пользу третьих лиц, что, в соответствии с ч. 1 ст. 430 ГК РФ, является договором, в котором должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. При этом и медицинская помощь, и медицинская услуга представляют собой совокупность благ медицинского назначения, которые предоставляются исключительно по договорам [16].

Возможно выделить платную медицинскую помощь, которая предполагает порядок ее непосредственной оплаты пациентом. В остальных случаях медицинская помощь, являясь бесплатной для пациента, тем не менее остается возмездной для ее исполнителя. Плательщиком может выступать страховая медицинская организация в соответствии с договорами на оказание и оплату медицинской помощи как по обязательному, так и по добровольному медицинскому страхованию. Кроме того, плательщиком может выступать и работодатель пациента.

При этом конфликт понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» имеет не только теоретический характер, но и присутствует на стадии правоприменения.

В соответствии с теорией интегративного правоуправления разграничиваются правовое и индивидуальное регулирование правоотношений. По мнению Л.А. Гумерова, А.В. Краснова, Р.А. Шарифуллина, «исходя из принципа разделения властей, принципов и норм права, содержащихся в формах национального и международного права, судебные органы осуществляют правоприменительную деятельность» [4]. Соответственно, судебное регулирование следует относить не к правовому регулированию правоотношений, а к индивидуальному регулированию правоотношений [7].

Как отмечает В.В. Ершов, «позиции суда — это выводы, точки зрения, мнения судов и т.д. по каким-либо вопросам, связанным с его компетенцией, по своей природе относящиеся к разновидности неправа (*unrecht*); результаты деятельности судов, образовавшиеся, во-первых, в процессе отправления правосудия и принятия индивидуальных судебных актов; во-вторых, не связанные с отправлением правосудия, а наступившие вследствие, например, принятия постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации» [6].

Нами проанализирован ряд споров о возмещении морального вреда, причиненного при оказании медицинской помощи, при этом судебная практика различных инстанций, во-первых, подтверждает наш тезис, что медицинская помощь включает в себя медицинские услуги и может быть как платной, так и бесплатной, а во-вторых, играет роль одной из форм обратной связи, сигнализируя о проблемах в праве.

Так, в ходе рассмотрения кассационной жалобы медицинской организации Верховный Суд РФ в определении от 15.07.2019 № 44-КГ19-7 указал, что нижестоящие суды не определили правовую природу отношений по поводу оказания М.В. Кибанову медицинской помощи и не установили, оказывалась ли М.В. Кибанову медицинская помощь бесплатно в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам **медицинской помощи либо эта помощь, включая медицинские услуги**, предоставлялась М.В. Кибанову на возмездной основе на основании заключенного с медицинской организацией договора.

Третий кассационный суд в определении от 25 мая 2022 г. по делу № 88–9688/2022 указал, что **медицинская помощь Я.-Ф. оказывалась не на основании договора на оказание платных медицинских услуг**, а в рамках обязательного медицинского страхования.

Седьмой кассационный суд в определении от 26 мая 2022 г. по делу № 88–5434/2022 указал, что суд апелляционной инстанции не установил, оказывалась ли К.С.В. в АО «Медико-санитарная часть «Нефтяник» медицинская помощь бесплатно в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи **либо эта помощь, включая медицинские услуги**, предоставлялась К.С.В. на возмездной основе на основании заключенного с медицинской организацией договора.

Необходимо обратить внимание на Определение Конституционного Суда РФ, который разъяснил, что под медицинской помощью следует понимать конституционное право граждан РФ получать медицинские услуги как входящие в гарантированный объем бесплатных медицинских услуг, так и не входящие в этот перечень, которые государство предоставляет пациентам на безвозмездной (бесплатной) основе [14].

В.В. Ершов отмечает: «с позиции теории информации управление можно рассматривать как уменьшение неупорядоченности (энтропии), достигаемое посредством обмена прескриптивной (предписывающей) информацией, например, основополагающими (общими) и специальными принципами, а также нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой

системе форм национального и (или) международного права, реализуемыми в государстве, и дескриптивной (осведомительной, корректирующей) информацией, в частности, судебной практикой, способствующей индивидуальному регулированию правоотношений и направляемой по каналам обратной связи в правотворческие органы с целью дальнейшего развития соответствующих принципов и норм права» [6].

В результате использования расширительного толкования, прежде всего грамматического, логического, систематического и функционального его способов, которые предполагают учет большого количества форм права, а также судебной практики их применения, устанавливается истинная воля правотворческого субъекта, которая свидетельствует, что медицинская помощь включает в себя медицинские услуги, а также что медицинская помощь может быть как бесплатная, так и возмездная.

О существенном значении для индивидуального судебного регулирования постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации упоминают в своем труде В.Н. Корнев и В.И. Кононенко. Они отмечают, что содержащиеся в постановлениях разъяснения «...ориентируют судью на принятие решения, соответствующего истинной воле законодателя, выявленной в процессе толкования применяемой нормы...» [9].

Для формирования индивидуального судебного регулирования правоотношений в сфере здравоохранения особое значение, безусловно, будет иметь Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [17]. В нем сформулировано несколько позиций суда, согласно которым «медицинские организации, медицинские и фармацевтические работники государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения несут ответственность за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему *медицинской помощи*, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи и обязаны компенсировать моральный вред, причиненный при некачественном оказании *медицинской помощи*»; а также обозначена другая позиция: «на ответчика возлагается обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее оказание *медицинской помощи*, в частности отсутствие вины в оказании *медицинской помощи*».

Таким образом, Верховным Судом Российской Федерации, в целях обеспечения единообразного применения форм национального и (или) международного права, сформирована позиция о применении в правоотношениях в сфере здравоохранения исключительно понятия «медицинская помощь».

В заключение хотим обратить внимание, что использование принципа обратной связи фактически уже происходит на практике. Так, 14 июля 2022 г. подписан Федеральный закон № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым термин «обра-

зовательные услуги» из закона исключен. Надеемся, что правотворческие органы после получения информации о проблемах в праве в результате индивидуального регулирования правоотношений в сфере здравоохранения проведут также соответствующую коррекцию понятия «медицинские услуги».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина, В.С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.С. Абдуллина. — Казань, 2007.
2. Андреев, Ю.Н. Платные медицинские услуги. Правовое регулирование и судебная практика / Ю.Н. Андреев. — Москва, 2007.
3. Галь, И.Г. Обязательства по оказанию медицинских услуг: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Москва, 2014. — 192 с.
4. Гумеров, Л.А., Краснов, А.В., Шарифуллин, Р.А. Позиции судебного толкования в правовой системе России / Л.А. Гумеров, А.В. Краснов, Р.А. Шарифуллин // Российское правосудие. — 2019. — № 12. — С. 14–22.
5. Еремин, Г.Б. Базовая терминология в здравоохранении. Значение и применение / Г.Б. Еремин // Менеджер здравоохранения. — 2011. — № 11. — С. 41–46.
6. Ершов, В.В. Регулирование правоотношений / В.В. Ершов. — Москва, 2020.
7. Ершов, В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / В.В. Ершов. — Москва, 2018.
8. Закон РФ от 28.06.1991 № 1499-1 (ред. от 24.07.2009) «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации». Ст. 21 (утратил силу).
9. Корнев, В.Н., Кононенко, В.И. Право, правоприменение и юридическая герменевтика / В.Н. Корнев, В.И. Кононенко // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 62.
10. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / Ю.П. Лисицын. — Москва: ГЭОТАР-Медиа. — 512 с.
11. Модельные правила европейского частного права: пер. с англ. / науч. ред. Н.Ю. Рассказова. — Москва: Статут, 2013. — 989 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва: Оникс, 2012.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации».
14. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Юдина Александра Анатольевича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына абзацем пятым преамбулы Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и частью 2 статьи 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://doc.ksrf.ru> (дата обращения: 24.11.2022).
15. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 (в ред. от 29 дек. 2009 г.) // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. — 1993. — № 33. — Ст. 1318; Собр. законодательства РФ. — 2009. — № 1, ч. 1. — Ст. 21 (утратил силу).
16. Пономарев, Н.С. К вопросу о соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинские услуги», их юридическое значение для защиты прав и законных интересов граждан / Н.С. Пономарев // Медицинское право. — 2019. — № 3. — С. 39–44.
17. Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».
18. Поцелуев, Е.Л. «Медицинская услуга» и «медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации: тождественные или различные понятия? / Е.Л. Поцелуев, А.Е. Горбунов // Наука. Общество. Государство. — 2016. — Т. 4, № 3. — URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/potseluev_el_gorbunov_ae_16_3_13.pdf (дата обращения: 24.11.2022).
19. Пронин, И.А. Соотношение понятий «помощь» и «услуга» в медицине: анализ гражданского законодательства / И.А. Пронин // Юридическая наука: история и современность. — 2012. — № 1. — С. 57–60.
20. Рожкова, Е.В. Медицинские услуги: понятие и особенности / Е.В. Рожкова // Современные исследования социальных проблем. — 2011. — № 3. — С. 39–55.
21. Скворцова, Т.А., Воронцова, Ю.А. Медицинская услуга как объект правового регулирования / Т.А. Скворцова, Ю.А. Воронцова // Актуальные научные исследования в современном мире. — Вып. 5 (49), ч. 6. — С. 42.
22. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=176374-517&req=doc&rnd=0coH7A&base=LAW&n=416259#TWekeNTDhn0Zd1oR> (дата обращения: 19.11.2022).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF GENE-ENGINEERING ACTIVITIES

**O. Konovalenko
E. Khabuda**

Summary. This article attempts to present the legal regulation of genetic engineering activities. Genetics is the science that deals with the study of genes, genetic variation and heredity in organisms. Improvements in genetic engineering have opened up new opportunities to save lives and create new treatment options for diseases that cannot be cured by known classical methods. However, at the moment in this area there are problems of legal regulation and this is due to the fact that legal systems do not keep pace with the revolution in genetic engineering, and lawyers and scientists often do not understand the existing rules.

Keywords: legal regulation, biomedicine, human genome, regulation of genome editing, regulation of genetic engineering.

Коноваленко Ольга Леонидовна

*К.ю.н., доцент, Приамурский государственный
университет имени Шолом-Алейхема
konovalenko_ol@mail.ru*

Хабуда Евгения Сергеевна

*Ст. преподаватель, Приамурский государственный
университет имени Шолом-Алейхема
khabuda.eva@mail.ru*

Аннотация. В данной статье осуществлена попытка представления правовой регламентации генно-инженерной деятельности. Генетика — это наука, которая занимается изучением генов, генетических вариаций и наследственности в организмах. Улучшения в генной инженерии открыли доступ к новым возможностям для спасения жизни и создания новых вариантов лечения заболеваний, которые не поддаются лечению известными классическими способами. Однако, на сегодняшний момент в рассматриваемой сфере возникают проблемы правовой регламентации и это связано с тем, что правовые системы не успевают за революцией в генной инженерии, и юристы и ученые часто не понимают существующих правил.

Ключевые слова: правовое регулирование, биомедицина, геном человека, регулирование редактирования генома, регулирование генной инженерии.

Одним из направлений науки является генная инженерия, которая может менять только отдельные частички человеческого организма или воздействовать на трансформацию человеческого организма в целом. Для преодоления вопросов этического характера в сфере регулирования необходимо четкое понимание проблем, связанных с диагностикой и редактированием генома человека, на основе чего следует выработать действенное нормативное правовое регулирование, которое удовлетворит интересы всех участников указанных правоотношений.

Социально-экономические выгоды и перспективы генно-инженерных исследований уже высоко оценены человечеством, получившим такие лекарственные средства как инсулин, эритропоэтин, альфа-интерферон, пищевые добавки, которые помогают увеличить срок хранения пищевых продуктов. В связи с тем, что развитие генно-инженерных технологий может оказывать как положительное воздействие, так и отрицатель-

ное, то это и влечет за собой необходимость правового регулирования данного вида деятельности.

В условиях современного регулирования отношений в сфере генно-инженерной деятельности существует в основном императивный подход [4]. Но это не верно, так как сфера использования продуктов генной инженерии расширяется, соответственно, и методов регулирования должно быть много, и они должны быть разными в зависимости от сферы применения, конечно наиболее привлекательными являются гражданско-правовые способы, которые, с одной стороны обеспечивают автономию волю участников генно-инженерных правоотношений, а с другой контроль над их деятельностью со стороны государства.

Генная инженерия представляет собой совокупность приемов, методов и технологий по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы. Результатом

такой деятельности являются генно-модифицированные организмы, генетический материал которых был изменен с применением методов генной инженерии.

Генно-модифицированные организмы могут использоваться при производстве продуктов питания, кормов и кормовых добавок для животных, лекарственных и ветеринарных препаратов и др., поэтому отдельным объектом регулирования является продукция, полученная с использованием генно-модифицированных организмов или содержащая генно-модифицированные организмы. Потенциально опасным является воздействие генно-модифицированных организмов на окружающую среду при их попадании в открытые системы, а также воздействие на организм человека пищевой продукции, полученной из генно-модифицированных организмов.

Именно поэтому сегодня необходимо уделять особое внимание регламентации генно-инженерной деятельности. В Российской Федерации имеются определенные нормативно-правовые акты для ее регламентации. Однако изучение основных законов говорит о наличии правовых пробелов регулирования оборота продуктов питания, лекарственных средств, полученных с помощью методов генной инженерии.

Выделим некоторые проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Одним из направлений совершенствования законодательства в области генной инженерии и дальнейшего эффективного регулирования является закрепление основных его принципов как руководящих идей при реализации органами своих полномочий в рассматриваемой области. Это позволит создать нормативно-правовые акты, которые смогут предотвратить рискованный характер процесса генетической модификации и снизить негативные последствия применения генной инженерии. Основные общеправовые принципы, а также принципы социальной справедливости, равноправие граждан, единство прав и обязанностей, гуманизм, сочетание убеждения и принуждения в праве выступают в качестве руководящих идей, характеризующих содержание и сущность правовой регламентации генно-инженерной деятельности.

Реализация данных принципов тесно связана с широким спектром прав и свобод: на охрану здоровья; на информацию о факторах воздействия генно-модифицированных организмов на здоровье человека, состояние окружающей среды, экологию; на информацию о содержании в продуктах питания генно-модифицированных организмов; на благоприятную окружающую среду и др. Как и в других случаях, когда мы говорим

об обеспечении прав и свобод в области генно-инженерной деятельности, то в первую очередь подразумеваем права и свободы граждан, оставляя без внимания права производителей генетически модифицированной продукции.

Закон о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности не содержит указания на права и обязанности ни одного из участников общественных отношений, как не устанавливает и соответствующих гарантий для них, в том числе и в случае нарушения таких прав или причинения вреда одной из сторон.

В таких условиях наступила необходимость изменения действующего законодательства о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности, которое должно найти выражение в том числе в расширении перечня руководящих принципов, положенных в основу государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности.

Так же можно выделить проблему лицензирования генно-инженерной деятельности, согласно ст. 6 Федерального Закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ генно-инженерная деятельность III и IV уровней риска, осуществляемая в замкнутых системах, подлежит лицензированию [1]. Данное положение не соответствует принципу безопасности. Так как генно-инженерная деятельность является потенциально опасной, то требуется лицензирование всех видов генно-инженерной деятельности с целью предупреждения возможности возникновения аварий. В настоящее время отсутствует установленный порядок лицензирования отдельных видов генно-инженерной деятельности: генодиагностики и генной терапии; всех видов испытаний генно-инженерно-модифицированных организмов, в том числе лабораторные, клинические, полевые, опытно-промышленные.

Поэтому с целью разрешения рассматриваемой проблемы предлагаем ввести обязательное лицензирование всех видов генно-инженерной деятельности, изложив ст. 6 Федерального Закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ в следующей редакции: «Все виды генно-инженерных работ подлежат лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Еще одной проблемой правового регулирования генно-инженерной деятельности является проблема страхования ответственности перед третьими лицами субъектов осуществляющих такую деятельность. Такое

страхование, как элемент правового механизма регламентации доступа к эксплуатации природного капитала, основывается на договорных отношениях. Охрана окружающей среды при выполнении генно-инженерных работ достигается путем сохранения баланса между экономическими потребностями хозяйствующего субъекта и общества, заинтересованного в обеспечении благоприятной окружающей среды. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» относит экологическое страхование к методам экономического регулирования в области охраны окружающей среды, которое осуществляется с целью защиты имущественных прав физических и юридических лиц в случае экологических рисков [2]. Экологическое страхование генно-инженерной деятельности в настоящее время является добровольным, поэтому целесообразно было бы дополнить Федеральный закон от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» ст. 6.1 «Виды генно-инженерной деятельности, подлежащих обязательному страхованию». К видам генно-инженерной деятельности, которая будет подлежать обязательному страхованию, необходимо отнести генно-инженерную деятельность III и IV уровней риска, осуществляемая в замкнутых системах, и подлежащая в настоящее время лицензированию в соответствии с законодательством РФ.

На современном этапе развития генной инженерии в Российской Федерации особую актуальность приобретает возможность использования генов, геномов и геномных технологий, и конструкций в гражданском обороте и соответственно требуется правовая регламентация всего выше указанного. До настоящего времени нет действующего законодательства по генной инженерии, обеспечивающего безопасность деятельности человека, а также будущих поколений и окружающей среды от неблагоприятного воздействия генетически модифицированных организмов. Это требует

особого подхода к правовой регламентации генно-инженерной деятельности.

Необходимо отметить, что, к сожалению, осознание необходимости адекватного и соответствующего современным жизненным реалиям регулирования генно-инженерной деятельности в отношении человеческого организма стало использоваться в российском законодательстве совсем недавно.

Генно-инженерная деятельность основывается на технико-правовых нормах, которые содержатся в Федеральных Законах, ГОСТах, Регламентах, Национальных Стандартах. Так же технико-правовые нормы регламентируют вопросы маркировки продукции, содержащей генно-модифицированные организмы. Так в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300–1 производитель обязан указывать информацию о наличии в данной продукции компонентов, полученных с применением генно-модифицированных организмов, в случае, если содержание в таком компоненте генетически-модифицированных организмов составляет более 0,9% [3].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что гены и геномы, являясь особыми объектами, требуют особую правовую регламентацию. Но при этом динамика правового регулирования объектов генетических технологий в России позволяет говорить о новых тенденциях в развитии и внедрении нового понятия биомедицинское законодательство, в частности не только об изменении традиционных отраслевых институтов, но и о появлении новых институтов и подотраслей — биомедицинского права. Считаем оправданным, исходя из современного уровня развития науки, практики и техники, рассмотрение генов в качестве специфического объектов, а это в свою очередь позволит регламентировать генно-инженерную деятельность с правовой точки зрения более детально.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: офиц. текст ФЗ № 86 — ФЗ от 05.07.1996 г. — СПС Консультант Плюс.
2. Об охране окружающей среды: офиц. текст ФЗ № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. — СПС Консультант Плюс
3. О защите прав потребителей: офиц. текст Закона № 2300–1 от 07.02.1992 г. — СПС Консультант Плюс
4. Шилюк, Т.О. Организационно-правовые основы управления в области генной инженерии // Административное право и процесс, 2019, № 10, с. 66–69.

© Коноваленко Ольга Леонидовна (konovalenko_ol@mail.ru), Хабуда Евгения Сергеевна (khabuda.eva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕГЛАСНЫМИ МЕТОДАМИ

ON THE ISSUE OF OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH BY SECRET METHODS

V. Krasnova

Summary. In the article, the author analyzes some problematic procedural aspects of obtaining samples for comparative research by secret methods in criminal cases. The normative basis of the study is the current Russian legislation, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the legislation of foreign countries regulating the production of secret investigative actions, the institution of which has recently been spread in the post-Soviet space. The relevance of the topic is due to the problems arising in investigative practice of obtaining and using samples for comparative research in the case of refusal of the suspect, accused, victim, witness and other persons from providing the necessary samples and the problem of using forced methods of obtaining samples. In addition, controversial issues have recently arisen regarding the prospects and expediency of integrating or combining covert investigative actions with operational investigative measures in Russian legislation, which confirms the relevance of the issue under consideration. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that judicial practice shares the possibility of obtaining samples for comparative research secretly based on the results of operational investigative activities, if they meet the requirements imposed by the criminal procedure legislation of the Russian Federation for evidence. At the same time, the author proposes to clarify the procedure and methods of forcibly obtaining samples for comparative research in criminal proceedings, as well as, taking into account the experience of foreign countries, to provide for the possibility of obtaining samples secretly. In particular, the author proposes to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the compulsory receipt on the basis of a court decision of samples for comparative research if a person refuses to voluntarily provide his samples and on the basis of a court decision to allow the receipt of samples for comparative research behind the scenes if in the interests of the investigation there is a need to keep secret the fact of receipt of these samples.

Keywords: investigative actions, covert investigative actions, operational investigative measures, obtaining samples for comparative research, collecting samples for comparative research, evidence.

Краснова Виктория Юрьевна

Аспирант, Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации; следователь по особо важным делам (о киберпреступлениях и преступлениях в сфере высоких технологий) первого отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против личности и общественной безопасности) следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области, капитан юстиции, Россия, г. Новосибирск
krasnovika@gmail.com

Аннотация. В статье автором проанализированы некоторые проблемные процессуальные аспекты получения образцов для сравнительного исследования негласными методами по уголовным делам. Нормативную основу исследования составляет действующее российское законодательство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также законодательство зарубежных стран, регулирующее производство негласных следственных действий, институт которых в последнее время получил распространение на постсоветском пространстве. Актуальность темы обусловлена возникающими в следственной практике проблемами получения и использования в доказывании образцов для сравнительного исследования в случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и иных лиц от предоставления необходимых образцов и проблемой применения принудительных способов получения образцов. Кроме того, с учетом тенденции на расширение негласности в уголовном процессе возникают спорные вопросы перспектив и целесообразности интеграции или совмещения негласных следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями в российском законодательстве, что подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса. По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что судебная практика разделяет возможность получения образцов для сравнительного исследования негласно по результатам оперативно-розыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к доказательствам. Вместе с тем автором предлагается уточнить порядок принудительного получения образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе, и учитывая опыт зарубежных стран предусмотреть возможность получения образцов негласно в качестве следственного действия. В частности, автор предлагает внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации о принудительном получении на основании судебного решения образцов для сравнительного исследования при отказе лица добровольно предоставить свои образцы и на основании судебного решения разрешить получение образцов для сравнительного исследования негласно в случае, если в интересах следствия возникает необходимость сохранения в тайне факта получения указанных образцов.

В ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) закреплено право следователя получать у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у иных лиц образцы для сравнительного исследования, не применяя опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство методы. При этом отдельное согласие названных лиц на получение образцов, при буквальном толковании нормы, а также на практике не требуется. Однако у правоприменителей зачастую возникает ситуация, когда лицо категорически отказывается давать свои образцы для сравнительного исследования: например, образцы почерка, образцы голоса или биологические образцы, мотивируя предусмотренным правом отказаться не свидетельствовать против себя и не доказывать свою невиновность. При этом применять опасные для жизни и здоровья человека методы, в том числе под которыми понимаем физическое насилие, запрещено. Названная статья неоднократно оспаривалась в Конституционном Суде Российской Федерации, как нарушающая права заявителей.

Анализируя определения Конституционного Суда Российской Федерации (например, определения от 23.07.2020 № 1856-О, от 24.09.2013 № 1298-О, от 13.10.2009 № 1232-О-О, от 03.07.2007 № 594-О-П и другие), можно сделать вывод, что ст. 51 Конституции РФ не позволяет отказаться от участия в процессуальных действиях, в том числе от получения образцов для сравнительного исследования, и в совокупности с другими нормами Конституции Российской Федерации и УПК РФ не исключает возможность использования при соблюдении установленной законом процедуры образцов принудительно в целях получения доказательств, а также их последующей судебной проверки и оценки.

Закономерно напрашивается вопрос, как получить, принудительно, при отсутствии положительного результата от метода убеждения, без применения насилия физического и психологического образцы для сравнительного исследования в случае отказа лица от их предоставления следователю. При этом следует оговориться, что определенные категории образцов для сравнительного исследования в силу своей специфичности не могут быть получены принудительным путем, что априори делает невозможным реализацию ст. 202

Ключевые слова: следственные действия, негласные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, получение образцов для сравнительного исследования, сбор образцов для сравнительного исследования, доказательства.

УПК РФ в актуальном виде на сегодняшний день, и речь идет прежде всего об образцах голоса и почерка.

Безусловно, лицо, ведущее расследование уголовного дела, в отсутствие возможности гласными методами получить образцы для сравнительного исследования, на практике обращается к сотрудникам органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, основанием для проведения которой будет являться поручение следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Возможность получения образцов для сравнительного исследования негласными методами составляет дискуссионный вопрос, что подтверждается отсутствием единой выработанной позиции по данному вопросу.

Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, учитывая назначение уголовного судопроизводства, проведение оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя или дознавателя согласуется со следственными и процессуальными действиями, но не противопоставляется им. Результаты оперативно-розыскных мероприятий сами по себе не являются доказательствами, а лишь сведениями об источниках фактов, которые могут быть трансформированы в доказательства после их закрепления надлежащим процессуальным способом. Однако, следует обратить внимание, что и образец для сравнительного исследования сам по себе не является доказательством без проверки и оценки, а служит средством для проведения следственных действий и предметом исследования.

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется как гласными, так и негласными методами и средствами. Сбор образцов для сравнительного исследования является одним из оперативно-розыскных мероприятий. Учитывая положения об оперативно-розыскной деятельности и следственной деятельности, получить образец для сравнительного исследования представляется возможным в том числе негласным методом сотрудником, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основании поручения следователя.

Однако напрашивается вопрос, как проверить достоверность изъятого образца, представленного следователю в ответ на его поручение, и как данные результаты могут быть положены в плоскость следственных действий.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации с момента возникновения проблемы трансформировалась, о чем свидетельствуют выносимые им определения.

Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не допускается подмена установленного ст. 202 УПК РФ процессуального порядка производства следственного действия — получение образцов для сравнительного исследования оперативно-розыскными мероприятиями по уголовному делу.

В этой связи интерес представляет определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где суд указал, что оперативно-розыскное мероприятие «сбор образцов для сравнительного исследования» и следственные действия по сбору образцов совершаются в различных правовых режимах и имеют самостоятельные правовые основы — соответственно Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ и УПК РФ.

Таким образом, учитывая различные правовые режимы сбор образцов для сравнительного исследования может быть осуществлен в качестве следственного действия оперативными сотрудниками по поручению следователя, но гласно, поскольку в соответствии со ст. 202 УПК РФ следственное действие производится на основании постановления следователя и составляется протокол по правилам ст. 166 УПК РФ. Вместе с тем сбор образцов для сравнительного исследования может быть осуществлен негласно, без применения к нему процессуальных требований, то есть в режиме оперативно-розыскного мероприятия соответствующими сотрудниками. Опрос и сбор образцов для сравнительного исследования в ходе проведения указанных действий относятся к мерам проверочного характера, предполагают сбор информации о лицах, фактах, обстоятельствах, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

При этом следственно-судебная практика позволяет сделать вывод о том, что экспертизы, объектами кото-

рых являлись образцы, полученные негласно в качестве результатов оперативно-розыскного мероприятия, могут быть признаны недопустимыми доказательствами, ввиду получения их негласно в нарушение требований ст. 202 УПК РФ. Так, например, Тульский областной суд в кассационном определении от 01.06.2011 по делу № 22-1084 [3] подтвердил позицию Конституционного Суда Российской Федерации, указав, что образцы голоса у осужденных были получены с нарушениями закона — при производстве оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «сбор образцов для сравнительного исследования», подменяющих собой следственные действия, предусмотренные ст. 202 УПК РФ. С учетом того, что указанные образцы были получены негласно, до этого осужденным следственным путем не предлагалось представить образцы голоса, суд признал заключения фоноскопических экспертиз недопустимыми доказательствами.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 21.07.2011 по делу № 78-О11-68 [4] подтвердила выводы приговора суда первой инстанции, согласно которому суд признал недопустимыми доказательствами фоноскопические экспертизы в отношении подсудимых и исключил их из перечня доказательств, в связи с недопустимостью: было установлено, что образцы голосов обвиняемых получены в условиях следственного изолятора, скрытно от них, в отсутствие их защитников, без разъяснения им их процессуальных прав, не протоколировались беседы между обвиняемыми и оперуполномоченным, результаты проведенных бесед были сразу же переданы для производства фоноскопических экспертиз. Таким образом, исходя из приведенных судебных решений, получение в ходе производства предварительного расследования образцов голоса для сравнительного исследования путем проведения оперативно-розыскных мероприятий является недопустимым, нарушает права обвиняемых на защиту, противоречит нормам УПК РФ, предусматривающим специальную процедуру получения образцов в данной стадии процесса.

Вместе с тем имеется и другая судебная практика, которая складывается в последнее время. Изучением определения суда надзорной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2014 по делу № 12-Д13-4 [7] установлено, что суд не согласился с доводами подсудимого о незаконности получения образцов его голоса, поскольку данное оперативно-розыскное мероприятие «получение образцов для сравнительного исследования» проводилось на основании п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, при этом, в со-

ответствии с п. 1 ч. 1 ст. 15 данного закона, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, указанное мероприятие — «получение образцов для сравнительного исследования» вправе проводить на негласной основе.

В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2019 по делу № 48-АПУ18–24 [1] так же доводы стороны защиты о несогласии с процедурой отбора образцов и передачи их экспертам были признаны необоснованными. Из материалов уголовного дела следовало, что следователь в присутствии защитников предлагал осужденным предоставить образцы голоса для проведения экспертизы, но они все, кроме двух лиц, отказались. При обсуждении в судебном заседании ходатайств прокурора о проведении по делу новых экспертиз осужденные также отказались предоставить образцы голоса. Образцы голоса подозреваемого, обвиняемого в силу их специфичности не могут быть получены в рамках предусмотренной процессуальной процедуры, даже принудительным путем, если лицо отказывается от их предоставления следователю, что делает невозможным реализацию положений статьи 202 УПК РФ и препятствует эффективному решению задач уголовного судопроизводства, защите прав потерпевших от преступлений. В подобной ситуации получение образцов голоса для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных действующим законодательством, то есть в рамках оперативно-розыскной деятельности. Вопреки доводам апелляционной жалобы защитника подсудимого получение судебного решения в данном случае законом не предусмотрено. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает оперативно-розыскные мероприятия: «опрос» и «сбор образцов для сравнительного исследования», а их результаты могут предоставляться следователю и использоваться для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также использоваться в доказывании по уголовному делу в соответствии с УПК РФ. Таким образом, образцы голоса осужденных для проведения экспертизы получены в установленном законом порядке — в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий после отказа осужденных предоставить образцы голоса для исследования на основании мотивированного постановления следователя. В том же судебном решении Верховный Суд Российской Федерации указал, что сам образец голоса не является доказательством, а служит предметом для исследования, то есть средством для получения доказательств, которые впоследствии были проверены и оценены судом первой инстанции по правилам ст. 87, 88 УПК РФ. Согласно правовой позиции Конституцион-

ного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 28.09.2017 № 2211-О получение образцов голоса в рамках оперативно-розыскной деятельности при наличии для того оснований и в предусмотренном законом порядке Конституции Российской Федерации не противоречит.

Приведение названных решений судов свидетельствует о складывающемся понимании значения негласного получения образцов для сравнительного исследования при расследовании уголовного дела.

Обращает на себя внимание тот факт, что получение образцов, как отдельное следственное действие, не является обязательным, и порой на практике применяются нестандартные подходы, при этом следует констатировать, что образцы для сравнительного исследования так же получает следователь фактически негласно, в отсутствие предупреждения лица.

Так, например, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2012 по делу № 74-О12–14СП [5] суд обратил внимание, что предоставление для производства экспертизы видеозаписи следственного действия — очной ставки с участием подсудимого как образца для идентификации его голоса не противоречит требованиям закона. Из содержания ст. 195, 202 УПК РФ следует, что получение образцов для сравнительного исследования в порядке, предусмотренном ст. 202 УПК РФ, производится следователем лишь в случае необходимости и не является обязательным для производства экспертизы.

Отдельным аспектом при изучении проблемы получения образцов негласными способами затронем зарубежный опыт, на который так же обращает интерес Саньков В.И. [15, с. 325–326] В последнее время в уголовно-процессуальном законодательстве на постсоветском пространстве наблюдается тенденция проникновения оперативно-розыскных мероприятий в уголовный процесс путем их легализации в виде негласных или специальных следственных действий. В связи с чем представляется полезен опыт стран, чье законодательство регламентирует институт негласных следственных действий, в части получения образцов для сравнительного исследования, и не следует его игнорировать ввиду проблем, объективно возникающих в следственной деятельности.

Правоприменитель Казахстана, несмотря на новаторское положение — институт негласных следственных действий, получение образцов для сравнительного исследования осуществляет гласными методами (ст. 268 УПК Республики Казахстан), однако у подозреваемого

и обвиняемого образцы могут быть получены принудительно. При этом для получения образцов у свидетеля и потерпевшего требуется согласие, за исключением того случая, когда на данном действии настаивает лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, для проверки показаний, изобличающих их в совершении уголовных правонарушений, а также при необходимости проведения диагностики определенных заболеваний, имеющей значение для уголовного дела, что проводится на основании судебного решения или с санкции следственного судьи.

Гласно, несмотря на регламентацию института «тайных» или негласных следственных действий, осуществляется получение образцов в Грузии, однако с согласия лица либо по решению суда в случае отсутствия такового (ст. 147 УПК Грузии).

Законодатели Украины и Киргизии выбрали революционный путь развития системы следственных действий, в том числе в части получения образцов для сравнительного исследования, которые могут быть получены негласно непосредственно в уголовном процессе с использованием конспиративных приемов их получения.

В ст. 229 УПК Киргизии напрямую указано условие проведения такого следственного действия — необходимость сохранения в тайне факта получения образцов в целях производства экспертизы. При этом процессуальное действие санкционируется следственным судьей, а его результаты, с отчетом должностного лица, в упакованном виде заверенные подписями лица, проводивших исследование передаются инициатору, то есть следователю. При этом отказ лица от получения образцов для сравнительного исследования не является условием осуществления такого специального действия.

Негласно рассматриваемое нами следственное действие может быть проведено следователем Украины с санкции следственного судьи, если гласно получить образцы для сравнительного исследования, без ущерба для уголовного судопроизводства невозможно (ст. 274 УПК Украины). При этом повторное получение образцов для сравнительного исследования осуществляется гласно, если необходимость хранить тайну по факту исследования предыдущих образцов, полученных ранее, утратила силу. При этом в общем порядке получение образцов производится открыто, а в случае отказа лица добровольно предоставить биологические образцы суд вправе разрешить следователю, прокурору (или обязать их, если ходатайство было подано стороной защиты) осуществить забор биологических образцов принудительно.

Как отметил Семенцов В.А. [17, с. 48–57], функциональное назначение негласных следственных действий — это обеспечение непосредственного использования сведений, полученных негласно и средствами оперативно-розыскной деятельности при доказывании. Вместе с тем, Семенцов В.А. выступает за четкое и ясное разграничение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, не подменяя оперативно-розыскные мероприятия негласными следственными действиями.

Не вступая в полемику на предмет несовместимости оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальной деятельности, и осознавая их принципиальные отличия, соглашаясь с мнением Вольтинского А.Ф. [2, с. 37–41], считаем, что не следует игнорировать накопленный другими странами опыт борьбы с преступностью и критически подходить к нему, в том числе в вопросах применения негласности в уголовном процессе.

Сопоставив все изложенное, обращая особо внимание на проблемы правоприменительной практики, полагаем, что в целях разрешения возникающих при получении образцов для сравнительного исследования вопросов назрела необходимость издания соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, по результатам проведенного анализа приходим к выводу о том, что судебная практика разделяет возможность получения образцов для сравнительного исследования негласно в качестве оперативно-розыскного мероприятия, если результаты отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к доказательствам, а также другими негласными способами. В продолжение отметим, что нормы УПК РФ, закрепленные в ст. 202 УПК РФ, ввиду отсутствия законодательной регламентации возможности получения образцов для сравнительного исследования негласно, требуют внесения изменений. Предлагаем уточнить порядок принудительного получения образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе, а так же, учитывая опыт зарубежных стран и потенциал негласности, предусмотреть возможность получения образцов негласно в качестве следственного действия. В частности, предлагаем внести изменения в УПК РФ о принудительном получении на основании судебного решения образцов для сравнительного исследования при документированном отказе лица добровольно предоставить свои образцы и на основании судебного решения разрешить получение образцов для сравнительного исследования негласно в случае, если в интересах следствия возникает необходимость сохранения в тайне факта получения указанных образцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2019 по делу № 48-АПУ18–24. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1754604 (дата обращения: 13.07.2022)
2. Волинский А.Ф. Новый УПК Украины — масштабный правовой эксперимент для России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 37–41
3. Кассационное определение Тульского областного суда от 01.06.2011 по делу № 22–1084. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cLGpLDZ05GQJ/> (дата обращения 13.07.2022)
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2011 по делу № 78-011–68 URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=452222 (дата обращения: 13.07.2022)
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2012 по делу № 74-012–14СП. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=506432 (дата обращения 13.07.2022)
6. Кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 «Уголовно-процессуальный Кодекс Кыргызской Республики», принятый Жогорку Кенеш Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения: 11.07.2022)
7. Определение суда надзорной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2014 по делу № 12-Д13–4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=578894 (дата обращения 13.07.2022)
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.07.2020 № 1856-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самсонова Виталия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 16, 47, 51 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489190.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2017 № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision296700.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка Владимира Ильича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision141021.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
11. Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1232-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 29, 165 и 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision9158.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision17139.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
13. Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 № 594-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мушарапова Константина Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статье 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16663.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30957.pdf> (дата обращения 12.07.2022)
15. Саньков В.И. Изъятие образцов для сравнительного исследования — проблемные вопросы и возможные пути их решения // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Симферополь. 2018. С. 323–326.
16. Семенцов В.А. О научном наследии профессора С.А. Шейфера по вопросу о проникновении оперативно-розыскных мер в систему следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 30–35
17. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия, принятый Законом Парламента Республики Грузия от 09.10.2009 № 172 URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=141> (дата обращения 11.07.2022)
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения 11.07.2022)
20. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&pos=7;-106#pos=7;-106 (дата обращения 11.07.2022)

© Краснова Виктория Юрьевна (krasnovika@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MODERN TECHNOLOGIES IN PREDICTING CRIMINAL ACTIVITY

**I. Likhanova
J. Evstratova**

Summary. The article discusses the general characteristics of murder, the main methods of preventing violent crime, as well as the technological foundations and possibilities of using artificial intelligence systems in law enforcement. The methods and essence of artificial intelligence are described.

The authors believe that the low effectiveness of the prevention of criminal behavior is largely due to ignoring the need for quantitative analysis of the current state of crime. Currently, there is a real need to modernize criminological research, it is necessary to develop and implement mathematical models for making preventive criminal and political decisions. Criminal law and criminology should be developed through their filling with new branches due to scientific and technological progress. A special role should belong to the criminal law direction of high technologies.

When writing the article, general scientific methods of cognition were used, as well as special ones: statistical, system-structural, comparative-legal.

Keywords: crime, murder, prediction and prevention of murders, artificial intelligence, information interaction, types and properties of information, information resource, artificial neural networks.

По Конституции Российской Федерации личность и ее права занимают главное место среди общечеловеческих ценностей, Особенная часть Уголовного кодекса РФ начинается с преступлений, посягающих на личность. Преступления против личности — это группа предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации общественно опасных деяний, направленных против основных личных прав и свобод граждан.

Преступления против личности делятся на пять групп: против жизни и здоровья, против свободы, че-

Лиханова Ирина Игоревна
К.ю.н., доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
irene05@yandex.ru

Евстратова Юлиана Айратовна
К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации
yuliana130682@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общая характеристика убийства, основные методы предупреждения насильственной преступности, а также технологические основы и возможности применения систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. Описаны методы и сущность искусственного интеллекта.

Авторы считают, что низкая эффективность профилактики преступного поведения в значительной мере обусловлена игнорированием необходимости количественного анализа текущего состояния преступности. В настоящее время назрела, реальная необходимость модернизировать криминологические исследования, необходимо разрабатывать и внедрять математические модели для принятия профилактических уголовно-политических решений. Уголовное право и криминология должны развиваться через их наполнение новыми отраслями, обусловленными научно-техническим прогрессом. Особая роль должна принадлежать уголовно-правовому направлению высоких технологий.

При написании статьи были использованы общенаучные методы познания, а также специальные: статистический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Ключевые слова: преступность, убийство, прогнозирование и предупреждение убийств, искусственный интеллект, информационное взаимодействие, виды и свойства информации, информационный ресурс, искусственные нейронные сети, цифровая криминология.

сти и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против семьи и несовершеннолетних. К преступлениям против жизни отнесены три вида преступлений: 1) убийство (ст. 105–108 УК РФ); 2) причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ); 3) доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) человека [2, С. 3].

Согласно статистике МВД, доля преступлений против личности за 2021 год составила примерно 12%, при этом стоит отметить, что в последние несколько лет

наблюдается положительная тенденция по снижению количества таких преступлений, не смотря на общий рост преступности. Так анализ статистических сведений о состоянии преступности за 2021 год свидетельствует о сокращении количества общественно опасных деяний против личности на 5,5%. Из общего числа преступлений против личности убийство и покушение на убийство составляют лишь около 3% [13].

Из вышеуказанной статистики следует, что в 2021 году зарегистрировано на 5,7% меньше убийств и покушений на убийство, чем за предшествующий год. Так, согласно данным статистики, опубликованным на официальном сайте Генеральной Прокуратуры РФ, в 2021 году было зарегистрировано 6802 убийства и покушений на него. Например, в 2010 году этот показатель был 15563, т.е. в 2 раза выше, что еще раз подтверждает постоянное уменьшение в Российской Федерации количества таких преступлений, как убийство.

Убийство — это один из самых опасных видов преступности и поэтому является предметом изучения многих наук и ученых, исследующим преступления, которые именуются насильственными.

Согласно Уголовному кодексу убийством признается умышленное причинение смерти другому человеку. По мнению профессора Малинина В.Б., из данной формулировки следует, что убийством является только умышленное деяние. Тем самым из категории убийств, исключается причинение смерти по неосторожности, но это не означает исключения последнего из числа преступлений против жизни. Определение понятия убийства, данное в законе, не вполне совершенно еще и потому, что в нем не заложен критерий отграничения убийства от других преступлений, которые также предполагают умышленное лишение жизни другого человека [2, С. 6]

Несмотря на то, что убийства имеют не самую высокую долю из общего числа преступлений, в общественном сознании именно этот вид преступлений в первую очередь ассоциируется с преступностью в целом. Это можно объяснить тем, что убийство относится к числу особо тяжких преступлений, оно представляет высокую общественную опасность, т.к. влечет наступление смерти человека, и поэтому конкретные случаи всегда придаются огласке.

В России наблюдаются региональные различия в уровнях преступности: показатели убийств заметно растут с Дальневосточного региона РФ в направлении к центральной России. При этом, лидирующими субъектами РФ по количеству зарегистрированных убийств и покушений на него признаются: Свердловская об-

ласть, Московская область, Республика Татарстан и Иркутская область.

Согласно статистическим данным Генеральной Прокуратуры РФ, Российская Федерация занимает пятое место в мире по числу преднамеренных убийств. Опережает ее только Мексика, США, Бразилия и Китай. При этом по количеству убийств на 100000 человек населения РФ занимает четвертое место. В методологии исследования ООН, которая анализирует, систематизирует и публикует эти данные на международном уровне, понятие «преднамеренное убийство» определяется как преднамеренное противозаконное причинение смерти другому лицу [12].

Убийства, как и другие тяжкие и особо тяжкие преступления, направленные против личности, в криминологической теории традиционно относятся к категории преступлений с невысоким показателем латентности.

Так, по мнению профессора В.В. Лунева, такое преступление как убийство перестало быть преступлением с минимальной латентностью. Принимая во внимание, что в России его учет осуществляется по фактам, а не по жертвам, более трети или даже половина из умышленных причинений тяжкого вреда здоровью влечет смерть потерпевшего, но не квалифицируется по ст. 105 УК РФ, коэффициент латентности реальных убийств, по мнению автора, превышает данные официальной статистики в 4–5 раз [5, с. 409].

Также об увеличении латентности убийств свидетельствует то количество находящихся в производстве материалов уголовных дел с неопознанными трупами и количества лиц, пропавших без вести. Так, за последние пять лет около 18.5 тыс. трупов остались неопознанными.

Среди выделяемых категорий убийств в настоящее время наиболее опасными и распространенными являются семейно-бытовые убийства, рецидивные и убийства, совершаемые несовершеннолетними.

Не утешающим является и то, что большое число рецидивных убийств совершается в период отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы. И хоть в последние годы благодаря совершенствованию законодательства и повышению уровня взаимодействия государства с исправительными учреждениями наблюдается снижение количества таких убийств, их доля остается весьма весомой.

Предупреждение убийств

Профилактика убийств является важнейшим направлением деятельности по обеспечению безопасно-

сти жизни граждан. Она обеспечивается тесным взаимодействием всех ее субъектов.

В первую очередь, важно полное и достоверное информирование социума о реальной обстановке дел с криминальными видами смерти, т.е. предоставление правдивых статистических данных об уровне такого вида преступности, способах насильственного лишения человека жизни и так далее.

Профилактические меры должны включать комплекс мер по повышению доверия общества к правоохранительным органам, меры по приближению законодательства к существующим реалиям, направленным на увеличение раскрываемости убийств, а также немаловажное значение имеет комплекс мер по защите участников уголовного правосудия от преступных посягательств.

Объектом предупреждения убийств должны являться причины и условия этих деяний, в том числе лица, склонные к их совершению.

Комплексный подход государственными и общественными организациями в реализации предупреждения убийств позволит значительно снизить число совершаемых посягательств на жизнь человека, и более того, снизить уровень преступности в целом.

Специально-криминологические меры предупреждения убийства

Т.М. Судакова пишет, что сегодня серьезный импульс развития получила выделяемая учеными так называемая цифровая криминология. Ее источником выступают закономерные тенденции цифровизации общества, вызывающие появление криминогенных факторов для продуцирования новых и развития существующих видов и форм преступности [8, С. 535]

Специальный криминологический уровень предупреждения преступности характеризуется совокупностью мер, специально направленных на устранение причин преступности или конкретных преступных проявлений [9, с. 55]. Такой же позиции ранее придерживалась Е.А. Горбунова, которая под специально-криминологическими мерами предупреждения преступлений понимает деятельность субъектов предупреждения преступлений, специально направленных на устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений [4, с. 209].

Специальное криминологическое предупреждение можно рассматривать как комплекс мер, направленных на устранение негативных факторов, формирующих

у человека склонность к совершению преступления. Оно требует специальных криминологических познаний о преступности в целом, об отдельных ее видах и категориях, причинах и условиях, порождающих преступное поведение, о характеристиках личности преступника и так далее.

Объектом специально-криминологического предупреждения убийств являются непосредственно лица, которые совершили убийства, а также потенциальные жертвы преступлений.

Важным направлением предотвращения убийств специального криминогенного уровня является деятельность государственных органов, направленная на охрану и поддержание общественного порядка.

Особое место в системе мер, предназначенных для снижения уровня преступности и предотвращения преступного поведения людей, занимают меры технического характера. Их вариативность сейчас весьма обширна.

Предупредительная деятельность против насильственных преступлений в общем и убийств в частности должна осуществляться в нескольких направлениях, должна быть система, соответствующая основным принципам государства.

Нельзя сказать, что такая система отсутствует. Разработано множество схем и методов. Абельцев С.Н. в своей работе 2000 года писал: «Интерес к предупреждению убийств усиливает стремление науки и практики к разработке соответствующих средств и методов. Наука рекомендует практике соответствующие методики, определяет принципы организации работы. Практика принимает все это для внедрения» [1, с. 187].

И современная жизнь заставляет нас думать о новых способах предупреждения убийств. Одним из таких способов является использование искусственного интеллекта в предупредительной деятельности правоохранительных органов [6;10].

В октябре 2019 года президент России Владимир Владимирович Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта указаны приоритетные научные задачи — обеспечение ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области [14].

Приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта определяются в России с учетом национальных целей и стратегических задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [15]. Вышеуказанные, нормативно-правовые акты подчёркивают колоссальную государственную и общественную важность данных разработок в современной России и в мире в целом [7].

Искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [7].

Одной из основных целей изучения искусственного интеллекта в цифровой криминологии является обеспечение безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Применение искусственного интеллекта в профилактике убийств позволяет эффективно и оперативно решать поставленные задачи, например такие как:

1. прогнозирования увеличения или уменьшения числа возможных убийств в пределах конкретного населенного пункта, на основе систем видео наблюдения, прогнозирование можно разработать на базе АПК «Безопасный город». Так, в Санкт-Петербурге действует система «Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». Элементами «Безопасного города» в Санкт-Петербурге являются городская система видеонаблюдения, система экстренных вызовов 112, центр обработки вызовов 004, комплексная система обеспечения мониторинга безопасности социальных объектов и ряд других систем. Основной интеграционной платформой, объединяющей системы АПК «Безопасный город», является автоматизированная система «Прогнозирование, поддержка принятия управленческих решений» (ПППУР). ПППУР обеспечивает контроль органами повседневного управления и правоохранительными органами состояния жизнедеятельности города. Оперативная информация о происшествиях и чрезвычайных ситуациях, которая агрегируется в системе, служит основой

для выработки оптимальных управленческих решений. В перспективе использование АПК «Безопасный город» приведёт к снижению количества различного рода происшествий в городе, повышению раскрываемости преступлений и общего уровня общественной безопасности [11];

1. использование искусственного интеллекта при цифровом профилировании преступного поведения;
2. выявление болезненного психического состояния лица (расстройства) в местах общественного пользования, например школы при профилактике скулшутинга. Скулшутинг — убийство в школе двух и более лиц, совершенное лицом, как правило имеющим или имевшим правовую связь с образовательной организацией, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением [3, с. 586];
1. моделирование и прогнозирование исходной базы серийных убийц (формирование криминологического профиля) с использованием системы поддержки принятия решений;

В настоящее время назрела необходимость применения искусственных нейронных сетей при профилактике убийств. Работа искусственной нейронной сети во многом схожа с обучением человека, мозг которого по сути представляет естественную нейронную сеть.

Использование «обученных» искусственных нейронных сетей в криминологических исследованиях, на наш взгляд является своевременной необходимостью. Искусственные нейросети современного поколения могут реализовывать следующие, типы операций: распознавание, предсказание, классификация.

Распознавание — определение необходимых признаков в исследуемых данных, к примеру идентификация внешности человека по анатомическим и функциональным признакам. Распознавание криминального поведения в общественном месте, и идентификация лица, нарушающего общественный порядок является основным видом мыслительной деятельности при участии сотрудников правоохранительных органов в охране общественного порядка. Использование «обученных» нейронных сетей позволит автоматически выявлять признаки девиантного поведения и систематических нарушений общественного порядка, за которые виновные лица понесут пока административное наказание, и будет реализовано предупреждение преступного поведения.

Следующий тип операции нейронных сетей — это предсказание [7]. Операция предсказание позволяет

искусственному интеллекту вырабатывать наиболее эффективную стратегию для сотрудников правоохранительных органов по профилактике криминального поведения. Например, в рамках профилактики преступности предлагаем внедрить консультации с чат-ботом, который в дальнейшем будет прогнозировать возможное криминальное поведение.

Думается, применение чат-ботов для общения с гражданами, находящимися в опасной психотравмирующей ситуации, которая впоследствии может привести к суицидальному поведению или преступному, по отношению к иным лицам, будет серьезной профилактической мерой. Чат-бот — это виртуальный собеседник, программа-собеседник, — программа, которая выясняет потребности пользователей, а затем помогает удовлетворить их. Чат-бот, будет вести коммуникацию от лица психолога, с целью определить причины и условия сложной психологической ситуации, и предло-

жит позитивные пути решения сложившейся ситуации, реализовав профилактику криминального поведения.

Анализируя выше изложенное, считаем, что использование искусственного интеллекта позволит более эффективно прогнозировать и предупреждать убийства на территории Российской Федерации. Для внедрения технологий искусственного интеллекта в рамках эффективного прогнозирования и предупреждения убийств необходимо: разработать современную систему нормативно-правовых актов, регламентирующую использование искусственного интеллекта в рамках правоохранительной деятельности; инициировать научные дискуссии по этическим вопросам внедрения искусственного интеллекта в профилактическую деятельность правоохранительных органов; целесообразно изучить и применить опыт Китая по использованию искусственного интеллекта в профилактике девиантного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. — С. 187.
2. Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство — общая характеристика: монография — СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 196 с.
3. Волчечкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика склуштинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчечкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова. — DOI 10.17150/2500–4255.2021.15(5).578–591 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 578–591.
4. Горбунова Е.А. Специально-криминологические меры предупреждения преступлений, посягающих на кредитные отношения // Проблемы в Российском законодательстве. — 2011. — № 6. — С. 209.
5. Лунеев В.В. Криминология — М.: Юрайт, 2014. — С. 409.
6. Максимов С.В. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью / С.В. Максимов, Ю.Г. Васин, К.А. Утаров // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 476–484. — DOI: 10.17150/2500–4255.2018.12(4).476–484.
7. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В. Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020 Т. 14, № 2 С. 206–214. <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti/viewer>.
8. Судакова Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций / Т.М. Судакова, В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 531–540. — DOI: 10.17150/2500–4255.2018.12(4).531–540.
9. Чуфаровский Ю.В. Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2021. — С. 55.
10. Smith G.J.D. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach / G.J.D. Smith, L.B. Moses, J. Chan // British Journal of Criminology. — 2017. — Vol. 57, iss. 2. — P. 259–274.
11. Сайт <http://spb112.ru/catalogue/1/> (дата обращения: 1.09.2022).
12. Гуманитарный портал // <https://gtmarket.ru/> (дата обращения: 17.09.2022).
13. Статистика МВД РФ // <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics> (дата обращения: 17.09.2022).
14. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» / URL: http://www.consultant.ru//document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 1.10.2022).
15. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // URL: <http://www.consultant.ru//cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=335184&fld=134&dst=100017,0&nd=0.8465871413771306#0732290413048083/> (дата обращения: 1.10.2022).

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INSTITUTE OF JUDICIAL CONCILIATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

**M. Mazurenko
N. Otrishko**

Summary. This article is devoted to the study of the institute of judicial reconciliation in the framework of solving the actual problem of modern legal proceedings — the possibility of resolving the dispute amicably. In particular, the existing Russian legal regulation of this institution and problematic issues related to its practical implementation are analyzed. Particular attention is paid to the study of proposals for amending the scope of legal regulation based on the principle of voluntariness, as well as ways to develop and popularize conciliation procedures in the activities of courts.

Keywords: judicial conciliation, legal proceedings, conciliation procedures, legal protection, civil process, voluntariness, balance of interests, prospects.

Мазуренко Максим Александрович
Кандидат юридических наук, Кубанский
государственный университет
mazurenko.maxim@yahoo.com
Отришко Надежда Сергеевна
Студент, Кубанский государственный
университет
nadezhda.job2018@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию института судебного примирения в рамках решения актуальной задачи современного судопроизводства — возможности урегулирования спора мирным путем. В частности, анализируются существующее российское правовое регулирование данного института и проблемные вопросы, связанные с его практической реализацией. Особое внимание уделено изучению предложений по внесению изменений в сферу правового регулирования на основе принципа добровольности, а также путям по развитию и популяризации примирительных процедур в деятельности судов.

Ключевые слова: судебное примирение, судопроизводство, примирительные процедуры, правовая защита, гражданский процесс, добровольность, баланс интересов, перспективы.

Актуальной задачей современного судопроизводства является предоставление участникам спора возможности его урегулирования мирным путем. В связи с этим в гражданский процесс был дополнен новой примирительной процедурой, а именно судебным примирением на основании Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В результате указанных изменений в гражданском процессе появился новый субъект — судебный примиритель. Список судебных примирителей утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 и включает в себя 342 судьи, находящихся в отставке.

Институту судебного примирения посвящена ст. 153.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)². Данный инсти-

тут призван оказывать существенное влияние на снижение конфликтности и параллельно на усиление деловых связей между лицами, на формирование тенденций по уважению в обществе к закону, на рост социальной активности и на положительные изменения в правосознании граждан.

Принимая те или иные решения по перерыву или отложению рассмотрения дела суд не настаивает на обязательном примирении сторон, но предоставляет им возможность самостоятельно устранить возникшие вопросы. Соответственно, восстановление рассмотрения спора судом также предусмотрено в российском процессуальном законодательстве, в частности, в ст. ч. 5 ст. 153.2, ст. 153.7 ГПК РФ). В данном случае необходимо понимать различия приостановления и отложения судебного разбирательства, так как и последствия, и исчисление процессуальных сроков различно.

Примирительные процедуры по своей природе являются вне юрисдикционных форм урегулирования гражданско-правовых споров. Они включают в себя особые методы, технологии и правила реализации, принципы.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2018. № 49 (часть I). — Ст. 7523.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2002. № 46. — Ст. 4532.

Заметим, что гражданское судопроизводство имеет целью защищать нарушенные и оспариваемые права, свободы, а также охраняемые законом интересы лиц, попадающих под правовую защиту, также важное значение представляется в формировании правовой грамотности граждан, их положительному отношению к судебной системе, созданию подхода к решению спорных вопросов мирным путем. Стоит обратить внимание, что направления, выраженные во внедрении медиации в судебную систему с сохранением социальных гарантий доступности правосудия довольно дискуссионные и не глубоко изучены, в связи с чем особо актуальны и значимы для общества.

С 2013 года судами общей юрисдикции активно применяется Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). В основном замечено, что мировые соглашения заключаются в таких направлениях споров, как брачно-семейные отношения, земельные вопросы, споры, вытекающие из договора займа, жилищные и трудовые споры, а также споры, связанные с защитой прав потребителей¹. С каждым годом количество направления таких споров увеличивается. Так, например, в 2015 году в сравнении с 2014 годом прибавились вопросы в области возмещения вреда за увечье, в вопросах о наследовании имущества, о праве собственности и иные.

В доктрине исследователи замечают также, что хоть количество направлений споров имеет тенденцию роста, именно положительных результатов не так уж и много, если рассматривать их пропорционально общему числу рассматриваемых дел. В 2014 году показатели составили 0,01%, в 2015 г. — 0,007% от общего числа рассмотренных².

Такие низкие значения привели к необходимости внедрения такого института, как судебное примирение. Он является новым для российской правовой системы, поэтому отличается отдельными проблемными проявлениями на практике.

Сложность представляется, в первую очередь, в определении лица, которое имеет право быть

судебным примирителем. К таковым относятся только судьи в отставке. По правовым положениям сам корпус судебных примирителей может быть утвержден только Пленумом Верховного Суда РФ. Он формируется в соответствии с предложениями, направленными со стороны нижестоящих судебных инстанций. При этом важным представляется опыт лица в должности судьи, а также его специализации в прошлом, регионе, где он осуществлял деятельность, и внимание обращают на опыт кандидата в области науки.

На наш взгляд, количество требований является полным, однако, их следует дополнить и иным показателем в форме дополнительного профессионального образования для проведения такой процедуры. Такой элемент предусмотрен в ч. 1 п. 1.1 ст. 16 Закона о медиации. При этом с 2014 года утвержден стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)³. Так в п. 3.1 данного нормативного акта «Обобщенная трудовая функция» устанавливает требования в области образования медиатора. Мы считаем, что данную тенденцию нужно сохранить и для судебных примирителей, так как отдельные умения, навыки и всеобщее глубокое понимание данной процедуры крайне важно для ее реализации, что не было негативных последствий, отраженных в качестве и результатах проведения судебного примирения.

Во вторую очередь хотим обратить внимание на проблему, выраженную в полномочиях судебного примирителя. Так, цель процедуры судебного примирения — это регулирование баланса интересов, в связи с чем разделяются полномочия и предотвращаются осуществление одинаковых функций разными лицами, результаты которых могут противоречить друг другу. «При осуществлении государственного регулирования... государство ограждает интересы общества от недобросовестных действий коммерсантов, обеспечивая общественные интересы и реализуя таким образом принцип баланса (сочетания) частных и публичных интересов»⁴.

А.Н. Левушкин и В.В. Воробьев в своем научном труде отмечают, что частные и публичные интересы должны балансировать в процессе примирения примирительных процедур. Ведь любое примирение в своей

¹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.

² Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

³ Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 30.

⁴ Вайпан В.А., Егорова М.А. Значение принципов предпринимательского права в правовом регулировании торговой деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. № 1. 2018. С. 14.

основе предполагает обеспечение интересов всех участвующих в процессе лиц¹.

Ст. 14 Регламента проведения судебного примирения устанавливает, что лицо, выступающее в качестве судебного примирителя, имеет право на дачу рекомендаций сторонам для более быстрого урегулирования спора, также он вправе разъяснять нормы права, практику применения законодательства, а также предлагать сторонам варианты урегулирования спорных вопросов, а именно как оптимальный, удовлетворительный, нежелательный². В доктрине есть мнение, выражающееся в том, что такое право может создать неблагоприятные ситуации, потому что мнение, представляемое судебным примирителем, формируется с опорой на анализ судебной практики и может кардинально отличаться от позиции представителей сторон, к которым относятся адвокаты, юрисконсульты и представители. То есть сторона попадает в ситуацию, когда должна обязательно принять конкретное решение, в связи с чем вместо мирного урегулирования вопроса может возникнуть еще большее отдаление.

Также, в третью очередь, хотим обратить внимание на факт того, что судья в отставке уже находится в стороне от быстро меняющейся судебной практики, в частности, когда лицо длительное время находится вне процессов. На наш взгляд, юридическая оценка такого судебного примирителя может не коррелировать с реальными обстоятельствами, в связи с чем будут полностью отсутствовать правовые ситуационные перспективы.

При этом, в-четвертых, в связи с тем, что судебный примиритель в прошлом имел статус судьи, стороны могут опираться на его мнение и относиться к нему с завышенным авторитетом, полностью соглашаясь с его позицией, не проверяя ее, заключая мирное соглашение на условиях невыгодных для себя.

В связи с этим фактом соглашаемся с мнением ученых, замечающих необходимость внесения изменений в ст. 14 Регламента проведения судебного примирения, а именно исключения такого полномочия судебного примирителя, как дача лицам, участвующим в процессе, рекомендаций, разъяснений по примене-

нию законодательства, и выдвижения предложений, направленных на варианты исхода спора в категоричном виде³.

В-пятых, следует остановиться на проблеме, связанной с общей востребованностью самой процедуры судебного примирения. В доктрине считается, что следует для ее решения следует остановиться на порядке обращения к процедуре в целом, который закреплен в праве. Так, в настоящее время основанием для начала процедуры судебного примирения является определение суда. Такой акт принимается судом, если одна из сторон подаст ходатайство или обе стороны выразят взаимное согласие на проведение этой процедуры в рамках рассмотрения спора⁴. Заметим, что для этой процедуры стороны должны занять самостоятельно активную позицию (п. 1,2 ст. 153.2 ГПК РФ). И она недостаточна для реализации процедуры, нежна и судебная санкция (п. 2 ст. 153.2 ГПК РФ). Понятно, что при установлении таких норм особое значение имел принцип добровольности, но, на наш взгляд, опирающийся на позицию других современных представителей доктрины, он применен со слишком широкого толкования.

Определенно, добровольность представляет собой важный принцип посредничества и выражается в установлении согласия сторон по форме дальнейшей процедуры, выборе посредника и т.д.⁵. Но в науке предлагается разграничивать добровольность с позиции обращения к судебному примирителю, и добровольность собственного участия в судебном примирении. На наш взгляд, из изначального обращения к судебному примирителю необходимо исключить предположение об активной позиции сторон в форме ходатайств в суд или же направления письменных согласий. Обоснуем такое мнение тем, что во время конфликтной ситуации, перешедшей в форму судебной тяжбы, у сторон сформированы не доверительные отношения, а значит не всегда желание решить вопрос мирным путем может быть реализован из-за личных разногласий. Восстановить доверие можно в процессе активных переговоров как раз в судебном примирении. Однако, движение в сторону начала судебного примирения одной стороной может быть принято другой в качестве слабой позиции и готовности идти на компромиссы и уступки. Этот фактор сдерживает стороны от активности в данном направлении¹. Поэтому, на наш взгляд, активную пози-

¹ Левушкин А.Н. Обеспечение баланса частных и публичных интересов при защите прав вкладчиков и кредиторов кредитной организации в случае ее банкротства: теория и практика применения // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография // Юстицинформ, 2019. С. 113.

² Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Российская газета. — 2019. — № 254.

³ Воробьев В.В., Левушкин А.Н. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права т. 15 № 5 (114), 2020. С. 135–143.

⁴ Тарасов И.Н. К вопросу о судебных примирителях // Арбитражный и гражданский процесс. № 2. 2020. С. 21.

⁵ Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве // М.: Статут, 2019. С. 464.

цию в этом направлении нужно выражать суду, в связи с чем нужно установить для него такое право.

Таким образом, из выше исследованных направлений можем сделать вывод о том, что в сфере реализации процедуры судебного примирения существует ряд проблемных моментов, которые можно решить путем внесения изменений в сферу правового регулирова-

ния. Современные реалии диктуют новые положения, регулирующие основные механизмы урегулирования споров. Необходимо работать над развитием и популяризацией примирительных процедур в своей деятельности. Эта мера позволит не только повысить качество правосудия, но и снизить уровень конфликтности как во время судебных разбирательств, так и в обществе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2002. № 46. — Ст. 4532.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2018. № 49 (часть I). — Ст. 7523.
3. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Российская газета. — 2019. — № 254.
4. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.
5. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
6. Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 30.
7. Вайпан В.А., Егорова М.А. Значение принципов предпринимательского права в правовом регулировании торговой деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. № 1. 2018. С. 14.
8. Воробьев В.В., Левушкин А.Н. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права т. 15 № 5 (114), 2020. С. 135–143.
9. Лазарев С.В. Основы судебного примирения // М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 189–190.
10. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса частных и публичных интересов при защите прав вкладчиков и кредиторов кредитной организации в случае ее банкротства: теория и практика применения // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография // Юстицинформ, 2019. С. 113.
11. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве // М.: Статут, 2019. С. 464.
12. Тарасов И.Н. К вопросу о судебных примирителях // Арбитражный и гражданский процесс. № 2. 2020. С. 21.

© Мазуренко Максим Александрович (mazurenko.maxim@yahoo.com), Отришко Надежда Сергеевна (nadezhda.job2018@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Лазарев С.В. Основы судебного примирения // М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 189–190.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ КАССАЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION OF THE SYSTEM OF CASSATION COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND THEIR IMPACT ON THE QUALITY OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

S. Martynova

Summary. The article discusses the topical aspects of the application of methods of centralization and decentralization of public administration in the process of implementing the current stage of judicial reform, which resulted in the creation of cassation courts of general jurisdiction. Although the centralization of public administration is typical for the executive branch, similar processes in the field of building the judicial system are relatively rarely the subject of research. The article proposes to consider the process of centralization and decentralization in three contexts: spatio-geographical, hierarchical and exclusive-legal. From the standpoint of the proposed approach, the creation of cassation courts of general jurisdiction was a serious step towards decentralizing the management of the judicial system, allowing to expand the autonomy of these bodies through the introduction of the principle of extraterritoriality. Supplemented by the active introduction of the principles of electronic justice, the current stage of judicial reform can become a positive example of improving the quality and efficiency of the administration of justice.

Keywords: judicial system, general jurisdiction, reform, cassation proceedings, the principle of extraterritoriality.

Мартынова Светлана Владимировна

*Аспирант, Московский гуманитарный университет
belixvost@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные аспекты применения методов централизации и децентрализации государственного управления в процессе реализации текущего этапа судебной реформы, итогом которой стало создание кассационных судов общей юрисдикции. Хотя централизация государственного управления типична для исполнительной власти, аналогичные процессы в области построения судебной системы относительно редко становятся предметом для исследования. В статье предлагается рассматривать процесс централизации и децентрализации в трех контекстах: пространственно-географическом, иерархическом и эксклюзивно-правомочном. С позиций предложенного подхода создание кассационных судов общей юрисдикции стало серьезным шагом на пути децентрализации управления судебной системой, позволив расширить автономию данных органов за счет внедрения принципа экстерриториальности. Дополненный активным внедрением начал электронного правосудия текущий этап судебной реформы может стать положительным примером повышения качества и эффективности отправления правосудия.

Ключевые слова: судебная система, общая юрисдикция, реформа, кассационное производство, принцип экстерриториальности.

Проблематика применения методов централизации и децентрализации в процессе организации системы государственного управления типична для теоретико-правовой науки, хотя доминирующей сферой применения данных инструментов обычно выступает область построения системы органов исполнительной власти. Реже с позиций централизации/децентрализации государственного управления выступает системы органов судебной власти, для которой не характерна идея властно-распорядительного соподчинения отдельных органов правосудия. Централизация судебной власти, как представляется, вступает в некоторое противоречие с принципом независимо-

сти судей при разрешении переданных на рассмотрение в суд правовых конфликтов. Вместе с тем, трудно игнорируемым фактом правовой реальности последних лет были непрекращающиеся попытки построения властной вертикали в сфере организации отправления правосудия, что косвенно стимулировало полемику по поводу целесообразности централизации управления в данной области.

Новый импульс для доктринальных дискуссий по данному вопросу был задан в процессе создания системы кассационных судов общей юрисдикции (далее — кассационных судов), особенности деятельности

которых стали примером заметной децентрализации, способной оказать положительное воздействие на качество отправления правосудия. С общетеоретических позиций процесс централизации/децентрализации власти может быть охарактеризован в нескольких отношениях: а) пространственно-географическом (как метод концентрации органов власти в одном месте или распределения по всей территории страны); б) иерархическом (путем установления соподчинения или предоставления автономии); в) эксклюзивности правомочий (предоставлении исключительных полномочий одному органу власти или распределении их по нескольким органам. По определению, в децентрализованной системе каждый уровень управления несет ответственность за конкретные аспекты властно-распорядительной деятельности. Тем не менее, каждый уровень управления выполняет свои обязанности в пределах одного и того же государства, и координация часто бывает полезной и целесообразной.

Судебная защита нарушенных прав и законных интересов выступает основополагающим механизмом обеспечения высокого уровня правопорядка в обществе. Между тем, трудно вообразить достижение указанного уровня в рамках исключительно ординарных судебных процедур. Кассационное производство, представляя собой порядок обжалования вступивших в законную силу постановлений суда, является институтом, призванным обеспечить законность судебных актов. На данный момент кассационное производство неоднократно подверглось реформированию, в результате которого эффективность отправления правосудия должна была повыситься. Кассационное производство является экстраординарным способом обжалования вступивших в законную силу судебных актов, предназначенным для возможности исправления нарушенных норм права, которые допустили суды, ранее вынесшие решения.

Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 N1-ФКЗ [2] система судов общей юрисдикции была значительным образом изменена, так как были образованы кассационные суды, которые свою работу с 1 октября 2019 г. Важно отметить, что в соответствии с изменениями, названными «процессуальной революцией», произошло также усовершенствование существующих кодифицированных актов, иных нормативно-правовых актов, а также судебной системы Российской Федерации в целом [8, с. 133].

Причиной создания кассационных судов общей юрисдикции, как отдельного звена судебной системы послужило новое правило «сплошной кассации», которое обязало суды рассматривать те жалобы, которые были поданы по существу при том условии, что их

оформление будет соответствовать процессуальным требованиям. При сплошной кассации судебное заседание по рассмотрению кассационной жалобы состоится в любом случае [5, с. 51].

Первым плюсом «сплошной кассации» является то, что в связи с сокращением кассационных судов (на данный момент их девять), появилась возможность для большего обеспечения регионального единства судебной практики в каждом судебном округе; второй бесспорный плюс заключается в получении возможности доступа к правосудию большему количеству заинтересованных лиц; следующей положительной особенностью является более тесное взаимодействие судов общей юрисдикции и арбитражных судов, так как образование десяти кассационных судов в арбитражной системе оправдало те ожидания, ради которых они были созданы. Как уже было указано выше, на текущий момент в Российской Федерации функционируют девять кассационных судов общей юрисдикции, вместо действующих ранее восьмидесяти пяти и один военный кассационный суд, который находится в г. Новосибирске [3, с. 41].

Цели проведения реформирования судебной системы были следующие: повышение потенциала качества защиты прав и свобод граждан, создание условий для организационной и процессуальной независимости судов от региональных властей, осуществление активной борьбы с коррупционной деятельностью. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции были созданы по образцу работы арбитражных судов. Произошло разделение Российской Федерации на апелляционные и кассационные округа. Судам округов подсудны дела, которые рассматривались в разных субъектах Федерации.

Поясним, что на современном этапе развития российской правовой системы идея выделения специализированных судов была позаимствована из функционирующей более пятнадцати лет системы арбитражных судов. Практика деятельности арбитражных судов округов (арбитражных кассационных судов) объективно показывает, что создание самостоятельной судебной структуры кассационной инстанции (кассационного суда) оказывает положительное воздействие на показатель качества тех актов суда, которые приняты в этой инстанции с позиции их законности, быстроты, а также качества. Основная задача реформы заключается в обеспечении на территории всей Российской Федерации единообразия судебной практики.

Текущий этап реформирования судебной системы Российской Федерации не был единственным, что позволяет сделать однозначный вывод о том, что судеб-

ная реформа, которая была начата в Российской Федерации еще в 1991 г. продолжается и в настоящее время. 2012 год стал переходным в процессе реформирования судебной системы. Наличие проблемных моментов, связанных как с вопросами реформирования судебной системы, так и с вопросами качества отправления правосудия, а также равномерного распределения дел подтолкнули законодателя к мысли о необходимости разработки и внесения соответствующих изменений в акты федерального законодательства [4, с. 82].

Изучение истории реформирования судебной системы в Российской Федерации позволяет выделить характерные особенности данной деятельности. Реализованная в настоящее время судебная реформа на территории Российской Федерации за всю историю нашего государства является третьей полномасштабной реформой, связанной с изменением структуры судебной системы. Процесс судебного реформирования был начат в 1990-гг. прошлого столетия. Сущностное назначение проведения преобразований в судебной системе заключалось в создании истинно независимого судебного органа и самостоятельного судейского сообщества. Кроме того, была поставлена цель — создать максимально структурированную судебную систему. Эта система в своем конечном итоге должна была обеспечить высокую степень защиты не только для граждан, но и для организаций. Обозначенные выше целевые ориентиры удалось достичь в крайне сжатые сроки, несмотря на то, что имели место довольно непростые условия.

Что касается текущего этапа реализации судебной реформы, то в России он начинается с 2014 года. Своей главной целью, современная судебная реформа, не ставит создание судебной власти как таковой, в отличие от предыдущих реформ. Сегодня при проведении реформы были поставлены совершенно иные задачи, а именно обеспечение динамичного развития системы правосудия посредством ее модернизации. Эти изменения судебной системы с течением времени должны привести к повышению не только эффективности, но и качества правосудия в целом, а также должны обеспечить максимально высокий уровень правовой защиты субъектов процессуальных правоотношений, повысив уровень доверия к суду со стороны гражданского общества.

Особое внимание стоит обратить на то, что проведенная на современном этапе развития российского государства судебная реформа была инициирована самим судейским сообществом. Данный факт, в первую очередь, подчеркивает то, что судебная власть является самостоятельной и независимой ветвью власти, которая может проводить реформирование своей си-

стемы, а также фактическую способность к развитию судейского корпуса. Оценивая практику работы российской судебной системы, судейское сообщество придерживается однозначной позиции, что действующая система не является идеальной, поэтому необходимо проведение в дальнейшем комплексных мероприятий по ее постепенному преобразованию. Противоречия законодательного оформления реформы вполне исправимы при взвешенном подходе к дальнейшему законодательному совершенствованию работы вновь образуемых судов [6, с. 71].

Высшая судебная инстанция сегодня стала движущим механизмом реформационных преобразований, проводимых в рамках текущего этапа судебной реформы. Это целая система мер, которая конструктивно объединена между собой общими целевыми установками, логикой проводимых мероприятий, а также разработанной в рамках реформы концепции. Одной из предпосылок создания кассационных судов общей юрисдикции является введение в действие Кодекса об административном судопроизводстве РФ [1]. В результате чего существенно возросла нагрузка на судейский состав, причиной этому было то, что судам стали передавать дела, рассматриваемые в порядке административного судопроизводства. Как итог в обществе начали возникать определенные опасения, касающиеся беспристрастности и объективности решений, принимаемых судами. При этом жалобы, подаваемые в порядке апелляции и кассации, в большинстве случаев рассматривались судьями коллегиально.

Исходя из этого многолетние дискуссии в судейском сообществе о необходимости создания специализированных судов, в компетенцию которых будут входить вопросы рассмотрения жалоб в апелляционном и кассационном производстве, приобрели все большую актуальность и практическую значимость. Кроме всего прочего, возникали определенные сложности из-за того, что один председатель занимался рассмотрением одновременно и апелляционных, и кассационных жалоб. Законодателем в этом моменте вполне обоснованно виделось наличие коррупционной составляющей, создающей в объективной действительности угрозу для отмены решений судов первой и апелляционной инстанций [7, с. 303].

На практике довольно часто имело место обстоятельство, когда судья, который рассматривал ранее спорное дело в суде апелляционной инстанции, становился впоследствии членом Президиума Суда уровня субъекта РФ и мог войти в состав судей, рассматривающих дело в связи обжалованием судебного акта в кассационном порядке, вынесенного им ранее по нижестоящей инстанции. В результате чего, лица, кото-

рые участвуют в деле, в лучшем случае посредством использования института отвода, исключали возможность рассмотрения жалобы незаконным составом суда, а в крайнем случае, наличие таких фактов привело к тому, что по решению квалификационной коллегии судей полномочия судьи прекращались досрочно.

Положительным импульсом децентрализации в процессе создания кассационных судов стало активное внедрение методов электронного правосудия. Доступность правосудия обычно понимается как возможность получения правовой защиты, эффективность механизмов правосудия на всех этапах его реализации, наличие реальных гарантий получения справедливого и эффективного решения при обращении в суд. Применение информационных технологий направлено на повышение прозрачности и доступности правосудия, реализацию прав на получение достоверной и актуальной информации. Все эти цели не выделяются из общей конъюнктуры отправления правосудия, поэтому интерес к исследованию электронного правосудия и его технических и процедурных особенностей обусловлен его относительной новизной.

Введение в законодательство нормы о судебном разбирательстве с использованием систем видеоконференцсвязи обусловлено несколькими факторами. Во-первых, таким образом сокращается время, затрачиваемое на процессуальные действия, такие как допрос свидетелей, допросы, консультации экспертов и т.д. Во-вторых, увеличивается доступность правосудия. В-третьих, необходимость использования ви-

деозвонков может быть вызвана такими ситуациями, когда стороны по объективным причинам находятся в разных регионах.

Общей тенденцией в децентрализации системы кассационных судов стал принцип экстерриториальности их деятельности. Согласно правовой природе экстерриториальности судебной власти, судебные округа не должны быть тождественными административно-территориальному делению, установленному в государстве. Такая организация отправления правосудия позволяет обеспечить довольно высокий уровень независимости судебных органов от тех лиц, которые на уровне региона могут предпринять попытку оказать воздействие на осуществление правосудия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что итоговая цель введения данных изменений заключается в модернизации российской судебной системы, которая должна обеспечить новый уровень независимости судебной власти, а также позволит достигнуть максимальной эффективности отправления правосудия. Кроме того, нововведения в конечном итоге приведут к существенному улучшению имиджа суда, а также повысят доверие к нему со стороны общества в целом. Таким образом, введение кассационных судов общей юрисдикции оказывает положительное влияние в части повышения качества правосудия, его независимости и беспристрастности. Однако о масштабных результатах проведенной реформы говорить пока рано, так как с момента начала функционирования судов общей юрисдикции прошло недостаточное количество времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Российская газета. N165. 31.07.2018.
3. Алиев Т.Т. Кассационные суды общей юрисдикции как гарант правосудия // Современное право. 2019. № 12. С. 40–42.
4. Головинская И.В. Реорганизация системы апелляционных и кассационных судов // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 1 (15). С. 80–84.
5. Грызунова Е.В. Плюсы и минусы в преобразовании судов апелляционной и кассационной инстанций // Закон. Право. Государство. 2019. № 1 (21). С. 49–54.
6. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75.
7. Поддубняк А.А., Феттаева С.Ф. Создание отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции: плюсы и минусы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 2. С. 301–306.
8. Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Создание кассационных судов общей юрисдикции и введение «сплошной» кассации в уголовный процесс // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 132–140.

© Мартынова Светлана Владимировна (beliixvost@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2022.12.22

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОТБЫВАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК «НОВОГО» ВИДА НАКАЗАНИЯ

PROBLEMATIC ASPECTS OF SERVING FORCED LABOR AS A «NEW» TYPE OF PUNISHMENT

A. Marchenko
V. Marchenko
A. Vyvolokina
S. Fokina

Summary. The article is devoted to the consideration of such a topical issue, which is associated with the problematic aspects of criminal law in the field of serving forced labor, as a “new” type of punishment. The authors pay special attention to the issue of implementation of the considered punishment in correctional centers. In addition, within the framework of the article a comparative-legal analysis of the situation of persons sentenced to forced labor and convicted persons serving their imprisonment in a colony-settlement was carried out. On the basis of the study, the authors concluded that the introduction of forced labor as a separate type of punishment poses a number of unresolved problems, so the scope of its application is significantly limited. In this connection there is an urgent need in revision of some norms of the Criminal Code and the Penitentiary Code of the Russian Federation (for example, the introduction of additions to the current edition of part 2 article 74 of the Penitentiary Code) which are related to the regulation of punishment in the form of forced labor as a punishment alternative to imprisonment, without duplicating the order of execution of other punishments. The authors argue that this will provide an opportunity to execute a new punishment “in a new way” and more clearly attribute it to those punishments that are not associated with isolation from society.

Keywords: convicts, forced labor, correctional center, imprisonment, colony-settlement, isolation from society.

Марченко Александр Васильевич

Канд. юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный морской технический университет
marchenkoalexv@mail.ru

Марченко Валентина Викторовна

Преподаватель Санкт-Петербургский
государственный морской технический университет

Выволокина Альбина Витальевна

Студент, Санкт-Петербургский государственный
морской технический университет

Фокина София Игоревна

Студент, Санкт-Петербургский государственный
морской технический университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого актуального вопроса, который связан с проблемными аспектами уголовного законодательства в области отбывания принудительных работ, как «нового» вида наказания. Особое внимание авторы уделяют вопросу реализации рассматриваемого наказания в исправительных центрах. Помимо этого в рамках статьи проведен сравнительно-правовой анализ положения осужденных к принудительным работам лиц и осужденных лиц, отбывающих лишение свободы в колонии-поселении. На основании проведенного исследования, авторы пришли к выводу, что введение принудительных работ в качестве самостоятельного вида наказания ставит ряд нерешенных задач, поэтому сфера его применения является существенно ограниченной. В связи с этим, существует острая потребность в пересмотре некоторых норм УК РФ и УИК РФ (например, внесение дополнений в действующую редакцию ч. 2 ст. 74 УИК РФ), которые связаны с регламентацией наказания в виде принудительных работ как наказания, альтернативное лишению свободы, без дублирования порядка исполнения иных наказаний. Свое мнение авторы аргументируют тем, что это предоставит возможность исполнять новое наказание «по-новому» и более однозначно относить его к тем наказаниям, которые не связаны с изоляцией от общества.

Ключевые слова: осужденные, принудительные работы, исправительный центр, лишение свободы, колония-поселение, изоляция от общества.

В Российской Федерации сфера применения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества прибывает в постоянном развитии. Законодателем поэтапно реализуется уголовная политика по вопросу либерализации уголовной ответственности [8]. В соответствии с ФЗ от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ [3] установлено, что для последующего расширения существующих видов наказания, альтернативных лишению свободы, в систему уголовных наказаний введен абсолютно новый и при

этом самостоятельный вид. Он в свою очередь, именуется, как «принудительные работы».

Исследователями довольно часто акцентировалось внимание на схожести между наказанием в виде принудительных работ и наказанием в виде отбывания срока лишения свободы в колонии-поселении. По мнению исследователя Долматова В.Е., наибольшее внимание необходимо обратить на тот аспект, что порядок и условия отбывания наказания в виде принудительных ра-

бот, в большинстве своем совпадают с лишением свободы осужденных лиц, которые отбывают наказание в колониях-поселениях [7].

Согласно ч. 1 ст. 53.1 Уголовного кодекса РФ [1] (далее — УК РФ) принудительные работы применяются в качестве альтернативы лишения свободы в таких случаях, которые предусмотрены статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступного деяния небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого противоправного деяния впервые. Согласно ч. 3 ст. 53.1 УК РФ, под принудительными работами понимается привлечение осужденного лица к труду на территории тех мест, которые определены соответствующими учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с ч. 1 ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [2] (далее — УИК РФ), осужденные к принудительным работам лица отбывают назначенное наказание в специализированных исправительных центрах. Стоит отметить, что существуют и специализированные изолированные участки, которые также функционируют, как исправительные центры. Подобные изолированные участки формируются непосредственно при исправительных учреждениях [5].

При этом лица, осужденные за преступные деяния, совершенные по неосторожности, а также лица, осужденные за совершение умышленных противоправных деяний небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие наказание в виде лишения свободы, подлежат отбыванию наказания в колониях-поселениях (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ). Помимо этого, согласно ст. 78 УИК РФ, в упомянутых колониях могут отбывать наказание положительно характеризующиеся осужденные лица, которые переведены из колоний общего и строгого режима.

Сопоставляя категории лиц, отбывающих упомянутые выше виды наказаний, следует отметить, что в большинстве своем они являются схожими между собой. Однако мы считаем, что лица, которые отбывают наказание в колониях-поселениях, в отдельных случаях могут быть менее опасны для общества, нежели те лица, которые отбывают назначенное наказание в виде принудительных работ на территории исправительных центров. К примеру, для отбывания наказания, в колонию-поселение могут направить лицо, осужденное за преступление, которое было совершено по неосторожности.

Согласно статистическим данным, по состоянию на 01.10.2022 г., на территории 97 колониях-поселениях наказание отбывало порядка 28 488 человек. При

этом в 42 исправительных центрах и 214 изолированных участков, которые функционируют в качестве исправительных центров, на учете состоит порядка 12 849 лиц, осужденных к принудительным работам [12]. В качестве примера приведем статистические данные по состоянию на 01.09.2022 г. На указанную дату, общее количество изолированных участков состояло порядка 192. В связи с этим, следует отметить тенденцию к формированию изолированных участков, которые функционируют как исправительные центры (УФИЦ) при иных исправительных учреждениях, в том числе и колоний-поселений (например, УФИЦ при ФКУ КП-3, УФИЦ при ФКУ КП-8).

Рассматривая действующее законодательство нашего государства, мы приходим к выводу, что изолированные участки, которые функционируют в качестве исправительных центров, могут формироваться на территории исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, в частности и на территории колониях-поселениях.

Помимо этого, ч. 2 ст. 74 УИК РФ не закрепляет возможность формирования на территории колониях-поселениях изолированных участков, которые функционируют в виде исправительных центров.

На основании всего вышеизложенного, предлагается ч. 2 ст. 74 УИК РФ изложить в несколько другой редакции: «Исправительные колонии предназначены для отбывания осужденными совершеннолетними лицами лишения свободы. Они подразделяются на колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима. На территории исправительных колоний могут формироваться изолированные участки с разными видами режима, а также изолированные участки, которые функционируют как тюрьма. *В колониях-поселениях могут формироваться исключительно изолированные участки, функционирующие как исправительные центры.* Порядок создания, функционирования и ликвидации упомянутых участков определяется на основании федерального органа исполнительной власти, которые осуществляют функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Предложенные выше дополнения предоставят возможность расширить перечень мест законного отбывания принудительных работ посредством формирования на территории колоний-поселений изолированных участков, которые функционируют в качестве исправительных центров [9].

Авторами проведен сравнительно-правовой анализ положения лиц, осужденных к принудительным работам и осужденных лиц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении. В результате сформулированы некоторые выводы.

На территории исправительных центров и колониях-поселениях действуют соответствующие правила внутреннего распорядка, которые в свою очередь определяют правовое положение лиц, отбывающих назначенное им наказание.

Наказание в виде принудительных работ никак не связано с изоляцией осужденных лиц от общества. Упомянутый вид наказания состоит в привлечении осужденного лица к оплачиваемому труду в местах, определенных органами уголовно-исполнительной системы.

В связи с этим, в отличие от правового положения, осужденные лица, отбывающие наказание в колонии-поселении и лица, осужденные к принудительным работам, обладают более широким объемом правомочий, но при этом меньшим объемом правоограничений (ст. 60.4 и 129 УИК РФ, пп. 4—11 Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07. 2022 г. № 110 [6]).

Однако сравнения колонии-поселения с другими существующими исправительными учреждениями, стоит отметить, что в них предусматриваются такие условия, как «полусвобода» [10].

Исследуя условия отбывания осужденными лицами наказания в колонии-поселении, авторы не находят существенных отличий от условий отбывания наказания в исправительных центрах. Согласно ст. 129 УИК РФ осужденные лица, которые отбывают наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, содержатся без охраны, но под надзором и обладают возможностью передвигаться за пределами данного учреждения.

В соответствии с ч. 2 ст. 60.4, п. 6 ч. 1 ст. 129 УИК РФ лица, осужденные, как к принудительным работам, так и к лишению свободы в колонии-поселении проживают на территории общежитий. При этом согласно ч. 1 ст. 80 УИК РФ определяется и закрепляется раздельное содержание лиц, осужденных к лишению свободы на территории исправительных учреждений. Но гл. 8.1 УИК РФ не содержит в себе норм, которые регламентировали бы порядок раздельного содержания осужденных лиц в общежитиях исправительных центров (осужденные мужчины и женщины; ранее судимые лица; осужденные лица, отбывающие назначенное наказание впервые).

Несмотря, как было отмечено ранее, на довольно большой объем прав и меньший объем обязанностей осужденных лиц, которые отбывают наказание в виде принудительных работ, возникают некоторые затруднения при определении наказания в виде принудительных работ как «полностью» не связанного с изоляцией от общества в целом.

Стоит отметить, что дифференциация уголовных наказаний на связанные и не связанные с изоляцией от современного общества акцентирует внимание на том, что принудительные работы обладают некоторыми признаками обеих упомянутых групп. С одной стороны, согласно ч. 5 ст. 53.1 УК РФ, принудительный труд осужденного лица сопровождается обязательными отчислениями некоторой части его заработной платы в пользу государства. Объем отчислений от заработной платы осужденного составляет порядка 5–20%. С другой стороны, содержание осужденных лиц, находящихся под надзором в общежитии исправительного центра с соблюдением всех установленных правил внутреннего распорядка напрямую свидетельствует об изоляции данного лица от общества в целом.

Многие исследователи подчеркивают, что исполнение принудительных работ является неким «симбиозом» следующих видов наказания: лишение свободы в колонии-поселении, ограничение свободы, исправительных работ, обязательных работ.

При упомянутых выше обстоятельствах несколько осложнилась задача получения практики внедрения более гуманных наказаний, являющихся альтернативой лишения свободы [11].

По нашему мнению, существует потребность в пересмотре некоторых норм УК РФ и УИК РФ, которые связаны с регламентацией наказания в виде принудительных работ как наказания, которое является альтернативным лишению свободы, без дублирования порядка исполнения иных наказаний. Это предоставит возможность исполнять новое наказание «по-новому» и более однозначно относить его к тем наказаниям, которые не связаны с изоляцией от общества.

По нашему мнению, институт принудительных работ нуждается в совершенствовании с позиции четкого определения места рассматриваемого наказания в общей системе мер уголовно-правового воздействия. Стоит отметить, что в будущей перспективе принудительные работы смогут занять особенное место в общей системе наказаний и завершить ее оформление.

В завершении стоит отметить, что, несмотря на довольно разные мнения исследователей и специалистов

по вопросу формирования, функционирования исправительных центров и их объединения с колониями-поселениями либо их полного упразднения, государство все же направлено на развитие рассматриваемых учреждений. Это подтверждается положениями Концепции развития

УИК РФ на период до 2030 года [4]. Так, в исправительных центрах и изолированных участках, которые функционируют как исправительные центры, к 2024 году планируется кратный рост размещения лиц, осужденных к принудительным работам, а к 2030 — в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
3. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 329-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 20. — Ст. 3397.
5. Приказ Минюста Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. № 67 (ред. от 27 сентября 2022 г. № 220) «Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры» // Российская газета. — 2014. — 30 апр.
6. Приказ Минюста Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002?index=2&rangeSize=1> (дата обращения: 29.10.2022).
7. Долматов В.Е. Сходства и различия реализации наказания в виде исполнительных работ на примере исправительных учреждений и колоний-поселений // Наука, техника и образование. — 2018. — № 3 (44). — С. 50—52.
8. Дроздов А.И., Орлов А.В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. — 2015. — № 1 (19). — С. 40—44.
9. Зиновьев И.Л. Уголовное наказание в виде принудительных работ: дис. . . канд. юрид. наук. — М.: Академия ГП РФ, 2016. — С. 134.
10. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / И.Я. Козаченко [и др.]; под редакцией И.Я. Козаченко, А.П. Деткова. — 2-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 476 с.
11. Купряченок О.С. Порядок исполнения наказания в виде принудительных работ // Общество: политика, экономика, право. — 2016. — № 6. — С. 99—101.
12. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 29.10.2022).

© Марченко Александр Васильевич (marchenkoalexv@mail.ru), Марченко Валентина Викторовна, Выволокина Альбина Витальевна, Фокина София Игоревна (marchenkoalexv@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

TO THE QUESTION OF THE ROLE AND SIGNIFICANCE GOOD FAITH IN CIVIL LAW

V. Mishchenko

Summary. In this article, the author, briefly analyzing the content of the principle of good faith, its impact on the development of civilized relations between subjects of civil law, notes the importance of including this principle among the main principles of civil law.

According to the author, this short story is a kind of regulator, guiding the participants of civil circulation to harmonize interests in the process of implementation and achievement of private law goals. The author also notes the important role of the judicial system in suppressing the actions of subjects legal relations that abuse the right.

Keywords: law, principle of good faith, principle of reasonableness, bad faith, civil rights and obligations, court, protection of rights.

Мищенко Вячеслав Иванович

*Кандидат философских наук, доцент, Владимирский
юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
vycheslav-mischenko@mail.ru*

Аннотация. В данной статье автор, кратко анализируя содержание принципа добросовестности, его влияние на развитие цивилизованных отношений между субъектами гражданского права, отмечает важное значение включения данного принципа в число основных начал гражданского законодательства.

По мнению автора, данная новелла является своего рода регулятором, ориентирующим участников гражданского оборота на гармонизацию интересов в процессе реализации и достижения частноправовых целей. Автор также отмечает важную роль судебной системы в пресечении действий субъектов правоотношений, злоупотребляющих правом.

Ключевые слова: закон, право, принцип добросовестности, принцип разумности, недобросовестность, гражданские права и обязанности, суд, защита прав.

Принцип добросовестности в российском гражданском праве на протяжении длительного времени остается объектом пристального внимания как законодателя, так и ученых — цивилистов, и по мере развития гражданского оборота наполняется новым содержанием. Среди основных начал гражданского законодательства этот принцип, по нашему мнению, является одним из ключевых. Можно сказать, что соблюдение этого принципа создает гарантии стабильности и устойчивости развития в экономике и социальной сфере — важнейших сферах жизнедеятельности общества.

Следует отметить, что вступление в силу части 1 Гражданского кодекса РФ стало важной вехой в регулировании гражданско — правовых отношений в новых социально — экономических условиях. К тому времени в стране произошли поистине революционные изменения общественно — политического и социально — экономического строя. Была ликвидирована монополия на власть одной партии и в стране сложилась многопартийная система, формировалось многообразие форм собственности, произошла легитимация частной собственности, бурными темпами развивалось частное предпринимательство.

В соответствии с принятой в 1993 году Конституцией РФ всем субъектам гражданского права гарантировалась свобода предпринимательской деятельности, свобода перемещения товаров, услуг и финансов, поддержка конкуренции [1]. Все это привело к переоценке существовавших ценностей, появлению новых целей и ориентиров развития, возникновению новых форм взаимоотношений между участниками гражданских правоотношений и, соответственно, новых прав и обязанностей субъектов гражданского оборота.

Вместе с тем, в реальной действительности участники гражданского оборота столкнулись с такими явлениями как ненадлежащее исполнение обязательств, злоупотребление правом, рейдерство, уход от налогов, нарушения трудового законодательства в форме несвоевременной выплаты заработной платы, нарушения принципов добросовестной конкуренции. Это далеко не полный перечень негативных явлений, которые, к сожалению, встречаются и сегодня, препятствуя стабильному развитию цивилизованных отношений между субъектами гражданского права. И преодоление такой ситуации — это актуальная задача не только правоохранительных и контрольно — надзорных органов, но и цивилистической науки, поскольку наука

призвана не только объяснить мир, но и преобразовать его.

Следует отметить, что до принятия дополнений в ГК РФ, внесенных Федеральным законом от 30.12.2012 года № 302-ФЗ [4], добросовестность не была названа в числе основных начал гражданского законодательства. Хотя законодатель упоминал названную категорию в статье 6 ГК РФ в качестве ориентира при определении прав и обязанностей участников гражданско-правовых отношений. Так, в ч. 2 статьи 6 ГК РФ законодатель недвусмысленно указывает, что при невозможности применения аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (анalogии права) и требований добросовестности, разумности и справедливости [2].

В новой же редакции ГК РФ, как отмечает А.В. Коновалов, содержится прямое закрепление законодателем предписания участникам гражданского оборота действовать добросовестно как при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, так и при исполнении гражданских обязанностей [7]. Представляется, что практическим следствием, вытекающим из данного предписания, является запрет любых действий, направленных на извлечение каких — либо преимуществ из недобросовестного поведения участников гражданского оборота.

Однако следует отметить, что гражданское законодательство РФ [2] использует дозволительный метод регулирования правоотношений, предоставляя участникам гражданского оборота обширную автономию воли и свободу в выборе действий для реализации своих прав и свобод. К сожалению, это нередко приводит к злоупотреблению правом в гражданских правоотношениях.

А возможно ли вообще избежать противоречий и конфликтов в процессе взаимодействия субъектов гражданского оборота, которые, преследуя свои легитимные цели, действуют в конкурентной среде? На этот вопрос в разные эпохи отвечали лучшие умы цивилистики и пришли к выводу, что в процессе развития гражданско — правовых отношений противоречия неизбежны, поскольку они — отражение тех объективных условий, в которых действуют субъекты гражданского права, реализуя права и свободы, отстаивая и защищая свои интересы. В то же время цивилисты разных эпох были едины в главном: они отмечали необходимость создания такого правового механизма, который будет препятствовать злоупотреблению правом, понуждая участников гражданского оборота действовать разумно и добросовестно.

Итак, отметим, что, оценивая действия субъектов гражданского оборота, законодатель исходит из презумпции добросовестности, которая предполагает, что субъекты гражданского права, обладая автономией воли, действуя без принуждения, преследуя свой частный интерес, должны соблюдать действующее законодательство, руководствуясь принципами разумности и добросовестности.

В случае нарушения этих принципов, действий в обход закона с целью причинения вреда другому лицу, недобросовестного осуществления гражданских прав, суд, арбитражный или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом [2].

Например, как следует из анализа ч. 3 статьи 602 ГК РФ [3], при разрешении спора об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину по договору пожизненного содержания с иждивением, суд должен придерживаться начал и принципов добросовестности и разумности. В статье 662 ГК РФ законодатель разъясняет, что арендодатель предприятия может быть освобожден судом от обязанности по возмещению арендатору стоимости неотделимых улучшений, если будет доказано, что при осуществлении таких улучшений арендатором были нарушены принципы добросовестности и разумности [3]. По нашему мнению, именно из принципов добросовестности и справедливости исходит законодатель в ч. 1 статьи 234 ГК РФ, в которой речь идет о том, что лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, может стать собственником данного имущества ввиду приобретательской давности. А в ч. 1 статьи 220 ГК РФ проявляется другой случай применения принципа добросовестности, который гласит, что если стоимость переработки существенно превышает стоимость материалов, то право собственности на новую вещь приобретает лицо, которое, действуя добросовестно, осуществило переработку для себя [2].

Проанализируем содержание и смысл принципа разумности. На наш взгляд, данный принцип предполагает: разумные сроки, разумное ведение дел, разумные меры, разумные цены и т.д. То есть, этот принцип применяется

в качестве оценки правомерности или неправомерности поведения и действий субъектов. Так, например, как следует из содержания ч. 2 статьи 72 и ч. 2 статьи 76

ГК РФ, основанием для лишения участника полного товарищества полномочия на ведение дел товарищества или исключения кого-либо из участников данного товарищества, является обнаружившаяся неспособность полного товарищества к разумному ведению дел [2].

Рассмотрим один из принципов разумности, а именно критерий разумных сроков. Например, если обязательство не учитывает период его выполнения или не включает в себя условий, помогающих установить данный период, то оно должно быть выполнено в разумный срок после возникновения данного обязательства. Этот принцип предусматривается ч. 2 статьи 314 ГК РФ. А в ч. 2 статьи 375 ГК РФ речь идёт о том, что гарант должен рассмотреть требование бенефициара с приложенными к нему документами в разумный срок [2].

Все эти примеры свидетельствуют о том, что при нарушении принципов добросовестности и разумности наступают нежелательные негативные последствия, для недопущения которых законодателем и были введены названные принципы. Именно по этой причине в ч. 2 статьи 10 ГК РФ отмечается, что закон ставит защиту гражданских прав и исполнение обязанностей в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, а участники гражданских правоотношений руководствовались презумпцией разумности и добросовестности [2].

В контексте рассматриваемой проблемы полагаем целесообразным проанализировать понятие недобросовестности, которое, исходя из логики рассуждения, является прямо противоположным принципу добросовестности.

Итак, недобросовестным может считаться то лицо, которое совершая какое-либо действие, знало или могло знать о его недопустимости с правовой точки зрения. В законе часто используются тезисы, связанные с недобросовестностью с целью отображения неразрешённых действий. К таким действиям законодатель относит:

- ◆ продвижение ложных, неверных или искажённых данных и информации, способных нанести вред и причинить убытки другому хозяйствующему субъекту либо причинить ущерб его деловой репутации;
- ◆ введение потребителей в заблуждение относительно характера, способа и места изготовления товара, его потребительских свойств и качества;
- ◆ некорректное сопоставление хозяйствующим субъектом изготавливаемых или реализуемых товаров с товарами других хозяйствующих субъектов;

- ◆ реализация товара с нелегальным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполнения работ и услуг;
- ◆ получение, использование, разглашение научно-технической, производственной или торговой информации, в том числе коммерческой тайны, без согласия её владельца.

Для того чтобы определить, действует ли данное конкретное лицо в соответствии с принципом добросовестности или же напротив, поступает недобросовестно, необходимо выяснить, с какой целью совершается то или иное действие. Для этого законодатель и выделил ряд противоправных целей.

В статье 169 ГК РФ законодатель отмечает, что субъект гражданского права не должен злоупотреблять своей свободой, имея в виду, что он не может осуществлять свою правосубъектность путём совершения сделок, заведомо противных основам правопорядка и нравственности [2]. А согласно статье 1041 ГК РФ участники простого товарищества могут объединять свои вклады для извлечения прибыли или достижения иной цели, не противоречащей закону [3].

Необходимо отметить, что цель может быть указана и в самом законе. Например, в статье 113 Федерально-го Закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ

«О несостоятельности (банкротстве)» указано, что собственник имущества должника — унитарного предприятия, в любое время до окончания внешнего управления в целях прекращения производства по делу о банкротстве, вправе удовлетворить все требования кредиторов в соответствии с реестром их требований [5]. В статье 119 Жилищного кодекса РФ законодатель отмечает, что председатель правления жилищного кооператива при осуществлении прав и исполнении обязанностей должен действовать в интересах кооператива добросовестно и разумно [6]. Согласно статье 1022 ГК РФ доверительный управляющий, не проявивший при доверительном управлении имуществом должной заботливости об интересах выгодоприобретателя, возмещает ему упущенную выгоду за время доверительного управления имуществом [3].

Для современной России важным фактором развития рыночных отношений является защита гражданских прав в области предпринимательства, в частности, недопущение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, то есть осуществления действий хозяйствующих субъектов, нацеленных на ограничение или устранение конкуренции.

В Российской Федерации хозяйствующим субъектам, занимающих доминирующее положение в какой-либо сфере рынка товаров или услуг, запрещено злоупотреблять данным обстоятельством. Подобными злоупотреблениями признаются действия, сопряжённые с ограничением или прекращением производства либо изъятием товаров из обращения с целью создания искусственного дефицита или наоборот повышение цены, навязывание контрагенту условий договора, не выгодных для него, либо не относящихся к предмету договора и так далее.

Между тем представляется, что развитие конкуренции в России является неперенным условием выполнения актуальных в современных условиях задач, обозначенных в национальных проектах, по импортозамещению и достижению технологического суверенитета. Сегодня это важнейшие, ключевые направления преобразований в стране. Без решения задач в этой сфере страна не сможет добиться преодоления технологической отсталости и повышения производительности труда. То есть, базовыми условиями для экономического и технологического развития страны, залогом обновления и ее динамичного движения во всех сферах жизни является честная и справедливая конкуренция.

В заключение отметим, что легального определения добросовестности в гражданском праве действующее законодательство не содержит. И поскольку субъекты правоотношений, осуществляя свои права, добиваясь достижения и реализации своих материальных интересов, выступают в качестве конкурирующих сторон, их интересы часто не совпадают. Поэтому, как отмечает Р.Р. Лугманов, принцип добросовестности направлен на саморегуляцию участников гражданского оборота, которые, во-первых, должны следовать букве и духу закона, и, во-вторых, ограничивать эгоизм в преследовании собственных интересов и учитывать интересы своих контрагентов [8]. То есть, этот нравственный ориентир материализован в нормах гражданского права.

Таким образом, действующее гражданское законодательство РФ закрепляя принцип свободной реализации принадлежащих физическим и юридическим лицам прав, в то же время предъявляет законодательные требования, которые обязаны соблюдать субъекты гражданского права, действуя разумно и добросовестно. И хотя добросовестность как гражданско — правовой принцип содержит морально — этическую составляющую, но при этом она в гражданском праве наполнена содержанием, имеющим важнейшее значение для стабильного и устойчивого развития гражданского оборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 12.11.2022 года.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: [федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ, 29.01.1996, N5, ст. 410.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Консультант плюс. (Дата обращения 11. 11. 2022)
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Консультант плюс. Дата обращения 12.11. 2022
6. Жилищный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 1, ч. 1, ст. 14.
7. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 5.
8. Лугманов Р.Р. Принцип добросовестности как средство развития права//Право и политика. — 2021. — № 5

© Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

FEATURES OF THE ENFORCEMENT OF THE JUDICIAL DECISION ON THE ADOPTION OF RUSSIAN CHILDREN BY FOREIGN CITIZENS

E. Nebesnaya

Summary. The article analyzes the features of the execution of a court decision on the adoption of Russian children by foreign citizens. The features of the issuance of court decisions in cases of international adoption and the timing of their execution are considered. The procedure for registering a child after adoption by foreign citizens and arrival in the country of residence is given. The key problems of the adoption of Russian children by foreign citizens are identified, related to the complexity of protecting their rights and interests.

Keywords: international adoption, Russian children, foreign citizens, court decision, adoption problems.

Небесная Елизавета Олеговна

*Аспирант, Саратовская государственная
юридическая академия
9631149307@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности исполнения судебного решения об усыновлении российских детей иностранными гражданами. Рассматриваются особенности вынесения судебных решений по делам о международном усыновлении и сроки их исполнения. Приводится порядок регистрации ребёнка после усыновления иностранными гражданами и прибытия в страну проживания. Выявляются ключевые проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами, связанные со сложностью защиты их прав и интересов. Автором формулируются предложения по совершенствованию законодательства о международном усыновлении.

Ключевые слова: международное усыновление, российские дети, иностранные граждане, судебное решение, проблемы усыновления.

Согласно законодательству Российской Федерации, в вопросах усыновления российских детей приоритет отдаётся гражданам России, которые, однако же, часто отказываются от усыновления в силу ряда причин, обычно носящих экономический характер [1]. В этом случае ребёнок может быть усыновлён иностранными гражданами, для которых подобные проблемы не являются препятствием. Несмотря на сложности процедуры международного усыновления, у иностранных граждан сохраняется интерес к усыновлению российских детей, о чём свидетельствуют данные Обзора практики трансграничного усыновления Верховного Суда РФ [2]. Так, в 2021 году судами было рассмотрено 72 дела о международном усыновлении с вынесением решения, что на 71% больше, чем в 2020 году, когда снижение числа подобных дел было обусловлено принятием на федеральном и региональном уровнях мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции. В то же время за последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к сокращению количества рассматриваемых дел о международном усыновлении (в 2012 году — 2426 дел [3], в 2015–670 дел [4], в 2019–203 дела). Дан-

ное обстоятельство в том числе обусловлено существующими в российском законодательстве проблемами, связанными с отсутствием сформированного унифицированного режима международного усыновления и механизмов, обеспечивающих полноценную защиту прав и интересов детей, передаваемых на воспитание усыновителям в зарубежные страны. В связи с этим актуальным представляется исследование специфики и проблемных аспектов исполнения судебных решений о международном усыновлении российских детей.

Под международным усыновлением понимается форма устройства оставшихся без попечения родителей детей, предусматривающая их передачу на попечение лицам, являющимся гражданами иностранного государства, которые способны обеспечить им надлежащий уход и должный уровень жизни [5]. Основные положения о международном усыновлении в России закреплены в ст. 165 СК РФ [6]. В их основе заложена идея о приоритете прав и интересов ребёнка, поэтому в случае их нарушения усыновление не производится, а уже проведённая процедура отменяется в судебном порядке [7]. При трансграничном усыновлении дол-

жен быть соблюден ряд норм, проверка выполнения которых осуществляется судьёй в процессе подготовки дела об усыновлении к судебному разбирательству. После завершения разбирательства составляется судебное решение, точность, правильность и понятность формулировок которого во многом определяют правильность его последующего исполнения [8].

По общим правилам гражданского процессуального законодательства решение об иностранном усыновлении вступает в законную силу после истечения срока на апелляционное обжалование, то есть через 10 дней. Вместе с тем, статья 212 ГПК РФ даёт суду право обратиться к немедленному исполнению. Так, согласно п. 1 указанной статьи суд может по просьбе истца обратиться к немедленному исполнению решения, если вследствие особых обстоятельств замедление его исполнения может привести к значительному ущербу для взыскателя или исполнение может оказаться невозможным [9]. Указанные нормы распространяются и на дела о международном усыновлении.

Их положения конкретизируются применительно к рассматриваемой категории дел в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 N8, а именно: «при наличии исключительных обстоятельств, вследствие которых замедление в исполнении решения об усыновлении может привести к невозможности самого исполнения, суд вправе по просьбе усыновителей (усыновителя) обратиться к немедленному исполнению» [10].

В указанном постановлении раскрывается понятие исключительных обстоятельств. Так, под такими обстоятельствами понимаются ситуации, когда ребёнку требуется срочная госпитализация для проведения курса лечения и (или) оперативного вмешательства, в этом случае промедление ставит под угрозу жизнь и здоровье ребёнка.

После вступления в законную силу решения суда органы ЗАГСа вносят соответствующие изменения в актовую запись о рождении ребёнка. В новом свидетельстве о рождении иностранные граждане указываются родителями ребёнка.

Далее не позднее, чем три месяца с момента прибытия на территорию государства проживания, ребёнок должен быть поставлен на консульский учёт, после чего свидетельство об этом передается в правительственное учреждение России по попечительству и социальной защите [11]. Последнее обязуется осуществлять периодические проверки бытовых условий проживания ребёнка, процесса обучения, состояния здоровья, отправлять рапорты российскому попечительскому Совету.

На первый взгляд, процедура международного усыновления, в том числе в области усыновления российских детей иностранными гражданами, достаточно подробно регламентирована действующим законодательством, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Дополнительные условия закреплены в международных договорах.

Однако исполнение судебного решения о трансграничном усыновлении сопряжено с рядом проблем. Согласно ст. 127 СК РФ, иностранные граждане, желающие стать усыновителями, должны пройти подготовку к принятию ребёнка в семью [12]. Потенциальные усыновители имеют право предоставить документы о прохождении данной подготовки на территории государства их постоянного проживания, что не отвечает интересам усыновляемого ребёнка, поскольку иностранная программа подготовки может значительно отличаться от российской и не учитывать культурных, этических и психологических особенностей, близких ребёнку [13]. Это может создать потенциальные сложности в процессе адаптации ребёнка как в новой семье, стране, так и в культуре в целом. Более рациональным представляется закрепление обязательности подготовки будущих усыновителей в специализированных центрах на территории России, поскольку разрабатываемые в них программы учитывают этническое происхождение, родной язык, отношение к религии и культуре ребёнка, что благоприятно сказывается на его адаптации в новой семье.

Наиболее значимой является проблема контроля за соблюдением прав и законных интересов детей, усыновлённых иностранными гражданами [14]. Согласно ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, Россия гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за пределами государства, что распространяется и на детей, которые были усыновлены иностранными гражданами. Однако в силу того, что за границами России её юрисдикция заканчивается, исполнение данной функции является затруднительным. Ребёнок, оказавшийся на территории другого государства, фактически становится беззащитным, поскольку его переезд в государство усыновителя лишает российские социальные службы возможности оказывать предусмотренную российским законодательством помощь усыновлённым детям.

Как указано ранее, после прибытия в страну проживания иностранные усыновители должны в трёхмесячный срок зарегистрировать усыновлённого ребёнка в российском консульском представительстве [15]. Вместе с тем, российское законодательство не содержит правовых механизмов воздействия на иностранных усыновителей. Можно сказать, что исполнение данного обязательства носит фактически добровольный

характер. Более того, такого обязательства не имеют и консулы, которые в силу своего правового положения имеют компетенцию на свободный доступ и контакт с гражданами России, пребывающими за границей, представляют их интересы в органах государства пребывания. Это увеличивает риск нарушения прав детей, которые были переданы на воспитание в семьи иностранных государств.

Согласно ст. 275 ГК РФ, в случае нарушения прав усыновлённого ребёнка усыновившими его лицами производится отмена усыновления. Данная мера направлена на защиту законных интересов и прав ребёнка на духовное и физическое развитие, полноценное воспитание в семье, заботу усыновителей и их родственников и обеспечение благополучия, а в ряде случаев — на защиту его безопасности [16]. В случае отмены усыновления ребёнок изымается из усыновившей его семьи и передаётся родителям либо на попечение органа опеки и попечительства.

Вместе с тем в случае международного усыновления его отмена фактически невозможна [17]. Это обусловлено отсутствием в законодательстве ряда стран положения об отмене усыновления, а также необходимостью получения российским судом согласия иностранных усыновителей на осуществление отмены. В случае же, если иностранные усыновители не справляются с воспитанием ребёнка, но не обращаются в российский суд для отмены усыновления, ребёнок передаётся в другую семью или в социальное учреждение в зарубежном государстве.

Однако за компетентными зарубежными органами не закрепляется ответственность по наблюдению за условиями воспитания и жизни усыновлённого иностранного ребёнка, вследствие чего его судьбу ребёнка достаточно сложно отследить [18].

Для разрешения настоящей проблемы предполагается необходимым закрепление на законодательном уровне основных форм контроля за судьбой детей, переданных на усыновление в иностранные государства, внесение подобных положений в международные договоры об усыновлении, заключение дополнительных соглашений.

Так, следует признать обязательной регистрацию усыновленного ребенка в российском консульском представительстве в трёхмесячный срок с момента его прибытия на территорию государства проживания. Обязательность такой регистрации обеспечит возможность проведения последующих форм контроля, а именно: предполагается целесообразным установить обязательные формы регулярной отчетности ино-

странных усыновителей о состоянии здоровья ребенка, условиях его жизни, процессе адаптации и т.д.

Регулярность таких отчетов может устанавливаться в зависимости от каждой конкретной ситуации. Так, если ребенок не достиг возраста 10 лет, усыновлен недавно, имеет физические или психические заболевания, требующие особого подхода в лечении и воспитании, испытывает трудности в адаптации, то иностранным усыновителям придется чаще подтверждать добросовестность выполнения родительских обязанностей.

В случае, если ребенок уже давно проживает в приемной семье, не имеет проблем в социальной сфере, аналогичные отчеты ранее поступали от приемных родителей регулярно и не содержали в себе поводов для особого внимания со стороны органов опеки, то количество таких отчетов может быть сведено к одному разу в год.

Формы подобных отчетов так же должны устанавливаться индивидуально, в частности, предполагается разумным представлением фото-видеоматериалов, сведений из учебных, социальных учреждений, заключений детских психологов, а также возможности проведения личной беседы с ребенком.

Подобная отчетность направлена на обеспечение защиты ребенка и его интересов, потому не должна служить угрозой нарушения тайны усыновления ребенка и нарушать права членов семьи на неприкосновенность частной жизни. Поэтому предполагается недопустимым произвольное вмешательство в жизнь приемной семьи со стороны контролирующих органов (внезапные визиты должностных лиц для осмотра условий проживания, опрос соседей, контакты с ребенком без согласия родителей и т.д.) без наличия на то оснований, поскольку это может создать напряженную обстановку в семье, невозможность формирования полноценных детско-родительских отношений.

Кроме того, необходимо соблюдать баланс между стремлением обеспечить безопасность усыновленного ребенка на территории иностранного государства и возложением на приемного родителя излишних формальных обязанностей, которые могут усложнить процедуру усыновления и потому сделать усыновление российских детей непривлекательным для иностранных граждан, что, в свою очередь, так же нарушит интересы сирот, лишив их шанса обрести семью.

Установление обязательных форм контроля за судьбой усыновленного ребенка подразумевает под собой наличие определенных мер воздействия в случае неисполнения предписаний.

Так, при однократном непредставлении отчета в установленный срок в отсутствие подтверждения уважительности причин его пропуска либо наличия незначительных нарушений, возможно объявление приемным родителям предупреждения, назначение дополнительных отчетов.

В случае систематического пропуска отчетов, невозможности установить условия и обстоятельства жизни ребенка, предполагается возможным применение мер непосредственного контроля со стороны уполномоченных органов — осмотр места проживания ребенка, направление запроса в учебное заведение, где учится ребенок, для получения сведений и т.д.

В случае явного несоблюдения прав и интересов ребенка, применения жестокости по отношению к нему, в условиях бездействия органов опеки и попечительства иностранного государства по месту проживания ребенка необходимо закрепить возможность отмены международного усыновления по инициативе российской стороны. Указанная мера является радикальной и крайне непредпочтительной, прибегать к ней следует лишь в исключительных случаях, когда отмена усыновления будет являться единственной возможностью защитить жизнь и здоровье ребенка.

В этом случае неоднозначным является вопрос о дальнейшей судьбе ребенка в случае такой отмены иностранного усыновления: ребенок может быть как возвращен в страну происхождения, так и направлен в другую семью или в социальное учреждение в государстве проживания. Если ребенок уже прожил определенное время в другой стране, адаптировался к новому языку, культурным особенностям, имеет круг общения и т.д., то возвращение ребенка в страну происхождения может противоречить его интересам.

О случаях, когда ненадлежащее обращение с ребенком было зафиксировано органами опеки и попечительства государства-усыновителя, а сам усыновленный был изъят из приемной семьи и передан в другую семью или в социальное учреждение, также необходимо информировать страну происхождения усыновленного ребенка, чтобы сохранить возможность отследить судьбу ребенка на территории другого государства.

Таким образом несмотря на то, что ребенок после завершения процедуры усыновления приобретает гражданство другой страны, новую семью, и следующие из этого права и обязанности, он, тем не менее, нуждается в защите со стороны страны его происхождения, поскольку находится в особенно уязвимом положении в силу возраста, стресса от смены страны проживания, другой культуры, языка и т.д.

Более того, даже при неукоснительном соблюдении всех норм об усыновлении, особой тщательности рассмотрения судами подобных категорий дел, никогда нельзя достоверно предположить отсутствие нарушения прав ребенка в новой семье в будущем.

Кроме того, следует подчеркнуть, что указанные меры направлены исключительно на обеспечение защиты прав ребенка и его безопасности, гарантии соблюдения его интересов, а не на ограничение прав приемных родителей. Предполагается, что указанные меры контроля никаким образом не повлияют на добросовестное исполнение родительских обязанностей, вместе с тем, позволят, с одной стороны, предотвратить, а, с другой стороны, как можно раньше обнаружить факты нарушения прав детей и оказать своевременную поддержку и защиту.

Также с учётом современной политической ситуации всё большую актуальность приобретает проблема рассмотрения политической обстановки в государствах, гражданами которых являются потенциальные усыновители [19]. Так, заявления о международном усыновлении, поступающие от граждан государств, в которых ведутся военные действия либо имеет место практика нарушения прав человека, должны рассматриваться судами с особой тщательностью. К примеру, согласно Федеральному закону N272-ФЗ, российские дети не могут быть усыновлены гражданами Соединённых Штатов Америки [20]. Однако необходимость повышенного контроля к безопасности ребёнка не должна приводить к полному запрету на усыновление детей гражданами иностранных государств, поскольку подобная позиция может напрямую противоречить интересам ребёнка.

Таким образом, институт международного усыновления в Российской Федерации сопряжён с рядом значимых проблем, часть которых связана с исполнением судебного решения об усыновлении. С учётом современной политической ситуации можно прогнозировать дальнейшее сокращение числа усыновлений российских детей иностранными гражданами, связанное с отказами российских судов. Однако, поскольку в вопросах усыновления приоритетным является защита интересов ребёнка, фактический запрет трансграничного усыновления не может быть эффективен. Более целесообразным представляется дальнейшее совершенствование российского законодательства об усыновлении в части нормативного регулирования механизма процедуры усыновления и мер контроля и ответственности на национальном и международном уровнях, что позволит более эффективно защищать права и интересы российских детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волочкова О.Ю. Правовые проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами // *Science Time*. — 2018. — № 2 (50). — С. 10–15.
2. Обзор практики рассмотрения в 2021 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1546888/> (дата обращения: 08.11.2022).
3. Обзор практики рассмотрения в 2012 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации — URL: <http://www.supcourt.ru/files/14279/> (дата обращения: 08.11.2022).
4. Обзор практики рассмотрения в 2015 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2016) [Электронный ресурс] // Кодификация РФ. — URL: https://rulaws.ru/vs_rf/Obzor-praktiki-rassmotreniya-v-2015-godu-oblastnymi-i-ravnymi-im-sudami-del-ob-usynovlenii-detey-inosolt-bubjhdea/ (дата обращения: 08.11.2022).
5. Чуркина Л.М. К вопросу о правовом регулировании международного усыновления // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 283–290.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 08.11.2022).
7. Аграшева О.Е. Особенности усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами // *Вопросы российской юстиции*. — 2020. — № 9. — С. 181–191.
8. Цепкова Т.М., Бахарева О.А. Некоторые процессуальные особенности решения суда по делам об усыновлении ребёнка и его исполнение // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. — 2019. — № 3 (128). — С. 133–138.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 08.11.2022).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 N8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 08.11.2022).
11. Силина Т.Б., Мухина И.Ю. Проблемы усыновления в Российской Федерации // *Проблемы правоохранительной деятельности*. — 2019. — № 4. — С. 50–54.
12. Ляхова М.В. Некоторые вопросы усыновления иностранными гражданами несовершеннолетних граждан Российской Федерации // *Вестник науки*. — 2019. — Т. 1, № 6 (15). — С. 290–297.
13. Степкина К.М., Орлова А.С. Актуальные проблемы международного усыновления // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2022. — № 4–3 (67). — С. 192–195.
14. Сбитнев В.С. Актуальные проблемы в сфере трансграничного усыновления // *Вопросы российской юстиции*. — 2021. — № 14. — С. 319–332.
15. Ламейкина Е.Ю. Проблемы правового регулирования международного усыновления // *Закон и право*. — 2019. — № 11. — С. 71–75.
16. Соловьёв В.Ю. Отмена усыновления как форма защиты основополагающих прав ребёнка в гражданском процессе Российской Федерации // *Образование и право*. — 2020. — № 5. — С. 145–151.
17. Гиленко Л.А. Проблемы регулирования международного усыновления в российском законодательстве // *Вестник магистратуры*. — 2019. — № 10–1 (97). — С. 39–40.
18. Качалова Е.Ю. Актуальные проблемы международного усыновления // *Закон и право*. — 2019. — № 2. — С. 76–79.
19. Чуркина Л.М. Основные проблемы правоприменительной практики и меры совершенствования законодательства о международном усыновлении в Российской Федерации // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. — 2019. — Т. 1, № 2. — С. 84–94.
20. Федеральный закон от 28.12.2012 N272-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 08.11.2022).

© Небесная Елизавета Олеговна (9631149307@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОС РЕСТИТУЦИИ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

THE ISSUE OF RESTITUTION OF CHURCH PROPERTY IN THE DEVELOPMENT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE POST-SOVIET PERIOD

D. Olikhov

Summary. In the post-Soviet period, the issue of restitution was one of the most important in the sphere of state-confessional relations. The laws adopted during this period did not fundamentally resolve the issue of restitution of church property taken away or destroyed under Soviet rule. In general, it should be recognized that there is no unconditional return to the Church of its movable and immovable property as before the start of mass confiscations in 1918, i.e. restitution in the full sense of the term, as the Church hoped for.

Keywords: restitution, church property, state-confessional relations, post-Soviet period.

Олихов Дмитрий Владимирович

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, Омская духовная семинария Омской Епархии Русской Православной Церкви; Омский Государственный университет им. Ф.М. Достоевского
olikhovd@inbox.ru

Аннотация. Вопрос о реституции являлся в постсоветский период одним из важнейших в сфере государственно-конфессиональных отношений. Принятые в этот период законы принципиально не разрешали вопрос о реституции церковного имущества, отнятого или уничтоженного при советской власти. В целом, следует признать отсутствие безоговорочного возврата Церкви ее движимой и недвижимой собственности по состоянию до начала массовых конфискаций в 1918 г., т.е. реституции в полном смысле этого понятия, как на то надеялась Церковь.

Ключевые слова: реституция, церковное имущество, государственно-конфессиональные отношения, постсоветский период.

В исторической и политологической литературе, как и в трудах по развитию церковно-государственных отношений, устоялось понимание 1991 года (распада СССР) как определенного исторического рубежа, который относится и к нашей теме. В то же время было бы неправильно утверждать о том, что этот рубеж наступил внезапно, неожиданно и был революционным. О факте того, что отношения между государственным аппаратом и церковью начинали восстанавливаться, свидетельствует следующее. В 1983 году Свято-Данилова монастырь был передан в распоряжении Православной Церкви, после чего там была размещена резиденция Патриарха.

Прорывом в качестве церковно-государственных отношений, как и в целом позиционировании Церкви в тогда ещё советском обществе, стала подготовка и празднование 1000-летия Крещения Руси. Ещё 23 декабря 1980 г. Священный Синод образовал специальную Юбилейную Комиссию, что вызвало настороженность партийно-государственного аппарата, который готовился дать отпор «проискам церковников», при том, что формально отношения Церкви и государства были в целом нейтральными, с некоторой позитивной динамикой.

На этом фоне, в условиях стремительно набравшей темпы «перестройки», государство передавало Церкви храмы и монастыри, открывались новые приходы, в газетах и журналах становились обыденными интервью со священнослужителями и их публикации по социальным духовным вопросам.

В годы перестройки Церковь поставила принципиальный вопрос о реституции, на который реформируемое советское государство ответило следующим образом. Совет Министров своим Постановлением от 29.12.1990 № 1372 принял решение о последующей передачи организациям религиозной направленности сооружений, которые ранее принадлежали государственному аппарату. [5] Затем Президент России в своем Распоряжении от 23.04.1993 № 281-рп закрепил ранее принятые решения, позволявшие в долгосрочной перспективе нормализовать государственно-церковные взаимоотношения. [3]

После того, как в 1993 году была принята Конституция РФ, указанные отношения продолжали строиться на основании конституционных положений, согласно которым отношения между государственным аппаратом и Российской Православной Церковью демонстри-

ровали светский характер (ст. 14). Кроме того, в Конституции было указано, что объединения религиозного характера отделены от государства, что делает их равными перед законами РФ.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в определенной степени следует признать компромиссом между государством и Церковью. [2], [7]

Впервые с 1917 г. уже в преамбуле закона признавалась «особая роль Православия» в российской цивилизации. [11] С момента вступления в силу, т.е. почти за 25 лет в текст закона 29 раз вносились правки, что немного относительно других федеральных законов, подверженных так называемой законодательной инфляции. [4] Во всех случаях внесения изменений, Церковь выражала свою позицию, которая, однако, не всегда принималась.

Необходимо добавить, что Российская Православная Церковь демонстрирует озабоченность тем, что в законе отсутствуют положения, которые бы позволили регламентировать механизмы, позволяющие защищать религиозные ценности традиционного характера. Кроме того, не определен механизм, позволяющий религиозным официальным лицам реализовывать активность социального характера. Также для священнослужителей отменена отсрочка от воинского призыва. Этот вопрос теперь регламентируется Указом Президента РФ от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу». Согласно тексту Указа, организации религиозного характера должны обращаться к государству с просьбой предоставить отсрочку священнослужителям, что ограничивается следующим количеством: не более ста пятидесяти человек в год. Кроме того, в тексте указано, что правом на отсрочку обладают лица, имеющие духовный сан (звание) и занимающие должность в религиозных организациях, а также помощники командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими.

Принятие закона принципиально не разрешало вопрос о реституции церковного имущества, отнятого или уничтоженного при советской власти. Трудности в его решении имеют несколько аспектов. Прежде всего, это масштаб изъятых и/или разрушенных, давность этих событий, интересы сохранения культурного наследия. Мы же обратим внимание на проблемы обоснования (подтверждения) прав собственности. Дело в том, что в Российской империи церковно-имущественное право было развито фрагментарно и в отсутствие кодифицированного гражданского законодательства,

представляло собой в большей степени совокупность разрозненных актов, отсылок к актам, и судебную практику. Например, в законодательстве отсутствовало определение церковного имущества. В результате государственный аппарат обращался к ч. II Свода местных узаконений губерний Остзейских в качестве аналогии, согласно которому имущество, позволявшее церкви функционировать, признавалось в качестве ее собственности. [6] На основании изложенного приходим к выводу о том, что правовой режим церковной собственности держался в большей степени на традиции, чем на законе.

В условиях сформированной институциональной среды РПЦ приступила к концептуальной проработке механизма государственно-церковных отношений. В рамках указанной деятельности РПЦ в 2000 году принимает «Основы концепции социального характера». Согласно тексту указанного документа, Церковь берет на себя обязательство не вмешиваться в государственную деятельность, но при этом продолжает защищать права и свободы лиц, придерживающихся православного вероисповедания. При этом в 2010 году митрополит Илларион утверждал, что Божественные законы стоят выше мирских, подразумевая под этим, что православные верующие могут игнорировать государственные предписания, если они противоречат заповедям или принуждают к совершению греховных поступков.

Следует добавить, что «Основы социальной концепции» позволили сформировать базу, позволявшую государственному и церковному аппаратам сотрудничать в следующих сферах деятельности: образовательные и воспитательные процессы, благотворительность.

По части из указанных направлений взаимодействия развивается противоречиво, например, в части дискуссии и практики преподавания в школах «Основ православной культуры».

После того, Советский Союз прекратил свое существование, сфера имущества демонстрирует отсутствие изменений. Большая часть храмов и монастырей продолжают представлять собой собственность государства. Исключение составляют только те здания, что были возведены в течение двадцати последних лет. Такая же ситуация сложилась с церковным имуществом, среди которого необходимо отметить иконы, утраченные в результате советской экспроприации. [13]

Согласно положениям ФЗ № 327 от 30.11.2010, был определен порядок, согласно которому государство может передавать РПЦ в собственность. [1]

Имело место дискуссия активного характера указанного Федерального закона, в результате которой были обозначены два мнения. Согласно первому, которое является официальным, Советское руководство в отсутствие законности отобрало церковное имущество. [14]

Согласно другому мнению, имущество, ранее изъятое, в настоящее время не представляется возможным вернуть по следующей причине. Указанное имущество представляет историческую и культурную ценность, в результате чего невозможно профессионального поддержать его сохранность.

Критики закона опасаются превращения Церкви в крупного собственника, который может заявить свои политические интересы. [8] Ссылаясь на выступление В.В. Путина 8 февраля 2012 г. перед представителями религиозных конфессий в Свято-Даниловом монастыре (о бюджетном финансировании восстановительных работ), А.А. Дорская апеллировала к следующему. Статус правового характера имущества Церкви до 2017 года не был закреплен законодательно, в результате чего РФ не несет ответственность за действия Советского руководства, повлекшие экспроприацию церковного имущества. [9]

Сторонники действующего регулирования указывают на то, что государство, не будучи в состоянии восстанавливать и поддерживать объекты культурного наследия, передает их собственнику, возлагая на него соответствующую ответственность. В то же время Церковь, в отличие от государства, не имеет специализированных структур, способных массово и профессионально это обеспечить.

Возврат Церкви её прежней собственности предполагается международно-правовыми актами. В этом смысле претензий к России мало или они отсутствуют. По данным Р.В. Маранова в ЕСПЧ не было дел против РФ по правам собственности религиозных организаций. [12] В соответствии со ст. 21 № 125-ФЗ, ФЗ № 327, а также Постановлением Правительства РФ № 490 от 30 июня 2001 г. «О порядке передачи религиозным

организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения» отношения имущественного характера находятся в сфере государственной компетенции.

Передача имущества религиозного назначения в собственность, либо безвозмездное пользование религиозным организациям попадает под действие пункта 2 статьи 12 ГК РФ, ст. 5 ЗемК РФ, п. 4 ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., а также культуроохранным законодательством (п. 2 ст. 10). Церкви не передается имущество религиозного назначения из музейных фондов, архивов и библиотек (п. 2 ст. 1). Действующее законодательство базовым критерием определения объектов входящих в сферу интересов Церкви определяет их назначение.

В рамках российского законодательства следует говорить о том, что Церковь демонстрирует наличие правоспособности специального характера, что выражается в реализации тех обязанностей и прав, что соответствуют целям ее деятельности. Указанные факты подтверждаются смыслом статьи 49 Гражданского кодекса РФ.

Так, согласно смыслу пункта 1 статьи 10, религиозное объединение обладает правом пользоваться своим имуществом на основании российского законодательства в соответствии с целями, обусловленными характером деятельности указанной организации. Государство, в свою очередь, может передавать имущество исключительно религиозным объединениям централизованного значения. Отрицая процесс реституции церковной собственности в современной России, А.А. Дорская утверждает, что указанный процесс, в ходе которого государство передает Церкви имущество, на сегодняшний день представляется проблематичным [10]. В целом, следует признать отсутствие безоговорочного возврата Церкви ее движимой и недвижимой собственности по состоянию до начала массовых конфискаций в 1918 г., т.е. реституции в полном смысле этого понятия, как на то надеялась Церковь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание законодательства РФ от 6 декабря 2010 г. № 49. Ст. 6423.
2. Собрание законодательства РФ от 29 сентября 1997 № 39. Ст. 4465.
3. Распоряжение Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993, 26 апреля, № 17. Ст. 1455.
4. Указ Президента РФ от 12 июля 2012 г. № 969. [Электронный источник] / URL: <https://base.garant.ru/70199802/> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1990 г. № 1372. [Электронный источник] / URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8616#Y7jVFNTWE33487fr2> (дата обращения: 15.11.2022).
6. Высоцкий К. Церковно-имущественное право по русскому законодательству // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. XVII, К н.1. Январь. С. 74–128.

7. Государство и Церковь в России: 20-летний опыт взаимоотношений // Выступление митр. Илариона на II православно-католическом форуме 19 октября 2010 г. о. Родос, Греция // Радонеж. [Электронный источник] / URL: <https://radonezh.ru/monitoring/gosudarstvo-i-tserkov-v-rossii-20-letny-opyt-vzaimootnosheny-mitropolit-volokolamsky-ilarion-sluzhba-21245.html> (дата обращения: 15.11.2022).
8. Государство и Церковь: изменение структуры отношений // Религия и право. 2010. № 2. С.3-6.
9. Дорская А.А. Передача имущества религиозного назначения религиозным организациям: проблема юридической квалификации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 107–111.
10. Дорская, А.А. Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность: монография / А.А. Дорская. — Санкт-Петербург: Астерион, 2012. — 222 с.
11. Исаев Д.В. Правовой аспект передачи государственного и муниципального имущества Калининградской области в собственность Русской Православной Церкви // Общегосударственная и региональная тематика в современных историко-правовых исследованиях. Сб. науч. ст./ Сост. А.А. Дорская. СПб.: Дстерион, 2012. С. 149–153.
12. Маранов Р.В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести. М.: НП «Славянский правовой центр», 2009. 384 с.
13. Осавелюк А.М. Размышления о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституции России) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 32–42.
14. Шершнёва-Цитильская И.Д. О способах перехода права собственности на имущество Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. // Государство и право. 2011, № 8. С. 77–85.

© Олихов Дмитрий Владимирович (olikhovd@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Омск

РЕГИСТРАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ

REGISTRATION OF REGIONAL BRANCHES OF A POLITICAL PARTY ON HIGH ALERT MODE

A. Palyulin

Summary. In this paper, the features of the registration actions in relation to the regional branches of political parties are considered. The period of spring 2020 is considered, when the personal reception of citizens in the bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation was prohibited. The legal collision of the inadmissibility of the suspension of the activities of political parties except on the basis of a court decision in conditions of high alert is being investigated. The paper analyzes the legal basis for filing documents for registration with the Ministry of Justice of the Russian Federation by mail with certification by a notary and through authorized persons of the organization.

Keywords: political party, regional branch, Ministry of Justice, form 11001, notary, Russian post.

Палюлин Антон Юрьевич
Университет «Синергия»
anton@palyulin.ru

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены особенности совершения регистрационных действий в отношении региональных отделений политических партий. Рассматривается период весны 2020 года, когда личный прием граждан в органах Минюста РФ был запрещен. Исследуется правовая коллизия недопустимости приостановки деятельности политических партий иначе как на основании решения суда в условиях режима повышенной готовности. В работе анализируются правовые основы подачи документов на регистрацию в Минюст РФ почтой с заверением у нотариуса и посредством уполномоченных лиц организации.

Ключевые слова: политическая партия, региональное отделение, Минюст, форма 11001, нотариус, почта России.

Весной 2022 года мир столкнулся с новой угрозой — новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Вирус во многом парализовал экономику и частично — деятельность органов государственной власти.[7] Федеральным государственным органам и органам субъектов Российской Федерации было предписано определить численность государственных служащих и работников, обеспечивающих функционирование таковых органов в период действия мер санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19).[6] Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации рекомендовало всем органам и организациям временно ограничить личный прием граждан, пришедших на личный прием, рекомендовать гражданам обращаться органы и организации в письменной форме[10]. Данная рекомендация была исполнена, в том числе территориальными органами Министерства юстиции РФ.

Вместе с тем, деятельность политических партий и их региональных отделений не могла быть приостановлена иначе, как Верховным судом РФ или решением верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда авто-

номной области и автономного округа на основании заявления Министерства юстиции РФ или его территориального управления соответственно.[3] Политическая деятельность не могла и не была приостановлена.

Сложилась ситуация, при которой созданные в начале 2020 года политические партии «За правду» (учредительный съезд 1 февраля 2020 г)[16], «Новые люди» (учредительный съезд 1 марта 2020 г)[15], «Партия прямой демократии» (учредительный съезд 5 марта 2020 г)[17] и «Зелёная альтернатива» (учредительный съезд 10 марта 2020 г)[14], пройдя регистрацию в Министерстве юстиции РФ, должны были создать региональные отделения в не менее, чем половине субъектов Российской Федерации в течение 6 месяцев со дня государственной регистрации политической партии.[3]

Регистрирующим органом для политической партии является Министерство юстиции РФ, а для ее региональных отделений — территориальные управления Минюста РФ.[12] При этом указанные органы не производили личный прием граждан. Если государственная регистрация самых «припозднившихся» политических партий «Партия прямой демократии» и «Зелёная альтернатива» завершилась 1 апреля 2020 года[13], то в тот же день был принят Федеральный закон от 01.04.2020

№ 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», которым были внесены в том числе поправки в Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», которым органы государственной власти субъектов Российской Федерации были уполномочены применять подп.м) п. 1 ст. 11 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и ввести режим повышенной готовности.

С этого момента полномочия государственных органов власти субъектов Российской Федерации стали массово принимать в рамках своих полномочий постановления о введении режима повышенной готовности на территории субъекта РФ.

Возникла коллизия: с одной стороны, прием населения и регистрационные действия территориальными органами Министерства юстиции РФ были невозможны, с другой стороны, как уже было отмечено выше, деятельность политических партий не могла быть приостановлена, а обязанности по регистрации региональных отделений политических партий в половине субъектов Российской Федерации никто не отменял.

Выходом из сложившейся ситуации стала подача документов в территориальные управления Минюста РФ при помощи Почты России и курьерских служб, которые продолжали работу в штатном режиме. Сложившаяся к концу 2020 года судебная практика подтвердила, что пересылка документов в период пандемии при помощи Почты России и курьерских служб является надлежащим и рекомендуемым способом уведомления контрагентов и государственных органов.[9]

На учредительном съезде партиями утверждались следующие документы, которые направлялись лицу, уполномоченному на осуществление государственной регистрации[8]:

- ◆ решение о создании региональных отделений партии;
- ◆ решение о назначении лица, уполномоченного на осуществление государственной регистрации с его контактными данными.

Данные решения подписывались председателем и секретарем учредительного съезда, заверялись уполномоченным лицом партии. Лицом, уполномоченным на осуществление государственной регистрации, был либо представитель центрального аппарата партии в случае, если регистрация происходила централизо-

ванно, либо представитель регионального отделения в случае, если регистрация региональных отделений происходила децентрализованно, в различных субъектах РФ.

Лицо, уполномоченное на осуществление государственной регистрации, должно было подтвердить свои полномочия на учредительном собрании или конференции регионального отделения, о чем делался протокол собрания. Его подписывали председатель и секретарь собрания, при этом заверяло на месте швива уполномоченное лицо регионального отделения.

Уполномоченному лицу регионального отделения также передавались или пересылались:

- ◆ копия устава партии;
- ◆ копия политической программы партии;
- ◆ копия свидетельства о государственной регистрации партии в Минюсте РФ.

Копии данных документов заверялись уполномоченным лицом партии.

Особо следует отметить роль нотариального заверения при подаче документов на регистрацию регионального отделения почтой. Поскольку высший единоличный руководящий орган партии не мог лично подать заявление в территориальные управления Минюста 43 и более субъектов Российской Федерации (на весну 2020 года в РФ состояло 85 субъектов Федерации[1], требовалось создать региональные отделения в не менее, чем половине из них), у нотариуса следовало заверить как минимум два документа. Первый — это доверенность для каждого уполномоченного лица регионального отделения на совершение действий от имени политической партии[8]. Дело в том, что учредительный съезд партии уполномочивал создавать региональные отделения уполномоченное лицо от имени партии, а единственным лицом, имеющим право действовать без доверенности от имени политической партии, являлся высший единоличный руководящий орган политической партии.[4] Таким образом, форму 11001 на создание регионального отделения партии подписывал либо высший единоличный руководящий орган политической партии, либо уполномоченное съездом и собранием регионального отделения уполномоченное лицо регионального отделения. Форма 11001 не могла быть заверена в территориальном органе Минюста РФ при подаче документов в связи с отсутствием личного приема граждан,

Доверенности и формы нотариусы заверяли по предварительной записи, с использованием мер санитарно-эпидемиологической безопасности, соблюде-

нием дистанции, ношением индивидуальных защитных масок и т.д.[11]

К данному перечню документов добавлялись опись, сопроводительное письмо, расписка о получении документов в двух экземплярах, один из которых возвращался на адрес заявителя в бумажном виде или в электронном — на адрес электронной почты, указанной в заявлении по форме 11001.

Несмотря на совершение регистрационных действий в режиме повышенной готовности, необычным как для заявителей, так и для органов Минюста способом, все 4 политических партии, чьи учредительные съезды прошли в феврале-марте 2020 г., успешно и вовремя зарегистрировали региональные отделения в не менее, чем половине субъектов Российской Федерации, и продолжили свою политическую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».
3. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях».
4. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»
5. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».
6. Указа Президента РФ от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».
7. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации».
8. Приказ Минюста России от 26.09.2022 № 199 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций».
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.08.2021 № Ф09–4698/21 по делу № А60–56337/2020.
10. Письмо Минтруда России от 16.03.2020 № 19–0/10/П-2261 «О Методических рекомендациях по режиму труда органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций с участием государства».
11. Информация Минюста России «Организована работа по оказанию нотариальных услуг в режиме «дежурных нотариальных контор» // СПС КонсультантПлюс (по состоянию на 07.04.2020).
12. Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках принятия решений о государственной регистрации некоммерческих организаций (утв. Минюстом России 15.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс»
13. Министерство юстиции Российской Федерации. — URL: <https://minjust.gov.ru/>
14. Василий Ложкин выбран неформальным лидером партии «Зеленая Альтернатива». // Московский комсомолец. — URL: <https://yar.mk.ru/politics/2020/03/11/vasiliy-lozhkin-vybran-neformalnym-liderom-partii-zelenaya-alternativa.html>
15. В России создали партию «Новые люди». // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200301/1566042535.html>
16. Выступили «За правду». Захар Прилепин рассчитывает на участие в парламентских выборах. // «Российская газета». — URL: <https://rg.ru/2020/02/02/zahar-prilepin-rasschityvaet-na-uchastie-v-parlamentskih-vyborah.html>
17. О Партии прямой демократии. // Партия прямой демократии. — URL: <https://digitaldem.ru/dokumenty/about-us/>

© Палюлин Антон Юрьевич (anton@palyulin.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ АКТИВЫ (СЧЕТА): ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

UNCLAIMED ASSETS (ACCOUNTS): REGULATION ISSUES

A. Potkin

Summary. In the context of the digital transformation of the banking sector, the development of services, the acceleration of transactions, the facilitation of information exchange with customers, the problem of unclaimed financial assets should, if not disappear, then be minimized, however, this is not happening. On the contrary, the number and amount of unclaimed accounts tends to grow, creating problems for the banking sector and requiring regulation, which in turn requires precise criteria and definitions of the key concepts of “asset” and “unclaimed”, as well as the rights of the parties in relation to them and in relation to each other.

Keywords: assets, banks, unclaimed assets, dormant accounts, transactions.

Поткин Александр Анатольевич

Аспирант, Московский финансово-юридический
университет МФЮА
5186489@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровой трансформации банковской сферы, развития сервисов, ускорения транзакций, облегчения обмена информацией с клиентами, проблема невостребованных финансовых активов должна была бы если не исчезнуть, то предельно минимизироваться, однако, этого не происходит. Напротив, число и сумма на невостребованных счетах имеет тенденцию роста, создавая проблемы банковской сфере и требуя регулирования, которое в свою очередь, требует точных критериев и определения ключевых понятий «актив» и «невостребованность», а также прав сторон в их отношении и в отношении друг друга.

Ключевые слова: активы, банки, невостребованные активы, «спящие» счета, период невостребованности, транзакции.

В 2020 г. российские и иностранные банки, действующие на территории России, выдали россиянам 19,2 млн. расчетных и кредитных карт, что составило исторический максимум с начала в 2014 г. статистического наблюдения. За весь указанный период было выпущено свыше 300 млн. карт [1], процесс пере выпуска которых идет постоянно. При этом часто на счетах, к которым привязаны вышедшие по разным причинам из употребления карты, остаются мелкие суммы, снимать которые владельцу нет смысла или затруднительно. Часть клиентов банков, особенно пожилых, годами не обращаются к своим счетам, которые в совокупности образуют огромные суммы, которые формально принято называть «спящими» или невостребованными активами. В 2020 г. по данным репрезентативного (3000 опрошенных) российского специализированного социологического исследования, проблема «спящих» счетов была признана актуальной лично для себя 55% респондентов [2].

В общем экономико-правовом смысле и в соответствующей литературе устоялось понимание актива как реального, контролируемого собственником экономического ресурса, имеющего потенциал для извлечения выгоды. Таким образом, активы — это всякие материальные, и/или иные оцениваемые в денежной форме и способные приносить доход блага [3, с.119].

Устоявшееся определение, применительно к предмету настоящего исследования, представляется не вполне точным. Так в современном мире, особенно в развитых экономиках, как мы отметили выше, существенную часть невостребованных активов составляют мелкие остатки на истекших по срокам счетах (картах). Эти остатки менее той суммы, которая могла бы стимулировать владельца предпринимать какие-либо действия по их возврату или использованию, хотя в своей агрегированной массе они могут составлять значительные суммы. Таким образом, мелкий невостребованный остаток вряд ли стоит считать активом для его владельца, в приведенном выше смысле, так как он не является реальным экономическим ресурсом и не способен приносить выгоду и/или прибыль. В то же время, такой остаток нельзя считать и пассивом, так как в агрегированном виде, в масштабе крупного банка или экономики в целом, совокупность «спящих» счетов может составить внушительную сумму, которая будет являться реальным финансовым активом.

Летом 2020 г. Абсолют Банк предложил законодательно предоставить финансово-кредитным организациям право списывать комиссии и кредитные платежи со счетов, по которым свыше года не обновлялись идентификационные данные клиентов. Проведенный в плане изучения общественного мнения опрос пока-

зал, что такой подход поддерживает лишь 14%, тогда как 64% респондентов выступили однозначно против [2]. Таким образом, общество прогнозируемо выступило против односторонних решений и прав.

Нельзя забывать, что владелец «спящего» счёта может осознанно отказываться контролировать его, хотя и знает о нём, свой (особенно мелкий) актив, так как администрирование такого контроля дороже (предполагая временные и иные ресурсы), чем сам актив.

Таким образом, из классического определения актива устраняются два важнейших его критерия. Исходя из этого, в контексте настоящей работы общепринятое понимание (автор не стремится давать «авторских» определений и уточнений, которыми и так сверх меры насыщена современная литература) актива, будет использовано с оговорками. Актив не обязательно контролируется собственником и может не иметь экономической ценности. В то же время он продолжает, как его определяет большинство авторов быть «реальным экономическим ресурсом, всякими материальными и/или иными оцениваемыми в денежной форме благами» [3, с.119].

Под активом (понятие которого остается дискуссионным) в контексте настоящего анализа мы понимаем денежные средства клиента, находящиеся на его счете в финансово-кредитной организации. Исходя из того, что размещение денежных средств в банковской или иной подобной организации сопровождается открытием счёта, правомерно вести речь о невостребованных счетах, по которым клиент не осуществлял транзакций на протяжении «периода невостребованности», хотя финансово-кредитный институт предпринимал безуспешные попытки связаться с ним. В соответствии с действующим гражданским законодательством в этом случае активы остаются в собственности клиента, хотя положение «невостребованности» ведет к значимым юридическим, экономическим и иным последствиям.

Первое из них — рост числа обслуживаемых банком счетов, по которым нет операций, что является глобальным явлением и приметой времени. В условиях интенсивной миграции, геополитической напряженности и экономической нестабильности, пандемии, рационализации экономического поведения (упомянутого выше оставления «копеечных» остатков на счетах), простой забывчивости и др. причин невостребованные счета (НС) и другие невостребованные финансовые активы физических лиц, накапливаясь, достигают в развитых странах десятков миллиардов долларов [11].

Решение этого вопроса напрямую зависит от действующего правового режима НС, прежде всего,

определения и формализации «периода невостребованности» — срока, в течение которого надлежало уведомленный клиент не ведет транзакции и не связывается с финансово-кредитным институтом. Это понимание устоялось в литературе [4, с.201], однако, обратим внимание на два принципиальных момента. Во-первых, клиент, если это специально не оговорено в договоре, не обязан с какой-то особой регулярностью осуществлять транзакции, либо информировать банк о своих намерениях взять «финансовые каникулы». Во-вторых, финансовый институт, также если это специально не оговорено в договоре, не имеет право разыскивать своего временно отсутствующего или «забывчивого» клиента за его «пассивность». Такое поведение, в виде навязчивого напоминания о себе и своих услугах, сегодня негативно оценивается потребителями (клиентами) и обществом в целом. Исключение здесь составляет невостребованное содержимое депозитарных ячеек, аренда которых оформляется срочным договором, где указываются условия востребованности.

В специальной литературе проблема невостребованности в основном рассматривается как относительно новая, присущая практике рыночной экономики и её банковской сферы. С таким подходом можно согласиться лишь отчасти. Проблема возникла не сегодня, однако в России действительно нет сформированной правовой традиции её решения. В то же время, в СССР был опыт регулирования лавинообразного роста невостребованных счетов в сберкассах. Первый раз он был связан с коллективизацией, затем — с Великой Отечественной войной. Далее прирост невостребованных средств был стабильно минимальным, и они автоматически переводились в доход бюджета. Специальных исследований советских юристов и экономистов на эту тему нами не выявлено.

Сегодня в Таможенном Союзе легальное определение НС не разработано, законодательная регламентация оборота таких активов отсутствует. В то же время, в юрисдикциях с давними традициями рыночной экономики, правовой статус НС детально регламентирован, действует смешанное регулирование на базе специальных законов и рекомендаций банковских ассоциаций¹. Возникло оно в основном, под влиянием резонансной судебной практики, имевшей политико-морально-правовое измерение. Так, правовое регулирование статуса НС в банках Швейцарии было разработано после и под воздействием громкого скандала о невостребованных счетах жертв Холокоста², после которого был создан

¹ Например, The Swiss Bankers Association Basel., 2009. <http://www.swissbanking.org>

² В 2016 г. Федеральный архив Швейцарии (SFA) получил документы Трибунала по урегулированию претензий (CRT), который был создан

механизм розыска наследников, запросов у них документов и доказывания статуса законности наследования счета [12].

Потребности регулирования в России, как и везде в мире, обусловлены, прежде всего, экономическими причинами, так как банки вынуждены обслуживать «спящие» счета, в большинстве случаев, не приносящие им прибыли. Кроме того, отсутствие регламентации общего «периода невостребованности» порождает высокие коррупционные и криминогенные риски.

В российской практике сотрудники банков неоднократно отслеживали НС с целью хищения лежащих на них средств. Так, в 2019 г. в Санкт-Петербурге группа сотрудников Сбербанка выявила, что 89-летняя вкладчица длительное время не обращалась к своему счёту (свыше 40 млн. руб.). Предполагая, что клиентки уже нет в живых, используя своё служебное положение, они похитили деньги с её счёта [5]. Аналогичный случай произошёл в 2016 г. в Новокузнецке, где сотрудница банка, выявив длительное отсутствие движения по вкладу, похитила у пожилой клиентки 2,2 млн. руб. [6].

С началом пандемии НС физических лиц выросло. В их число входят: остатки (чаще всего мелкие) на счетах; не предъявленные для погашения сберегательные сертификаты; оставленное содержимое депозитарных ячеек. В целом, высокий уровень НС характерен для государств с высоким уровнем жизни. В текущей ситуации в России, на фоне преодоления последствий пандемии и ужесточения санкций эта тенденция может не проявиться.

Проблемы определения и регулирования НС обсуждаются в литературе. Так, М.Г. Макаров предлагает относить к НС всякий счет, активность по которому отсутствует определенный, законодательно установленный период, при условии невозможности установления связи с владельцем. За рамками периода невостребованности, денежные средства на НС, как полагает автор, должны переходить государству, муниципалитету, либо общественному фонду, как это принято в мире. При этом невыход на связь владельца не означает утрату им права собственности. Деньги по-прежнему при-

надлежат ему (его наследникам), которые имеют правовую возможность их вернуть, подав обоснованное и предусмотренное законом требование [7, с.79].

Технически поиск НС может быть облегчен использованием информационных баз, развиваемых государственными регуляторами. В то же время, здесь должен быть соблюден баланс интересов владельца счёта, банка (заинтересованных в сохранении банковской тайны) и публичного интереса.

Проблему невостребованности, может быть адекватно осмыслена лишь в контексте современных тенденций развития экономики, во многом определяющих процессы вовлечения и выбытия различного движимого и недвижимого имущества. «В данном случае, как обосновано отмечают О.П. Фадеева и В.И. Нефёдкин, корректно исследовать не отдельную «проблему», а сложный и неоднозначный институциональный феномен» [8, с.132].

У невостребованных активов есть общее и частное. К первому следует отнести отсутствие востребованности: как потребности, так и желания (возможности) получить и использовать актив. Ко второму — обстоятельству наступления невостребованности и известность собственника.

Словообразование категории «невостребованный» представляет собой сочетание частицы «не» с отглагольным причастием «востребованный». В рамках настоящего исследования нас интересует вопрос установления границы между востребованным и невостребованным. Для первой из приведенных нами категорий — фондов предприятия, эта граница ясна, она определяется производственной программой и соответствующей потребностью в сырье, комплектующих, оборудовании и т.п. Все что остается за этими рамками — не востребовано. Для всех прочих категорий — ситуация сложнее.

Вопрос, прежде всего в установлении временных пределов, т.е. того момента когда заканчивается востребованность и начинается невостребованность. Эта граница в законодательстве либо не определена, либо выведена в дискрецию.

В этом смысле обратим внимание на невостребованные дивиденды. Порядок их выплаты определен Законом № 409-ФЗ, который уточняет соответствующие положения Закона «Об акционерных обществах», а также Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Также такая регламентация присутствует в уставе общества, либо специальном решении общего собрания.

для расследования неактивных банковских счетов, в связи с исками жертв нацистских преследований и/или их наследников по их счетам в швейцарских банках. Работа проводилась в 2012 г. Документы 1940-х годов, изученные CRT в процессе выявления счетов в швейцарских банках, были переданы в Федеральный архив Швейцарии для каталогизации и сохранения. Архивы описаны онлайн, кроме конфиденциальных личных данных и подлежат 30-летнему периоду закрытия. Заинтересованные лица вправе сделать запросы и получить консультации, а также вправе получить доступ к своим документам/ Dormant assets: documents available at the SFA/ <https://swissbankinginfo.blogspot.com/search/label/Неактивный%20депозитный%20счет>

Срок выплаты ограничен 60 днями с момента принятия соответствующего решения. В уставе срок может быть сокращён. В случаях отсутствия выплаты акционер (участник) может потребовать её в течение трех лет, а с учетом возможностей, заложенных в уставе, где может быть закреплено продление, и ещё два года. По истечении всех сроков невостребованные дивиденды, равно как и часть распределенной прибыли должен быть восстановлены в составе нераспределенной прибыли общества и не облагаются налогом на прибыль [9, с.49]. В данном случае четко определены сроки и момент наступления невостребованности, что не характерно для других случаев и видов активов.

Граница востребованности также проведена в ст. 12.1. Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», где невостребованной земельной долей признается ранее принадлежащая на праве собственности гражданину, который в течение трех и более лет подряд не передал её в аренду или не распорядился ею иным образом. Наряду с этим земельные доли, права на которые зарегистрированы по Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» не считаются невостребованными по указанному выше основанию.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 12.1. к невостребованным отнесены земельные доли, информация о собственнике которых отсутствует в принятых до дня вступления в силу федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ решениях органов местного самоуправления о приватизации сельскохозяйственных угодий. Также невостребованной признается земельная доля умершего без наследников собственника, либо наследники не вправе наследовать, отстранены или не приняли, отказались от наследства.

Напомним, что земля исторически веками признавалась основным активом (средством производства) и сегодня эту роль не утратила, продолжая оставаться базовым активом для инвестиций. Востребованность земли как актива, особенно в городах, базируется на реализации принципа её наиболее эффективного использования (НЭИ), чтобы определить оптимальный профиль объекта с позиции максимизации рыночной

стоимости земельного участка [10, с.91] и самого объекта.

Также три года могут быть востребованы денежные средства должника, оставшиеся после реализации его имущества и возмещения расходов по исполнению в соответствии с ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 30.12.2021).

В приведенных случаях граница востребованности — 3 года укладывается в пределы сроков исковой давности. В то же время, этот срок может быть и существенно короче. Так, в соответствии с п. 4.2.5. приказа ФМС РФ от 12.03.1997 № 13 «О предоставлении вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья» для ссуды, полученной заемщиком в виде компенсации за утраченное по месту прежнего жительства жилье и (или), установлен срок востребования — три месяца.

Таким образом, активом следует считать реальный экономический ресурс с известным или неизвестным собственником, который контролирует или не контролирует его, возможно, имеющий потенциал для извлечения выгоды, т.е. — всякие материальные, и/или иные оцениваемые в денежной форме и потенциально способные приносить доход блага.

Применительно к предмету настоящего исследования активы могут иметь специфику: не контролироваться владельцами, которые могут быть неизвестны, не быть способными приносить прибыль, но оставаться реальным экономическим ресурсом, совокупностью материальных или иных оцениваемых в денежной форме благ, которые, субъективно (для владельца — физического лица) — ближе к понятию имущество, но объективно, будучи агрегированными, имеют все признаки актива и могут приносить прибыль, например, банку.

Невостребованными, в контексте настоящего исследования, следует считать активы, с истекшими сроками использования, чьи владельцы не объявились или отказались их использовать. Граница востребованности не имеет точного определения и колеблется от нескольких месяцев до нескольких лет, определяясь по видам невостребованных активов, которые чрезвычайно разнообразны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российские банки выдали рекордное количество карт в 2020 году// Коммерсантъ. 2021. 6 марта [https://www.kommersant.ru/doc/4720743#:~: text=Российские%20банки%20в%202020%20году,выпущено%20более%20300%20млн%20карт](https://www.kommersant.ru/doc/4720743#:~:text=Российские%20банки%20в%202020%20году,выпущено%20более%20300%20млн%20карт)
2. ТАСС. Новости. 2020. 2 сентября <https://tass.ru/ekonomika/9346119>
3. Курбатов А. Соотношение понятий «имущество» и «активы» в российском праве// Хозяйство и право. 2005. № 4. С. 109–121.

4. Макаров М.Г. Определение объемов неустребованных банковских счетов физических лиц в Российской Федерации и Республике Беларусь // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 200–202.
5. РБК. 2019. 5 авг. / https://www.rbc.ru/spb_sz/05/08/2019/5d4830479a7947b246b44d20
6. Сотрудница банка похитила средства вкладчицы // Коммерсантъ. 2016. 2 февраля <https://www.kommersant.ru/doc/2906424>
7. Макаров М.Г. Регулирование неустребованных финансовых активов физических лиц в депозитных институтах // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 19. С. 74–83.
8. Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. Институционализация земельных рынков: Сибирские кейсы // Институциональная трансформация экономики: пространство и время: сб. док. V Междунар. науч. конф. (24–27 мая 2017 г.). В 2-х т. Кемерово, 2017. Т. 2. С. 130–134.
9. Соболева В.Ю. Неустребованные дивиденды и увеличение чистых активов // Бухгалтерский учет. 2021. № 2. С. 47–54. С. 49.
10. Петров Ю.Ю., Парилова Л.Н. Земля как основной актив для инвестиций // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 6. С. 89–92. С. 91.
11. National Association of Unclaimed Property Administrators (NAUPA) — NY, 2009. — URL: <http://www.unclaimed.org>
12. The Swiss Bankers Association Basel, 2009. <http://www.swissbanking.org>
13. Dormant assets: documents available at the SFA / <https://swissbankinginfo.blogspot.com/search/label/Неактивный%20депозитный%20счет>
14. Swiss banking info/ Schweizerischer Bankenombudsman. https://swissbankinginfo.blogspot.com/2012/05/blog-post_19.html

© Поткин Александр Анатольевич (5186489@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ, КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

THE EXCLUSIVE COMPETENCE OF ARBITRATION COURTS AS ONE OF THE MEANS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF ACCESS TO JUSTICE

**G. Shoniya
D. Boguslavsky**

Summary. The article is devoted to a comprehensive study of the sanctions regime used as a foreign policy deterrent. Special attention is paid to the changes made to the Russian legislation. In the article, the author examines disputes between Russian and foreign individuals who have faced restrictive sanctions measures. The article deals with disputes, the participants of which want to come to a satisfactory solution to the conflict. The author focuses on the dual nature of the new regime. Summarizing the practical experience of several people who have delved into this problem, two points of view can be identified. The first proves the impossibility of another outcome of events, how to amend Russian legislation, which allows resolving disputes involving two parties (Russian and foreign) within the country. Another regards this behavior as a violation of the sovereignty of another country. Analyzing the dynamics of the sub-sanctioned status in the international arena, it is impossible not to notice a “side effect” — distortion of the judicial process and the dispute resolution system. The problem of the responsibility of the shareholder countries is acute. The analyzed cases demonstrate how sanctions, in the form of a tool used to suppress aggression from other countries, turn into a method of forming new forms of international relations. Attention is focused on the development and complication of the relations of participants in legal relations, which lead to conflicts in the era of political restrictions. The article is aimed at researching the advantages and disadvantages of the new order of conflict resolution, which are likely to lead to new conflicts. The new judicial procedure is a set of actions that contribute to the settlement of disputes among the participants of the countries that create sanctions and accept them.

Keywords: sanctions regime, Russian legislation, AIC, dispute resolution, national litigation, cross-border economic relations, instruments of international coercion, European laws, changes in the course of the judicial code, Federal law, guarantee of access to justice, dispute resolution, corporate conflict, dispute resolution, review mechanism.

Шония Гури Вахтангович

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
GVSHONIJA@mail.ru

Богуславский Даниил Алексеевич

Практикующий Юрист
danka12281@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию подсанкционного режима, используемого как внешнеполитическое сдерживание. Особое внимание уделено изменениям, внесенным в Российское законодательство. В статье автор рассматривает споры российских и иностранных лиц, которые столкнулись с ограничительными санкционными мерами. В статье речь идет о спорах, участники которого хотят прийти к удовлетворительному решению конфликта. Автор акцентирует внимание двойственной природе нового режима. Обобщая практический опыт нескольких лиц, углубившихся в эту проблему, можно выявить две точки зрения. Первая доказывает невозможность другого исхода событий как внести изменения в Российское законодательство, которое позволяет разрешать споры с участием двух сторон (российских и иностранных) внутри страны. Другая расценивает данное поведение как нарушение суверенитета другой страны. Анализируя динамику подсанкционного статуса на международной арене, нельзя не заметить «побочный» эффект — искажение судопроизводства и системы разрешения споров. Остро стоит проблема ответственности стран-санкционеров. Разобранные кейсы демонстрируют, как санкции в виде инструмента, который используется для подавления агрессии со стороны других стран, превращаются в метод формирования новых форм международных отношений. Акцентируется внимание на развитие и усложнение отношений участников правоотношений, которые приводят к возникновению конфликтов в эпоху политических ограничений. Статья нацелена на исследования достоинств и недостатком нового порядка разрешения конфликтов, которые, вероятнее всего, приведут к новым конфликтам. Новое судопроизводство представляет собой набор действий, которые способствуют урегулированию споров среди участников стран, создающих санкции и принимающих их.

Ключевые слова: санкционный режим, Российское законодательство, АПК, международные споры, национальное судопроизводство, трансграничные экономические отношения, инструменты международного принуждения, европейские государства, изменения процессуального кодекса, Федеральный закон, гарантия доступа к правосудию, экономические споры, корпоративный конфликт, разрешение споров, правовой механизм.

В последнее время наблюдается активное использование экономических санкций в качестве внешнеполитического инструмента. Государства, которым в большей степени подконтрольны трансграничный экономический оборот и финансовые потоки, склонны использовать механизм санкций для того, чтобы оказать давление на иностранные государства и бизнес для удовлетворения своих политических целей. Содержание этих целей может составлять сдерживание участников экономического оборота посредством стратегических мер, применение принуждения и наказания к отдельным субъектам международных отношений. С совокупность санкций, связанных с экономической деятельностью, постоянно развивается и эволюционирует. Среди наиболее распространенных экономических санкций можно выделить финансовые ограничения, применяемые на различных уровнях экономического оборота, например: секторальные санкции (накладываемые на отдельные отрасли экономики, наиболее незащищенные и в то же время имеющие ключевое значение в экономическом развитии государства), персональные санкции (применяемые к конкретным лицам и сдерживающие их участие в экономических процессах, в том числе полностью запрещающие участие в них), замораживание активов участников трансграничных экономических отношений, торговые ограничения (запрет импорта/экспорта) и т.д.

Негативное влияние санкций распространяется не только на сферу материального права, но и на вопросы, связанные с рассмотрением споров.

Лица, подвергшиеся санкциями, пытаются добиться справедливого разрешения конфликта, могут столкнуться с большим количеством организационных трудностей: невозможность из-за наложенных на них ограничений выбрать и назначить собственного арбитра, уплатить посредством банковских операций арбитражный сбор или государственную пошлину, участвуя в судебном разбирательстве в иностранном суде, предоставить свидетельские показания при затруднении доступа российских граждан к иностранному процессу требованиями визовых и пограничных ограничений.

Для примера можно взять Совместное заявление Международного арбитражного суда при Международной торговой палате, Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма и Лондонского международного арбитражного суда от 17.06.2015[1], в котором говорится, что арбитражные судопроизводства с участием лиц из России, попавшие под санкции Европы, могут иметь некоторые особенности. Таким образом, начать арбитражное производство и внести плату в качестве арбитражного сбора российским гражданам и организациям можно только после получения раз-

решения на активизацию этого процесса от уполномоченных на это органов европейских государств. Чтобы не переходить санкционные барьеры, со стороны арбитражных центров и арбитров в условиях соблюдения санкций, скорее всего, придется предпринимать дополнительные специализированные действия.

В соответствии с Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) внесены изменения (АПК РФ дополнен ст. ст. 248.1, 248.2), которые предусматривают исключительную компетенцию арбитражных судов Российской Федерации по спорам с участием российских и иностранных лиц, в отношении которых за рубежом введены ограничительные санкционные меры. В РФ установление исключительной компетенции, принадлежащей этой категории дел, влечет непризнание в Российской Федерации решений иностранных судов и арбитражей (третейских судов), принятых в нарушение такой компетенции. Исключения составляют случаи, когда решение было вынесено по иску лица, в отношении которого применяются санкции. Другой вариант — человек не возражал против разбирательства вне территории Российской Федерации и (или) не обращался с запретительным заявлением инициировать или продолжать разбирательство суде другого государства, международном коммерческом арбитраже, расположенным за границей.

В соответствии с Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ следует, что целью принятия данных норм является регламентация гарантий обеспечения прав и законных интересов отдельных категорий граждан и юридических лиц Российской Федерации, в отношении которых недружественные государства ввели ограничительные меры. Потому такие механизмы фактически исключают возможность защиты прав в судебных органах (в том числе арбитражах), расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Среди российских юристов этот закон вызвал ожесточенную дискуссию и получил крайне неоднозначную оценку.

Гландин С.В. признал положения ст. 248.1, 248.2 АПК РФ как исключительно политическое средство реагирования российского права на санкции других стран, полагая, что цель ст. 248.1 АПК РФ является аннулирование правил судебного разбирательства по спорам, что тем самым можно квалифицировать не иначе как вмешательство во внутренние дела другого государства [2]. Карабельников Б.Р. указывает, что ст. 248.1 АПК РФ — системная ошибка, представляющая собой сознательное вмешательство России в права судов иностранных государств в рассмотрении споров на их

территории. Автор полагает, что данную статью стоит расценивать как прямое покушение на суверенитет иностранных государств [3].

Старженецкий В.В., Очирова С.Б., оценивая новые нормы АПК РФ в отношении исключительной компетенции арбитражных судов, отметили, что с некоторой возможностью новшества могут негативно повлиять на процедуру разрешения давних внешнеэкономических споров, привести к нарушению баланса интересов их сторон и увеличить количество злоупотреблений [4].

Щукин А.И. придерживается позиции, согласно которой новые положения АПК РФ, содержащиеся в редакции Федерального закона от 08.06.2020 № 171-ФЗ, направлены на совершенствование правовых способов и мер защиты прав и законных интересов лиц, к которым применяются санкции за рубежом, гарантирующие право каждого человека на судебную защиту. В новых правилах компетенции арбитражных судов РФ, сформулированных в целях невозможности отказа в доступе к правосудию, рассматриваются особенности судебного разбирательства в связи с необходимостью (*forum necessitatis*). Если другие иностранные суды отказываются рассматривать спор, который возник с участием подсанкционного лица или условия участия такого лица в иностранной юрисдикции, выступающие прямым результатом введения санкций. В таком случае Российский суд обладает компетенцией таким образом, что данное лицо, по сути, не может воспользоваться своим правом на справедливое и эффективное рассмотрение спора [5].

Известный советский юрист, один из крупнейших представителей национальной науки международного частного права Лунц Л.А. указывал, что отправление правосудия — это процесс, составляющий суверенитет государства, поэтому каждая страна с учетом своих индивидуальных особенностей, не обращая внимание на нормы других государств, имеет право по своему усмотрению устанавливать пределы юрисдикции государственных судов [6].

Мохов А.А. в своей работе Влияние санкционных режимов на цивилистический процесс [7, С. 36]. говорит, что современные реалии, в частности, вступление России не по своей воле в «санкционную войну», заставляют задуматься над новыми вопросами как представителей доктрины, так и законодателя, и найти пути их разрешения, результатом которых будут рекомендации по совершенствованию материального и процессуального законодательства в этой области. Принимая во внимания режим санкций как особый правовой режим, Мохов А.А. справедливо пишет, что необходимым механизмом достижения эффективно-

сти санкционной политики РФ и полной реализации ее целей должна быть гармонизация норм материального и процессуального законодательства в ходе судебной реформы, а именно разработка и введение в процессуальное законодательство специальных норм, регулирующих особенности производства по делам, возникшим вследствие применения санкций и их правовых последствий [7, С. 38].

Депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ Б.А. Чернышов, В.М. Власов, А.К. Луговой в Государственную Думу ФС РФ 25.11.2021 внесли законопроект, которым предлагается ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ дополнить пунктом 3 следующего содержания: по спорам между российским или иностранным лицом с другим российским или иностранным лицом, если последнее прямо или косвенно (в том числе через своих аффилированных и/или контролирующих лиц) способствовало принятию ограничительных мер, в том числе оказало финансовую или иную помощь инициаторам соответствующих мер и (или) получило необоснованные преференции и (или) необоснованную выгоду от действия мер ограничительного характера, в том числе, за рубежом, и (или) не исполнило или ненадлежащим образом выполнило обязательство, касающееся ограничительных мер.

В пояснительной записке к проекту Федеральному закону N25200–8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» указывается, что положения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ необходимо повысить степень гарантий защиты прав и законных интересов граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, попавших под воздействие ограничительных мер зарубежных стран, т.к. не предоставляет исключительной возможности рассмотрения в российских арбитражных судах споров по искам к иностранным гражданам и юридическим лицам, так или иначе задействованным к принятию и реализации мер ограничительного характера. Среди таких категорий лиц можно выделить несколько субъектов:

- ♦ лица, принимавшие участие и оказывающие содействие в введении ограничительных мер многообразными способами, как прямо, так и косвенно (в т.ч. через аффилированных и/или контролирующих лиц), в том числе публичными призывами к ограничительным мерам, материальной и политической поддержкой их инициаторов;
- ♦ лица, получившие в результате обеспечения поддержки или без таковой ничем не обоснованные преимущества и выгоды от действия ограничительных мер;
- ♦ лица, не исполнившие, исполнившие обязательство ненадлежащим образом, отказавшиеся или

приостановившие исполнение договорных обязательств, сославшись на применение ограничительных мер, что неизбежно повлекло большое количество неблагоприятных последствий для второй стороны договора, в том числе, например, несение реальных убытков и упущенной выгоды.

Совершенствование правового регулирования достигается совокупностью мер, а именно, необходимо исходить из невозможности эффективной судебной защиты, не нуждающейся в доказывании. Эти лица должны иметь безусловное право на предъявление исков в арбитражные суды РФ к иностранным организациям и гражданам, поддержавших введение мер ограничительного характера.

По мнению авторов законопроекта, предлагаемый законодательный акт даст реальную возможность возмещения убытков и устранения иных неблагоприятных последствий, которые возникли у российских граждан и юридических лиц в результате применения ограничительных мер, в том числе, путем фактического исполнения решения суда в Российской Федерации через взыскания на имущество ответчиков.

Таким образом, право на судебную защиту является публичным правом, так как оно может осуществляться только в реалиях государства, которое создает необходимые процессуальные и институциональные условия: *ubi ius, ibi remedium* (право там, где есть его защита). Надлежащее выполнение государством в лице государственных органов возложенных на него общественных задач, в том числе связанных с обеспечением и защитой прав и свобод граждан и организаций, обязывает законодателя в процессе совершенствования правового регулирования определять меры, гарантирующие право на доступ к правосудию, чтобы соответствующее регулирование соблюдало требованиям достаточности, а также эффективности.

Анализируя установленное ст. 248.1 АПК РФ средство защиты в форме передачи рассмотрения споров во внутреннюю подсудность, автор не видит оснований для вывода о том, что применение данных правовых норм может негативно сказаться на порядке разрешения внешнеэкономических споров, сложившихся со временем баланса интересов его сторон и приводящих к злоупотреблениям, так как предусматривает очень гибкий подход, предоставляющий подсанкционным лицам широкую свободу действий в отношении споров в российскую юрисдикцию — это право, а не обязательство подсанкционных лиц, поскольку они сохраняют возможность использования ранее согласованной во внешнеторговых контрактах процеду-

ры разрешения споров (арбитражных оговорок, прогнационных соглашений). В то же время существуют правовые механизмы, которые могут блокировать исполнение решений российских государственных судов на основе концепции исключительной подсудности по делам с участием подсанкционных лиц: отсутствие международных договоров, которое гарантирует такое признание и исполнение, экстерриториальное действие российского законодательства, в связи с чем зарубежные суды при выборе нормативного регулирования ситуации предпочитают положениям российского АПК РФ нормы внешнеэкономических договоров, арбитражных и прогнационных соглашений, что позволяет говорить о локальном характере данного положения закона, действие которого фактически ограничивается преимущественно пределами российской юрисдикции.

Несмотря на то, что изменения в АПК РФ в виде дополнения процессуального закона ст. ст. 248.1, ст. 248.2 могут негативно сказываться на инвестиционном климате. Перемены свидетельствуют о необоснованном отступлении от принципа автономии воли сторон, заключивших арбитражную оговорку о рассмотрении спора в другой юрисдикции. Согласно мнению некоторых экспертов, поправки являются инструментом средством злоупотребления со стороны российских подсанкционных лиц, автор заключает, что новеллы имеют существенное значение для решения вопроса о доступе к правосудию не только с позиции конституционного и международно-правового подхода к оценке национального судопроизводства. Более того, на уровне международного гражданского процесса и арбитража они позволят гарантировать на длительное время интересы российских резидентов (граждан и организаций) на международной арене.

Верховный Суд Российской Федерации в определении от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020, принятому по результатам рассмотрения кассационной жалобы АО «Уральский завод транспортного машиностроения» (Ural Transport Machinery Construction Company JSC, далее — общество «Уралтрансмаш»), АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» имени Ф.Э. Дзержинского» (далее — общество «НПК «Уралвагонзавод») и Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (далее — Минпромторг России) на определение Арбитражного суда Свердловской области от 24.11.2020 и постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.03.2021 по делу № А60-36897/2020 по заявлению общества «Уралтрансмаш» о запрете акционерному обществу «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» (Pojazdy Szynowe PESA Bydgoszcz Spolka Akcyjna, далее — общество «ПТС ПЕСА Быдгощ») продолжать производство в между-

народном коммерческом арбитраже, расположенном за пределами территории Российской Федерации, изложил следующую позицию.

Из системного толкования ст. 248.1, ст. 248.2 АПК РФ и принимая во внимание цели урегулировать данный вопрос на законодательном уровне следует, что даже такого обстоятельства как наложение санкционных барьеров в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящегося за пределами территории Российской Федерации, будет достаточно Российской Федерации, чтобы сделать вывод, что доступ такого лица к правосудию ограничен. Ограничительные меры носят, в первую очередь, персональный характер, т.е. направлены к конкретному лицу, а также, являются публичными, то есть базируются на авторитете публичной власти государственных органов и общеобязательны. Применение иностранными государствами мер ограниченного характера (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц затрагивает их в правах, как минимум, в плане репутации, эти действия заведомо ставят их в неравное положение с другими субъектами. При таких обстоятельствах вполне становится ясно, что спор с участием лица, к которому были применены санкции государства, на территории которого оно находится, будет рассмотрен под юрисдикцией этого государства, чем существенно будет поставлена под сомнение беспристрастность суда, подорваны гарантии справедливого судебного разбирательства, ограничено фундаментальное право на доступ к правосудию, что в целом свидетельствует о нарушении права лица в целом.

Общество «РТС ПЕСА Быдгощ» подало надзорную жалобу на решение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020, в котором подал заявление об отмене решения, опираясь на несоответствие с буквальным толкованием ст. 248.1 и ст. 248.2 АПК РФ, составляющие Судебную коллегию за пределами ее полномочий и нарушающие право обвиняемого на судебную защиту.

В результате рассмотрения надзорной жалобы на Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 86-ПЭК22 по делу № А60-36897/2020, по содержанию которого после изучения доводов заявителя, судьей ВС РФ не обнаружено оснований для передачи жалобы на рассмотрение судебного заседания Президиума ВС РФ. Доводы жалобы квалифицированы не как доказательства нарушения оспариваемых судебным актом прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов, а как доказательства несогласия компании с предусмотренными действующим процессуальным законодательством основаниями для наложения арбитражным судом обеспечительных мер.

Современная международная обстановка убедительно свидетельствует о том, что российский законодатель, исполняя свои обязательства, обоснованно принял в условиях действующего в отношении российских лиц за границей режима экономических санкций Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ в целях обеспечения гарантии их права на доступ к правосудию, который приобрел особую актуальность и значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Joint statement of ICC, SCC and LCIA. The Potential Impact of the EU Sanctions against Russia on International Arbitration Administered by EU-Based Institutions. URL: https://sccinstitute.com/media/80988/legal-insight-icc_lcia_scc-on-sanctions_17-june-2015.pdf (дата обращения: 18.04.2022).
2. Гландин С.В. Закон для своих: какую новую защиту получат в России бизнесмены под санкциями // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/402939-zakon-dlya-svoih-kakuyu-novuyu-zashchitu-poluchat-v-rossii-biznesmeny-pod-sankciyami> (дата обращения: 18.04.2022).
3. Карасьников Б.Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон — 2020. — №7. — С. 115–116.
4. Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. — 2020. — №4. — С. 144–167.
5. Щукин А.И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: исключительная компетенция и получение экзекватуры // Закон. — 2021. — №1. — С. 125–148.
6. Лунц Л.А. Международное гражданское право. /Л.А. Лунц — М.: Юрид. лит., 1966. — 188 с.
7. Мохов А.А. Влияние санкционных режимов на гражданско-правовой процесс // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 6. — С. 33–39.

© Шония Гури Вахтангович (GVSHONIJA@mail.ru), Богуславский Даниил Алексеевич (danka12281@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

FACTORS OF THE NORTHERN REGIONS AND THEIR IMPACT ON HUMAN HEALTH (LITERATURE REVIEW)

**O. Litovchenko
N. Litvinova
L. Apokina**

Summary. The northern territories of our country have a huge potential for its economic growth, the issue of studying the functional state of the people who work here deserves close attention, there is a need to ensure the effective activity of the population of these regions.

The article discusses various factors of the northern regions of Russia and their impact on human health, which are divided into natural and climatic conditions; anthropogenic; factors that change the body's susceptibility to the action of harmful substances; pathogenic factors. Among them, cold has a particularly powerful effect on the human body, which directly affects heat transfer and human performance in the open air.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, northern territories, life in the Arctic, natural and climatic conditions, risk factors, functional state.

Литовченко Ольга Геннадьевна

Доктор биологических наук, Сургутский
государственный университет
olgalitovchenko@mail.ru

Литвинова Наталья Сергеевна

Старший преподаватель
Тюменский государственный медицинский
университет
nlitvinova512@gmail.com

Апокина Лилиана Юрьевна

Кандидат биологических наук, старший
преподаватель, Сургутский государственный
педагогический университет
liliana_ka@bk.ru

Аннотация. Северные территории нашей страны имеют огромный потенциал для ее экономического роста, пристального внимания заслуживает вопрос изучения функционального состояния людей, которые здесь трудятся, существует необходимость обеспечения эффективной деятельности населения данных регионов.

В статье рассматриваются различные факторы северных регионов России и их влияние на здоровье человека, которые подразделяются на природно-климатические условия; антропогенные; факторы, изменяющие восприимчивость организма к действию вредных веществ; патогенетические факторы. Среди них особенно мощное воздействие на человеческий организм оказывает холод, который напрямую влияет на теплообмен и работоспособность человека на открытом воздухе.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, северные территории, жизнедеятельность в Арктике, природно-климатические условия, факторы риска, функциональное состояние.

В настоящее время освоение Арктики является важным стратегическим приоритетом внутренней и внешней политики всех приарктических государств. Кроме того, Арктика выступает объектом геополитического и экономического интереса и многих неарктических стран, таких как Китай, Германия, Франция, Япония и др. Причиной пристального внимания мировых держав к арктическим территориям является, в первую очередь, их богатые, разнообразные,

ценные природные ресурсы, а также связывающий Европу и Азию Северный морской путь.

За последние 25 лет численность населения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) сократилась на 20%. Основной причиной данного явления стал масштабный миграционный отток населения в другие, более благоприятные с климатической и экономической точки зрения, регионы страны. В настоящее время отрицатель-

ный характер миграционных процессов в АЗРФ ставит под угрозу стратегические планы страны по масштабному освоению этого макрорегиона [18]. Сегодня в Арктическом регионе активно реализуются крупнейшие инфраструктурные и энергетические проекты, наблюдается расширение сфер международного и межрегионального сотрудничества. Инновационные предприятия, созданные в партнёрстве с зарубежными странами, предлагают интересные перспективные вакансии. [11].

Растущие объёмы производства и масштабные инвестиционные проекты в Арктике требуют значительного увеличения трудовых ресурсов, которое может быть обеспечено как за счёт населения территорий Арктической зоны Российской Федерации, так и за счёт привлечения работников из других регионов России, в том числе молодых специалистов — выпускников вузов и колледжей [13, 27]. Сегодня в вопросах развития и освоения приоритетных территорий делается ставка на молодежь, как наиболее мобильную, креативную, социальную группу, готовую к преодолению трудностей, освоению нового и ориентированную на перспективный карьерный рост [11]. Другими словами, Арктика требует рабочих рук. Это значит, что в регион будет усиливаться поток новых людей, неадаптированных и незнакомых с жизнью в этих условиях. Например, поддержание безопасности требует увеличения военного контингента. Значит, военные медики столкнутся с проблемой адаптации молодых солдат к холоду и другим факторам Севера.

Опыт предыдущих лет показал, что более 50% людей, приехавших на Север, довольно быстро покидали его по разным причинам, в т.ч. по состоянию здоровья. Жизнь и работа в Арктике требует большого жизненного опыта и определенного склада человеческой натуры [17].

Сложность кадрового обеспечения АЗРФ базируется на особенностях АЗРФ.

В.М. Быков и О.А. Головизнина обозначили факторы, которые формируют эти негативные последствия [4].

1-й фактор: экстремальные природно-климатические условия: низкие в течение всего года температуры, длительная полярная ночь и длительный полярный день, частые магнитные бури, сильные ветры и метели, плотные туманы, однообразные арктические пустыни и тундры, вечная мерзлота, высокая, значительно опережающая среднемировую, динамика изменений климата в последние десятилетия.

Как следствие этого риск-ориентированное состояние здоровья, возникновение соответствующих

хронических заболеваний, невозможность постоянно держать себя в бодрствующем рабочем режиме.

Примечательно, что по степени «неблагоприятности» на Земле выделено пять зон. Крайний Север и районы, приравненные к ним (тем более Арктическая зона), относятся к последнему пятому типу районов экстремального воздействия природных факторов на человека.

2-й фактор: миграция населения (во многом вызванная первым фактором, вкупе с материальной составляющей). Регионы Российской Арктики демонстрируют высокую миграционную активность населения.

В качестве последствий выступают нарастающий дефицит высококвалифицированных кадров (именно данная категория покидает Арктику), отсутствие стабильности на предприятиях (из-за частой сменяемости персонала), бесперспективность формирования стратегического кадрового резерва (поскольку уезжает в основном молодежь), гипертрофированная урбанизация (что обрекает сельские и малочисленные поселения на вымирание) [4; 27].

П.В. Агафонов, Ю.Ш. Халимов, С.В. Гайдук, Е.Б. Киреева, исследовав состояние здоровья военного контингента Российской Федерации в Арктике установили, что у обследованных лиц широко представлены такие факторы сердечно-сосудистого риска как дислипидемия (повышение уровня общего холестерина и/или липопротеидов низкой плотности — ЛПНП), табакокурение, повышенный уровень АД, абдоминальное ожирение (окружность талии более 94 см), психосоциальные факторы (наличие стресса и депрессии по данным опросника Спилбергера-Ханина, цветового теста Люшера), нарушение диеты (преимущественное питание консервированной пищей с малым количеством свежих овощей), регулярное употребление алкоголя (раз в неделю и чаще), гиподинамия [1, 22].

Таким образом, принимая во внимание удаленность Арктического региона, его суровые климатогеографические характеристики, сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку, а также особенности военного труда, авторы считают, что следует ожидать значительный вклад артериальной патологии в структуру заболеваемости личного состава Вооруженных сил Российской Федерации в условиях Арктики. Вместе с тем, в отличие от активных исследований в сфере гражданского здравоохранения, особенности факторов сердечно-сосудистого риска и течения артериальной гипертензии у военнослужащих в условиях Арктического региона изучены недостаточно [1; 24; 25].

Особенности климата и географического расположения Арктической зоны Российской Федерации предъявляют повышенные требования к здоровью, что напрямую влияет на уровень безопасности жизнедеятельности человека в Арктике [3].

Сегодня проблематика безопасности человека приобрела для российской Арктики особое звучание в контексте реализации одной из важнейших задач государственной политики РФ в Арктике — устойчивого развития региона. Успешное развитие российской Арктики предполагает создание фундамента социально-экономического развития страны, а это требует нейтрализации существующих вызовов и угроз в сфере безопасности человека [16].

В конструкте безопасности жизнедеятельности в Арктике выделяется проблема угрозы здоровью коренного и пришлого населения арктической зоны РФ (АЗРФ).

Экстремальные природно-климатические условия большинства регионов АЗРФ оказывают серьёзное давление на человеческий организм и приводят к серьёзным заболеваниям. Исследования показывают, что в условиях Арктики холод приводит к падению КПД физического труда на 15–25% по сравнению со средними широтами России, снижению работоспособности, повышению чувствительности к промышленным ядам из-за увеличения лёгочной вентиляции. Как следствие, повышаются риски заболеваний органов дыхания и кровообращения. Неблагоприятное воздействие на состояние здоровья северян оказывают дефицит ультрафиолетового излучения от солнца, длительная полярная ночь, частые геомагнитные возмущения. Стойкие загрязнения АЗРФ, связанные со стоками рек в северном направлении и трансграничными переносами, вызывают заболевания сердечно-сосудистой, эндокринной и иммунной систем, снижают репродуктивные возможности населения [16; 23].

Нарушение традиционного уклада жизни коренных народов Арктики оказывает дополнительное негативное влияние на здоровье аборигенного населения северных территорий. В этой связи внимания требуют так называемые «социальные болезни» — туберкулёз, алкоголизм, наркомания, инфекционные болезни. У коренных народов были выработаны свои особенные способы достижения комфортного психологического состояния в экстремальных условиях, снятия стресса и напряжения: разнообразные календарные праздники, определённые ритуалы, шаманизм. Однако в советские годы большая часть традиционных обычаев и обрядов была сильно деформирована или искоренена. В результате алкоголь стал выполнять функции по сня-

тию стресса, заменив собой традиционные способы «здорового» снятия напряжения [5; 16].

Возникновение тяги к алкоголю у коренных народов также связывают и с изменением типа питания: «отказ от традиционной для северян белково-липидной диеты может способствовать повышению тяги к алкоголю. Снижение количества жиров в рационе ведёт к увеличению концентрации кортикостероидов и, соответственно, повышению уровня тревожности, снять которую человек зачастую стремится испытанным «алкогольным» способом». Серьёзной проблемой является женский алкоголизм среди северянок, что обусловлено особыми тендерными установками традиционных арктических культур, согласно которым употребление алкоголя не считается постыдным для женщины, в отличие от европейского общества [14; 16].

Что касается антропогенного фактора, то Международные исследования, проводимые под эгидой АМАП (Программа арктического мониторинга и оценки) показали, что ущерб здоровью жителей Арктики от загрязнений стойкими токсичными веществами происходит в основном через пищевые цепочки путём их накопления токсинов в организмах наземных животных, птиц, хищных рыб и особенно морских млекопитающих. В итоге возрастает заболеваемость и снижаются иммунные функции у постоянных жителей АЗРФ [10].

Важно отметить, что заболеваемость коренного населения дополнительно связана с «генетически обусловленными факторами: более низким уровнем гормонов щитовидной железы, инсулина, С-пептида, липидов крови» [5]. Изменения в современных условиях типа питания (переход от белково-липидного к европейскому углеводному типу питания) провоцируют развитие иммунодефицитных состояний, что является одной из причин инвалидности и повышению смертности коренного населения [16].

Помимо объективных проблем, эксперты указывают на слабую эффективность системы здравоохранения в АЗРФ. Это касается охраны здоровья трудящегося населения, профилактики профессиональных заболеваний, инфекций и других массовых заболеваний. Остро стоит проблема доступности медицинской помощи для коренных народов, особенно ведущих кочевой образ жизни. Это объясняется не только необеспеченностью медицинскими учреждениями и кадрами, но и дефицитом знаний об особенностях распространения и протекания болезней в условиях Крайнего Севера. При всех плюсах современной медицины, которыми пользуются коренные народы, их дополнением остаются традиционные методы поддержания здоровья, основанные на использовании местных ресурсов и кочева-

нии. Традиционные методы остаются востребованными не только из-за удалённости и ограниченности современной медицинской помощи, но и благодаря своей эффективности в конкретных условиях [16; 19].

Главным фактором поддержания здоровья людей и оленей среди всех кочевников считалось постоянное передвижение. При этом здоровье человека мыслится как неотделимое от здоровья оленей, и даже часть растений, имеющих лечебный эффект, вошла в традиционные медицинские практики в результате наблюдения над питанием животных. Для профилактики здоровья чукчи, не знавшие медицинских препаратов, использовали ферментированное мясо моржей, сохраняющее витамины, а также ряд растений и ягод, которые способствуют повышению иммунитета. В XIX–XX вв. они успешно практиковали длительную самоизоляцию (при полном самообеспечении), которая стала так востребована в эпоху Ковид-19.

Эвенки Северного Байкала лечат способами, близкими к практике современного фельдшера. Они ориентируются на поиски и применение лекарств, обладающих широким спектром действия. Накопленные поколениями богатые знания о свойствах минералов (алюмокалиевые квасцы для сращивания костей), животных (жир собак, нерпы, медведя при легочных заболеваниях) и растений (золотой корень, бадан, янда) позволяют эвенкам находить лекарства вокруг себя. Особенно важно, что они умеют находить нужные лекарственные средства в различных ландшафтах, запасать их в концентрированном виде, сочетать с животными и минеральными источниками лекарств. Примечательно также, что, обращаясь к шаманскому камланию для излечения, эвенки охотно идут за помощью к современной медицине, если возникает такая возможность [9; 16].

К этому добавляются еще угрозы традиционному образу жизни коренных народов АЗРФ, угрозы окружающей среде, угроза снижения демографического потенциала, угрозы, связанные с изменением климата [16].

Перейдем к рассмотрению факторов риска нарушений здоровья коренного и пришлого населения Арктики.

Арктика характеризуется целым комплексом природно-климатических и антропогенных факторов, создающих определённый и существенный риск для возникновения нарушений здоровья лиц, подвергающихся их воздействию [8; 20; 26].

В.П. Чашин, А.Б. Гудков, О.Н. Попова, Ю.О. Одланд и А.А. Ковшов, а также Е.В. Воронцова и А.Л. Воронцов,

проанализировав большой объем научной литературы, выделили ряд таких факторов риска [26].

В первую группу авторы включили вредные факторы, уменьшить интенсивность воздействия которых невозможно или экономически нецелесообразно.

1.1. Природно-климатические:

- ◆ низкие температуры и низкая абсолютная влажность атмосферного воздуха;
- ◆ высокая ветровая нагрузка и инфразвуковое давление;
- ◆ большие флюктуации геомагнитного поля, обуславливающие повышенную электромагнитную активность;
- ◆ дефицит солнечной инсоляции;
- ◆ специфичный фотопериодизм (полярная ночь и полярный день);
- ◆ выраженные колебания атмосферного давления;
- ◆ высокая повторяемость антициклонных типов погод со штилями и температурными инверсиями в приземном слое атмосферы, ухудшающая условия рассеивания вредных веществ в атмосферном воздухе;
- ◆ длительный период стояния снежного покрова, способного накапливать значительные количества вредных веществ, выпадающих с осадками;
- ◆ низкие температуры поверхности земли, уменьшающие скорость осаждения аэрозолей из приземного слоя атмосферы;
- ◆ ограниченная подвижность почвенных растворов;
- ◆ ограниченная циркуляция поверхностных вод;
- ◆ сниженная скорость физико-химических реакций, определяющих судьбу загрязнителей во внешней среде (растворение, гидролиз, окисление и т.п.);
- ◆ сниженная активность биоты, в т.ч. процессов биологической деградации и ассимиляции химических веществ в естественных условиях [6; 12; 26].

1.2. Антропогенные:

- ◆ загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, почвенного покрова нефтепродуктами, выбросами горнодобывающих, горно-обогатительных и металлургических предприятий;
- ◆ облучение радионуклидами техногенного происхождения;
- ◆ глобальный перенос и накопление в экосистемах стойких токсичных веществ в результате специфической атмосферной циркуляции, речных водостоков, океанских течений;
- ◆ повышенное содержание высокотоксичных веществ в некоторых мигрирующих видах морской

рыбы и морских животных, а также в почках и других внутренних органах оленя [6; 26].

Вторую группу составляют вредные факторы, интенсивность воздействия которых можно уменьшить или компенсировать профилактическими мерами.

8. 2.1. Природно-климатические:

- ◆ дефицит некоторых витаминов в традиционных видах пищевой продукции;
- ◆ низкое содержание минеральных солей и микроэлементов в водах питьевого назначения (ультрапресная вода);
- ◆ дефицит содержащих клетчатку свежих растительных продуктов в структуре питания населения.

2.2. Антропогенные:

- ◆ значительное накопление потенциально опасных отходов, содержащих стойкие токсические вещества (СТВ), на территории поселений, в зонах размещения промышленных и оборонных объектов, а также вдоль приморской береговой линии;
- ◆ отсутствие систем мониторинга, идентификации и обезвреживания источников СТВ;
- ◆ низкий уровень организации и низкая эффективность санитарной очистки территории.

2.3. Факторы, изменяющие восприимчивость организма к действию вредных веществ:

- ◆ функциональное перенапряжение органов дыхания, увеличивающее поглощенную дозу вредных газов и аэрозолей в дыхательных путях;
- ◆ холодовая гипоксия, снижающая резистентность организма к действию некоторых токсичных веществ;
- ◆ дегидратация, ухудшающая условия выведения из организма вредных веществ и их метаболитов, а также снижающая иммунорезистентность кожных покровов и слизистых оболочек дыхательных путей.

2.4. Патогенетические факторы, способствующие ускоренному развитию, тяжелому клиническому течению и неблагоприятным исходам заболеваний, связанных с воздействием природно-климатических и антропогенных факторов риска:

- ◆ нарушения гемодинамики и артериальная гипертония;
- ◆ нарушения диффузионной способности легких;
- ◆ эндокринопатии;
- ◆ иммунодефицитные состояния и холодовая аллергия;
- ◆ кератопатия;
- ◆ нарушения углеводного и жирового обмена [26].

Среди вышеперечисленных факторов риска выделяются те, которые связаны с антропогенными загрязнениями воды и почвенного покрова в Арктике. Основные источники промышленных загрязнений представлены предприятиями по добыче и обогащению полиметаллических сульфидных руд, а также по их пиро- и гидрометаллургической переработке, энергетике [7; 21; 26].

Как указывают Л.И. Сваровская, И.Г. Яценко, а также О.И. Сергейчик, Е.И. Ярославская и А.В. Плюсин, одним из самых значимых источников загрязнения территорий Российской Арктики являются нефтяные стоки. В последние годы в результате роста мирового спроса на нефть ее разливы происходят все чаще, что оказывает разрушительное воздействие на окружающую среду. Изучение воздействия загрязнений на биологические системы в северных районах Сибири показало бедственное экологическое состояние ландшафта на территории нефтедобывающих предприятий [21].

Среди природно-климатических факторов, обуславливающих существенный риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, доминирующим является холод, под которым понимается вся совокупность охлаждающих метеорологических условий — низкие температуры воздуха, длительный период стояния снега, сильные ветры, особенно в прибрежных и горных районах, недостаток солнечной инсоляции. Он непосредственно влияет на теплообмен и работоспособность человека на открытом воздухе, особенно в зимний период, способствует появлению дисадаптационных состояний у населения и ускоряет развитие производственно обусловленных и профессиональных заболеваний у работающих [2, 21, 26].

Таким образом, сегодня освоение Арктики находится в приоритете стратегии политики РФ. Однако, этот процесс характеризуется наличием таких трудностей как миграционный отток населения и экстремальные природно-климатические условия жизни, что ставит под угрозу саму возможность присутствия нашей страны в арктическом регионе. Климатические и географические характеристики Арктической зоны нашей страны, обуславливающие разнообразный комплекс рисков, предъявляют повышенные требования к здоровью человека. В числе факторов риска безопасности жизнедеятельности человека в Арктике находятся природно-климатические и антропогенные факторы, а также факторы, изменяющие восприимчивость организма к действию вредных веществ. Среди природно-климатических факторов, обуславливающих существенный риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, доминирующим является холод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов П.В., Халимов Ю.Ш., Гайдук С.В., Киреева Е.Б. Особенности течения артериальной гипертензии у военнослужащих в условиях Арктического региона. *Морская медицина*. 2022. № 8(1). С. 61–68. <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2022-8-1-61-68>.
2. Бойко Е.Р. Физиолого-биохимические основы жизнедеятельности человека на Севере. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 292 с.
3. Бумай О.К., Торшин Г.С., Малинина С.В. Особенности медико-санитарного обеспечения водолазных работ в условиях Арктической зоны Российской Федерации. *Морская медицина*. 2022. № 8(1). С. 69–73. <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2022-8-1-69-73>
4. Быков В.М., Головизнина О.А. Особенности формирования кадрового потенциала Арктической зоны Российской Федерации // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2022. Т. 2. Вып. 1. С. 106–115. <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2022-2-1-106>.
5. Винокурова У.А., Яковец Ю.В. Арктическая циркумполярная цивилизация. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
6. Воронцова Е.В., Воронцов А.Л. Состояние окружающей среды и здоровье человека в Арктической зоне: медицинский и социально-правовой аспект // *Медико-биологические проблемы в Арктике: Сборник тезисов I Всероссийской научно-практической конференции (Апатиты, 15–17.04.2019)*. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2019. 75 с. С. 52–54.
7. Гудков А.Б., Дегтева Г.Н., Шепелева О.А. Эколого-гигиенические проблемы на Арктических территориях интенсивной промышленной деятельности (обзор) // *Общественное здоровье*. 2021, 1(4):49–55. DOI: 10.21045/2782-1676-2021-1-4-49-55.
8. Гудков А.Б., Попова О.Н., Небученных А.А. Новоселы на Европейском Севере. Физиолого-гигиенические аспекты: монография. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2012. 285 с.
9. Давыдов В.Н., Беляева-Сачук В.А., Давыдова Е.А. Режимы автономности в Восточной Сибири: медицинские практики в условиях тундры, тайги и степей // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 70. С. 60–69. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-60-69
10. Дударев А.А., Одланд Й.О. Здоровье человека в связи с загрязнением Арктики — результаты и перспективы международных исследований под эгидой АМАП // *Экология человека*. 2017. № 9. С. 3–14.
11. Законодательные основы формирования механизмов привлечения молодых специалистов в Арктику и на Дальний Восток. Материалы «круглого стола» под ред. Н.М. Харитоновой. М.: Издание Государственной Думы, 2019. — 129 с.
12. Казначеев В.П., Маянский Д.Н., Казанцев С.В. Клинические аспекты полярной медицины. М.: Медицина, 1986. 208 с.
13. Карпин В.А. Медицинская экология Севера: актуальность, достижения и перспективы (обзор литературы) // *Экология человека*. 2021. № 8. С. 4–11.
14. Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур / Под ред. А.И. Козлова, М.А. Козловой. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 205 с.
15. Колпаков В.В., Томилова Е.А., Беспалова Т.В., Рыбцова Т.Н. Типологическая вариабельность компенсаторно-приспособительных реакций организма при челночных перемещениях в условия Арктики // *Экология человека*. 2021. № 12. С. 30–40.
16. Кобышев В.Н., Лагутина М.Л. Безопасность человека в Арктике: угрозы сквозь призму «северного менталитета» // *Арктика и Север*. 2021. № 45. С. 85–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.45.85.
17. Кривошецов С.Г. Труд и здоровье человека в Арктике // *Журнал медико-биологических исследований*. 2016. № 4. С. 84–93.
18. Максимов А.Л. Современные проблемы адаптационных процессов и экологии человека в приполярных и арктических регионах России: концептуальные подходы к решению // *Ульяновский медико-биологический журнал*, 2015. — № 1. — С. 131–143.
19. Нагорнев С.Н., Худов В.В., Бобровницкий И.П. Эпидемиология неинфекционных заболеваний, связанных с неблагоприятным воздействием окружающей среды и деятельностью человека в Арктике // *Российский журнал восстановительной медицины*. 2019. № 4. С. 3–37.
20. Попова О.Н., Гудков А.Б. Особенности внешнего дыхания у молодых лиц, уроженцев Европейского Севера // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2007. Спец. вып. Экология и здоровье человека. С. 71–76.
21. Сваровская Л.И., Яценко И.Г. Воздействие нефтезагрязнений на филогенетические системы в северных районах Сибири // *Электрон. мультидисциплинар. науч. журн. с порталом междунар. науч.-практ. конф. Интернетнаука*. 2016. № 5. С. 85–100.
22. Сергейчик О.И., Ярославская Е.И., Плюснин А.В. Влияние факторов внешней среды на риск сердечно-сосудистых заболеваний населения Арктики (обзор) // *Журн. мед.-биол. исследований*. 2022. Т. 10. № 1. С. 64–72. DOI: 10.37482/2687-1491-Z091.
23. Солонин Ю.Г. Исследования по широтной физиологии (обзор) // *Журнал Медико-биологических исследований*. 2019. — Т. 7. — № 2. — С. 228–239.
24. Солонин Ю.Г., Бойко Е.Р. Медико-физиологические проблемы в Арктике // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. — 2017. — С. 33–40.
25. Хаснулин В.И., Воевода М.И., Хаснулин П.В., Артамонова О.Г. Современный взгляд на проблему артериальной гипертензии в приполярных и арктических регионах. Обзор литературы // *Экология человека*, 2016. — № 3. — С. 43–51.
26. Чащин В.П., Гудков А.Б., Попова О.Н., Одланд Ю.О., Ковшов А.А. Характеристика основных факторов риска нарушений здоровья населения, проживающего на территориях активного природопользования в Арктике // *Экология человека*. 2014. № 1. С. 3–12.
27. Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В. Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // *ArsAdministrandi (Искусство управления)*. 2018. Том 10, № 3. С. 396–418. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-396-418.

© Литовченко Ольга Геннадьевна (olgalitovchenko@mail.ru),

Литвинова Наталья Сергеевна (nlitvinova512@gmail.com), Апокина Лилиана Юрьевна (liliana_ka@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛАГОЛИЦА И КИРИЛЛИЦА КАК ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

GLAGOLICA AND CYRILLIC AS FOUNDATIONS OF NATIONAL IDENTITY

N. Tashlykova

Summary. The article raises the problem of attitude to the mission of Cyril and Methodius in the modern Russian educational field when covering the topic of the emergence of Slavic and Old Russian writing. It is shown that most school and university textbooks do not at all reflect information about life and the struggle for worship in the Slavic language of Equal-to-the-Apostles Brothers based on the available historical sources, and Cyril and Methodius are called the authors of the Cyrillic alphabet. A similar level of study of such a key topic for culture led to the fact that during the survey, the majority of Russian schoolchildren and students report that Cyril and Methodius went to Kyiv and created the Cyrillic alphabet. It is justified that the attitude to the alphabet is indeed the most important element in the structure of ethnic and national identity. That is why the Glagolitic and Cyrillic alphabets are “recognized” or “not recognized” by the achievements of their peoples by false patriots of various ethnic communities. The article makes a proposal: to introduce into the educational field modern data on Slavic studies about the Glagolitic and the mission of Cyril and Methodius in the fight against the church hierarchs of Rome and Constantinople for the use of the Slavic language in worship, about the Cyrillic alphabet as a compromise alphabet created after the death of Cyril and Methodius by ancient Bulgarian scribes.

Keywords: culture, national identity, alphabet, Glagolitic, Cyrillic, Cyril and Methodius, Clement of Ohrid.

Ташлыкова Наталья Юрьевна

*Канд. филос. наук, доцент, Российский
государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
tachlikova65@mail.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема отношения к миссии Кирилла и Мефодия в современном российском образовательном поле при освещении темы возникновения славянской и древнерусской письменности. Показано, что в большинстве школьных и вузовских учебников совсем не отражены сведения о жизни и борьбе за богослужение на славянском языке равноапостольных братьев на основе имеющихся исторических источников, а Кирилла и Мефодия называют авторами кириллицы. Подобный уровень изучения столь ключевой темы для культуры привел к тому, что при опросе большинство российских школьников и студентов сообщают, что Кирилл и Мефодий пошли в Киев и создали кириллицу. Обосновано, что отношение к алфавиту, действительно, является важнейшим элементом в структуре этнической и национальной идентичности. Именно поэтому алфавиты глаголицы и кириллицы «признаются» или «не признаются» достижениями своих народов лжепатриотами различных этнических общностей. В статье высказывается предложение: ввести в образовательное поле современные данные славяноведения о глаголице и миссии Кирилла и Мефодия в борьбе с церковными иерархами Рима и Константинополя за использование славянского языка в богослужении, о кириллице как компромиссном алфавите, созданном после смерти Кирилла и Мефодия древнеболгарскими книжниками.

Ключевые слова: культура, национальная идентичность, алфавит, глаголица, кириллица, Кирилл и Мефодий, Климент Охридский.

В курсе культурологии я обращаюсь к основным этапам истории культуры России. Важнейшей ступенью в развитии культуры любого народа является возникновение письменности. Становление славянской письменности, безусловно, является важнейшим этапом для дальнейшего развития славянских народов, славянской литературы и культуры в целом. Поэтому история Кирилло-Мефодиевской миссии должна быть подробно изучена и осмыслена всеми российскими школьниками, студентами как важнейший этап в истории русской и российской культуры.

Поводом к этой статье послужила обнаруживаемая мной на занятиях по культурологии в каждой студенческой группе «легенда» по вопросу кирилло-мефоди-

евской миссии. Мне стало понятно, что представления о кириллице, роли в ней равноапостольных Кирилла и Мефодия являются «легендой» национальной идентичности. Следует отметить, что представления о происхождении алфавита, действительно, является важнейшим элементом в структуре этнической и национальной идентичности. Именно поэтому лжепатриотами разных этнических общностей алфавиты глаголицы и кириллицы «признаются» или «не признаются» достижениями своей культуры.

У меня со студентами был опыт опроса людей, проходящих мимо памятника равноапостольным Кириллу и Мефодию на Лубянской проезде в Москве. Прохожие крайне неохотно отвечали на вопросы,

правильно не ответил никто, большинство отвечали, что святые пошли в Киев, и не могли ответить на вопрос: откуда они были родом? Некоторые говорили, что Кирилл создал латиницу. Были и такие, кто возмущенно спрашивал: «Откуда вам известно, что Кирилл и Мефодий не ходили в Киев?» Они воспринимали мои знания о истории глаголицы и кириллицы как провокацию. В подтверждение этого печального опыта хочу указать на комментарии под выложенным на YouTube выступлением в Государственном историческом музее известного слависта А.А. Турилова на тему «Первоучители Кирилл и Мефодий и возникновение славянской письменности». [1] Под видео в гневных комментариях кто-то пишет, что Кирилл и Мефодий были армянами, использовали армянский алфавит для создания глаголицы, кому-то не нравится, что докладчик называет Климента Охридского болгаринном, а не словаком, кто-то обвиняет А.А. Турилова в пропаганде «псевдоистории», поскольку славянская письменность существовала за много тысячелетий до Кирилла и Мефодия... и т.д.

К моему большому сожалению, по опросу студентов разных вузов Москвы, я могу констатировать, что большинство ответит, что Кирилл и Мефодий пошли в Киев и создали кириллицу. По-видимому, этот «русский» вариант мифологемы о происхождении кириллицы устраивает российских чиновников.

Надо отметить, что вариант «легенды» в части признания существования письменности у славян до христианизации, излагается во множестве школьных и вузовских учебников по истории России. Утверждается, что Кирилл и Мефодий «стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации». [2, с. 219] В учебнике для учащихся 6-го класса, издательства «Дрофа» 2016 года, рекомендованного Министерством образования и науки РФ, авторов: И.Л. Андреева, И.Н. Федорова «История России с древнейших времен до XVI века», сообщается, что «князь Владимир сам принял в 988 году христианство». [3, с. 51] Нет сведений о месте крещения Владимира. В учебнике даже нет абзаца по теме славянской письменности и миссии Кирилла и Мефодия.

Я поинтересовалась у студентов, спросив их, что они думают о причинах подобного уровня знаний по истории становления славянской письменности. Они ответили, что не было занятия в школе, на котором бы рассматривалась тема становления славянской письменности. На занятии было сообщено, что крещение русских людей состоялось в Киеве в 988 году, что Кирилл и Мефодий создали кириллицу. В памяти уча-

щихся осталось представление, что Кирилл и Мефодий принесли в Киев азбуку «кириллицу».

Название алфавита провоцирует, но не должно провоцировать на столько, чтобы связывать время жизни Кирилла и Мефодия (вторая половина IX века) со временем крещения Владимиром киевлян в конце X века. Главное, что учащиеся не задумываются над вопросом о связи письменности и знаний, над тем, что письменность возникает для фиксации важнейших знаний. Школьникам и студентам не сообщают, что разрешено было вести христианское богослужение только на арамейском, греческом и латинском языках, поэтому им трудно догадаться: с какими трудностями славянские духовные учителя боролись за возникновение славянской письменности, они боролись за богослужение на славянском языке. И переводы Кириллом и Мефодием делались не для бытовой речи, а для богословского уровня.

После изучения изложения темы создания славянской письменности в учебниках по истории России, стало понятно, почему у большинства студентов нет сомнения, что Кирилл и Мефодий пошли в Киев. Важно отметить, что этот уровень знаний о закономерностях славянской культуры фиксируется у школьников и студентов, которые изучали историю России, историю русской литературы и культуры. Уровень знаний не повысился от ежегодного майского празднования славянской письменности и культуры. А ведь только знание подлинных процессов становления духовной культуры как сферы ценностей и знаний, осознания усилий, с которыми духовная культура «пробивает» себе путь, формирует во внутреннем мире подрастающего поколения представления о ценности культуры, как феномене, который является главнейшим достижением общества. Ценность духовной культуры должна стать стержнем идеологии современного российского общества, чтобы общество могло двигаться по направлению к ценности личности. Великие произведения русской литературы не возникли сразу с крещением Руси, потребовался длительный период духовного созревания.

Надо честно сказать, что и у меня был во время школьной и студенческой поры «туманный уровень», с той только разницей, что мне было известно, что Кирилл и Мефодий были греками, жили в Византии, и кириллица была создана на основе греческого алфавита.

К «легенде» о письменности приходится добавить примитивный нигилизм, с которым воспринимаются богословские труды. Понятны причины отсутствия знаний об основах христианства в советский период. Большевикская идеология приобрела черты политической религии, вытеснившей все другие религии: эсхатоло-

гические пророчества о конце света и Страшном суде не сочетались с большевистскими надеждами на интернациональное всеобщее братство. Большевистское руководство взяло курс на искоренение всех религиозных объединений в России. В Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» было разрешено только богослужение. В 17 статье Постановления религиозным объединениям была запрещена организация любых форм религиозного просветительства и обучения: проведение библейских литературных собраний экскурсий, открытие библиотек и читален. В соответствии с этим Постановлением в творческих вузах произведения на религиозные темы до 1990 года изучались без должного разбора сюжетов и проблематики.

Этот запрет действовал вплоть до 1 октября 1990 года, когда Верховный Совет СССР принял закон «О свободе совести и религиозных организациях», утвердивший за отдельными приходами и церковными учреждениями статус юридического лица. Закон сохранил существовавший ранее орган по связям с церковными учреждениями — Совет по делам религий при Совете министров СССР, но лишил его властных полномочий. Религиозные организации получили правовой статус и могли владеть недвижимостью, заниматься хозяйственной деятельностью, создавать учебные заведения для детей и взрослых, а также свободно распространять религиозную литературу. 25 октября 1990 г., был принят закон «О свободе вероисповеданий», которым был упразднен Совет по делам религий, прописывалось право на альтернативную военную службу по религиозным мотивам. Этим законом в СССР законодательно провозглашались и закреплялись нормы, обеспечивавшие свободу совести и религиозных действий. В 1997 г. этот акт был заменён новым законом РФ «О свободе совести и религиозных объединениях». В 90-е годы начался «бум» издания искусствоведческой и философской литературы. Сегодня происходит медленное восстановление классического философского и филологического образования, создаются центры изучения древнегреческого и латинского языков.

Стараясь изучить источники по истории миссии и приобщить в них студентов, я узнала, что российскими славистами подготовлены блестящие исследования о истории двух славянских азбук, проведен текстологический анализ имеющихся рукописей с Житиями Кирилла, Мефодия, Климента Охридского и других учеников. Нужно назвать следующие труды: Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьба Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетейя, 2000.; Карпенко Л.Б. Глаголица — славянская священная азбука. Самара, 1999 и многие другие.

Но, к сожалению, пока подавляющее большинство российских школьников и студентов скажут, что Кирилл и Мефодий пошли в Киев и создали кириллицу. Есть и другая группа студентов. В России, как оказалось, есть большая группа «воинствующих невежд», отстаивающих позицию, что русская письменность существовала задолго до принятия князем Владимиром крещения, что русские люди всегда были грамотны, они писали «рунами» и т.д. По их воззрениям, письменность возникла для бытовых нужд.

Можно указать, что болгарские власти к теме возникновения славянской письменности отнеслись с большим уважением. В Болгарии и Северной Македонии многие храмы, учреждения культуры названы в честь святого Климента Охридского. Возможно, в целях сохранения знаний о возникновении кириллицы в Болгарии в конце IX века, Софийскому университету в 1902 присвоили имя одного из самых преданных учеников Кирилла и Мефодия — святого Климента Охридского. Так же названа станция метро возле университета. Действительно, св. Климент был одним из ближайших учеников Кирилла и Мефодия (Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва), упомянутых архиепископом Охрида Феофилактом (XII в.) в «Пространном Житии Климента Охридского».

В Житии он не только отдает дань уважения Кириллу, Мефодию и его ученикам, но и обосновывает положение, что они создали славянскую азбуку из-за неспособности болгар к греческому языку. Архиепископ писал: «Сподобившись этой вожделенной благодати, они изобретают словенские буквы, переводят богодухновенное Писание с эллинского языка на болгарский и усердно передают самым способным из учеников Божественное учение: многие пили из сего источника учительного, лучшими же из них корифеями этого хора были, Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва». [4, с. 167]

Архиепископом сообщается, что Мефодий болгарского князя Бориса «сделал своим духовным чадом и привлек его к своему языку, во всех отношениях — прекрасному». [4, с. 172]

Вероятно, Феофилакт пользовался болгарскими источниками X века, которые не сохранились, но в них, для возвеличивания Болгарии, сообщается, что Кирилл и Мефодий пришли с азбукой в Болгарию, и уже после посещения Болгарии и Рима, Мефодий наставляет в знании славянской азбуки великоморавского князя Ростислава. Хотя, из всех остальных источников известно, что именно великоморавский князь Ростислав обратил с просьбой к византийскому императору Михаилу III прислать ему епископа и книжника.

В Житии сообщается, что Климент с «молодых ногтей» сопровождал Мефодия. Возможно, он был славянином, жителем балканской «архонтии» Византийской империи, которой в молодости управлял Мефодий. К этой позиции славистов склоняет реплика Климента в отношении Кирилла и греческого языка, которую приводит Феофилакт: «Блажу богодвижныя твоя пръсты, ими же написася моему языку свобода от греховного ига». [4, с. 217]

Российские слависты, например, Турилов А.А., сомневаются, что такой преданный ученик как Климент Охридский создал кириллицу. Ведь именно в Охриде, благодаря стараниям Климента, дольше всех для богослужения использовались глаголические книги.

Слависты пытаются понять цели сочинения греческого архиепископа Охрида Феофилакта. Похоже, что он решил написать Житие св. Климента Охридского, преследуя цель «опорочить» использование славянского языка в богослужении в болгарских церквях, и обосновать отстаиваемую им позицию запрета на ведение службы на славянском языке.

Слависты показали, что в рукописи «О письменах черноризца Храбра», написанной древнеболгарским книжником X века против использования греческого языка в богослужении в защиту славянского, приведен буквенный ряд именно глаголицы, а не кириллицы как первой славянской азбуки, но некоторые слависты, отстаивают мысль, что какие-то буквы были заимствованы Кириллом. Славистам трудно восстановить первоначальный буквенный ряд азбуки, созданной Кириллом. Не сохранилось «букваря» Кирилла и Мефодия. Но слависты единогласны в том, что Кирилл не создавал кириллицу, а создал именно глаголицу. О происхождении букв кириллицы не спорят. Кириллица создана на основе греческого алфавита. Кто-то из болгарских книжников стал инициатором создания кириллицы и транслитерации богослужбных сборников с глаголицы на кириллицу.

В заключении статьи хотелось бы высказать пожелание о внесении современных данных славистов о становлении славянской письменности и культуры в учебники по истории России для более истинного отражения в умах учащихся этапов истории духовной культуры России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление в Государственном историческом музее ведущего научного сотрудника Отдела истории средних веков Института Славяноведения РАН А.А. Турилова на тему «Первоучители Кирилл и Мефодий и возникновение славянской письменности» <https://www.youtube.com/watch?v=vY0Lx2-HP40>
2. История России с древнейших времен до наших дней. А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков. М.: Проспект. 2010.
3. Андреев И.Л., Федоров И.Н. История России с древнейших времен до XVI века, учебник для учащихся 6-го класса, М.: Дрофа, 2016.
4. Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Кирилла-Мефодиевская традиция после Кирилла и Мефодия. — СПб.: Алетейя, 2000.

© Ташлыкова Наталья Юрьевна (tachlikova65@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abed Akil Visam Abed — Postgraduate student,
Volgograd State University
Wissam1@gmail.com

Akimov A. — Candidate of economic sciences
Penza State University, Penza
andreiakimow@gmail.com

Akopyan D. — Candidate of economic sciences, docent,
Samara State Technical University
diakopyan@yandex.ru

Anna A. — The State University of Management, Moscow
inf@guu.ru

Apokina L. — Candidate of Biological Sciences, Senior
Lecturer, Surgut State Pedagogical University
liliana_ka@bk.ru

Babakhanov K. — Master, K G Razumovsky Moscow State
University of technologies and management (the First
Cossack University)
stud021174@mgutu.loc

Bereznikovsky V. — Candidate economic sciences,
docent, K G Razumovsky Moscow State University
of technologies and management (the First Cossack
University)
v.bereznikovskiy@mgutm.ru

Bobkova E. — Candidate of pedagogical sciences, docent,
Volga cossack institute of technology and management
(branch) K. G. Razumovsky Moscow State University
of technologies and management (the First Cossack
University)
vica3@yandex.ru

Boguslavsky D. — Practicing Lawyer
danka12281@mail.ru

Chertykovtsev V. — Doctor of technical sciences,
professor, Samara national research university named after
academician S.P. Korolev
vkchert@ro.ru

Dvorzhitskaya M. — Candidate of Legal Sciences, senior
Lecturer of the Department of Criminal Law Northwest
Branch of the Russian State University of Justice, St.
Petersburg
dvorzhickaya91@mail.ru

Elena A. — The State University of Management, Moscow

Evstratova J. — Candidate of Law, Associate Professor, St.
Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National
Guard Troops of the Russian Federation
yuliana130682@mail.ru

Fokina S. — Student, Saint-Petersburg State Marine
Technical University

Fomina T. — Adjunct Management Academy of the
Ministry of the Interior of Russia
ftv75@mail.ru

Fursov A. — Candidate economic sciences, docent, Volga
Region Institute of Management named after P.A. Stolypin
– branch of RANEPА (Saratov)
andrew@fursov.ru

Grachev A. — Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

Grigoryants I. — Candidate of economic sciences,
docent, Samara national research university named after
academician S.P. Korolev
krater-i@list.ru

Gumarov V. — Student, Financial University under the
Government of Russia, Moscow
V.molotov159@gmail.com

Kesaeva I. — Lawyer, Law Bar Association
i.kesayeva@list.ru

Khabuda E. — Senior lecturer of Sholom-Aleichem
Priamursky State University
khabuda.eva@mail.ru

Khachaturian A. — Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS; Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russia, Moscow
karutyun@yandex.ru

Kirikova M. — Lecturer of the Department of General Legal Disciplines Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Leningrad Region, Murinskoye urban settlement kmv1201@yandex.ru

Kistkina N. — Accountant, Vodokanal LLC, Penza region, Belinsky district
kistkina1995@mail.ru

Klekovskaya S. — Candidate of economical science, assistant professor, Moscow State Institute of International Relations
svetagle@gmail.com

Kliman Yu. — PhD in Law, Law North Caucasian branch of RGUP, Krasnodar
klimanyury@gmail.com

Konovalenko O. — Associate Professor of Sholom-Aleichem Priamursky State University
konovalenko_ol@mail.ru

Koryagina I. — Candidate historical sciences, docent, Plekhanov Russian University of Economics
Koryagina.IA@rea.ru

Krasnova V. — Postgraduate student of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; investigator for particularly important cases (on cybercrimes and crimes in the field of high technology) of the first department for the investigation of particularly important cases (on crimes against the person and public safety) of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Novosibirsk region, captain of justice
krasnovika@gmail.com

Likhanova I. — Candidate of Law, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin
irene05@yandex.ru

Liskovets Varvara—Student, Financial University under the Government of Russia, Moscow
varylisk06@gmail.com

Litovchenko O. — Doctor of Biological Sciences, Surgut State University
olgalitovchenko@mail.ru

Litvinenko A. — Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
lanfk@mail.ru

Litvinova N. — Senior Lecturer, Tyumen State Medical University
nlitvinova512@gmail.com

Marchenko V. — Teacher, Saint-Petersburg State Marine Technical University

Marchenko A. — Cand. jurid. sciences, associate professor, Saint-Petersburg State Marine Technical University
marchenkoalexv@mail.ru

Martynova S. — Postgraduate student, Moscow University for the Humanities
beliixvost@mail.ru

Mazurenko M. — PhD in Law, Kuban State University
mazurenko.maxim@yahoo.com

Melnikova E. — Candidate economic sciences, docent, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)
eMelnikova@mgutm.ru

Mikhailov M. — Postgraduate student, - Cheboksary Cooperative Institute (branch)of the Russian University of Cooperation
m89278432281@yandex.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Nebesnaya E. — Postgraduate student, Saratov State Law Academy
9631149307@mail.ru

Nikolayenko A. — Candidate of Sci. (Econ.), Associate Professor, National Research Center «Kurchatov Institute», Moscow
Nikolaenko_AV@nrcki.ru

Olikhov D. — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Omsk Theological Seminary of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church; Osk State University named after F.M. Dostoevsky
olikhovd@inbox.ru

Otrishko N. — Student, Kuban State University
nadezhda.job2018@mail.ru

Palyulin A. — Synergy University (Moscow)
anton@palyulin.ru

Polezhaev P. — Executive Director, Key Companies Department, Gazprombank (Joint Stock Company)
pavel.polezhaev@gazprombank.ru

Potkin A. — Graduate student, Moscow Finance and Law University MFUA
5186489@gmail.com

Rutkovskaya V. — Graduate Student, Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow)
rutkovskaya.victoria@gmail.com

Samigulina N. — Doctorate, Baku State University
snailya1992@mail.ru

Savrin A. — Postgraduate of Saint-Petersburg state university, Russia, Saint-Petersburg
antonsavrin@mail.ru

Shoniya G. — Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
GVSHONIJA@mail.ru

Sikorskaya L. — Senior Lecturer, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tashlykova N. — Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow
tachlikova65@mail.ru

Turishcheva T. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Plekhanov REA; Financial University under the Government of the Russian Federation
ttb2812@mail.ru

Vasilkova S. — PhD. jurid. Associate Professor St. Petersburg State University
vasilkova973@mail.ru

Vladimirov V. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of MANEB, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
veteran.fskn@yandex.ru

Vorobyev D. — Candidate economic sciences, docent, K G Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)
d.vorobyev@mgutm.ru

Vorobyev D. — Candidate economic sciences, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)
d.vorobyev@mgutm.ru

Vyvolokina A. — Student, Saint-Petersburg State Marine Technical University

Zakondyryn A. — Candidate of Legal Sciences, General Director of the Association of Developers of Environmental Technologies and Environmental Initiatives; Mining Institute of NUST MISIS
alexzakondyryn@gmail.com

Zaynutdinova E. — Chief Accountant, IP Magdiev Artur Magomedovich
musaevae88@mail.ru

Zhuykova A. — Senior Lecturer, Institute of Law and National Security of the «Tambov State University named after G.R. Derzhavin», Tambov

Zubkova S. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
zubkovasv@inbox.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).